ISSN (print) 2686-9764 Том 15, № 4 (56)
ISSN (online) 2782-1986 2021

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

science and practice journal
of Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service

Volume 15, No. 4 (56)
2021

PENITENTIARY SCIENCE

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

ISSN (print) 2686-9764
ISSN (online) 2782-1986
2021, том 15, № 4 (56)

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

Научно-практический журнал «Пенитенциарная наука» издается с 2007 года, до августа 2019 года выпускался под названием «Вестник института: преступление, наказание, исправление»

Учредитель: ВИПЭ ФСИН России

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-76598 от 15.08.2019

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: DOAJ, EBSCOhost, WorldCat, East View Information Services, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), научная электронная библиотека «КиберЛенинка», Электронный периодический справочник «Система ГАРАНТ»

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Караваева Ю. И. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Антонян Ю. М. – профессор кафедры уголовного права и процесса Российского государственного гуманитарного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;
Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;
Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;
Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;
Мацкевич И. М. – заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;
Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор, профессор криминологии;
Панченко В. Ю. – начальник Правового управления ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;
Поздняков В. М. – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;
Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;
Стоянов В. – проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), доктор психологических наук, профессор;
Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;
Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Букалерова Л. А. – заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;
Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Редакция сохраняет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

Адрес редакции:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
160010, г. Вологда,
ул. Кубинская, д. 16,
кв. 74

Телефоны:
(8172) 51-82-50, 51-46-12
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru

Сайт:
https://jurnauka-vipe.ru

Подписной индекс 41253
по Объединенному
каталогу
«Пресса России»

Свободная цена

© ВИПЭ ФСИН России

Дата выхода в свет:
17.12.2021

Тираж 1000 экз.

Голодов П. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;
Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;
Зубкова В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;
Ищенко Е. П. – заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;
Ковтуненко Л. В. – доцент кафедры уголовно-исполнительного и уголовного права Воронежского института ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;
Козаев Н. Ш. – заместитель начальника Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе, доктор юридических наук, доцент;
Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;
Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;
Малышев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук;
Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;
Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;
Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;
Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;
Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;
Сочивко Д. В. – профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;
Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;
Хатуаева В. В. – заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент;
Цветков В. Л. – начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, доктор психологичских наук, профессор;
Шаталов А. С. – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;
Шмонин А. В. – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по научным специальностям: 12.00.01; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.12; 12.00.14; 13.00.01; 19.00.06

PENITENTIARY SCIENCE

ISSN (print) 2686-9764
ISSN (online) 2782-1986
2021, volume 15, no. 4 (56)

science and practice journal
of Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service of Russia

The science and practice journal *Penitentiary Science* was founded in 2007.
Prior to August 2019 the journal was published under the title *Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*

Founder: VIPE FSIN Russia

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate of registration No. FS77-76598 dated August 15, 2019

The journal is indexed in the following abstract and full-text databases: DOAJ, EBSCOhost, WorldCat, East View Information Services, Russian Science Citation Index (RSCI), scientific electronic library "CyberLeninka", Electronic periodic reference book «System GARANT

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher. Manuscripts are reviewed and not returned to the authors. The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

EDITOR-IN-CHIEF:

Evgeny L. Kharkovsky – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of VIPE FSIN Russia.

EXECUTIVE SECRETARY:

Julia I. Karavaeva – Candidate of Sciences (Sociology), Academic Secretary of the Academic Council of VIPE FSIN Russia.

EDITORIAL BOARD:

Yurii M. Antonyan – Professor at the Department of Criminal Law and Procedure at the Russian State University for the Humanities, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;
Larisa I. Belyaeva – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor of the Department of Criminal Policy at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Elvira V. Zautorova – Doctor of Sciences (Pedagogics), Professor, professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at VIPE FSIN Russia;
Lev L. Kruglikov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of the International Higher Education Academy of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences, professorof the Department of Criminal Law and Criminology at Demidov Yaroslavl State University;
Igor' M. Matskevich – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, head of the Department of Criminology and Penal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL);
Gorazd Meško – Doctor, Professor of Criminology, professor of the Department of Criminal Justice and Security at the University of Maribor (Slovenia);
Vladislav Yu. Panchenko – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Legal Department of FSIN Russia;
Vyacheslav M. Pozdnyakov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology at Moscow State Psychological and Pedagogical University;
Vyacheslav I. Seliverstov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University;
Valeri Stoyanov – Doctor of Psychology, Professor, deputy rector for Academic Affairs of Varna Free University "Chernorizets Hrabar" (Bulgaria);
Dulat S. Chukmaitov – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of the Department of Criminal Law Disciplines at Zhetysu State University after Ilyas Zhansugurov (Republic of Kazakhstan);
Vyacheslav B. Shabanov – Doctor of Sciences (Law), Professor, head of the Department of Criminology at the Belarusian State University.

EDITORIAL COUNCIL:

Lyudmila A. Bukalerova – Doctor of Sciences (Law), Professor, head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology at the Peoples' Friendship University of Russia, professor of the Department of Criminal Law and Criminology at VIPE FSIN Russia;
Boris Ya. Gavrilov – Doctor of Sciences (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Full Member of the Peter Academy of Sciences and Arts, head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Investigation at VIPE FSIN Russia;

The opinions and judgments expressed in the articles may differ from those of the editor. Responsibility for the selection and presentation of materials rests with the authors

Address of the editorial office: 2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation
Address of the publisher: 2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation
Address of the printing office: 16, Kubinskaya street, apt. 74, Vologda, 160010, Russian Federation

Phones: (8172) 51-82-50, 51-46-12 51-98-70

E-mail: vestnik-vipefsin@mail.ru

Website: https://jurnauka-vipe.ru/?Lang=en

Subscription index is 41253 in the United Catalog "Press of Russia"

The price is open

© VIPE FSIN Russia

Date of publication: December 17, 2021

Circulation: 1000 copies

Pavel V. Golodov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines at VIPE FSIN Russia;
Ivan V. Dvoryanskov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Research Institute of FSIN Russia, professor of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts at Vologda Institute of Law and Economics of FSIN Russia;
Valentina I. Zubkova – Professor at the Department of Criminal Law and Criminology at Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honorary Professor of Lomonosov Moscow State University;
Evgenii P. Ishchenko – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, head of the Department of Criminology at Kutafin Moscow State Law University (Moscow State Academy of Law);
Lyubov' V. Kovtunenko – Associate professor at the Department of Penal and Criminal Law at Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor;
Nodar Sh. Kozaev – Deputy Head of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Stavropol Branch), Doctor of Sciences (Law), Associate Professor;
Ivan Ya.Kozachenko – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, head of the Department of Criminal Law at the Ural State Law University;
Aleksandr L. Kuzminykh – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, professor of the Department of Philosophy and History at VIPE FSIN Russia;
Konstantin B. Malyshev – Doctor of Sciences (Psychology), professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at VIPE FSIN Russia;
Roman V. Nagornykh – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Administrative Law at VIPE FSIN Russia;
Oksana B. Panova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at VIPE FSIN Russia;
Natal'ya V. Panteleeva – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure at Kuleshov Mogilev State University (Republic of Belarus);
Vladimir A. Ponikarov – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor of the Department of Administrative and Financial Law at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia;
Roman A. Romashov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor of the Department of State and Legal Disciplines at VIPE FSIN Russia;
Dmitrii V. Sochivko – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, professor of the Department of General Psychology at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia;
Sergei A. Starostin – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of the Department of Administrative Law and Procedure at Kutafin Moscow State Law University (Moscow State Academy of Law), professor of the Department of Administrative Law at VIPE FSIN Russia;
Victoria V. Hatuaeva – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, head of the Department of Criminal Procedure of the Central Branch of the Russian State University of Justice;
Vyacheslav L. Tsvetkov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Head of the Department of Legal Psychology, Educational and Scientific Complex of the Psychology of Official Activity, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Aleksandr S. Shatalov – Professor at the Department of Criminal Process at Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor;
Andrei V. Shmonin – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Northwestern Institute (Branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

The journal is on the list of peer-reviewed academic editions that are authorized to publish principal research findings of doctor of sciences and candidate of sciences dissertations in the following specialties: 12.00.01; 12.00.08; 12.00.09; 12.00.11; 12.00.12; 12.00.14; 13.00.01; 19.00.06

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ.....697

ИЗЮМСКАЯ И. Л.
Становление и развитие пенитенциарных учреждений Екатеринодара (вторая половина XIX – начало XX вв.).....697

КОСЫХ А. А.
Интеллектуальная природа права в основных концепциях правопонимания.....709

АНТОНЯН Ю. М.
Серийные убийства.....721

ЮЖАНИН В. Е., ГОРБАНЬ Д. В.
Комплексные исправительные учреждения на современном этапе реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.....733

САВУШКИН С. М.
О видах исправительных учреждений.....742

ГАВРИЛОВ Б. Я.
Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: оценка эффективности и меры по его совершенствованию.....753

БРЫКОВ Д. А.
Современное состояние системы управления персоналом уголовно-исполнительной системы..766

ШУРУХНОВ Н. Г., ДЕЧКИН О. М.
Основания криминалистической классификации преступлений, причиняющих умышленный вред жизни и здоровью, совершенных осужденными, отбывающими наказание в местах лишения свободы.....778

НАГОРНЫХ Р. В., ВАСИЛЬЕВА Я. В., МЕЛЬНИКОВА Н. А.
Проблемы модернизации кадрового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы в условиях становления доктрины административного конституционализма в современной России.....791

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....802

ШАМСУНОВ С. Х., КАЗБЕРОВ П. Н.
Опыт разработки и апробации базовой программы для психологической и воспитательной работы с лицами, осужденными за террористические и экстремистские преступления.....802

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....813

ПАНОВА О. Б.
Кинопедагогика как средство активизации рефлексии у несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях.....813

CONTENT

JURISPRUDENCE.....826

IZYUMSKAYA I. L.
Formation and Development of Penitentiary Institutions in Yekaterinodar (Second Half of the 19th–Early 20th Centuries).....826

KOSYKH A. A.
Intellectual Nature of Law in the Basic Concepts of Understanding Law.....835

ANTONYAN YU. M.
Serial Murders.....844

YUZHANIN V. E., GORBAN' D. V.
Complex Correctional Institutions at the Present Stage of Reforming the Penal Enforcement System of the Russian Federation.....854

SAVUSHKIN S. M.
On Types of Correctional Institutions.....860

GAVRILOV B. YA.
Criminal Procedural Code of the Russian Federation: evaluation of effectiveness and measures for its improvement.....868

BRYKOV D. A.
Current State of the Personnel Management System of the Penal Enforcement System.....878

SHURUKHNOV N. G., DECHKIN O. M.
Grounds for Criminalistic Classification of Crimes against Human Life and Health Committed by Convicts Serving Imprisonment Sentences in Places of Deprivation of Liberty.....886

NAGORNYKH R. V., VASIL'EVA YA. V., MEL'NIKOVA N. A.
Modernization Issues of Staffing the Penal Enforcement System in the Context of Formation of an Administrative Constitutionalism Doctrine in Modern Russia.....896

PSYCHOLOGY.....904

SHAMSUNOV S. KH., KAZBEROV P. N.
Experience in Developing and Testing a Model Program for Psychological and Educational Work with Persons Convicted of Terrorist and Extremist Crimes.....904

PEDAGOGY.....912

PANOVA O. B.
Film Pedagogy to Encourage Reflection of Juvenile Offenders Serving their Sentence in Juvenile Correctional Facilities.....912

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-697-708
УДК 343.81:94(47).082

Становление и развитие пенитенциарных учреждений Екатеринодара (вторая половина XIX – начало XX вв.)

И. Л. ИЗЮМСКАЯ
Правовое управление ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8823-7592, e-mail: rochka1919@rambler.ru

Реферат
Введение: в статье рассмотрены предпосылки зарождения тюремных учреждений на Кубани, особенности их становления в Екатеринодаре – центре Кубанской области, образованной в 1860 г. На основе осмысления современного состояния изученности проблемы и анализа архивных материалов показано влияние государственно-правовых реформ 1860–1870-х гг. на строительство новых и расширение действующих тюремных учреждений, изучены условия содержания в них заключенных, раскрыта роль Екатеринодарского войскового тюремного комитета Общества попечительного о тюрьмах в развитии пенитенциарных учреждений Екатеринодара в таких приоритетных направлениях деятельности, как устройство мест заключения и обеспечение необходимого режима содержания, контроль за обеспечением бытовых условий арестантов, улучшение медицинского обслуживания арестантов и пр. *Цель:* отразить особенности развития пенитенциарных учреждений в целом на Кубани и в Екатеринодаре в частности. *Методологическую основу* исследования составляют философские, общенаучные и частнонаучные методы (диалектический, системно-структурный, историко-генетический, сравнительный, формально-юридический и др.). *Обсуждение:* в статье на основе краткого анализа работ Н. И. Галкиной, Н. В. Славинского, М. К. Батчаевой, С. А. Лобовой и др., затрагивающих исследуемую проблематику, а также изучения материалов, содержащихся в фондах Государственного архива Краснодарского края, освещаются вопросы становления и эволюции тюремных учреждений на Кубани в рассматриваемых хронологических рамках. *Результаты:* в связи с получением в 1867 г. Екатеринодаром статуса гражданского города произошло резкое увеличение приезжего населения, что повлекло рост количества преступлений и, соответственно, числа лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Данное обстоятельство явилось причиной расширения действующих тюремных учреждений и строительства новых, в частности Екатеринодарской областной тюрьмы. В связи с образованием в 1867 г. Екатеринодарского войскового тюремного комитета Общества попечительного о тюрьмах, в чьем ведении находились все пенитенциарные учреждения Кубани, удалось достичь определенных успехов в деле тюремного попечительства в рамках своей компетенции. Развитие попечительства по отношению к заключенным следует считать одним из механизмов, решавших задачу улучшения положения арестантов. Финансовую основу этой деятельности составляли казенные и частные благотворительные средства. Также отмечается, что для тюрем Кубани остро стояли проблемы, присущие всей пенитенциарной системе: недостаточное финансирование, неприспособленность тюремных помещений (переполненность), тяжелые условия содержания.

Ключевые слова: Кубанская область; Екатеринодар; места заключения Кубани; Екатеринодарский войсковой острог; Екатеринодарская областная тюрьма;

Екатеринодарский тюремный комитет; тюремное попечительство; финансирование тюрем.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Для цитирования: Изюмская И. Л. Становление и развитие пенитенциарных учреждений Екатеринодара (вторая половина XIX – начало XX вв.). *Пенитенциарная наука,* 2021, т. 15, № 4 (56), с. 697–708. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-697-708.

Formation and Development of Penitentiary Institutions in Yekaterinodar (Second Half of the 19th–Early 20th Centuries)

IRINA L. IZYUMSKAYA
Law Department of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8823-7592, e-mail: rochka1919@rambler.ru

Abstract
Introduction: the article is devoted to the historic background of the prison system in the Kuban and features of the prison institutions formation in Yekaterinodar – the center of the Kuban Oblast, formed in 1860. The article, based on the comprehension of historical experience and analysis of archival materials, shows the impact of the 1860–1870 state-legal reforms on construction of new and enlargement of current prisons and studies the specifics of prisoner detention conditions. It reveals the role of the Yekaterinodar Military Prison Committee "Prisons Custody Society" in enhancement of Yekaterinodar's penitentiary institutions: organization of places of detention and provision of the necessary detention regime; control over detainee's welfare; improvement of medical care for prisoners, etc. *Purpose:* to reflect development features of penitentiary institutions in the Kuban as a whole and Yekaterinodar in particular. The methodological basis of the research consists of philosophical, general scientific and private scientific methods (dialectical, system-structural, historical-genetic, comparative, formal-legal, etc.). *Discussion:* based on a brief analysis of the works of N.I. Galkina, N.V. Slavinskii, M.K. Batchayeva, S.A. Lobova, etc., devoted to the issues under consideration, as well as the study of materials contained in the funds of the State Archive of Krasnodar Territory, the author presents chronological background of formation and development of the Kuban prison institutions. As a *result* of the conducted research, the researcher comes to the following conclusion: since Yekaterinodar acquired the status of a civil city in 1867, there was a sharp increase in out-of-town visitors, which led to a rise in the number of crimes and, accordingly, persons serving sentences in the form of imprisonment. It involved the expansion of existing prison facilities and construction of new ones, in particular, the Yekaterinodar regional prison in 1876. The establishment of the Yekaterinodar Military Prison Committee "Prisons Custody Society" in 1867, which was in charge of the entire Kuban penitentiary system, helped achieve some success in prison guardianship within its competence. The development of guardianship in relation to prisoners should be considered one of the mechanisms that solved the problem of improving prisoners' situation. This activity was financed by state and private charitable funds. The author also notes that the Kuban prisons addressed acute problems, characteristic, however, of the entire penitentiary system, such as insufficient funding of prison facilities, unsuitability of prison facilities, i.e. overcrowding, and harsh detention conditions.

Keywords: Kuban Oblast; Yekaterinodar; places of detention in the Kuban; Yekaterinodar military prison; Yekaterinodar regional prison; Yekaterinodar Prison Committee; prison guardianship; prison financing.

12.00.01 – Theory and history of the law and state; history of the law and state studies.

For citation: Izyumskaya I. L. Formation and Development of Penitentiary Institutions in Yekaterinodar (Second Half of the 19th–Early 20th Centuries). *Penitentiary Science,* 2021, vol. 15, no. 4 (56), pp. 697–708. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-697-708.

Региональные аспекты развития пенитенциарных учреждений отражают общую специфику развития уголовно-исполнительной системы России. В этой связи представляется важным обратиться к истории пенитенциарных учреждений Кубани по второй половине XIX – начале XX вв.

Основные аспекты функционирования тюремных учреждений России этого периода получили отражение в работах дореволюционных ученых и публицистов, таких как А. А. Пионтоковский [14], Н. А. Таганцев [19], С. В. Познышев [15], И. Я. Фойницкий [21], Д. В. Краинский [6], В. Н. Никитин [10] и др.

В советский период наиболее значимым исследованием по истории царских тюрем в рассматриваемых хронологических рамках стал труд М. Н. Гернета [3], в котором не только описаны тюремные заведения и содержавшийся в них контингент, но и детально проанализировано отечественное пенитенциарное законодательство.

В числе постсоветских авторов, обращавшихся к данной теме, следует назвать А. В. Печникова [13], Л. П. Рассказова [17], И. В. Упорова [20] и др. Особо хотелось бы выделить комплексное исследование И. В. Упорова, в котором предпринята попытка историко-правового анализа формирования и реализации в России пенитенциарной политики.

Применительно к рассматриваемому в данной статье региону заслуживают внимания работы таких современных авторов, как Н. И. Галкина [2], Н. В. Славинский [18], М. К. Батчаева [1], С. А. Лобова [7] и др.

На основе изучения нормативных актов, архивных материалов и документов, теоретических подходов и выводов историко-правовой науки Н. И. Галкина в своем диссертационном исследовании установила закономерности осуществления тюремно-попечительной деятельности в Российской империи и ее особенности на Кубани для обоснования возможностей использования данного исторического опыта в современных условиях [2].

В диссертационном исследовании Н. В. Славинского прослежены пути становления, развития, правового регулирования и деятельности губернских тюремных инспекций в дореволюционной России и на Кубани [18].

Работа М. К. Батчаевой посвящена истории возникновения и функционирования благотворительно-тюремных комитетов на Ставрополье и Кубани во второй половине XIX – начале XX вв. в контексте эволюции отечественной пенитенциарной системы и деятельности российских тюремно-попечительских обществ [1].

С. А. Лобова исследует причины появления Екатеринодарского войскового тюремного комитета, его задачи и основные направления деятельности. Специфику деятельности этого тюремного комитета исследователь усматривает в том, что все дела по хозяйственному управлению местами заключения и исправлению заключенных были отнесены к его компетенции, причем в ведении комитета находились только места заключения, находящиеся в городе. Войсковые остроги (тюрьмы) содержались за счет Кубанского казачьего войска, городские финансировались из бюджета города, а станичные – из средств местных обществ, содержание же арестантов в тюрьмах обеспечивали Кубанское казачье войско, Государственное казначейство и Военное министерство [7].

В статье П. И. Остапенко и И. В. Сирицы подробно воссоздана история Екатеринодарской областной тюрьмы (1876–2007), в настоящее время функционирующей в качестве СИЗО-1 г. Краснодара [12].

Источниковую базу статьи образовали опубликованные законодательные документы, регламентировавшие на уровне государства во второй половине XIX – начале XX вв. деятельность тюремных учреждений и касавшиеся вопросов тюремной благотворительности, а также неопубликованные материалы из Государственного архива Краснодарского края (ГАКК, г. Краснодар), многие из которых ранее не привлекались к изучению. В ГАКК автором статьи проанализированы материалы следующих фондов: 454 «Канцелярия начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар, 1870–1917 гг.», 657 «Кубанская областная тюремная инспекция Главного областного тюремного управления, г. Екатеринодар Кубанской области, 1909–1920 гг.».

Пенитенциарные учреждения Кубани стали динамично развиваться с ростом казачьего региона. Законодательной основой для этого стали Учреждения для управления губерний Всероссийской империи от 7 ноября 1775 г. Организация исполнения

наказания в виде лишения свободы относилась к кругу многочисленных обязанностей Войскового правления. Учреждениями предусматривалось создание губернских тюрем во главе со смотрителем из полицейских чинов. На Кубани они «трансформировались в войсковые остроги с режимом сословного разделения заключенных. Общее руководство всей тюремной системы в Черноморском казачьем войске замыкалось на войсковом атамане» [8, с. 12–13].

В первой половине XIX в. принимается ряд правовых актов, содержащих нормы о порядке и условиях реализации различных видов лишения свободы. Среди них необходимо выделить Инструкцию смотрителю губернского тюремного замка (1831), Свод учреждений и уставов содержащихся под стражею (1832), нормы которого распространялись только на гражданских лиц, и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845). Данные правовые акты были направлены на законодательное развитие института лишения свободы.

8 февраля 1860 г. была образована Кубанская область. В итоге этих преобразований Екатеринодар стал центром Кубанской области, возглавляемой «наказным атаманом Кубанского казачьего войска» [11, с. 20–21]. Согласно сведениям из описания Екатеринодара, составленного городским полицмейстером в 1861 г., в городе проживали жители преимущественно «черноморского казачьего сословия, без исключения малороссы. Нравы жителей города непредосудительны» [4, с. 122–122]. Согласно утвержденному 1 мая 1867 г. положению «О заселении и управлении города Екатеринодара» было разрешено поселение в нем всех желающих [4, с. 132]. Это означало, что город получил гражданский статус. В связи с переходом из войскового ведомства в гражданское утверждались правила заселения и управления. С сентября 1868 г. разрешалось русским подданным, которые не относились к войсковому сословию, поселяться и приобретать землю из земельных угодий казачьих войск, после чего поток переселенцев на Кубань, в том числе в Екатеринодар, резко возрос [4, с. 137].

Активное заселение территории Кубани и ее центра – Екатеринодара, безусловно, сказывалось на росте количества совершаемых преступлений и увеличении тюремного населения. Существенное влияние на развитие тюремной системы оказала крестьянская реформа 1861 г., в результате которой многие из крестьян покинули свое постоянное место жительства и стали заселять города. Зачастую не справляясь с непривычными для них городскими условиями, они пополняли ряды потенциальных преступников. Не был в этом плане исключением и Екатеринодар.

В рассматриваемый период институт лишения свободы представлялся весьма сложным, поскольку исполнение данного наказания осуществлялось в различных видах мест заключения (тюрьмах общего назначения, каторжных тюрьмах, смирительных домах, арестных помещениях, крепостях и др.). Для Екатеринодара «основными местами заключения являлись: войсковой острог, крепостной женский острожек, городская тюрьма при полицейском участке («полицейская тюрьма») и главная гауптвахта» [7, с. 292]. «Маловажные арестанты из гражданских лиц содержались в Екатеринодарской городской тюрьме. Сюда же переводили заключенных из острога в случае переполнения последнего. Размещалась она в здании городского полицейского управления, арендуемого у частного лица» [9, с. 140].

Исторические данные свидетельствуют о том, что тюремные учреждения Екатеринодара были переполнены, при этом помещения, в которых содержались заключенные, находились в весьма плачевном состоянии. Существующие места заключения не могли в полном объеме справиться с растущим количеством заключенных.

Екатеринодарский войсковой острог являлся главной тюрьмой Кубани. Находился тюремный замок (так иногда называли войсковой острог) на площади, где осуществлялись смотры войск и их разводы, и был окружен высокими и толстыми сваями [4, с. 124]. Решение о строительстве нового кирпичного острога было принято 11 мая 1817 г., и эксплуатировался он вплоть до лета 1876 г.

Необходимо отметить, что вскоре после отмены крепостного права перед государством встал вопрос о расширении количества тюремных учреждений, поскольку действующая тюремная система в рассматриваемый период не могла уже справляться со все возрастающей массой заключенных и испытывала значительные трудности в организации исполнения наказания в виде лишения свободы. В частности, материально-техническая база пенитенциарных уч-

реждений оценивалась крайне неудовлетворительно [21, с. 49].

В связи с этим в 1862 г. от всех губернаторов Министерством внутренних дел были запрошены сведения о состоянии мест лишения свободы. Из полученных ответов было видно, что «за редчайшими исключениями тюрьмы находились в самом ужасном состоянии» [5, с. 49].

Следует согласиться с отечественными исследователями в том, что «проведенное особой комиссией Министерства внутренних дел обследование российских тюрем можно считать первым серьезным подходом к реформированию мест лишения свободы» [16, с. 187].

Обследования, которые стали регулярными с начала 1860-х гг., обнаруживали плохое состояние тюрем, что объяснялось практически полным отсутствием финансирования их строительства и ремонта со стороны государства.

Содержание в тюрьмах заключенных было обеспечено «соответствующим ведомством (государственная казна, Кубанское войско или военное ведомство)» [9, с. 139]. Содержание Екатеринодарской войсковой тюрьмы осуществлялось в основном за счет Кубанского казачьего войска.

В 1867 г. был образован Екатеринодарский войсковой тюремный комитет Общества попечительного о тюрьмах (далее – тюремный комитет), к которому перешло решение хозяйственных задач в местах лишения свободы, располагавшихся в черте города. Вновь созданному тюремному комитету предстояло заняться решением проблем неудовлетворительного финансирования тюремных учреждений, медицинского обеспечения арестантов и др. Улучшение условий содержания заключенных было главенствующим направлением в части реализации благотворительной функции.

Сведения о расходах на содержание тюрем заслуживают особого внимания. Архивные материалы свидетельствуют о том, что тюремный комитет в первую очередь направлял средства на улучшение питания арестантов. Так, «в июне 1868 г. на питание арестанта-чиновника, содержащегося в войсковом остроге, отпускалось 20 коп., обер-офицеру – 12 коп., "безчиновному" дворянину – 10 коп., "разночинцу" – 6 коп. в день» [7, с. 293]. К слову, продукты в то время в Екатеринодаре стоили очень дешево, и «расход в 16 копеек считался значительным». На базаре большого карпа можно было купить за 5 коп., фунт (400 гр.) баранины – за 3 коп. [4, с. 124]. Следует отметить, что пищевой рацион арестантов мало чем отличался от традиционных продуктов для обеда горожан. Так, в одном из отчетов Кубанского областного правления за 1879 г. указывалось, что в пищу арестантам даются «мясные щи с зеленью» (ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 1388. Л. 1–1 об.). В иных отчетах проверяющие отмечали, что «пища и хлеб вполне доброкачественны» (ГАКК. Ф. 657. Оп. 1. Д. 3. Л. 45). Полагаем, что обеспечение заключенных питанием было удовлетворительным.

Тюремный комитет уделял внимание вопросам обеспечения заключенных одеждой и бельем. Содержащимся в тюрьме одежда выдавалась при необходимости, а постельные принадлежности – в обязательном порядке. Так, «в марте 1868 г. на одежду и белье для арестантов войскового сословия и гражданского ведомства было потрачено около 500 рублей, а в феврале 1870 г. Войсковое правление направило в бюджет тюремного комитета 1 тыс. руб. для приобретения обуви и одежды арестантам войскового сословия в течение 1870 года» [7, с. 293].

Улучшение арестантского быта – не единственное направление благотворительной деятельности тюремного комитета. Одной из важных составляющих его работы было выделение средств для оказания помощи в воспитании детей (ГАКК. Ф. 461. Оп. 1. Д. 615. Л. 5). Кроме того, комитет осуществлял благотворительную деятельность и за пределами Кубанской области. Ярким примером является дело тюремного комитета о деньгах, выделенных в качестве пожертвований в пользу Общества попечения о семьях ссыльнокаторжных в Санкт-Петербурге (ГАКК. Ф. 461. Оп. 1. Д. 957. Л. 1).

Вопросы отопления и освещения острога не оставались без внимания тюремного комитета. Поскольку в Екатеринодаре электрическое освещение появилось лишь к 1894 г., то освещение острога, как и всех остальных зданий в городе, осуществлялось керосиновыми фонарями, на что направлялись достаточно большие средства. Так, «в 1871 г. Войсковым хозяйственным правлением на освещение острога было выделено почти 600 руб.» [7, с. 293]. Для сравнения: на освещение в ночное время всего города 200 керосиновыми фонаря-

ми из «городских средств» тратилось 2 тыс. руб. [4, с. 150].

Вопросы материального обеспечения тюремных служителей также всегда оставались актуальными для тюремного комитета. Так, «согласно ¨Требовательной ведомости об отпуске содержания чинам, служившим при Екатеринодарском войсковом остроге с 1 января 1869 г. по 1 января 1870 г.¨, смотритель острога получал жалованье 557 руб. 14 коп.; писарь острога – 40 руб. 66 коп.; двое урядников – по 10 руб. 01 коп. каждому; казаки в количестве 21 человека – по 8 руб. 66 коп. каждому» [19, с. 293]. Цена на рабочие руки в городе составляла в день: поденщик – 50–60 коп., поденщица – 40–45 коп. [4, с. 122–122]. Через пару лет тюремным служителям почти в два раза было повышено жалование (ГАКК. Ф. 461. Оп. 1. Д. 181. Л. 2–3). Данный факт свидетельствует о формировании определенных гарантий социальной защищенности сотрудников пенитенциарных учреждений со стороны государства.

Вопросы обустройства войскового острога также не оставались без внимания. Так, уже в 1866 г. был отстроен при войсковом остроге каменный под железной крышей карцер для помещения «более важных преступников». 20 июня 1870 г. Войсковое правление сообщило в тюремный комитет, что «капитальная ремонтировка здания острога, начатая Войсковым Архитектором с октября месяца прошлого года, по утвержденной для того в Окружном Инженерном Управлении Кавказского военного округа смете на сумму 3493 руб., должна окончиться к 15 сентября 1870 года» (ГАКК. Ф. 461. Оп. 1. Д. 113. Л. 12). В 1871 г. в остроге было «произведено ремонтное исправление зданий на сумму 1583 рублей» [7, с. 293].

Вместе с тем, несмотря на активную благотворительную деятельность тюремного комитета, решить проблему неудовлетворительного состояния тюрем объективно было нереально, что объяснялось общей нехваткой финансовых средств.

Кроме неудовлетворительных бытовых условий содержания осужденных в литературе отмечаются проблемы с «персоналом учреждений, поскольку еще не было выработано даже общих подходов к решению кадровых вопросов» [16, с. 182].

Начальник Кубанской области осуществлял за тюремными учреждениями надзорные функции общего характера. Непосредственное же управление местами заключения находилось в руках тюремных смотрителей, в обязанности которых входили надзор за соблюдением арестантами чистоты, порядка, праведности и забота об исправлении нравственности преступников, основанном на нормах религии. Для этой же цели священники обязаны были отправлять религиозные обряды для заключенных, совершать исповеди.

Осужденным к заключению в тюрьме разрешались свидания с родственниками. Тюремные смотрители при этом тщательно следили за порядком организации свиданий. Так, в январе 1868 г. Екатеринодарским войсковым комитетом было объявлено, что «лица, прибывающие на свидание, принимаются смотрителем острога исключительно в воскресные и праздничные дни за час до обеда, а прибывшие позже установленного времени будут лишены права на свидание» (ГАКК. Ф. 461. Оп. 1. Д. 3. Л. 15). Данное правило диктовалось необходимостью четкой регламентации организации свиданий с содержащимися под стражей и обязывало посетителей являться в установленное законом время. В целом можно отметить прогрессивность предоставления арестантам возможности встреч с родственниками, поскольку семейные связи играют важную роль в исправительном процессе.

В конце 1860-х гг. остро встал вопрос о строительстве в Екатеринодаре войскового тюремного замка в связи с ростом численности населения Кубани и увеличением числа осужденных за преступления. В 1867 г. был утвержден проект тюрьмы, в котором архитектор учел новейшие достижения строительства пенитенциарных учреждений Европы. К сожалению, строительство, которое планировалось закончить к 15 октября 1871 г., растянулось почти на 10 лет, поскольку подрядчика купца Ф. К. Гельфонда отстранили от дальнейшего строительства за нарушение договора и работы были надолго приостановлены.

26 июня 1876 г. Екатеринодарская областная тюрьма была торжественно открыта. Территория тюрьмы, построенной из добротного кирпича, была разбита на секторы: заключенных переводили из одного сектора в другой по мере их исправления, при этом происходила «смена условий режима его содержания» [12, с. 185]. Следует отметить, что данный принцип нашел свое продолжение и в современной пенитенциарной системе.

К началу 1880-х гг. в тюрьме, обнесенной «кирпичною стеною надлежащей высоты» (ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 1388. Л. 2), насчитывалось «семь отделений, в том числе два двухэтажных кирпичных корпуса для содержания арестантов: первый – корпус общих арестантских палат из 27 комнат, второй – для одиночных заключений на 60 камер, для женщин-заключенных предназначался кирпичный одноэтажный флигель. На территории тюрьмы располагались здание для размещения служащих, баня, прачечная» [9, с. 139].

Количество лиц, содержащихся в Екатеринодарской тюрьме, ежегодно увеличивалось. Согласно сведениям из отчета Кубанского областного правления за 1879 г. всего в тюрьме содержался 1171 чел. (ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 1388. Л. 2 об.). В 1882 г. отбывали наказание уже 1195 чел., из них 858 – гражданские, 336 – казаки Кубанского казачьего войска. В 1885 г. из 1372 арестантов гражданских лиц было 984, а казаков 288 (ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 96. Л. 21), что свидетельствует об преобладании среди арестантов гражданских лиц.

В феврале 1906 г. начальник Кубанской области принял решение о необходимости обследования условий содержания заключенных в Екатеринодарской тюрьме, для чего была создана специальная комиссия. Члены комиссии произвели осмотр жилых помещений и выявили, что практически во всех одиночных камерах размещено по несколько человек, в общих камерах также наблюдалось переполнение, на момент проверки в тюрьме находилось 580 арестантов. По результатам обследования комиссия пришла к выводам, что «необходимо уменьшить количество до 400 арестантов» (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 230-А. Л. 406).

Данные за 1906 г. содержали сведения о том, что в Екатеринодарской тюрьме, обслуживавшей не только город, но и станицы, села и аулы Екатеринодарского отдела, всего содержалось 2854 чел. По сословиям заключенные распределялись так: дворяне потомственные – 23 чел., дворяне личные – 17 чел., купцы – 5 чел., мещане – 558 чел., крестьяне – 1635 чел., казаки Кубанского казачьего войска – 285 чел., военные – 5 чел., горцы – 161 чел., другие сословия – 148 чел. [12, с. 186].

В своих воспоминаниях участница революции 1905–1907 гг. на Кубани П. И. Вишнякова так описывала данную тюрьму: «тесная, чрезвычайно грязная, в особенности женская, с цементным полом, грязными стенами и полна клопов. Не были налажены, как в других тюрьмах, прогулки. Снабжение книгами отсутствовало. Пища подавалась в ржавых баках… В баню водили раз в два, а то и три месяца» [4, с. 286].

При Екатеринодарской войсковой тюрьме действовал лазарет на восемь мест, где арестантам оказывалась первая медицинская помощь. Местные войсковые лазареты, которых было в достаточном количестве в области, осуществляли лечение арестантов в случае их болезни. В августе 1909 г. было завершено строительство нового помещения больницы при Екатеринодарской областной тюрьме, после чего больные арестанты были переведены «во вновь выстроенные помещения» (ГАКК. Ф. 657. Оп. 1. Д. 1. Л. 46).

Вопросы расширения мест заключения Екатеринодара не утратили своей актуальности и в начале XX в. Так, в декабре 1908 г. по предложению начальника области во исполнение телеграммы Главного тюремного управления комиссией в составе областного инженера статского советника Кундухова, начальника второго отделения Кубанского областного правления статского советника Волошина и начальника Екатеринодарской областной тюрьмы Шпилевого с участием екатеринодаского купца Трахова было осмотрено место, на котором расположен арендуемый государством арестный дом, построенный бывшим начальником тюрьмы статским советником Скочко. Сделав соответствующие выводы, комиссия приняла решение о необходимости расширения арестного помещения на «свободной площади, вне тюремной ограды – на восток, между оградой стены и кирпичным заводом Кузнецова» путем «пристройки с обоих концов», поскольку расширить данное помещение иначе нельзя (ГАКК. Ф. 657. Оп. 1. Д. 1. Л. 28).

Результатом проверки стало заключение в декабре 1908 г. между Кубанским областным правлением и купцом Л. Н. Траховым договора о возведении пристройки к арендуемому государством у жены статского советника Е. И. Скачко помещения арестного дома для содержания арестантов. Договор содержал подробное описание объекта. Здание должно было состоять лишь из общих камер, без одиночных и карцеров. Общий размер здания в целом и отдель-

ные камеры должны были соответствовать эскизу, утвержденному Главным тюремным управлением. Кроме того, две имеющиеся в арестном доме одиночные камеры должны были быть переоборудованы под комнату для свидания арестантов и туалет. Договором предусматривался порядок укладки кирпича, размеры, планируемые к использованию материалы и особенности их применения, особое внимание при этом уделялось обустройству окон, дверей, вентиляции. Согласно договору выстроенное здание подрядчик был обязан сдать в аренду Кубанскому областному правлению с взиманием арендной платы сроком на восемь лет, в течение которых он принимал на себя обязательства по наружному и внутреннему ремонту здания и побелке два раза в год (ГАКК. Ф. 657. Оп. 1. Д. 1. Л. 11). К слову, не только на Кубани, но и по всей России частные лица сдавали в наем помещения под тюремные учреждения. Примечательно, что выполнить подрядные работы по возведению данной пристройки также изъявлял желание инженер путей сообщения Б. Б. Шарданов, о чем он в письменном виде заявил начальнику Кубанской области. Однако сумма арендных платежей, предложенная Б. Б. Шардановым, а именно 4700 руб. в год, была значительно выше той, которую предложил купец Л. Н. Трахов – 3750 руб. в год (ГАКК. Ф. 657. Оп. 1. Д. 1. Л. 2). Данное обстоятельство свидетельствует о том, что лучшие условия исполнения контракта определялись по наименьшей стоимости, и позволяет сделать вывод о зарождении принципа обеспечения конкуренции, который имеет место в современной системе государственных закупок, в том числе и для уголовно-исполнительной системы.

По окончании работ в августе 1909 г. комиссией под председательством начальника 3-го отделения областного правления коллежского асессора Садило здание было принято к использованию. Арестанты там появились 1 сентября 1909 г. (ГАКК. Ф. 657. Оп. 1. Д. 1. Л. 48–50). Следует отметить, что по истечении восьмилетнего срока действия договора аренды здания, построенного на городской земле для содержания арестантов, в ноябре 1917 г. начальнику Кубанской области поступило представление Кубанского областного тюремного инспектора о необходимости «назначения комиссии для принятия от наследников умершего купца Л. Н. Трахова» (ГАКК. Ф. 657. Оп. 1. Д. 4. Л. 4). Представляется, что тюремное ведомство тщательно следило за условиями исполнения обязательств по договорам, что является весьма актуальным для современной системы заключения контрактов.

Помещения Екатеринодарской областной тюрьмы постепенно продолжали расширяться. Так, в июле 1909 г. Главным тюремным управлением было согласовано строительство флигеля при Екатеринодарской областной тюрьме, а в сентябре представлен на утверждение план данного здания, разработанный при участии начальника тюрьмы. Согласно архивным документам построенный флигель был передан в аренду тюремному ведомству на восемь лет за плату по 7500 руб. в год, с дальнейшим переходом здания в собственность тюремного ведомства. При этом подрядчику, которым выступал екатеринодарский купец Л. Н. Трахов, было согласовано предоставление беспроцентной ссуды в размере 300 тыс. руб. из «штрафного капитала» Кубанской области (ГАКК. Ф. 657. Оп. 1. Д. 3. Л. 9, 14, 16).

Кроме того, в сентябре 1909 г. между Кубанским областным правлением и купцом Л. Н. Траховым был заключен договор о возведении на территории Екатеринодарской областной тюрьмы здания для содержания арестантов, размером в длину «тридцать девять пятьдесят сотых сажень» и в ширину «шесть семьдесят шесть сотых сажень» (ГАКК. Ф. 657. Оп. 1. Д. 2. Л. 31а). В договоре содержались обязательные условия относительно внешней и внутренней отделки помещений. Внешняя включала условия укладки кирпича: для фундамента и цоколя – в два с половиною кирпича, для наружных стен – в два кирпича, для внутренних стен – полтора кирпича. При этом кладка фундамента и цоколя в обязательном порядке необходима на цементе, стены – на извести и глине. Кроме того, чтобы избежать сырости, верхняя часть цоколя предусматривала асфальтовый слой толщиной полдюйма (около 13 мм). Внутренняя отделка предполагалась простая: двери и окна окрашены, потолки и стены оштукатурены и побелены известью, на окна с двойными оконными рамами в обязательном порядке установлены железные решетки, в печах и окнах – вентиляторы. В коридорах полы должны быть бетонными, в камерах – деревянными. Согласно договору построенное здание подрядчик должен был передать в

аренду Кубанскому областному правлению на восемь лет с оплатою по 7500 руб. в год. Кроме того, на постройку данного здания Л. Н. Трахову была выделена беспроцентная ссуда в размере 30 тыс. руб. (ГАКК. Ф. 657. Оп. 1. Д. 2. Л. 31 об).

В целях обеспечения надлежащего надзора в местах заключения значительное внимание уделялось вопросам укомплектования тюрем надзирателями для бдительного наблюдения за арестантами. Так, в июне 1910 г. начальник Екатеринодарской областной тюрьмы обратился в Кубанское областное правление с рапортом о необходимости увеличения штатной численности тюремной стражи на 15 чел. в связи с завершением строительства нового отделения тюрьмы и переводом туда арестантов. Объясняя потребность в укомплектовании, начальник тюрьмы, в частности, указывал, что пост на кухне будет состоять из двух человек, внутри здания требуются четыре поста по два человека, всего – восемь, со стороны стены, граничащей с кирпичным заводом, необходим наружный пост в количестве двух человек, кроме того, нужны два «выводных надзирателя» и один старший надзиратель. Также начальник тюрьмы просил о «высылке для упомянутых надзирателей вооружения, снаряжения и обмундирования» (ГАКК. Ф. 657. Оп. 1. Д. 3. Л. 37–38). В этом же месяце начальнику Кубанской области поступила подписанная начальником Главного тюремного управления Хрулевым телеграмма, в которой разрешалось принять 12 надзирателей с окладами одному в 360 руб., остальным – по 240 руб. (ГАКК. Ф. 657. Оп. 1. Д. 3. Л. 40). Вскоре в дополнение к данной телеграмме Главное тюремное управление в письменном виде разъяснило, почему не находит возможности расширить штат еще на трех надзирателей для вновь устанавливаемого наружного поста со стороны кирпичного завода Кузнецова, указав, что наружная охрана мест заключения «лежит на обязанности восковых частей». В части материального обеспечения сотрудников тюрьмы пояснялось, что вопрос выделения средств будет решен после получения сведений об их найме, а об обеспечении вооружением и обмундированием руководство тюрьмы будет дополнительно уведомлено (ГАКК. Ф. 657. Оп. 1. Д. 3. Л. 41–41 об.). Резолюция начальника Кубанской области на данном документе содержала требование об установлении ограды со стороны кирпичного завода. В июле 1910 г. начальник тюрьмы отчитался перед Кубанским областным правление о том, что надзиратели приняты на работу, и ходатайствовал о «скорейшей высылке для надзирателей обмундирования, снаряжения и вооружения» (ГАКК. Ф. 657. Оп. 1. Д. 3. Л. 43).

Вопросы обустройства мест заключения наряду со строительством новых и расширением существующих учреждений не оставались без внимания со стороны государства. В августе 1910 г. Екатеринодарскую областную тюрьму посетили директора тюремного комитета С. Бейм, Х. Богарсуков, А. Коваленко, И. Горчаков и советник областного правления Г. Семенцов, которые внесли в книгу записей ряд замечаний, в частности такие: арестный дом, построенный Скочко, имеет плохую вентиляцию, в связи с чем необходимо «устроить хорошую»; в здании, построенном Траховым, необходимо сделать окна с откосами, раскрывающимися наружу, ванночки в камерах необходимо заменить «высокими кадочками на толстых ножках, внутри оцинкованными», в «клозете при больнице необходимо сделать высокие на цементе сидения», при это необходимо по стене сделать соответствующую вытяжку с выходом на крышу. Помимо повышенного внимания к соблюдению гигиенических требований (везде «спертый воздух») проверяющие обратили внимание на то, что в женском отделении «очень тесно», в связи с чем возникает необходимость строительства второго этажа. Результатом проверки явилось ходатайство членов комиссии начальнику Кубанской области о строительстве второго этажа над женским отделением (ГАКК. Ф. 657. Оп. 1. Д. 3. Л. 45).

В 1912–1913 гг. на территории Екатеринодарской тюрьмы были построены дополнительно два новых корпуса. Это было обусловлено ростом населения Кубани, ухудшением криминогенной обстановки, нашедшим отражение в криминальной статистике за 1910–1912 годы [4, с. 346]. Поэтому «увеличивалось количество тех, кого необходимо было изолировать от общества» [12, с. 186].

К сожалению, начавшаяся Первая мировая война негативно отразилась на дальнейшем развитии пенитенциарных учреждений как в России в целом, так и на Кубани.

Таким образом, развитие пенитенциарных учреждений в Кубанской области в целом и Екатеринодаре в частности происходило в период массового заселения пришлым населением, что не так характерно для других территорий и губерний Российской империи. С увеличением приезжего населения росло количество преступлений и лиц, отбывающих наказание в учреждениях тюремной системы. Приоритетными направлениями развития пенитенциарных учреждений Екатеринодара являлись следующие: расширение имеющихся и строительство новых помещений; обеспечение режима содержания заключенных; обеспечение бытовых условий арестантов; содействие нравственному исправлению; улучшение медицинского обслуживания арестантов и пр.

К началу XX в. тюремный комитет, в чьем ведении находились все пенитенциарные учреждения Кубани, сделал немало шагов в области тюремного попечительства по направлениям своей деятельности. Развитие попечительства по отношению к заключенным следует считать одним из механизмов, решавших задачу улучшения положения арестантов. Финансовой основой этой деятельности являлись казенные средства и поступающие в частном порядке благотворительные средства. Безусловно, пожертвования благотворителей делали жизнь арестантов легче.

Однако в пенитенциарных учреждениях Екатеринодара оставались нерешенными управленческие, материально-финансовые и иные проблемы, характерные для всей системы исполнения наказаний в виде лишения свободы рассматриваемого периода: недостаточное финансирование тюрем, переполненность тюремных зданий, а также неудовлетворительные условия содержания лиц, отбывающих наказание. Данное кризисное положение пенитенциарной системы в значительной мере было обусловлено общей социально-политической обстановкой в России начала XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батчаева, М. К. Деятельность российского «Общества попечительного о тюрьмах» во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Ставрополья и Кубани) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Батчаева Мария Касымовна. – Ставрополь, 2009. – 25 с.
2. Галкина, Н. И. Институт тюремного попечительства в Российской Империи и его особенности на Кубани : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Галкина Надежда Игоревна. – Краснодар, 2009. – 30 с. – URL: https://kubsau.ru/upload/iblock/8c3/8c39e35854fa5423059963ffaea049e5.pdf (дата обращения: 01.09.2021).
3. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы : в 5 томах / М. Н. Гернет. – Москва : Госюриздат, 1960–1963.
4. Екатеринодар-Краснодар: два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к летописи / над книгой работали А. М. Авраменко и др. – Краснодар : Кн. изд-во, 1993. – 798 с. – ISBN 5-7561-0719-3.
5. Захаров, М. В. Эволюция российской пенитенциарной системы в условиях либеральных реформ 1861–1881 гг. : монография / М. В. Захаров, О. О. Спицына, А. Д. Лебедева. – Краснодар : ВЮИ ФСИН России, 2011. – 183 с. – ISBN 978-5-903317-25-7.
6. Краинский, Д. В. Материалы к исследованию истории русских тюрем в связи с историей учреждения Общества попечительного о тюрьмах / Д. В. Краинский. – Чернигов : Тип. Губ. зем., 1912. – 133 с.
7. Лобова, С. А. К вопросу о Екатеринодарском войсковом тюремном комитете / С. А. Лобова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 11-1. – С. 292–294.
8. Лобова, С. А. Становление и развитие пенитенциарной системы Кубани в конце XVIII в. – 1920-е годы (историко-правовое исследование) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Лобова Светлана Александровна. – Краснодар, 2012. – 29 с.
9. Мартынова, Т. В. Развитие тюремной системы Кубани в первой половине XIX в. / Т. В. Мартынова // Вестник Владимирского юридического института. – 2006. – № 1. – С. 139–141.
10. Никитин, В. Н. Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из под стражи, со времен возникновения русской тюрьмы до наших дней. 1560–1880 г. / В. Н. Никитин – Москва : Книга по требованию, 2011. – 665 с. – ISBN 978-5-4241-9708-6.
11. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.) : справочник / составители А. С. Азаренкова и др. – Краснодар : Книжное изд-во, 1986. – 394 с.
12. Остапенко, П. И. История Екатеринодарской областной тюрьмы / П. И. Остапенко, И. В. Сирица // Вестник Владимирского юридического института. – 2007. – № 3 (4). – С. 184–187.
13. Печников, А. П. Тюремные учреждения российского государства (1649 – октябрь 1917 гг.) : историческая хроника / А. П. Печников. – Москва : Щит-М, 2004. – 324 с. – ISBN 5-93004-166-0.
14. Пионтковский, А. А. Тюрьмоведение, его предмет, содержание, задачи и значение / А. А. Пионтковский. – Одесса : Тип. Штаба Одес. воен. окр., 1892. – 16 с.
15. Познышев, С. В. Учение о карательных мерах и мере наказания : курс, составленный по лекциям / С. В. Познышев. – Москва : URSS, ЛЕНАНД, cop. 2016. – 181 с. – ISBN 978-5-9710-3078-2.

16. Рассказов, Л. П. Лишение свободы в России: истоки, развитие, перспективы : монография / Л. П. Рассказов, И. В. Упоров. – Краснодар : КЮИ МВД России, 1999. – 490 с.
17. Рассказов, Л. П. Теория государства и права: углубленный курс : учебник / Л. П. Рассказов. – Москва : Инфра-М, 2015. – 559 с. – ISBN 978-5-16-010076-0.
18. Славинский, Н. В. Становление и развитие института тюремных инспекций Российской Империи и его специфика на Кубани : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Славинский Николай Васильевич. – Краснодар, 2009. – 27 с.
19. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право : лекции : часть общая : [в 2 томах] / Н. С. Таганцев. – Москва : Наука, 1994. – ISBN 5-02-012940-2.
20. Упоров, И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII– XX вв.: историко-правовой анализ тенденций / И. В. Упоров. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. – 608 с. – ISBN 5-94201-340-3.
21. Фойницкий, И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением / И. Я. Фойницкий. – Москва, 2000. – 462 с. – ISBN 5-89391-061-3.

REFERENCES

1. Batchaeva M.K. *Deyatel'nost' rossiiskogo «Obshchestva popechitel'nogo o tyur'makh» vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka (na materialakh Stavropol'ya i Kubani): avto-referat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Activity of the Russian "Prisons Custody Society" in the second half of the 19th - early 20th centuries (case study of Stavropol and the Kuban): Candidate of Sciences (History) dissertation abstract]. Stavropol, 2009. 25 p.
2. Galkina N. I. *Institut tyuremnogo popechitel'stva v Rossiiskoi Imperii i ego osobennosti na Kubani: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [The institute of prison guardianship in the Russian Empire and its features in the Kuban: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Krasnodar, 2009. 30 p. Available at: https://kubsau.ru/upload/iblock/8c3/8c39e35854fa5423059963ffaea049e5.pdf (accessed September 1, 2021).
3. Gernet M.N. *Istoriya tsarskoi tyur'my : v 5 t.* [History of the tsarist prison : in 5 vol.]. Moskow : Gosyurizdat, 1960–1963.
4. *Ekaterinodar-Krasnodar: dva veka goroda v datakh, sobytiyakh, vospominaniyakh.... Materialy k letopisi* [Ekaterinodar-Krasnodar: two centuries of the city in dates, events, memories.... Materials for the chronicle]., 1993. 800 p.
5. Zakharov M.V., Spitsyna O.O., Lebedeva A.D. *Evolyutsiya rossiiskoi penitentsiarnoi sistemy v usloviyakh liberal'nykh reform 1861-1881 gg.: monografiya* [Evolution of the Russian penitentiary system in the conditions of the 1861-1881 liberal reforms: monograph]. Krasnodar: Krasnodarskii filial VYuI FSIN Rossii, 2011. 183 p.
6. Krainskii D.V. *Materialy k issledovaniyu istorii russkikh tyurem v svyazi s istoriei uchrezhdeniya Obshchestva popechitel'nogo o tyur'makh* [Materials for the study of the history of Russian prisons in connection with the history of the establishment of "Prisons Custody Society"]. Chernigov: tip. Gub. zem., 1912. 133 p.
7. Lobova S.A. On the question of the Ekaterinodar Military Prison Committee. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki= Humanities, Social-economic and Social Science,* 2015, no. 11-1, pp. 292–294. (In Russ.).
8. Lobova S.A. *Stanovlenie i razvitie penitentsiarnoi sistemy Kubani v kontse XVIII v. – 1920-e gody (istoriko-pravovoe issledovanie): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Formation and development of the Kuban penitentiary system at the end of the 18th century – the 1920s (historical and legal research): Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Krasnodar, 2012. 29 p.
9. Martynova T.V. Development of the Kuban prison system in the first half of the 19th century. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta=Bulletin of Vladimir Law Institute,* 2006, no. 1, pp. 139–141. (In Russ.).
10. Nikitin V.N. *Tyur'ma i ssylka. Istoricheskoe, zakonodatel'noe, administra-tivnoe i bytovoe polozhenie zaklyuchennykh, peresyl'nykh, ikh detei i osvobozhdennykh iz pod strazhi, so vremen vozniknoveniya russkoi tyur'my do nashikh dnei. 1560–1880 g.* [Prison and exile. Historical, legislative, administrative and living conditions of prisoners, prisoners in transit, their children and those released from custody, from the time of the emergence of the Russian prison to the present day. 1560–1880]. Moscow: Kniga po trebovaniyu, 2011. 665 p.
11. *Osnovnye administrativno-territorial'nye preobrazovaniya na Kubani (1793-1985)* [Key administrative-territorial transformations in the Kuban (1793-1985)]. Krasnodar: Kn. Izd-vo, 1986. 100 p.
12. Ostapenko P.I., Siritsa I.V. History of the Yekaterinodar regional prison. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta=Bulletin of Vladimir Law Institute,* 2007, vol. 3, no. 4. 184–187. (In Russ.).
13. Pechnikov A.P. *Tyuremnye uchrezhdeniya rossiiskogo gosudarstva (1649 – oktyabr' 1917 gg.): istoricheskaya khronika* [Prison institutions of the Russian state (1649 – October 1917): historical chronicle]. Moscow: Shchit-M, 2004. 324 p.
14. Piontkovskii A.A. *Tyur'movedenie, ego predmet, soderzhanie, zadachi i znachenie* [Prison studies, its subject, content, tasks and meaning]. Odessa: tip. Shtaba Odes. voen. okr., 1892. 16 p.
15. Poznyshev S.V. *Uchenie o karatel'nykh merakh i mere nakazaniya : kurs, sostavlennyi po lektsiyam* [Doctrine of punitive measures and measure of punishment: a course compiled from lectures]. Moscow: URSS, LENAND, cop. 2016. 181 p.
16. Rasskazov L.P., Uporov I.V. *Lishenie svobody v Rossii: istoki, razvitie, perspektivy: monografiya* [Incarceration in Russia: origins, development, prospects: monograph]. Krasnodar: Krasnodarskii yuridicheskii institut MVD Rossii, 1999. 490 p.
17. Rasskazov L.P. *Teoriya gosudarstva i prava: uglublennyi kurs: uchebnik* [Theory of state and law: advanced course: textbook]. Moscow : Infra-M, 2015. 559 p.
18. Slavinskii N.V. *Stanovlenie i razvitie instituta tyuremnykh inspektsii Ros-siiskoi Imperii i ego spetsifika na Kubani: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Formation and development of the Institute of Prison Inspections of the Russian Empire and its specifics in the Kuban : Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Krasnodar, 2009. 27 p.
19. Tagantsev N.S. *Russkoe ugolovnoe pravo: lektsii: chast' obshchaya: v 2 t.* [Russian Criminal Law: lectures: general part: in 2 vol.]. Compiled and edited by N.I. Zagorodnikov. Moscow: Nauka, 1994. 21 p.
20. Uporov I.V. *Penitentsiarnaya politika Rossii v 18–20x vv.: istoriko-pravovoi analiz tendentsii* [Penitentiary policy of Russia in the 18th–20th centuries: historical and legal analysis of trends]. Sankt-Petersburg: Yurid. tsentr Press, 2004. 608 p.
21. Foinitskii I.Ya. *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [The doctrine of punishment in connection with prison studies]. Moscow, 2000. 462 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИРИНА ЛЕОНИДОВНА ИЗЮМСКАЯ – кандидат юридических наук, старший инспектор по особым поручениям отдела гражданско-правовой, судебно-исковой и претензионной работы правового управления ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8823-7592, e-mail: rochka1919@rambler.ru

IRINA L. IZYUMSKAYA – Candidate of Sciences (Law), Senior Inspector for Special Assignments of the Department of Civil Law, Litigation and Claims Work of the Law Department of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8823-7592, e-mail: rochka1919@rambler.ru

Статья поступила 01.07.2021

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-709-720
УДК 34.01

Интеллектуальная природа права в основных концепциях правопонимания

А. А. КОСЫХ
Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3563-6848, e-mail: lexovip36@mail.ru

Реферат
Введение: зарождение правовых норм, их трансформация, специализация и отраслевая дифференциация, формирование системы права – все это свидетельствует о постоянном качественном, интеллектуально обоснованном развитии права. В статье проводится анализ основных концепций правопонимания (естественно-правовой, исторической, психологической, нормативистской, марксистской, антропологического подхода) на предмет определения сущности (природы) права. Исследование сущностных основ права выступает главной задачей не только теории права и государства, но и других наук (философии права, социологии права, истории правовых учений). *Цель* работы состоит в исследовании интеллектуальной природы права на основе анализа трудов представителей различных концепций правопонимания. *Методы:* выводы и умозаключения автора основываются на использовании материалистической диалектики, сравнительно-правовом, социологическом и историческом методах. *Обсуждение:* примечательно, что в каждой концепции правопонимания интеллект (ум, разум, рассудок) рассматривается учеными как неотъемлемый элемент процесса правообразования. *Выводы:* право рассматривается в рамках антропологического подхода как результат интеллектуальной деятельности человека не только по своему происхождению, но и сущностному основанию, своей природе. Выдвигается тезис о том, что право есть результат интеллектуально-разумной мыслительной деятельности человека, предлагается авторская дефиниция права.

Ключевые слова: право; сущность права; разум; интеллект; концепция правопонимания.

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Для цитирования: Косых А. А. Интеллектуальная природа права в основных концепциях правопонимания. *Пенитенциарная наука,* 2021, т. 15, № 4 (56), с. 709–720. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-709-720.

Intellectual Nature of Law in the Basic Concepts of Understanding Law

ALEKSEI A. KOSYKH
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3563-6848, e-mail: lexovip36@mail.ru

Abstract
Introduction: formation of legal norms and their transformation, creation of the legal system, specialization and sectoral differentiation of legal norms indicate constant qualitative, intellectually grounded development of law. In the article the author analyzes basic concepts of understanding law (natural, historical, psychological, normative,

Marxist, of anthropological approach) in order to determine the essence (nature) of law. The study of essential foundations of law is a fundamental task not only for the theory of law and state, but also for other sciences (philosophy of law, sociology of law, history of legal doctrines). The *purpose* of the work is to study an intellectual nature of law on the basis of analysis of various concepts of understanding law. *Methods:* the author's key conclusions and findings are based on the use of materialistic dialectics in comparative legal, sociological and historical methods. *Discussions:* it is noteworthy that in each concept of understanding law, intelligence (mind, reason, common sense) is considered by scientists as an integral element of the process of legal education. *Conclusions:* taking into account the stated above, the author proposes to consider law within the framework of an anthropological approach as a result of human intellectual activity not only by its origin, but also by its essential basis, its nature. The author puts forward the thesis that law is the result of intelligence-based thinking activity of a person and suggests the author's definition of law.

K e y w o r d s : law; essence of law; reason; intelligence; concept of understanding law.

12.00.01 – Theory and history of the law and state; history of the law and state studies.

F o r c i t a t i o n: Kosykh A.A. Intellectual nature of law in the basic concepts of understanding law. *Penitentiary Science,* 2021, vol. 15, no. 4(56), pp. 709–720. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-709-720.

Введение

В декабре 2020 г. состоялась видеоконференция по вопросам использования искусственного интеллекта «Artificial Intelligence Journey», на которой в ходе обсуждения темы «Искусственный интеллект – главная технология XXI века» было отмечено, что к 2025 г. в мире будет насчитываться более 40 млрд интеллектуальных устройств, из которых 90 % будут обладать «умными функциями с элементами искусственного интеллекта» [14]. В этой связи справедливо задаться вопросами: сохранит ли право выработанный веками интеллектуальный потенциал и какова будет его доля в праве будущего? является ли право продуктом интеллектуальной сферы деятельности человека? Для того чтобы дать на них ответы, стоит в первую очередь проанализировать природу, понять сущность и содержание права в контексте интеллекта и интеллектуальной деятельности.

Вопрос определения сущности и содержания права является одним из основополагающих для всей теории права. Это выступает предметом изучения в философии права, что не упрощает, а, наоборот, в какой-то степени усложняет решение многих задач, поскольку философия не дает однозначных ответов, а призывает к осмыслению и осознанию проблем. Вероятно, именно поэтому Цицерон называл философию наукой о мудрости («философия – это любовь к мудрости»).

Стоит отметить, что понятия «сущность» и «содержание» являются нетождественными. Категория «сущность» показывает, каковы природа явления, предназначение, черты и свойства. Сущность неизменна, поскольку в противном случае изменится и само явление. Сущность явления выражается в его функциях, то есть основных направлениях деятельности (или непосредственно деятельности). Категория «содержание» диалектически связана с категорией «форма», являясь для нее парной. Если форму можно определить как внешнее выражение чего-либо, какого-либо объекта или явления, то содержание – это «совокупность тех элементов или процессов, которые составляют основу объектов и обуславливают существование, развитие и смену форм» [34, с. 463].

На необходимость разграничения понятий «сущность права» и «содержание права» обращали внимание В. А. Толстик и Н. А. Трусов, отмечая, что отождествление данных понятий является методологической ошибкой, поскольку нарушение правил формальной логики ведет к удвоению понятийного аппарата. Сущность права данные ученые характеризуют как «главную внутреннюю, относительно устойчивую качественную основу права, которая отражает его истинную природу и назначение в обществе» [32, с. 6]. В свою очередь, содержание права представителями нижегородской школы права определяется как система исходящих от государства норм права. Разделяя в целом данную позицию, считаем необходимым далее рассмотреть именно сущность права, то есть его качественную основу и истинную природу.

Сущность права в основных концепциях правопонимания

Обратимся к анализу понимания сущности права в политико-правовых учениях различных правовых школ. Представители естественно-правовой теории происхождения права рассматривают право с позиции идей равенства и свободы, справедливости, признания неотчуждаемости прав и свобод человека, существования прав, отражающих идеалы свободы и справедливости, которые выступают основой для права в его позитивном понимании. Так, Гуго Гроций, разделяя право на естественное и волеустановленное (в рамках которого также выделял человеческое и божественное), писал, что право «имеет своим источником волю». Источником права внутригосударственного выступает воля законодателя, а право божественное имеет источником божественную волю. Источник естественного права Г. Гроций видел в «здравом разуме, коим то или иное действие, в зависимости от его соответствия или противоречия самой разумной природе, признается либо морально позорным, либо морально необходимым» [7].

Томас Гоббс в своем труде «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» писал, что «воля законодателя есть закон». В свою очередь, под естественным законом Т. Гоббс понимал «предписание, или *найденное разумом (reason)* (курсив наш – *А. К.*) общее правило, согласно которому человеку запрещается делать то, что пагубно для его жизни или что лишает его средств к ее сохранению» [4, с. 89].

Согласно концепции исторической школы права право каждого народа – это выражение общего сознания или общей воли данного народа, сложившееся исторически. Густав фон Гуго отмечал, что писаный закон возникает по воле суверена, но при этом подчеркивал, что «не все законоположения возникают из писаных законов» [21, с. 44]. Закон, по мнению Г. Гуго, это «правило, установленное произвольно верховной властью и что-либо запрещающее и предписывающее». Основатель исторической школы права, отмечая осознанность и признание правовых норм в качестве обязательного признака результативного действия права, писал, что «право, действующее в жизни и признаваемое судьями, адвокатами и учеными-юристами, может отличаться от права, установленного законодателем» [21, с. 46]. Продолжатель идей Г. Гуго Фридрих Карл фон Савиньи полагал, что сущность права состоит в том, что оно существует в общем сознании народа как народная убежденность, а господство индивидуальной воли называл сущностью правоотношений [29].

Психологическая школа права рассматривает сущность права с позиции правовых эмоций и эмоционально-интеллектуальных переживаний человека, которые в одном случае носят атрибутивный характер и связаны с правомочием человека на что-либо, а в другом – императивный характер и возникают вследствие осознания человеком взятых на себя обязанностей. В дореволюционной России фундаментально данная теория была разработана в трудах Л. И. Петражицкого. Ученый предложил классифицировать право на интуитивное и позитивное в зависимости от императивно-атрибутивных переживаний, формирующихся в психике человека в связи с юридическими фактами. При этом волевая сторона правообразования абсолютно не отрицалась: «в связи с договором, до его заключения, во время заключения или после, может также иметь место и подлинное выражение воли» [24, с. 454].

Несмотря на то что современные ученые рассматривают правовую парадигму Л. И. Петражицкого как социологически ориентированную, имеющую социальный эффект [31], а право в его представлении – как социально-психически обусловленное явление [28, с. 121], роль интеллектуального начала (разума) в формировании и действии права неоднократно подчеркивалась русско-польским ученым. Во-первых, правовые нормы характеризовались Л. И. Петражицким как «особого рода фантазмы», то есть представления, возникающие в результате работы эмоционально-интеллектуальных процессов человеческого организма. Появлению эмоций по поводу управомочивания или обязывания предшествовал интеллектуальный процесс осознания («путем ассоциации идей или умозаключений»). Во-вторых, ученым делался акцент на необходимости трансформации в теории права учения о правовых явлениях в учение об эмоционально-интеллектуальных элементах правовых переживаний. В-третьих, отличие интуитивного и позитивного права в содержательном аспекте основатель отечественной психологической теории права видел в «различиях ин-

теллектуального состава». Стоит заметить, что интуитивное право Л. И. Петражицкий не рассматривал как идеальное, а, наоборот, считал, что успешное существование и развитие общества на основе одного интуитивного права невозможно. В ряде случаев ученый называл его неразумным, варварским, более отсталым, чем позитивное право. В-четвертых, факт издания законов без интеллектуального осознания, по мнению Л. И. Петражицкого, не приводит к формированию права в психике человека. Таким образом, стоит заметить, что, несмотря на то что источником права, согласно психологической концепции, выступает психика человека, средством формирования права, то есть фактически инструментом осознания и выработки психологических эмоций по поводу права, является интеллект, или разум, человека.

Нормативистская школа права определяет сущность права исключительно как производную от воли независимо от каких-либо внешних факторов. Основоположник классического нормативизма Иммануил Кант природу права связывал с «категорическим императивом» – требованием общеобязательного характера. Подчеркивая значимость идей И. Канта для всей теоретико-правовой науки, профессор И. В. Михайловский заметил: «Кант первый дал философское обоснование самоцельности личности, ее нравственной автономии. Только с этого момента и можно говорить об идее права» [20].

Согласно учению И. Канта право по своей природе выступает сложным явлением, которое, с одной стороны, рассматривается как средство обеспечения свободы, а с другой – средство, сдерживающее свободу с целью недопущения негативных последствий проявления физиологических инстинктов, пороков, природы человека. В философских воззрениях И. Канта красной нитью проходит идея разума как исходного начала мира идей и мира вещей. Правопонимание также не лишено разумного начала: «право – это именно такое основанное на чистом практическом разуме понятие произвола, подчиненного законам свободы» [12, с. 5]. Как справедливо отмечает Л. С. Мамут, «разум, по Канту, есть способность (и воля) создавать принципы и правила морального поведения, содержащая их в себе в качестве внутреннего априорного побуждения» [10, с. 401]. Интеллектуальное познание многих явлений в контексте права И. Кант противопоставлял эмоциональному, или чувственному: правовые отношения, к примеру, называл абсолютно интеллектуальными, подчеркивал, что владение должно осознаваться, то есть мыслиться как таковое, на основе интеллектуального отношения к предмету, а не на основе чувств, совершение юридически значимых действий (приобретение, владение, пользование) – основываться на воле заинтересованных субъектов, которая исходит от разума, заявлял, что рассматриваться в качестве правовых могут только «рассудочные понятия», и т. д.

Естественное право немецкий философ рассматривал исключительно как познаваемое *разумом* каждого человека, а государственное право – как нечто, что есть в разуме и основывается на априорных принципах. В целом, согласно И. Канту, «право вовсе не может являться, его понятие содержится в рассудке и представляет (моральное) свойство поступков, присущее им самим по себе» [11, с. 71].

Ганс Кельзен, пытаясь избежать «методологического синкретизма», старался отграничить юридическое понимание права от представления о нем в смежных науках – психологии, философии, социологии. Свое учение о праве он назвал «чистым», поскольку оно «есть правоведение, но не политика права» [13, с. 10]. Согласно Г. Кельзену право – это система регулирующих человеческое поведение норм, которые по своему содержанию есть «долженствование». Понятие «долженствование» философ рассматривал гораздо шире, чем в значении простой обязанности: оно объединяло в себе такие элементы, как «должен», «может» и «имеет право». Долженствование, то есть то, что закреплено в нормах права (то, что должно быть), в учении Г. Кельзена противопоставляется бытию, то есть тому, что есть на самом деле. Способность определить степень соответствия бытия долженствованию возлагается на человеческое сознание. Именно в результате мыслительного процесса сопоставления событий из реального мира с нормами гражданского, уголовного, уголовно-процессуального кодекса или конституции они становятся правовыми. По мнению Г. Кельзена, «содержание долженствования – то, что велит позитивный моральный или правопорядок, – определяется актами воли, а уж затем познается» [13, с. 15]. Вместе с тем австрийский ученый подчеркивал, что норма права может быть

результатом мыслительного процесса, а не только воли субъекта. В этом случае она не является позитивной нормой, поскольку не введена в действие, а выступает мыслительной предпосылкой.

Представителем неопозитивистского направления в понимании права, ставшим известным как создатель лингвистической теории права, является Герберт Харт. Английский философ в целом разделял кельзеновскую концепцию понимания права. По мнению К. Г. Прокофьева и Д. В. Шкрума, камнем преткновения теорий Г. Кельзена и Г. Харта был вопрос о природе «основной нормы»: учение Г. Кельзена обосновывало априорную природу, а Г. Харт настаивал на эмпирической природе нормативных фактов [25, с. 192]. Сущность права Г. Харт видел в единстве первичных (обязывающих) и вторичных (правил изменения, признания и суда) правил. Разработав формулу первичных и вторичных норм права, а также первичных и вторичных норм морали, Г. Харт проводит между ними границу: «утверждение, что право должно соответствовать морали в каком-то более далеко идущем отношении... нуждается в очень серьезной проверке» [35, с. 204]. Вместе с тем право и мораль в учении Г. Харта взаимосвязаны между собой требованием справедливости. Интеллектуальное начало в понимании права встречается и здесь: Г. Харт отмечал, что принципы истинной нравственности и справедливости способны познаваться только человеческим разумом, человеческий разум способен дать критическую оценку закону, обосновать его справедливость или несправедливость, сам разум «требует добровольного сотрудничества в системе принуждения» [35, с. 200].

Далее стоит несколько слов сказать о, пожалуй, самой влиятельной философской школе XX в. – марксистской теории права. «Представители» данного направления определяют право как возведенную в закон волю господствующего класса и рассматривают его как надстройку над экономическим базисом общества. Термин «представители» приводится в кавычках не случайно, ведь подобное понимание сущности права зачастую не отражало истинных идей материалистов, а представляло собой искаженную интерпретацию правоведами (особенно в политико-правовой доктрине советского периода) учения К. Маркса и Ф. Энгельса. И это вполне объяснимо. Критиковать политико-правовые идеи марксизма-ленинизма в годы СССР было аполитично, если не сказать противоправно, поэтому восприятие и неправильное уяснение идей К. Маркса и Ф. Энгельса одними учеными эклектично излагалось в научных трудах других без проведения подробного, всестороннего и критического анализа. В итоге сущность и содержание многих понятий были искаженно поняты и еще более искаженно донесены до читателя.

Приведем несколько цитат советских ученых. Одним из первых определил право как «совокупность правил поведения (норм), установленных или санкционированных советским социалистическим государством, выражающих волю советского народа» [22, с. 183] А. Я. Вышинский в ходе I Совещания научных работников права в 1938 г. Предложенный подход к пониманию права стал в какой-то степени эталоном для всей теоретико-правовой науки и признавался многими ведущими теоретиками права. Так, О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский предложили рассматривать право, основываясь «на тех посылках, что и общее определение понятия права, данное в 1938 г.» [9, с. 59]; Н. Г. Александров назвал предложенную А. Я. Вышинским трактовку права «безусловно правильной» [1, с. 204]; определение права, предложенное Г. И. Федькиным, отмечалось учеными как «новая редакция определения Вышинского» [5, с. 19]. А. А. Гордиенко, несмотря на критику в адрес А. Я. Вышинского (в своей работе «Сущность советского права и его роль в социалистическом обществе» дефиницию, предложенную А. Я. Вышинским, ученый назвал навязанной и содержащей явные пороки), также рассматривал право как «возведенную в закон государственную волю рабочего класса и руководимых им трудящихся», а под его сущностью понимал «объективное содержание государственной воли» [5, с. 23].

Если обратиться к тексту знаменитого «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, то, действительно, можно обнаружить, что право в нем определяется как «возведенная в закон воля *вашего класса* (курсив наш – *А. К.*), воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса» [36, с. 42]. Однако здесь знаменитые философы речь ведут о праве буржуазном, то есть о том праве, которое является эксплуататорским, праве в руках буржуа, праве, с которым

нужно бороться. В. М. Сырых, называя материалистическую теорию права фальсифицированной советской правовой наукой по ряду вопросов, утверждает: «К. Маркс и Ф. Энгельс вопреки утверждениям советских авторов не говорили и не писали о том, что государственная воля экономически и политически господствующего класса составляет сущность права, а государственное принуждение – его главный отличительный признак» [30, с. 14]. И действительно, в «Критике политической экономии» в 1959 г. К. Маркс писал о правовых отношениях: «они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет “гражданским обществом”...» [18, с. 6]. Таким образом, материальные жизненные отношения, согласно учению К. Маркса, есть основа правовых отношений или самого права.

Данную позицию можно проследить в работах советского ученого А. И. Денисова. Ученики А. И. Денисова отмечают, что Андрей Иванович был приверженцем исторического и классового подхода. В. В. Лазарев, например, отзывался о нем как об исследователе, который «совершенно искренне пропагандировал (в части советского государства развивал) марксистскую теорию государства» [15, с. 108]. Несмотря на то что право, по мнению А. И. Денисова, это возведенная в закон воля господствующего класса, основой его он считал не волю (тем самым подвергая критике «буржуазных теоретиков»), а материальные условия жизни людей. Кроме того, профессор рассматривал право в объективном (как закон или совокупность законов) и субъективном смысле (как правомочие). Также в работах А. И. Денисова можно проследить идеи рационализма в вопросе понимания сущности права: «нельзя понять право, не касаясь вопроса о свободе воли, об отношении между свободой и необходимостью» [8, с. 299]. При этом воля, по убеждению ученого, представляла собой нечто осознанное: результат осознанных общественных отношений, осознанную необходимость или вид сознания.

Возвращаясь к идеям К. Маркса и Ф. Энгельса, стоит заметить, что не только экономические или волевые аспекты в понимании разных сторон устройства мира затрагивались в работах немецких философов. Обращение к разуму (интеллекту, в том числе всеобщему) как явлению, сопровождающему многие стороны общественной жизни, дает основание рассмотреть марксизм с позиций рационализма. Философия марксизма, оказавшая существенное влияние на переосмысление многих философских проблем, не могла обойти вниманием проблему соотношения рационального и иррационального. Американский историк Алан Мегилл в своем произведении «Карл Маркс: бремя разума» подчеркивал: «Замысел моего исследования заключается в доказательстве того, что Маркс должен быть понят как “рационалист”» [19, с. 15]. Несмотря на дискуссионность и нелогичность отдельных теоретических умозаключений в работе А. Мегилла, искренность и стремление доказать выдвинутую гипотезу заслуживают уважения.

Относительно понимания государства и права можно заметить, что в работах немецких философов мы довольно часто встречаем отзвуки рационализма, выраженные в таких конструктах, как государственный разум, разум и право, разумная воля, разумный закон, нравственный разум. В одной из первых своих публицистических статей «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции», вышедшей в свет в 1842 г., К. Маркс отметил, что «рассудок правительства – единственный государственный разум» [16, с. 8]. В статье «Передовица в № 179 “K lnische Zeitung”» он писал: «истинная “общественно-воспитательная роль” государства заключается в его разумном и общественном бытии» [17, с. 103]. Рационализм в понимании права в идеях К. Маркса можно выразить следующими тезисами.

Во-первых, государство и право – это неотъемлемые элементы построения и функционирования общественной жизни. При этом в основе возникновения и становления как государства, так и права лежат разум и социум. Развивая данную идею, Н. А. Власенко справедливо задается вопросом о степени разумности современного государства и роли, выполняемой социумом, в качестве основополагающего элемента государственности [2, с. 10].

Во-вторых, развитие права и государства детерминировано материальными экономическими отношениями общества. Право, как и государство, в данном случае выступает способом или средством, обеспечивающим сохранение, развитие и преумножение существующих связей между людьми, в результате чего члены общества в конечном итоге

приобретают для себя нечто ценное, необходимое, осознаваемое как жизненно важное.

В-третьих, материальные экономические отношения, составляющие обычное право, могут приобрести форму закона и статус государственных только в том случае, если не противоречат разуму и праву. Противоречивость или непротиворечивость в данном случае определяется как результат осознанности или неосознанности определяемых целей, поставленных задач, осуществляемых действий. Государство, согласно идеям марксизма, «действует и поступает поэтому согласно осознанным целям, познанным основоположениям и согласно законам, которые являются законами не только в себе, но и для сознания».

Да и в целом стоит заметить, что революционные, антибуржуазные идеи, которые заложены в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, имели своей целью исключительно достижение необходимого уровня «интеллектуального развития рабочего класса».

В представленном исследовании нельзя обойти вниманием современные концепции правопонимания, в числе которых особый интерес представляет интегративный тип правопонимания профессора Р. А. Ромашова, который предлагает рассматривать право как регулятивно-охранительную систему, наделяя его двумя основными признаками: общезначимостью и результативностью. Согласно данной концепции право складывается из общезначимых норм (правил) для обеспечения безопасности, социальной стабильности и развития [26]. Помимо указанных ученым составляющих права (правовая доктрина, правовые ценности, правовой опыт, правовая традиция, правовая доктрина) представляется оправданным выделить правовые убеждения и правовые установки, которые, если и не составляют право, то оказывают важное влияние на процесс его формирования.

Серьезный научный интерес вызывает антропологическая концепция правопонимания, разработанная В. И. Павловым. Обусловлено это совершенно нестандартным, на наш взгляд, но методологически обоснованным подходом к пониманию права, его сущности и бытия, а также места и роли человека в системе права в рамках концепта «человек-в-праве». Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что белорусским ученым отрицаются классические концепции понимания сущностной природы права, выражающейся в нормах, законах, воле законодателя или справедливости. Ученый пишет, что у права нет и не может быть какой-либо субстанциональной основы, то есть сущности как истинного бытия. Право, по В. И. Павлову, и есть сущность (существование).

С точки зрения антропологического подхода право осуществляется не в норме, а в «реальном, ежедневном опыте правового существования, в точке пересечения человека, нормы права и факта правовой жизни» [23, с. 85]. Кроме того, антропологическая концепция В. И. Павлова рассматривает человека в несколько необычном ключе – с позиции «принципа энергийности», то есть как некую совокупность проявлений или энергий (а не как сущность в классической антропологии). Через проведение параллели с пониманием человека в православной традиции человек или человеческое существование определяется как энергийный образ (центр энергии). При этом мы видим, что В. И. Павлов, разделяя позицию Х. Яннараса, С. А. Чурсанова, В. Н. Лосского, подчеркивает невозможность сведения человеческой личности даже к таким ее сторонам, как *человеческая природа, разум, свободная воля, ум*.

Несмотря на концептуальную разработанность предложенной теории, возникает ряд вопросов, требующих определенного научного осмысления. Во-первых, если рассматривать человека как некий «энергийный образ», требуются пояснения относительно природы или источника данной энергии, учитывая отказ автора от рассмотрения разума, свободной воли или ума в качестве таковых, ведь первый закон сохранения энергии гласит о том, что энергия не может взяться из ниоткуда и исчезнуть в никуда. По нашему мнению, в качестве производителя этой энергии могут выступать отмеченные стороны человеческой личности: разум, свободная воля или ум. Стоит заметить, что в некоторых приведенных трактовках понятия «энергия» сам В. И. Павлов предлагает определять данное явление следующим образом: «вечно движущая сила *разумной* (курсив наш – *А. К.*) души человека» [23, с. 75]. Во-вторых, восприняв предложенные формулы «право есть существование» и «человек-в-праве», справедливо задаться вопросом об их применимости к иным явлениям социума или природного мира. Можно ли по аналогии провести анализ возникновения и существования иных

социальных регуляторов: традиций, обычаев, религиозных норм? Допускается ли применение формулы «право – это и есть существование» для традиций или обычая? На наш взгляд, эти вопросы остаются открытыми. В-третьих, антропологический тип правопонимания акцентирует внимание на становлении права, которое предлагается рассматривать как «правовое существование человека-в-праве». При этом все-таки, на наш взгляд, понимание причин возникновения и развития права у одних народов и его отсутствия вплоть до настоящего времени у других (например, у племен, проживающих на территории современного Пакистана или Камбоджи) в рамках антропологической концепции не достигнуто. И непонятно, может ли антропологическая концепция объяснить причины столь длительного отсутствия правовых норм в древности.

Интеллектуальная природа права

Представления различных научных школ о сущности и природе права, безусловно, разнятся. При этом мы убедились, что в каждой концепции правопонимания интеллект (ум, разум, рассудок) признается неотъемлемым элементом процесса правообразования. С учетом изложенного предлагаем рассмотреть право в рамках антропологического подхода как результат интеллектуальной деятельности человека не только по своему происхождению, но и сущностному основанию, своей природе.

Выдвижение тезиса об интеллектуальной природе права обусловлено следующими причинами. Во-первых, результатом исторического прогресса является накопление все большего и качественно нового знания, являющегося итогом интеллектуальной деятельности человека и выступающего мощнейшим ресурсом в процессе развития общества и управления им. Право – продукт рационального мышления – представляет собой особую ценность, свидетельствующую об уровне развития общества. На протяжении всей истории право вбирало в себя фундаментальные ценности и морально-нравственные установки, которыми данное общество обладает, и с формально-юридической точки зрения получало закрепление в нормах законодательства. Как справедливо отмечено Н. А. Гредескулом, право – это мудрец, который «неустанно работает, стремясь достигать того добра, которое практически возможно в данном общежитии, который никогда не приходит в отчаяние, потому что ценит те результаты, каких ему удается достигнуть своими усилиями» [6, с. 54].

Во-вторых, право адресовано человеку и только человеку. Несмотря на то, что встречаются случаи, когда субъектом права могут выступать неодушевленные предметы или животные (например, правосубъектность животных можно усмотреть в законодательстве стран англосаксонской правовой семьи), это является, скорее, исключением из правил, поскольку право в конечном счете свое действие оказывает на человека, в том числе в указанных случаях, поскольку человек здесь выступает в роли связующего звена. Только человек, в отличие от остальных представителей животного мира, обладает в необходимой степени развитыми интеллектуальными способностями.

В-третьих, интеллектуальная природа права подтверждается его постоянным развитием. Зарождение правовых норм, их трансформация, обретение свойств системности и структурности, формирование системы права в ее современном понимании, специализация и отраслевая дифференциация правовых норм, появление и дифференциация предметов и методов правового регулирования, законодательное закрепление правовых норм, развитие технико-юридических способов и средств формулирования и закрепления правовых норм – все это свидетельствует о постоянном качественном интеллектуально обоснованном развитии права. Стоит добавить, что современный человек находится в выигрышном положении, поскольку ему достаются в наследство все достижения в области права, полученные за тысячелетнюю историю. Следует привести слова А. Рэнд, которая в одном из своих произведений отметила, что «человек – единственный вид, который может расширять и передавать свой багаж знаний из поколения в поколение; объем знаний, потенциально доступных человеку, больше, чем любой человек на протяжении одной своей жизни способен хотя бы начать постигать» [27, с. 55].

Далее следует обосновать избранное для подзаголовка сочетание «интеллектуальная природа права». С этой целью необходимо обратиться к вопросу о соотношении понятий «интеллект», «рассудок», «разум». Все они характеризуют разновидности умственной деятельности, заключающейся в познании явлений или предметов окружающего мира, или мышления. Толковые словари раскрыва-

ют значение слова «интеллект» как «способность мышления, разумного познания, ум, разум, рассудок». Философская энциклопедия рассматривает понятие «интеллект» (от лат. intellectus – познание, понимание, рассудок) как тождественное понятию «ум» в следующем значении: «способность мышления, рационального познания, в отличие от таких душевных способностей, как чувство, воля, интуиция, воображение» [33]. Исследование научной литературы относительно методологических аспектов соотношения интеллекта, разума и рассудка позволяет заключить, что рассудок – это начальное звено в мыслительном процессе, он трансформирует мысли, идеи и образы с помощью языковой формы в идентифицируемую модель. Интеллект выступает развитой формой рассудка, которая сочетает в себе как индуктивное, так и дедуктивное мышление (рассудок ограничивается только индуктивным методом мышления). Интеллектуальное мышление отличается более высокой скоростью проведения мыслительных операций, а также использует такие нерациональные формы мышления, как интуиция, предвидение, воображение. Что касается разума или разумного мышления, то его стоит определить как высшую мыслительную способность человека. Разум, в отличие от рассудка, как писал И. Кант, «сохраняет за собой одну лишь абсолютную целокупность в применении рассудочных понятий и стремится довести синтетическое единство, которое мыслится в категориях, до абсолютно безусловного» [11].

Отдавая должное философам и правоведам прошлого, стоит признать, что исследование разумного мышления в контексте понимания природы и сущности права как высшего проявления мыслительных способностей человеческого организма было не случайным. В этом видится желание абсолютизировать право и придать ему безусловный характер как величайшему достижению человеческого (именно человеческого!) прогресса. Однако если бы право было продуктом исключительно мирового разума (логос, нус, слово божье) без участия интеллектуального мышления человека, то вряд ли было столь явным, к примеру, отставание правового регулирования от технологического прогресса (по мнению некоторых ученых, речь идет о десятилетнем разрыве). Другой пример связан с бесконечным массивом дополнений и поправок, вносимых в действующее законодательство, свидетельствующих о низком качестве законов, спешности их принятия, отсутствии концептуальности в планировании и прогнозировании результатов правового регулирования. Причина всего этого, по мнению Н. А. Власенко, кроется в самом разуме, который может пренебрегать закономерностями права, манипулировать правовыми механизмами или попросту «не уважать его» [3, с. 12]. Да и в целом стоит сказать, что разум не является абсолютной величиной, он небезупречен и зачастую ограничен объективными и субъективными факторами.

Выводы

Разумное мышление – это уникальное явление, способность и одновременно принцип жизни человека. Только человек как разумное существо способен изменять окружающую его реальность, противостоять пагубному влиянию природы, в отличие от животных, которые приспосабливаются к среде обитания. Право в данном аспекте непосредственно связано с разумом. Разум одновременно выступает а) сущностью права, его источником; б) принципом (принцип разумности), лежащим в основе системы построения, развития (совершенствования) и функционирования правовых механизмов; в) средством, лежащим в основе правопонимания и интерпретации права, выраженного в правовых нормах.

Таким образом, на основе проведенного анализа автором предлагается следующее определение права: это результат интеллектуально-разумной мыслительной деятельности человека, выраженный в информационном комплексе правил поведения, синергийно организованных в упорядоченную систему. В соответствии с данной дефиницией признаками права стоит считать системность и интеллектуальную производность. Под системностью следует понимать упорядоченную в систему, объединенную наличием внутренних и внешних связей совокупность норм (правил поведения). Внутренняя системность предполагает наличие у системы права свойств целостности, саморегуляции, непрерывности и интеграции. Внешняя системность задает взаимодействие системы права с другими регуляторами общественного поведения. Признак интеллектуальной производности состоит в том, что право является результатом интеллектуально-разумной мыслительной деятельности человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров, Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма / Н. Г. Александров. – Москва : Госюриздат, 1961. – 271 с.
2. Власенко, Н. А. Методологические проблемы современной теории права / Н. А. Власенко // Журнал российского права. – 2019. – № 4 (268). – С. 5–19.
3. Власенко, Н. А. Разумность и определенность в правовом регулировании / Н. А. Власенко. – Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2014. – 157 с. – ISBN 978-5-16-010271-9.
4. Гоббс, Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Томас Гоббс // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова. – URL: http://lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt (дата обращения: 15.02.2021).
5. Гордиенко, А. А. Сущность советского права и его роль в социалистическом обществе / А. А. Гордиенко. – Ташкент : Фан, 1967. – 147 с.
6. Гредескул, Н. А. К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующий для осуществления права / Н. А. Гредескул. – Харьков : Тип. А. Дарре, 1900. – 235 с.
7. Гроций, Г. О праве войны и мира. Книга первая / Г. Гроций // Гражданское общество в России : научная электронная библиотека. – URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Groziy_Kn1.pdf (дата обращения: 15.02.2021).
8. Денисов, А. И. Теория государства и права / А. И. Денисов. – Москва : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. – 532 с.
9. Иоффе, О. С. Вопросы теории права / О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. – Москва : Госюриздат, 1962. – 381 с.
10. История политических и правовых учений : учебник для вузов / под общей редакцией В. С. Нерсесянца. – Изд. 2-е, стереотип. – Москва : Издательская группа НОРМА–ИНФРА-М, 2000. – 736 с. – ISBN 5-89123-442-4, ISBN 5-16-000322-3.
11. Кант, И. Критика чистого разума / Иммануил Кант. – URL: https://librebook.me/critique_of_pure_reason_ (дата обращения: 04.03.2021).
12. Кант, И. Метафизика нравов. Учения о праве. Часть первая / И. Кант // Гражданское общество в России : научная электронная библиотека. – URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_Metaphisika_2.pdf (дата обращения: 04.03.2021).
13. Кельзен, Г. Чистое учение о праве / Ганс Кельзен. – Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2015. – 542 с. – ISBN 978-5-905966-54-5.
14. Конференция по искусственному интеллекту // Президент России : официальный сайт. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/64545 (дата обращения: 15.02.2021).
15. Кроткова, Н. В. Общая теория права: история и современное состояние. К 110-летию со дня рождения А. И. Денисова (1906–1984) / Н. В. Кроткова // Государство и право. – 2017. – № 4. – С. 107–125.
16. Маркс, К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции / К. Маркс // Marxists Internet Archive. – URL: https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t01.pdf (дата обращения: 04.03.2021).
17. Маркс, К. Передовица в № 179 «K Inische Zeitung» / К. Маркс // Marxists Internet Archive. – URL: https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t01.pdf (дата обращения: 04.03.2021).
18. Маркс, К. Сочинения. Том XII. Часть 1 / К. Маркс, Ф. Энгельс ; под ред. В. Адоратского. – Москва : Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. – 603 с.
19. Мегилл, А. Карл Маркс: бремя разума / Алан Мегилл. – Москва : Канон +, 2011. – 335 с. – ISBN 978-5-88373-254-2.
20. Михайловский, И. В. Очерки философии права. Том 1 / И. В. Михайловский. – Томск : В. М. Посохин, 1914. – 632 с.
21. Немецкая историческая школа права. – Челябинск : Социум, 2010. – 528 с. – ISBN 978-5-91603-033-4.
22. Основные задачи науки советского социалистического права : доклад А. Я. Вышинского, прения и заключительное слово на I совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.). – Москва : Юриздат, 1938. – 192 с.
23. Павлов, В. И. К вопросу об антропологическом типе правопонимания / В. И. Павлов // Правоведение. – 2015. – № 4 (321). – С. 71–97.
24. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Том 2 / Проф. Л. И. Петражицкий. – Санкт-Петербург : Тип. М. Меркушева, 1910. – 758 с.
25. Прокофьев, К. Г. Г. Кельзен и Г. Харт о нормативной природе средств правового и морального регулирования социальных процессов / К. Г. Прокофьев, Д. В. Шкрум // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 9. – С. 188–195.
26. Ромашов, Р. А. Реалистический позитивизм: интегративный тип современного правопонимания / Р. А. Ромашов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 1 (258). – С. 4–11.
27. Рэнд, А. Добродетель эгоизма / Айн Рэнд. – Москва : Альпина Паблишер, 2018. – 267 с. – ISBN 978-5-9614-7069-7.
28. Савенков, А. Н. Л. И. Петражицкий как социолог права / А. Н. Савенков, В. С. Горбань // Социологические исследования. – 2019. – № 3. – С. 118–128.
29. Савиньи, Ф. К. фон. Система современного римского права. В 8 томах. Том 1 / Фридрих Карл фон Савиньи ; под редакцией О. Кутателадзе и В. Зубаря. – Москва : Статут, 2011. – 510 с. – ISBN 978-5-8354-0769-9.
30. Сырых, В. М. Материалистическая теория права : избранное / В. М. Сырых. – Москва : Рос. акад. правосудия, 2011. – 1259 с. – ISBN 978-5-93916-302-6.
31. Тимошина, Е. В. Теория и социология права Л. И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Тимошина Елена Владимировна. – Москва, 2013. – 556 с.
32. Толстик, В. А. Понятие содержания права / В. А. Толстик, Н. А. Трусов // Государство и право. – 2014. – № 6. – С. 5–13.
33. Философская энциклопедия. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2361 (дата обращения: 20.03.2021).
34. Философский словарь / под редакцией М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина. – Москва : Политиздат, 1963. – 544 с.

35. Харт, Г. Л. А. Понятие права / Г. Л. А. Харт ; под общей редакцией Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. – 302 с. – ISBN 978-5-288-04211-9.
36. Энгельс, Ф. Манифест Коммунистической партии / Фридрих Энгельс, Карл Генрих Маркс // Социалистическая Альтернатива : сайт. – URL: https://socialist.news/pic/truestory/marx-permanent-revolution/communist-manifesto.pdf (дата обращения: 04.03.2021).

REFERENCES

1. Aleksandrov N.G. *Pravo i zakonnost' v period razvernutogo stroitel'stva kommunizma* [Law and legality during the period of extensive construction of communism]. Moscow: Gosyurizdat, 1961. 271 p.
2. Vlasenko N.A. Methodological problems of the modern theory of law. *Zhurnal rossiiskogo prava=Journal of Russian Law,* 2019, vol. 268, no. 4, pp. 5–19. (In Russ.).
3. Vlasenko N.A. *Razumnost' i opredelennost' v pravovom regulirovanii* [Reasonableness and certainty in legal regulation]. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii: INFRA-M, 2014. 157 p.
4. Gobbs T. *Leviafan, ili materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan or the matter, forme and power of a commonwealth ecclesiasticall and civil]. P. 89. Available at: http://lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt (accessed February 15, 2021)
5. Gordienko A.A. *Sushchnost' sovetskogo prava i ego rol' v sotsialisticheskom obshchestve* [Essence of Soviet law and its role in socialist society]. Tashkent: Fan, 1967. 147 p.
6. Gredeskul N.A. *K ucheniyu ob osushchestvlenii prava. Intellektual'nyi protsess, trebuyushchii dlya osushchestvleniya prava* [To the doctrine of the exercise of law. Intellectual process that requires the exercise of law]. Kharkov: tip. A. Darre, 1900. 235 p.
7. Grotius G. *O prave voiny i mira. Kniga pervaya.* [On the law of war and peace]. Available at: https://www.civisbook.ru/files/File/Groziy_Kn1.pdf (accessed February 15, 2021)
8. Denisov A.I. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of the state and law]. Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo Ministerstva yustitsii SSSR, 1948. 532 p.
9. Ioffe O.S., Shargorodskii M.D. *Voprosy teorii prava* [Law theory issues]. Moscow: Gosyurizdat, 1962. 381 p.
10. *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii: uchebnik dlya vuzov* [History of political and legal doctrines: textbook for universities]. Ed by V.S. Nersesyants. Moscow: Izdatel'skaya gruppa NORMA–INFRA-M, 2000. 736 p.
11. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. Available at: https://ebooks-free.net/kniga/kritika-chistogo-razuma.html (accessed March 4, 2021).
12. Kant I. Groundwork of the metaphysics of morals. Part 1. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii : nauchnaya elektronnaya biblioteka* [Civil Society in Russia : Scientific Electronic Library]. Available at: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_Metaphisika_2.pdf (accessed March 4, 2021).
13. Kelzen G. *Chistoe uchenie o prave* [Pure theory of law]. Saint-Petersburg: OOO Izdatel'skii Dom "Alef-Press", 2015. 542 p.
14. Conference on Artificial Intelligence. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii.* [Official web-site of Russian President]. Available at: http://www.kremlin.ru/events/president/news/64545 (accessed February 15, 2021).
15. Krotkova N.V. General theory of law: history and current state. the 110th anniversary of the birth of A. I. Denisov (1906-1984). *Gosudarstvo i pravo=State and Law,* 2017, no. 4, pp. 107–125. (In Russ.).
16. Marx K. Comments on the latest Prussian Censorship Instruction. *Marxists Internet Archive.* Available at: https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t01.pdf (accessed March 4, 2021).
17. Marx K. The Leading article in No. 179 of the K lnische Zeitung". *Marxists Internet Archive.* Available at: https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t01.pdf (accessed March 4, 2021).
18. Marx K., Engels F. Sochineniya. T. XII. Ch. 1. [Essays]. Vol.12. Part 1. Ed. by V. Adoratskii. Moscow: Partizdat TsK VKP(b), 1935. 603 p.
19. Megill A. *Karl Marks: bremya razuma* [Karl Marx: the burden of reason]. Translated from English. Moscow: Kanon +, 2011. 335 p.
20. Mikhailovskii I.V. *Ocherki filosofii prava. T. 1* [Essays on the Philosophy of Law. Vol. 1]. Tomsk, 1914. 632 p.
21. *Nemetskaya istoricheskaya shkola prava* [German historical school of law]. Chelyabinsk, 2010. 528 p.
22. *Osnovnye zadachi nauki sovetskogo sotsialisticheskogo prava : doklad A. Ya. Vyshinskogo, preniya i zaklyuchitel'noe slovo na I soveshchanii po voprosam nauki sovetskogo gosudarstva i prava (16–19 iyulya 1938 g.)* [Key tasks of the science of Soviet socialist law: A.Ya. Vyshinsky's report, debates and closing remarks at the First meeting on the science of the Soviet state and law (July 16–19, 1938)]. Moscow : Yurizdat, 1938. 192 p.
23. Pavlov V.I. On the question of the anthropological type of understanding law. *Pravovedenie=Understanding Law,* 2015, vol. 321, no. 4, pp. 71–97. (In Russ.).
24. Petrazhitskii L.I. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei nravstvennosti* [Theory of law and the state in connection with the theory of morality]. Vol. 2Saint-Petersburg, 1910. 758 p.
25. Prokof'ev K.G., Shkrum D.V. G. Kelsen and G. Hart on the regulatory nature of the means of legal and moral regulation of social processes. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'=Legal Science: History and the Presence,* 2019, no. 9, pp. 188–195. (In Russ.).
26. Romashov R.A. Realistic positivism: integrative type of modern understanding of law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie= Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie,* 2005, vol. 258, no. 1, pp. 4–11. (In Russ.).
30. Rusakov V.M., Rusakova O.F. Problem and categories of rational and irrational in Classical Marxism. *Diskursologiya: metodologiya, teoriya, praktika= Discoursology: methodology, theory, practice,* 2018, no. 11, pp. 190–222. (In Russ.).
27. Rand A. *Dobrodetel' egoizma* [The Virtue of Selfishness]. Moscow: Al'pina Pablisher, 2018. 267 p.
28. Savenkov A.N., Gorban' V.S. L.I. Petrazhitsky as a sociologist of law. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies,* 2019, no. 3, pp. 118–128. (In Russ.).
29. Savigny F.C. *Sistema sovremennogo rimskogo prava* [System of the Modern Roman Law]. Vol. 1. Translated from German by G. Zhigulin. Edited by O. Kutateladze, V. Zubary. Moscow: Statut, 2011. 510 p.

30. Syrykh V.M. *Materialisticheskaya teoriya prava: Izbrannoe* [Materialistic theory of law: selected] Moscow: RAP, 2011. 1259 p.
31. Timoshina E.V. *Teoriya i sotsiologiya prava L.I. Petrazhitskogo v kontekste klassicheskogo i postklassicheskogopravoponimaniya: diss. ... d-ra yurid. nauk* [Theory and Sociology of Law by L. I. Petrazhitskii in the context of classical and post-classical understanding of law: of Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2013. 556 p.
32. Tolstik V.A., Trusov N.A. The notion of the content of law. *Gosudarstvo i pravo=State and Law,* 2014, no. 6, pp. 5–13. (In Russ.).
33. *Filosofskaya entsiklopediya* [Philosophical encyclopedia]. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2361 (accessed March 20, 2021)
34. *Filosofskii slovar'* [Philosophical dictionary]. Ed. by M.M. Rozental' and P.F. Yudin. M., 1963. 544 s.
35. Hart H. L. A. *Ponyatie prava* [The Concept of law]. Ed. by E.V. Afonasin and S.V. Moiseev. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007. 302 p.
36. Engels F., Marx K. Manifesto of the Communist Party. *Sotsialisticheskaya Al'ternativa: sait* [Sociological alternative: website]. Available at: https://socialist.news/pic/truestory/marx-permanent-revolution/communist-manifesto.pdf (accessed March 4, 2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КОСЫХ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3563-6848, e-mail: lexovip36@mail.ru

ALEKSEI A. KOSYKH – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department for State and Legal Disciplines of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3563-6848, e-mail: lexovip36@mail.ru

Статья поступила 12.05.2021

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-721–732
УДК 343.9

Серийные убийства

Ю. М. АНТОНЯН
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0030-3031, e-mail: antonyan@yandex.ru

Реферат
Введение: статья посвящена характеристике весьма опасных преступлений, которые могут носить как сексуальный, так и несексуальный характер. Приводятся основные характеристики серийных убийц, особенно сексуальных, предпринимается попытка объяснения их преступного поведения. *Цель:* раскрытие внутренних причин совершения названных преступлений через мотивацию преступников с учетом внешних способствующих факторов. Выбор именно мотивации закономерен, ибо в мотивах заключены побудительные силы поведения, его личностный смысл, то есть то, ради чего совершаются преступные действия, в чем их субъективная выгода для индивида. *Обсуждение:* изнасилования и убийства, совершенные с особой жестокостью, насилие над детьми и причинение им тяжких увечий, различного рода сексуальные извращения всегда вызывали естественное отвращение и нежелание заниматься непосредственным изучением личности виновных. Статья основана на изучении личности и поведения преступников, осуществленном автором лично. *Результаты:* выделены основные черты, определяющие специфику серийных убийств, такие как частота / периодичность совершения преступлений; клишированность самих преступных действий; совершение в условиях неочевидности; проявление особой внешне ничем не мотивированной жестокости. Раскрыты и классифицированы причины серийных убийств: потребность мести; способ самоутверждения; с целью сокрытия следов иных преступлений; для очищения общества от аморальных личностей, позорящих человеческий род, грязных и ненужных; психологическая зависимость от собственного поведения; связь с некоторыми религиозными культами.

Ключевые слова: убийство; изнасилование; серийные сексуальные убийства; личность и причины серийных сексуальных убийств.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Антонян Ю. М. Серийные убийства. *Пенитенциарная наука,* 2021, т. 15, № 4 (56), с. 721–732. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-721–732.

Serial Murders

YURII M. ANTONYAN
All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0030-3031, e-mail: antonyan@yandex.ru

Abstract
Introduction: the article is devoted to very dangerous crimes that can be both sexual and non-sexual in nature. It provides key characteristics of serial killers, especially sexual ones, and discloses their criminal behavior. P*urpose:* uncovering of internal causes of such offenses through criminals' motivation and external contributing factors. Consideration of motivation is reasonable, as motives contain motivating forces of behavior, its personal meaning, i.e. what these criminal actions are committed for, what is their subjective benefit

for the individual. *Discussion:* rapes and murders committed with extreme cruelty, violence against children and causing them serious injuries, various kinds of sexual perversions have always caused natural disgust, and consequently, unwillingness to engage in direct study of the identity of offenders. The article is based on the study of personality and behavior carried out by the author himself. *Results:* the author identifies main features defining the specifics of serial murders, such as frequency of committing crimes; cliched nature of criminal acts; crime commission in conditions of non-obviousness; manifestation of a special externally unmotivated cruelty. The researcher classifies causes of serial murders, such as need for revenge; a way of self-affirmation; concealing traces of other crimes; purging humanity of immoral personalities, dishonoring the human race; psychological dependence on criminals' own behavior; connection with some religious cults.

Keywords: murder; rape; serial sexual murders; personality and causes of serial sexual murders.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Antonyan Yu.M. Serial murders. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 4 (56), pp.721–732. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-721–732.

Следует различать два основных вида серийных убийств:

– совершенные по сексуальным мотивам (серийные сексуальные убийства);

– серийные убийства, не связанные с сексуальными мотивами и часто совершаемые некрофильскими личностями.

Вторая разновидность серийных убийств встречается намного реже и главным образом детерминируется ненавистью к людям и некрофильскими побуждениями. Внешне такие преступления кажутся немотивированными или хулиганскими, но на самом деле не являются ни теми, ни другими. Мотивы преступников – ненависть к людям, и у всех из них надо отметить некрофилию, под которой следует понимать стремление к мертвому, желание сделать живое мертвым, заглянуть в то таинственное, что зовется смертью. Таким был битцевский (по названию парка в г. Москве) маньяк Пичушкин, убивавший без разбора мужчин, женщин, детей общим числом около семидесяти, который к тому же силился доказать, что он не пичужка, то есть маленькая птичка, хотя его так дразнили в детстве.

Некрофилом был и серийный убийца Лукьянчук, который представлял собой крайне тревожную личность, вполне обоснованно считая, что его наркомания и алкоголизм порождены именно тем, что он постоянно ждал беды, хотя и не знал, откуда она к нему придет. В социальном отношении он был абсолютно люмпенизированным алкоголиком, давно и навсегда выброшенным за пределы нормального общения. Он проживал с сожительницей (тоже алкоголичкой и, с его слов, с задержкой умственного развития) и ее матерью – инвалидом II группы в связи с переломом ноги, также злоупотреблявшей спиртными напитками. С ними жил еще сожитель последней, Криулин, он же соучастник убийств, совершенных Лукьянчуком. Криулин, конечно же, был алкоголиком, дважды сидел в тюрьме и к тому же не имел постоянного пристанища. Жил он тем, что ловил бродячих собак и поедал их (в качестве закуски, разумеется), а шкуры продавал. Куда уходила выручка, догадаться нетрудно.

Первое убийство было совершено Лукьянчуком вместе с Криулиным в 1994 г.

Каждое убийство (и пояснения о нем самого Лукьянчука) рассмотрим отдельно:

1. 10 октября 1994 г. вместе с Криулиным убил неизвестного мужчину, задушив его веревкой, причем инициатором убийства был именно Лукьянчук, он же стягивал веревку на шее жертвы. Криулин помог ему тем, что держал потерпевшего. Труп вдвоем спрятали в канализационном люке, где он и был обнаружен в процессе предварительного следствия.

По поводу этого эпизода Лукьянчук рассказал следующее: «В тот день около 17 часов я пошел за водкой, а когда вернулся, моя сожительница Таня сказала мне, что во время моего отсутствия к нам в форточку стучался какой-то мужик. Сели пить водку вчетвером с Криулиным и матерью Тани. В это время раздался стук в дверь. Таня посмотрела в глазок и сказала, что пришел тот самый мужик, который стучал в форточку. Я взял веревку, Криулин – нож. Открыли дверь, Криулин сразу ударил его рукояткой ножа по голове, тот даже сказать ничего не успел, и я так до сих пор не знаю, что этот человек хотел. Мы сняли с него куртку и пова-

лили на пол, я накинул ему веревку на шею, хотя мужчина просил его не убивать. Задушил его. Вдвоем с Криулиным выбросили тело в канализационный люк.

Мне давно хотелось убить человека. Все случая не было, а тут он сам пришел (имеется в виду убийство незнакомого мужчины. – Ю. А.). Я сказал Криулину, что его надо задушить, а Криулин хотел зарезать. Человек он мне неизвестный, он пришел, чтобы его убили, и его надо было убивать. Я после спать хотел». Он как бы знал, что тот пришел за своей смертью, что его надо было убить. В рассказе Лукьянчука обращает на себя внимание то, что он давно хотел убить человека и убил того, кто не сделал ему ничего плохого, он его вообще не знал и видел впервые, но не сомневался, что его надо убить.

2. 7 декабря 1994 г. Лукьянчук и Криулин выпивали в доме дяди Лукьянчука, где присутствовал их общий знакомый Лосев. Во время выпивки Лукьянчук нанес Лосеву несколько ударов ножом в шею, отчего тот скончался на месте. Вместе с Криулиным труп бросили в тот же канализационный люк, куда и тело неизвестного мужчины.

Об этом эпизоде Лукьянчук рассказал следующее: «Когда выпивали, Лосев сказал, что он судим. Я подумал, как бы он не ударил меня ножом. Поэтому я схватил кухонный нож и два раза ударил Лосева в шею. Я хотел ему голову проткнуть, самого его я как бы и не заметил. Голова его меня интересовала, голова его мне не понравилась. Злость у меня была. Тогда все было неясно. Против Лосева я ничего не имел. У Лосева, может, сердце доброе, он человек хороший».

3. В конце декабря 1994 г. Лукьянчук, Криулин и брат убитого Лосева Анатолий Лосев вновь пьянствовали в доме дяди Лукьянчука. Никакой ссоры между собутыльниками не было. Анатолий Лосев, захмелев, лег на диван и заснул. Лукьянчук стащил его на пол и убил тремя ударами в шею. Вместе с Криулиным труп сбросили в тот же люк.

Об этом убийстве Лукьянчук дал такие разъяснения: «После первого убийства я носил с собой складной нож. Я его взял, чтобы защищаться от друзей убитого мною Лосева. Анатолий меня ни в чем не подозревал, хотя и говорил о желании найти убийцу брата. Как убил Толика, не помню хорошо. Я не подумал, зачем его убиваю. Сам он ниже травы, тише воды. Как объяснить, не знаю».

4. 7 января 1995 г. в доме дяди Лукьянчука в очередной раз была устроена пьянка, в которой приняли участие Лукьянчук, Криулин и Потапов. Лукьянчук начал ссору с Потаповым и нанес ему несколько ударов ножом в шею. Труп с помощью Криулина и своего дяди спрятал в подвал дома последнего. Об этом преступлении убийца сказал: «Лева (Потапов) был дядин сосед, у него я увидел черно-белый телевизор и хотел его украсть. Но телевизор был неисправен».

В том же месяце Лукьянчук пытался убить еще одного собутыльника, ударив его ножом в голову, но тот сумел убежать.

Прежде всего, Лукьянчук является душевнобольным человеком, судебно-психиатрическая экспертиза констатировала у него шизофрению. Однако это не освобождает от необходимости понять эту личность и ответить на вопрос, почему он лишил жизни четверых и посягал на жизнь пятого человека. Душевная болезнь определенно сыграла здесь свою негативную роль, однако, как известно, далеко не все психически больные совершают серию убийств.

Нетрудно заметить, что у Лукьянчука сформировался бред преследования, он очень боялся всего, сам не зная, чего именно, поэтому страх у него носит глобальный характер и, по существу, представляет собой страх смерти. Это некрофилическая, фобическая, замкнутая, дезадаптированная личность, исключительно близко стоящая к смерти; он, с одной стороны, страшится ее, а с другой – непреодолимо стремится к ней. Лукьянчук сказал: «Я помогал смерти... Мне страшно без зла... Я слушался ее призывов убивать». Он ощущал себя слугой смерти. Причем в его больном воображении она принимала образ всеобщего и всепоглощающего зла, однако это зло у него не было с безусловным знаком минус, напротив, судя по его рассказам, оно не обладает зловещими чертами, с ним ему хорошо, и оно ему давало покой. Зло было «постоянно где-то рядом», и он был под его защитой. К смерти его тянуло всегда, поэтому он, по его словам, придушивал пьяных на улице, свою сожительницу и ее мать, но тогда еще мог контролировать себя и по этой причине не носил с собой нож.

Особенно красноречивы слова Лукьянчука, связанные с первым убийством: «Человек мне неизвестный, он пришел, чтобы его убили. Ждешь-ждешь, вот он и пришел, и его надо убивать». Создается впечатление, что Лукьянчук выполнял свою вполне определенную обязанность или, во всяком случае,

нечто очень важное и давно задуманное. Поэтому иначе он поступить не мог. Так ему было необходимо, так ему было предписано. А человек неизвестный так и остался неизвестным следствию и суду: его похоронили, не обнаружив при нем никаких документов. Он ведь, полагал Лукьянчук, пришел для того, чтобы его убили, а для этого не нужны документы. Вопрос «Кто он такой?» убийца считал излишним – главное, его надо было убивать. У несчастного не было иного смысла приходить, как только чтобы быть убитым.

Что представляет собой зло в понимании, точнее предощущениях, Лукьянчука? Сам он не смог (или не захотел) дать определение. По-видимому, это некая психологически помогающая ему сила или, скорее всего, сама смерть. Во всяком случае, это нечто, что выходит за пределы его личности и в то же время обретается в ее рамках. Очень схожую позицию занимает сам Лукьянчук: он одновременно и в этой, и в той жизни. Жизнь вне утробы, то есть обычная жизнь, для него есть смерть, а собственно жизнь может быть только в утробе, то есть до рождения, идеальное место для него только в материнском лоне. Функции этого лона исполняет для него тюремная камера, обеспечивающая безопасность и уют. Истинную радость и душевный подъем он испытывает, когда узнает об убийствах и других криминальных фактах. Можно полагать, что именно смерть другого (или других) вызывает в нем радость. Это существенное обстоятельство, еще раз дающее возможность говорить о Лукьянчуке как о некрофильской личности, живущей в своем особом мире между жизнью и смертью.

Не зная психологии виновного в посягательстве на половую неприкосновенность, невозможно понять, почему он это сделал. Отсюда следуют нерешенность многих криминологических, криминалистических, экспертных, исправительных и других проблем, почти полное отсутствие научно обоснованных предложений и рекомендаций по профилактике и раскрытию этих преступлений, исправлению виновных. Есть еще одно обстоятельство, препятствующее глубокому познанию половых правонарушений: кроме того, что для изучения такого рода преступлений требуются специальные знания и навыки применения тонких методик, эти правонарушения сами по себе, в силу своего характера и тяжести последствий, нередко как бы отталкивают от себя исследователя. Изнасилования и убийства, совершенные с особой жестокостью, насилие над детьми и причинение им тяжких увечий, различного рода сексуальные извращения всегда вызывали естественное отвращение и нежелание заниматься непосредственным изучением личности виновных.

Уместно отметить, что половое поведение, пусть и преступное, как и сексуальная жизнь человека в целом, относятся к числу самых больших и загадочных тайн природы, общества и личности и, возможно, нигде, как в такой жизни, столь сложно и тесно не переплетаются в человеке природные и социальные силы. Сексуальные эмоции, переживания и установки сугубо интимны, скрытны и глубоки, порой драматичны, имеют исключительное бытийное значение. Они оказывают огромное влияние на судьбу человека, подчас круто меняют ее, перестраивают все мироощущение.

Сексуальные отношения множеством невидимых нитей переплетаются с иными связями и ценностями, они часто непонятны для внешнего взгляда и даже необъяснимы, их познанию существенно препятствуют тысячелетние ошибки и заблуждения, страхи и предрассудки, предвзятые и неоднозначные оценки, суеверия и сложнейшая символика. Слишком часто в межполовых отношениях и эмоциях видели источник и сущность человеческой порочности, а отношение к ним колебалось от наготы и цинизма до пуританской стыдливости, замалчивания и даже полного отрицания. Тем не менее секс и сексуальные отношения во всем их многообразии всегда сохраняют свою властную притягательную силу. В качестве объекта изучения они всегда привлекали внимание философов, психологов, юристов, писателей.

Сексуальное насилие как разновидность полового поведения, точнее, его несоциализированная, вандалическая форма, не может быть адекватно объяснено лишь как правовое явление вне широкого контекста сексуальной жизни человека, разнообразных социально-психологических связей и механизмов, роли сексуальности в его жизни.

Главная задача, которую мы ставим перед собой в данной статье, заключается в попытке раскрытия внутренних причин названных правонарушений через их мотивацию с учетом внешних способствующих их совершению факторов. Выбор именно

мотивации закономерен, ибо в мотивах заключены побудительные силы поведения, его личностный смысл, то есть то, ради чего совершаются данные преступные действия, в чем состоит их субъективная выгода для индивида. Ведь очень часто стороннему наблюдателю представляется, что наступающие последствия в виде уголовного наказания неизмеримо превышают все зримые выгоды от совершенного правонарушения и поэтому, казалось бы, нет никакого смысла поступать таким образом. Однако так только кажется, поскольку самые дикие, гнусные, даже нелепые поступки всегда, подчеркиваем – всегда, имеют свою внутреннюю логику, свое внутренне обоснование, свой психологический выигрыш. А понять это можно, лишь принимая во внимание мотивы поведения.

Многоэпизодные сексуальные убийства бросают дерзкий вызов цивилизации. Причинами резкой реакции на них общества являются их более частое совершение в последние годы, исключительно опасные последствия, множество жертв, в том числе детей, беспомощность полиции в ряде случаев. Необходимо отметить, что аналогичные явления наблюдаются во всем мире, и можно утверждать, что возникающие в связи с этим проблемы актуальны для многих стран.

Сексуальные убийцы, как первобытные охотники, обычно выслеживают жертву, внезапно нападают на нее, приводя в состояние шока, насилуют, с исключительным неистовством наносят множество телесных повреждений, вспарывают грудь и живот, выворачивают внутренности, совершают надругательство над половыми органами, отрезают отдельные куски тела и т. д. Создается впечатление, что на свет вырвались ранее невиданные чудовища, грозные слуги смерти, которым не ведомы никакие общественные установления и человеческие чувства. Это впечатление еще больше усиливается, когда выявляются факты каннибализма – поедания отдельных частей тела потерпевших.

Разумеется, предупреждение и расследование подобного рода преступлений представляет немалую сложность, особенно учитывая тот факт, что их часто совершают люди, которые никогда не привлекали внимание правоохранительных органов и ничем не выделялись среди других. Часто трудно бывает решить, действовал ли во всех эпизодах серийных сексуальных убийств один человек или убийц было несколько. Иногда эти преступления совершаются на территории разных регионов, в то же время улики на месте происшествия обнаруживаются сравнительно редко, очевидцев же, как правило, вообще не бывает.

Исследование показало, что так называемые многоэпизодные (серийные) сексуальные убийства включают в себя, помимо собственно убийств путем нанесения телесных повреждений, такие действия, как изнасилование, мужеложство с применением насилия, имиссия (введение полового члена) и введение различных предметов во все естественные отверстия тела (чаще в половые органы), обнажение умерщвленных жертв, мастурбирование на фоне созерцания трупов, коитальные и орально-анальные действия с трупами, отсечение гениталийи (или) молочных желез, введение отрезанных мужских гениталий в естественные отверстия тела потерпевшего, извлечение внутренних органов при помощи различных колюще-режущих предметов и (или) посредством выгрызания или вырывания без применения вышеназванных средств, расчленение трупов, дефлорация (лишение девственности), нанесение телесных повреждений различной тяжести с целью получения сексуального и иного удовлетворения, а также некоторые другие аналогичные действия.

Серийными сексуальными убийствами следует считать два и более факта лишения жизни в связи с сексуальными переживаниями преступника. При этом не имеет значения, кто стал жертвой и какие временные интервалы наблюдаются между отдельными преступными посягательствами, а также то обстоятельство, совершены они вменяемым или невменяемым лицом.

Между тем сексуальные убийства далеко не однородны. Большая часть подобных преступлений совершается по сексуальным мотивам: лишение жизни с целью получения сексуального удовлетворения от самого такого факта либо в связи с тяжелыми переживаниями своих сексуальных проблем, потребностью мести женщинам, утверждением себя в качестве мужчины-самца и т. д. Другая часть таких убийств совершается при подавлении сопротивления жертвы исключительно с целью изнасилования. От самого убийства преступники в этом случае не получают никакого удовлетворения, более того, вполне возможно, что убийство

даже не входит в их планы, и не исключено, что они сожалеют о смерти своих жертв. В эту группу, конечно, входят убийства с целью соития с трупом: такие деяния составляют особую разновидность кровавых преступлений. Понятие некрофилии, введенное в науку Р. Крафт-Эбингом, было отнесено им как раз к таким преступлениям.

Еще одна группа так называемых серийных сексуальных убийств совершается с целью сокрытия следов изнасилований или других сексуальных действий. Именно эта часть преступлений сопровождается попытками закапывания и сжигания трупов жертв, а также актами их расчленения. В таких случаях преступники, как и все те, кто совершают серийные убийства по сексуальным мотивам и с целью соития с трупом, обладают более или менее выраженными чертами, свойственными некрофилам.

Обращают на себя внимание и те сексуальные убийства, которые совершаются в случаях, когда преступник расценивает те или иные слова или действия женщины как крайне унизительные для себя. Обычно это происходит во время полового акта или непосредственно после него, при этом необязательно этот акт реально носил насильственный характер, а оскорбление действительно имело место. Такие преступления совершаются только по сексуальным мотивам, поскольку преступник болезненно воспринимает слова жертвы именно в отношении его сексуальных возможностей. Он защищает себя как самца.

Подобного рода защитные убийства могут быть и не серийными, а, так сказать, одноразовыми, но все равно их следует относить к сексуальным.

Значительную группу серийных сексуальных убийств составляют те, которые совершаются якобы для очищения общества от аморальных личностей, позорящих человеческий род, грязных и ненужных. Жертвами при этом становятся проститутки и женщины, которые, на взгляд убийцы, ведут безнравственный образ жизни. Таковыми были, согласно представлениям иркутского маньяка Попкова, те женщины, которые употребляют спиртные напитки, – по этому признаку он убил 81 чел. Возникает вопрос, являются ли подобные деяния сексуальными, ведь даже сам преступник определяет свою цель как очищение общества. Эту цель называл и Попков, в связи с чем утверждал, что ему незачем каяться, он, иначе говоря, делал нужное обществу дело, тем более что его действия не были связаны с изнасилованиями или сексуальной некрофилией, то есть вступлением в интимную связь с женским трупом. Судя по всему, он убедил и самого себя в благородстве такой миссии.

Прежде всего, названным объяснениям самого убийцы доверять нельзя ни в коем случае, поскольку сразу же возникает естественный вопрос: почему общество избавляется только от плохих женщин, а не от мужчин, среди которых омерзительных личностей более чем достаточно? Версиям самих преступников не следует доверять и по той причине, что они пытаются таким образом оправдать себя, не исключено, что и в собственных глазах. Между тем изучение таких сексуальных убийц показывает, что они мстили женщинам за собственные сексуальные провалы, неумение построить отношения с ними на должном уровне. Постепенно у сексуального неудачника формируется особая психологическая, отчасти бессознательная установка вины женщины и в связи с этим самооправдания, что ему очень нужно.

Следует обратить внимание на то, что далеко не только сексуальные преступные действия могут быть серийными. Ими часто становятся кражи, хищения, мошенничества и другие преступления. Но сексуальные мы всегда выделяем особо, даже если это не убийства, а только изнасилования. Происходит это прежде всего потому, что сексуальная жизнь человека – это особая, какая-то таинственная и будоражащая сфера людского существования, всегда привлекающая к себе внимание. Очень часто серийный преступник, тот же карманный вор или мошенник, попадает в психологическую зависимость от собственного поведения, от которой обычно сам не может избавиться. Но таких преступников не называют маньяками, так обозначают только серийных сексуальных. Происходит это, на наш взгляд, как раз в силу особой значимости сексуальной сферы в нашей жизни. Здесь биологический фактор особенно заметен, он значим и в сексуальных провалах мужчины. Перенос на женщину (женщин) своей вины за сексуальные неудачи вполне естественен, поскольку дает возможность мужчине сохранить свое достоинство, честь как самца и таким образом обеспечить самопринятие, ведь человек стремится принять себя толь-

ко в определенном качестве. Провалы здесь для него особенно болезненны.

Таким образом, можно сделать вывод, что многоэпизодные сексуальные убийства условно могут быть разделены на пять отдельных групп: 1) убийства, совершенные с целью получения сексуального удовлетворения во время совершения; 2) убийства с целью подавления сопротивления жертвы перед или во время изнасилования; 3) убийства с целью соития с трупом; 4) убийства с целью сокрытия следов преступления; 5) убийства, совершенные в ответ на действия, расцениваемые как унижение; 6) месть женщине за собственные сексуальные провалы.

В науке предложены и иные типологии серийных сексуальных убийств. Так, Г. Б. Дерягин выделяет:

1) убийство как следствие преодоления сопротивления жертвы при попытке изнасилования;

2) убийство в целях лишения жертвы возможности призвать на помощь;

3) убийство в целях обострения сладострастных, сексуальных переживаний (сладострастное убийство);

4) убийство в момент неконтролируемого переживания оргазма (которое надо отличать от упомянутого выше);

5) убийство жертвы (и свидетелей) для сокрытия сексуального преступления;

6) убийство по другим мотивам, напоминающее сексуальное убийство, но таковым не являющееся [1].

Как представляется, эта типология недостаточно полная. Кроме того, непонятно, зачем относить к сексуальным убийства по другим мотивам.

Опираясь на существующие источники, Г. Б. Дерягин отмечает, что число убийств с изначально сексуальной мотивировкой в последние три десятилетия во всем мире постоянно возрастает. При этом они нередко характеризуются серийностью, то есть тем, что число эпизодов достигает двух и более. Этимологически под серией (от лат. series – «ряд») понимается последовательный ряд, группа неких сходных, обладающих общим признаком, объединенных одним названием событий. Таким образом, серию убийств надо отличать от двойного или массового убийства, тем более уже второе деяние, как правило, позволяет заметить криминальный почерк убийцы. Возраст сексуальных убийц имеет тенденцию к снижению, а сами сексуальные убийства – к усложнению. Так, в научной литературе описан случай сексуального убийства, совершенного 13-летним мальчиком, имевшим дисфункциональное семейство и психолого-психиатрические проблемы. Убийство он совершил в процессе сексуального насилия, повторив эпизоды только что просмотренного эротического фильма.

Аналогичные убийства при схожих ситуациях отмечены и другими авторами. Описаны случаи ритуального сексуального насилия, связанные с некоторыми религиозными культами.

Одной из исходных позиций проведенных с моим участием и мною исследований является признание того, что изнасилования и сексуальные убийства есть разновидности полового поведения, точнее, его несоциализированные и наиболее опасные формы. Такие преступления не могут быть объяснены только как правовые явления, вне широкого контекста сексуальной жизни человека, разнообразных индивидуально-психологических и социально-психологических связей и механизмов, сексуальных влечений и потребностей, именно поэтому требуются использование достижений различных наук, проникновение в бессознательную сферу психики. В целом это криминологическое, можно сказать, криминолого-психолого-психиатрическое исследование.

Степень защищенности людей от полового разбоя еще совершенно недостаточна. Между тем любой ущерб, нанесенный им, – это покушение и на общество, его нравственность, а поэтому общественное мнение в целом крайне негативно относится к таким посягательствам и всегда требует сурового наказания преступников. Абсолютно нетерпимы факты изнасилования детей и подростков обоего пола, изнасилования женщин, сопровождающиеся их убийством или нанесением тяжких телесных повреждений, особенно в тех случаях, когда подобные деяния совершаются не один, а много раз. Многоэпизодные серийные убийства и изнасилования вызывают широкий и всегда гневный резонанс, о них часто пишут, но в многочисленных статьях и даже книгах очень мало серьезных попыток разобраться в том, почему так случилось, что толкнуло данного конкретного человека на столь кровавое злодеяние.

Все изученные сексуальные преступления были совершены в разных местах, при

различных обстоятельствах, имели неодинаковое количество жертв и осуществлялись разными способами. Однако можно обнаружить некоторые объединяющие их признаки. К числу важнейших следует отнести то, что, во-первых, практически все они были совершены в условиях неочевидности, во-вторых, сопровождались особой внешне ничем не мотивированной жестокостью и, в-третьих, жертвами этих убийц иногда, хоть и редко, становились двое и более людей. Совершались убийства как в городах, так и в сельской местности.

На территории городов немалая часть преступлений совершалась в каких-либо помещениях (40,6 % от городских сексуальных убийств). Как правило, таким убийствам в помещениях предшествовало предварительное знакомство убийц и потерпевших с последующим совместным распитием алкогольных напитков. Иногда потерпевшие приводились в квартиру преступника насильно или под воздействием угроз. Помимо мест проживания преступников и жертв эти кровавые деяния совершались и в городских квартирах, принадлежащих их родственникам или знакомым. Остальные подобные преступления были совершены на чердаках, в подвалах, подъездах жилых домов и различных учреждений и предприятий, а также по месту работы жертвы или преступника, в гостиницах, банях.

Эти убийства имели место в городах не только в вышеперечисленных местах. Немалая их часть (59,4 %) произошла вне каких-либо помещений: на улицах города, стадионах, стройплощадках, территориях предприятий и учреждений, в парках, городских лесополосах и лесных массивах, глухих и безлюдных местах, на пустырях, территориях, прилегающих к городским железнодорожным вокзалам и автостанциям.

Здесь преступнику сравнительно легче осуществлять преступные действия ввиду практически полного отсутствия возможных свидетелей, меньше возникает проблем и с сокрытием следов преступления. Подчас попыток сокрытия даже и не предпринимается, если проживание или работа убийцы не связаны каким-либо образом с местом, где имело место противоправное деяние.

Следует заметить, что жертвами, когда нападение происходило внезапно, не всегда были ранее незнакомые женщины. Ими нередко становились те, с кем преступник знакомился за некоторое время до этого. Так, серийный убийца Чикатило (53 жертвы) завязывал знакомство на железнодорожных и автовокзалах, рынках, а затем под благовидным предлогом уводил в безлюдное место. Он был неплохим психологом и почти безошибочно угадывал одиноких женщин, недальновидных и простодушных.

Если рассматривать отдельно убийства в помещениях, то большая их часть была совершена в квартирах преступников (17,3 %), квартирах жертв (11,3 %), а также их родственников и знакомых (3,8 %). Очевидно, здесь немаловажное значение имело то обстоятельство, что в этих случаях жертва и преступник были предварительно знакомы и личность преступника не вызывала особых подозрений у жертвы или в силу различных обстоятельств, например юного возраста, жертва была не в состоянии правильно оценить грозящую ей опасность. Доля остальных городских помещений, выбранных в качестве места совершения преступления, в сравнении с местами проживания преступников и жертв относительно невелика. Как правило, это были единичные случаи, за исключением чердаков, подвалов и подъездов жилых домов – их количество несколько больше (3 %).

Как уже отмечалось, большая часть городских серийных сексуальных убийств была совершена вне каких-либо помещений (59,4 %). Лидирующее место здесь занимают лесные массивы и лесополосы. Доля преступлений, совершенных в этих местах, наиболее высока (13,5 %); несколько меньше их совершено на улицах городов (12 %); далее идут пустыри и глухие безлюдные места (10,5 %) и городские парки (6,8 %). Убийства, совершенные на стадионах (3 %), стройплощадках (3 %), территориях различных предприятий и учреждений (5,3 %), вблизи железнодорожных вокзалов и автостанций (5,3 %), не имеют особого распространения, однако происходят и здесь.

Показатели многоэпизодных сексуальных убийств в сельской местности (42,1 % от общего числа) примерно такие же, как и в условиях города, но с некоторыми отличительными особенностями. В силу специфики инфраструктуры сельского региона убийства здесь совершались в таких местах, как дом жертвы (18,6 %), дачный дом преступника (1 %), рабочее помещение преступника (7,2 %), территория агропромышленного комплекса (1 %), границы населенного пункта (8,3 %), дороги и прилегающие к ним

территории (6,2 %), открытые сельскохозяйственные угодья и пространства (15,5 %), лесные массивы и лесополосы (40,2 %). Как и городские, сельские убийства можно условно разделить на имевшие место в закрытых помещениях и совершенные вне помещений, помня при этом, что на селе место жительства и место работы часто совпадают.

Большая часть сексуальных убийств в сельской местности происходила в лесных массивах и лесополосах. Далее по мере убывания: дома, принадлежащие жертвам, открытые сельскохозяйственные угодья и пространства, места, находящиеся в границах населенных пунктов, дороги и прилегающие к ним территории.

Если взять все серийные сексуальные убийства в городе и сельской местности, то около 9 % из них было совершено в соучастии.

Некоторые серийные сексуальные убийцы для совершения преступлений готовят специальные помещения, хотя первые нападения случались в других местах.

Большая часть всех серийных сексуальных убийств отличалась применением особо мучительных для потерпевших способов совершения преступлений, хладнокровным доведением преступных замыслов до конца, глумлением над жертвами, циничными действиями, и это особенно отличает их от других тяжких посягательств на человека. Чаще всего наносились множественные колото-резаные и рубленые повреждения, в том числе специально приготовленными и изготовленными предметами, во многих случаях производились ампутация половых органов и других частей тела, вскрытие тела, введение различных предметов в естественные отверстия, расчленение трупов, а в некоторых случаях их сожжение или попытки сожжения. Немалое число преступников с особой жестокостью наносили жертвам многочисленные удары руками и ногами.

Имели место и действия, направленные на облегчение реализации преступных замыслов и устранение препятствий для причинения особых мучений жертвам. Примерами преступлений, сопровождающихся особой жестокостью, выступают такие акты, как термическое воздействие на тела потерпевших и причинение весьма болезненных ощущений колющими предметами без нанесения тяжких телесных повреждений. Особая жестокость этих убийств проявлялась и в таком сугубо специфическом акте, как введение различных предметов в естественные отверстия тела, главным образом во влагалище.

Что касается способов умерщвления при совершении многоэпизодных убийств по сексуальным мотивам, то здесь необходимо заметить следующее. Подавляющее большинство убийств было осуществлено посредством нанесения жертве тяжких телесных повреждений. Далее по частоте идет удушение жертв руками и при помощи различных предметов (шнуры, одежда потерпевших, постельные принадлежности и т. д.). Незначительное число убийств было совершено с применением огнестрельного оружия, как правило охотничьего.

Небезынтересно будет отметить, что только около 25 % преступников после убийства присваивали себе ценные, а порой и не особенно ценные вещи потерпевших. Иногда они приобретали для убийцы статус реликвии.

В этом случае происходит фетишизация всех преступных действий и похищаемых предметов, запечатление преступлений. Вещи используются как стимул для фантазирования или извлечения воспоминаний из памяти, что может сопровождаться мастурбацией и достижением сексуального удовлетворения.

Если преступник мстит женщинам за свои страдания и унижения или выступает в качестве чистильщика человечества, жертвы деперсонализируются, они запечатлеваются в его психике как одно лицо. Поэтому он потом не всегда способен опознать потерпевших, в связи с чем фетишизация похищаемых предметов становится еще более актуальной.

Кстати, идея чистки человечества отнюдь не редкость. Известны случаи убийства бродяг и нищих, спившихся людей. Самый заметный из чистильщиков – Гитлер, который не только уничтожал неизлечимо больных и умалишенных в самой Германии, но еще стремился ликвидировать целые народы (евреев, славян, цыган и других), которые считал вредными, опасными и ненужными. Улучшители рода людского были всегда, еще в древности, и это опаснейшие враги человечества.

Еще надо отметить клишированность самих преступных действий, тем более что они серийные. Стереотипность проявляется

в мотивах поведения, способах нападения и предшествующих ему действиях, в том числе подготовке к нему. Она же обнаруживается в выборе времени и места преступления, конкретных садистских действиях, обращении с трупом, например вскрытии гениталий, поедании их частей, что психологически означает овладение женщиной, сокрытии следов своего поведения и т. д.

Фетишизация, деперсонализация и клишированность свидетельствуют об уменьшении произвольности сексуального преступного поведения, которая усиливается при расстройствах психической деятельности. Поведение становится аддиктивным, человек попадает в психологическую зависимость от него. Каждый акт нападения на женщину позволяет убийце продемонстрировать самому себе господство над ней, хотя и деперсонализированное, но это не имеет для него значения. Главное, он ее хозяин и может сделать с ней все, что угодно, особенно если она мертва. Поэтому господство приобретает сверхценность. Это обнаруживается в пристрастии к литературной и кино-, фотопродукции агрессивно-садистического и порнографического содержания, увлечении анатомией, повышенном интересе к строению женского тела, в особенности женских гениталий.

Проблема сезонности не особенно очевидна для многоэпизодных сексуальных убийств. Большая их часть была совершена в такие летние месяцы, как июль и август, а распределение по остальным временам года носит более или менее равномерный характер. Отчасти это можно объяснить тем обстоятельством, что многие из них совершались в закрытых помещениях.

Одной из характеристик серийных сексуальных убийств является их многоэпизодность. Преступники совершают эти преступления с различной частотой, пределы которой колеблются от нескольких минут до нескольких лет, что может быть обусловлено самыми различными факторами. Условно классифицируя рассматриваемые убийства по временным параметрам, можно разбить их на следующие группы:

1. Серия убийств, совершенных одно за другим с перерывом в несколько минут. Как правило, эти преступления совершаются в городских помещениях преимущественно в отношении детей и лиц, с которыми преступник был ранее знаком.

2. Серия убийств, совершаемых с перерывами в несколько дней или месяцев и длящихся примерно год.

3. Серия убийств, длящихся в течение ряда лет с временными промежутками между эпизодами от нескольких дней до нескольких лет.

Промежутки между отдельными сексуальными убийствами были, естественно, разными у различных субъектов. Однако можно при этом увидеть две особенности. Первая состоит в том, что сначала убийства происходят относительно редко, затем с какого-то момента их частота резко возрастает. Такая закономерность, как учащение преступной активности сексуальных агрессоров с течением времени, говорит о патологическом развитии личности с нарастанием компульсивности, неодолимости влечений. Вторая замеченная особенность свидетельствует о возможности у преступника в определенной ситуации корригировать свое патологическое поведение. Так, Чикатило и Головкин, зная из прессы и телевидения о розыске сексуального убийцы в их местности и понимая, что речь идет о них самих, на некоторое время прекращали свою криминальную активность.

Итак, можно выделить основные черты, определяющие специфику серийных сексуальных убийств: количество жертв – не менее двух; жертвами становятся подростки и дети обоих полов и взрослые женщины; большинство убийств совершается с особой жестокостью; все убийства связаны с сексуальными переживаниями преступника; в большинстве случаев жертва специально не выбирается, нападение часто совершается и на тех, кто просто оказался в данном месте; убийства совершаются с разной периодичностью, разными способами и орудиями, очень редки случаи, когда виновный не доводит преступление до конца по независящим от него обстоятельствам; иногда сексуальные убийства сопровождаются актами каннибализма; все серийные сексуальные убийства совершаются в условиях неочевидности.

Поскольку рассматриваемые убийства являются разновидностью сексуальных убийств, необходимо дать общее определение последних. Сексуальными убийствами мы называем все случаи противоправного лишения жизни, которые связаны с сексуальными переживаниями, сексуальными влечениями или мотивами, даже если имеет

место расстройство влечений, а еще шире – с отношениями между полами.

Таким образом, к сексуальным убийствам мы будем относить те, которые, может быть, и не сопровождались собственно сексуальными действиями, например изнасилованием, но по своему внутреннему содержанию и субъективному смыслу связаны именно с половой жизнью виновного, а еще шире – с его отношениями с представителями другого пола, его биологическим и социальным признанием в такой связи. Чаще всего анализируемые преступления совершают сексуальные неудачники (банкроты), в том числе импотенты, которые винят в этом женщин. Психологически последних объединяют в одно лицо, которое подвергается нападению.

Среди сексуальных убийц, совершающих особо жестокие преступления, можно выделить тех, чьи преступные действия отличаются внезапностью массированного аффективного взрыва: жертве наносится множество телесных повреждений на протяжении более или менее длительного времени. Об особой жестокости прежде всего говорит характер повреждений, их множественность, у потерпевшего не остается ни одного живого места. Целью здесь не обязательно является убийство, хотя чаще всего это происходит, сексуальная мотивация вырастает на почве весьма драматичных ощущений своей сексуальной неполноценности.

На местах происшествий часто можно обнаружить следы рук и ног, транспорта, крови, спермы, слюны (отхаркивания и иная продукция организма). Могут быть найдены следы распития спиртных напитков, куски (лоскуты) одежды, обуви, оторванные пуговицы, окурки папирос и сигарет, волосы. Нужно должным образом оценить сломанные ветви кустарников и помятую траву, если происшествие имело место не в жилом помещении, а в помещении – на пострадавшую мебель.

В редких случаях преступник оставляет на месте происшествия надписи, адресованные полиции. Это говорит о том, что он вступает с ней в противоборство наподобие игр «Казаки и разбойники», «Полицейские и воры». Иногда такие надписи свидетельствуют о том, что преступник устал скрываться и хочет быть пойманным.

Некоторые серийные сексуальные убийства поражают своим сверхизуверским садистским характером.

Начиная с середины 1980-х гг. в подмосковных лесных массивах стали находить трупы мальчиков 10–15 лет со следами зверских пыток, ранений в области половых органов, иногда эти органы были отрезаны, а трупы расчленены. Как было установлено через несколько лет, эти исключительные по бесчеловечности поступки были совершены неким Головкиным, имеющим высшее ветеринарное образование. Ему было 25 лет, когда он убил в первый раз. Его называли Удавом, и с помощью журналистов эта кличка закрепилась за ним.

В 1982 г. Головкин впервые попытался убить в лесу мальчика 14–15 лет. Такие попытки он дважды повторил в 1986 г.: перерезал мальчику горло, совершил с ним сексуальные действия, второго ребенка убил, повесив его на дереве, отрезал половой член с мошонкой, разрезал грудь до лобка, затем отсек голову, ее и половые органы унес с собой. Еще одному мальчику этот сексуальный маньяк и садист нанес 35 ножевых ранений, другого, 10 лет, повесил за шею в своем гараже на скобе, затем вынес труп в лес и там расчленил его, отрезав руки, ноги, голову. В последующем специально для убийств он вырыл в гараже погреб, в котором полностью забетонировал пол, стены обложил бетонными плитами, вбил в потолок лестницу, в стены прочно укрепил кольца, скобы, провел свет. Одну из своих жертв в подвале Головкин после совершения актов мужеложства повесил, затем расчленил тело, спустил кровь в ванну, ампутировал половой член с яичками, пытался съесть мясо, отрезанное с бедра. Примерно таким же путем совершил еще ряд убийств мальчиков с расчленением тел, вырезанием внутренностей, снятием кожи, отрезанием полового органа, а одного несчастного пытал, подвесив на дыбе и опаляя лицо и лобок паяльной лампой. Однажды он убил сразу двух мальчиков, причем одного на глазах у другого, а затем сразу трех: он их пытал, убивал долго и мучительно, стремясь продлить страдания умирающего и тех, кто на него смотрел, расчленяя при них убитых. Во всех случаях Головкин совершал сексуальные манипуляции и получал половое наслаждение, хотя оргазм наступал не всегда.

В том, что это сексуальный серийный убийца, не должно быть сомнений.

Серийные сексуальные убийства в основном совершаются потому, что преступники являются сексуальными банкротами, пре-

терпевая тяжкие для них поражения даже на стадиях знакомства с женщинами и, конечно, в период половой близости. Таким был Чикатило, на совести которого 53 жертвы, но никого из них он не насиловал, поскольку являлся пассивным гомосексуалистом и импотентом. В его мотивации достаточно отчетливо прослеживается месть женщинам, но еще, как у настоящего садонекрофила, получение сексуального удовлетворения при виде страданий и мучений жертвы. Сексуальные неудачники – наиболее характерная фигура среди серийных сексуальных убийц. Заметим, что никто из них никогда не обращался к врачам, и это совсем не случайно: просьба о медицинской помощи есть мощный удар по мужскому самолюбию.

Необходимо отметить, что серийные сексуальные убийства в нашей стране раскрываются очень плохо – отсюда десятки жертв. Начинать во всех случаях надо с экстренных мер по розыску пропавших женщин и детей и не ждать трех суток со дня заявления об исчезновении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криминальная сексология / Г. Б. Дерягин [и др.]. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – 399 с.

REFERENCES

1. Deryagin G.B, et al. *Kriminal'naya seksologiya* [Criminal sexology]. Moscow: YuNITI-DANA, 2011. 399 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЮРИЙ МИРАНОВИЧ АНТОНЯН – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0030-3031, e-mail: antonyan@yandex.ru

YURII M. ANTONYAN – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the RSFSR, Chief Researcher of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0030-3031, e-mail: antonyan@yandex.ru

Статья поступила 06.09.2021

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-733–741
УДК 343.8

Комплексные исправительные учреждения на современном этапе реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации

В. Е. ЮЖАНИН
Юридический институт Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина, г. Рязань, Российская Федерация
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3123-1293, e-mail: yuzhanin1950@mail.ru

Д. В. ГОРБАНЬ
Санкт-Петербургский университет ФСИН России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9442-7712, e-mail: dimas8807@mail.ru

Реферат
Введение: статья посвящена вопросам создания исправительных учреждений объединенного типа в соответствии с действующим уголовно-исполнительным законодательством и Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г. Создание таких учреждений соответствует современной уголовно-исполнительной политике, но требует научной проработки. Актуальность статьи также определяется современными тенденциями пенитенциарной науки и практики. *Цель:* на основе обобщения и анализа официальных статистических данных, теоретических и научных источников, мнений ученых-пенитенциаристов комплексно раскрыть перспективы создания учреждений объединенного типа на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. *Методы:* при написании статьи использовался диалектический метод научного познания, а также научные методы познания: сравнительно-правовой, индукции, дедукции, анализа, синтеза, статистический. *Результаты:* по результатам проведенного исследования авторами разработана теоретическая модель комплексного исправительного учреждения (учреждения объединенного типа). Каждому участку учреждения дана подробная характеристика. Теоретическая модель комплексного исправительного учреждения (учреждения объединенного типа) соответствует положениям действующего законодательства, перспективам его развития до 2030 г., развивает и дополняет их. *Выводы:* для развития исправительных учреждений объединенного типа предлагается закрепить в уголовно-исполнительном законодательстве предложенную авторами теоретическую модель комплексного исправительного учреждения.

Ключевые слова: исправительное учреждение; мультирежимность; реформирование; концепция; осужденный; комплексное учреждение; гибридное учреждение.

12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Южанин В. Е., Горбань Д. В. Комплексные исправительные учреждения на современном этапе реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, *Пенитенциарная наука,* 2021, т. 15, № 4 (56), с. 733–741. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-733–741.

Complex Correctional Institutions at the Present Stage of Reforming the Penal Enforcement System of the Russian Federation

VYACHESLAV E. YUZHANIN
Law Institute of the Ryazan State University named for S.A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3123-1293, e-mail: yuzhanin1950@mail.ru

DMITRII V. GORBAN'
Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9442-7712, e-mail: dimas8807@mail.ru

Abstract
Introduction: the article is devoted to the creation of correctional institutions of combined type with regard to the current penal enforcement legislation and the Concept for the development of the penal enforcement system of the Russian Federation up to 2030. The foundation of correctional institutions of this type corresponds to the modern penal enforcement policy of the Russian Federation, but requires scientific study. The relevance of the presented article is also determined by modern trends in penitentiary science and practice. *Purpose:* on the basis of generalization and analysis of official statistical data, theoretical and scientific sources, findings and approaches of scientists-penitentiaries, to comprehensively reveal the prospects for establishing institutions of combined type at the current stage of the RF penal enforcement system development. *Methods:* the dialectical method of scientific cognition was used when writing a scientific article. The following scientific methods of cognition were also applied: comparative law, induction, deduction, analysis, synthesis, and statistical. *Results:* in the course of the study and based on its results, the authors developed a theoretical model of a complex correctional institution (institution of combined type), which includes separate areas proposed and scientifically justified by the authors. Each area of the combined type institution selected by the authors is described separately and in detail. The theoretical model of a complex correctional institution (institution of combined type) corresponds to the provisions of the current legislation, as well as the prospects for its development up to 2030, and also widens and complements them. *Conclusions:* in order to capture correctional facilities of a combined type in the RF penal enforcement legislation, it is proposed to enshrine the theoretical model of a complex correctional institution proposed by the authors in the corresponding articles.

Keywords: correctional facility; multi-regime; reforming; concept; convict; complex institution; hybrid institution.

12.00.08 – Criminal law and criminology; panel enforcement law.

For citation: Yuzhanin V.E., Gorban' D.V. Complex correctional facilities at the present stage of reforming the penal enforcement system of the Russian Federation, *Penitentiary Science,* 2021, vol. 15, no. 4(56), pp. 733–741. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-733–741.

Введение

Реформирование уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на современном этапе ее развития предполагает ряд перспективных направлений модернизации, в том числе совершенствование механизма отбывания наказания в виде лишения свободы путем создания комплексных исправительных учреждений (исправительных учреждений объединенного типа).

По состоянию на 01.09.2021 в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержатся около 470 тыс. чел., в исправительных учреждениях находятся около 360 тыс. чел. [5]

По данным ФСИН России, в первое полугодие 2021 г. отмечалась положительная динамика снижения численности взрослых осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях. Уменьшение численности осужденных к лишению свободы предполагает и сокращение количества исправительных учреждений [8].

В этой связи полагаем, что одно базовое исправительное учреждение может объединять в себе несколько видов режимов, а в перспективе исполнять несколько видов уголовных наказаний (например, лишение свободы на определенный срок и пожизненное лишение свободы).

Результаты

Концепция мультирежимности (гибридности) исправительных учреждений достаточно активно обсуждается в научной литературе. Тенденцию укрупнения исправительных учреждений ученые именуют как гибридность и мультирежимность. Так, Р. З. Усев, например, говорит о межвидовой и внутривидовой гибридности [10, с. 32].

Предполагается, что гибридное исправительное учреждение будет сочетать в себе различные виды исправительных учреждений, а мультирежимное – различные виды режимов отбывания уголовных наказаний [15, с. 105].

В данном контексте В. А. Уткин говорит о процессе поляризации исправительных учреждений. Мы согласны с позицией профессора об особой роли колоний строгого режима, на базе которых предполагается создание учреждений объединенного типа [14, с. 101].

По официальной статистике на 01.01.2021, система исправительных учреждений представлена 816 учреждениями, из них: 186 следственных изоляторов, 75 ПФРСИ, 8 тюрем, 528 исправительных колоний (169 общего режима, 228 строгого режима, 37 особого режима, в том числе для осужденных к пожизненному лишению свободы).

Таким образом, количество исправительных колоний строгого режима на сегодняшний день составляет около 43 % от общего количества исправительных колоний и около 28 % от общего числа исправительных учреждений. Полагаем, что при создании учреждений объединенного типа необходимо использовать потенциал всех имеющихся в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации исправительных колоний всех видов режима.

Правоприменительная практика также идет по пути использования имеющегося потенциала исправительных колоний. Так, первое исправительное учреждение объединенного типа предполагается создать в порядке эксперимента в УФСИН России по Калужской области. Ожидается, что оно будет включать в себя все виды режимов, производство, медицинский участок, дом ребенка, а также городок для сотрудников [9].

Мы предлагаем именовать гибридные, мультирежимные исправительные учреждения комплексными [1, с. 39]. Во-первых, данный термин объединяет в себе все виды мультирежимности и гибридности, о которых говорится в научной литературе. Во-вторых, он более соответствует позиции законодателя и правоприменителя, согласно которой данный вид именуется учреждениями объединенного типа.

Согласно распоряжению Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» в числе основных направлений совершенствования и развития пенитенциарной системы выделяется разработка и реализация проекта создания учреждения объединенного типа (разд. VI и VII).

Основными целями создания учреждений объединенного типа являются:

– сосредоточение нескольких исправительных учреждений и следственного изолятора в едином центре;

– модернизация и унификация имеющихся технологий;

– направленность на клиентоцентричный подход и др.

Разработку и реализацию проекта создания учреждения объединенного типа предполагается завершить к 2024 г.

Занимаемая нами позиция о создании учреждений комплексного типа поддерживается и другими учеными-пенитенциаристами.

Так, И. Н. Коробова и Д. А. Середохин говорят о том, что переход к комплексным исправительным учреждениям на базе исправительных колоний является наиболее оптимальным, так как предусматривает не глобальную перестройку существующих учреждений, а лишь рациональное использование территорий, строений и сооружений с небольшими, по сравнению с перестройкой в тюрьмы, изменениями [3; 4].

Тенденция комплексности исправительных учреждений была заложена в УИК РФ в 2001 г. [13, с. 105]. С данного момента в него вносились определенные изменения, предусматривающие функционирование на базе одной исправительной колонии нескольких видов изолированных участков с различными видами режима и различными видами исправительных учреждений. Данная тенденция начала свою законодательную и правоприменительную реализацию на текущем этапе развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Необходимо отметить, что изучаемый нами вопрос не противоречит международ-

ным нормативным правовым документам. Так, в правиле 93 Минимальных стандартных правил в отношении обращения с заключенными 2015 г. говорится о том, что работу с разными категориями заключенных следует вести по мере возможности в разных отделениях одного и того же тюремного учреждения.

Таким образом, как отмечает В. А. Уткин, международные акты вполне допускают и даже предполагают полиструктурность и связанную с ней мультирежимность пенитенциарных учреждений [11; 12].

Положительный зарубежный опыт некоторых стран свидетельствует о применении вышеуказанной нормы международного документа и создании на базе тюрем участков с различными видами режимов, различными видами исправительных учреждений.

Данный положительный опыт широко применяется в Германии, Финляндии, Австрии и других зарубежных странах [21].

Выводы

На основании анализа научной литературы, официальных статистических данных ФСИН России, тенденций современной уголовно-исполнительной политики и правоприменительной практики нами разработана авторская теоретическая модель комплексного исправительного учреждения (учреждения объединенного типа).

В данную модель включаются следующие участки:

1) адаптационный – для вновь прибывших осужденных [6, с. 62];

2) интенсивного исправительного воздействия – для осужденных, распределенных из адаптационного участка;

3) камерного содержания – для нарушителей установленного порядка отбывания наказания, а также для реализации права осужденных на безопасность в предусмотренных законодательством случаях;

4) медицинский – для оказания медицинской помощи осужденным и реализации их соответствующих прав в данном направлении;

5) ПФРСИ – для содержания лиц, которым назначена мера пресечения в виде заключения под стражу;

6) исправительный центр – для исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ;

7) социальной адаптации – для реализации соответствующей задачи уголовно-исполнительного законодательства, а также для подготовки осужденных к предстоящему освобождению.

Рассмотрим назначение каждого из обозначенных участков.

Адаптационный участок. Предназначен для содержания прибывших в исправительное учреждение осужденных, их подготовки и адаптации к условиям отбывания наказания. В соответствии со ст. 79 УИК РФ прибывшие осужденные помещаются в карантинное отделение на срок до 15 суток, где они находятся на обычных условиях отбывания наказания. По сути, это отделение можно назвать медицинским, а не адаптационным. Осужденные, содержащиеся в нем, проходят полное медицинское освидетельствование, с ними проводят ознакомительные мероприятия представители всех отделов и служб исправительного учреждения. Затем по решению комиссии они направляются в соответствующие отряды.

На практике выходит, что за такой короткий период (15 суток) личность осужденного изучить не удается, а он сам не успевает адаптироваться. Полагаем, что необходим адаптационный период, рассчитанный на 1,5–3 месяца (в зависимости от категории осужденных), в течение которого будут реализованы мероприятия по включению осужденного в жизнь колонии. Указанные мероприятия должны проводиться психологом, который в конечном итоге, изучив личность осужденного, сможет составить программу его ресоциализации.

Опыт функционирования адаптационных отрядов в России имеется (в Челябинской, Омской областях, Республике Мордовии и др.), и он показывает, что осужденные, содержавшиеся в них, гораздо реже нарушают режим, быстрее становятся на путь исправления. Данный факт также подтверждается в диссертационном исследовании Е. Е. Новикова [7, с. 20].

В настоящее время при приеме осужденных актуальной становится проблема обеспечения их прав, личной безопасности. Изучив прибывшего и определив его в ту или иную классификационную группу по степени опасности, можно направить его для дальнейшего отбывания наказания или в облегченные условия, или в строгие условия, или в участок с камерным содержанием. Можно сразу поставить его на профилактический учет.

Идея раздельного содержания лиц, стремящихся к исправлению, и осужденных,

которые нацелены на притеснение других осужденных, неповиновение администрации, дальнейшую криминальную деятельность, может быть реализована на раннем этапе, то есть во время нахождения в адаптационном участке. Все это должно способствовать созданию благоприятных условий ресоциализации основной массы осужденных в местах лишения свободы [18, с. 148].

Участок интенсивного исправительного воздействия. Это основной участок в исправительном учреждении, в нем должны находиться осужденные, отбывающие наказание в обычных и облегченных условиях. Начальный этап отбывания наказания сменяется основным, когда осужденные переводятся из адаптационного участка в участок интенсивного исправительного воздействия. В обычных условиях находится основная масса осужденных.

По состоянию на 01.01.2021 в исправительных колониях в обычных условиях отбывания наказания содержалось около 79 % осужденных, в облегченных – 12 %, в строгих – 9 % [5].

По нашему мнению, базовыми условиями отбывания наказания в исправительных колониях должны стать облегченные условия. Дело в том, что на обычных условиях до 80 % осужденных характеризуются положительно или нейтрально. Если они не имеют взысканий, то, согласно действующему законодательству, их можно переводить в облегченные условия по отбытии установленного срока.

Обычные условия должны восприниматься в рамках начального этапа отбывания наказания, имеющего основной задачей адаптацию осужденных к жизнедеятельности исправительного учреждения и испытание их на предмет последующего поведения в учреждении. В случае если они не имеют взысканий при нахождении в обычных условиях, то могут быть переведены в облегченные условия. В соответствии с действующим законодательством это может произойти по истечении 6, 9 и 12 месяцев соответственно в колониях общего, строгого и особого режимов (ч. 2 ст. 120, ч. 2 ст. 122, ч. 2 ст. 124 УИК РФ). Но по каким-то причинам администрация не стремится переводить осужденных в облегченные условия. К тому же осужденные в облегченных и обычных условиях содержатся, как правило, вместе. На практике кроме дополнительного расходования денег, увеличения количества посылок и свиданий они не испытывают существенных изменений условий отбывания наказания.

В современных условиях доминантной является идея раздельного содержания лиц, стремящихся к исправлению. Так, 67 % опрошенных нами сотрудников исправительных учреждений поддержали эту идею. Мы имеем в виду категорию лиц, которые достигли высокого уровня исправления, но не отбыли положенного срока для условно-досрочного освобождения.

В участке интенсивного содержания должен быть выделен отдельный участок покомнатного содержания осужденных с высоким уровнем исправления. Этот режим может именоваться льготным, и переводиться на него могут осужденные, которые доказали свое исправление на облегченных условиях и заключили своеобразный компромиссный договор с администрацией исправительного учреждения, предусматривающий обоюдные права и обязанности [20, с. 10].

Полагаем, что на льготных условиях должен быть установлен режим саморегуляции поведения осужденных, максимально исключающий принуждение, когда администрация использовала бы не разрешительно-принудительный метод регулирования поведения, а оказывала бы им помощь. Льготный режим должен стимулировать поведение осужденных, находящихся в облегченных условиях [17, с. 142].

Участок льготных условий отбывания наказания должен выполнять основное предназначение – постепенную адаптацию осужденных к условиям условно-досрочного освобождения.

Участок камерного содержания. Здесь предполагается размещать помещения, функционирующие в режиме тюрьмы (ч. 2 ст. 74 УИК РФ), ПКТ и ШИЗО. Нет необходимости создавать отдельный участок, функционирующий как тюрьма, так как условия нахождения в нем осужденных практически сходные с ПКТ. Как правило, и категории лиц, для кого они предназначены, имеют сходство – злостные нарушители режима. Равнозначны тюрьмам и ПКТ по уровню ограничительных условий и категориям лиц ЕПКТ (ст. 118 УИК РФ). Кроме того, злостным нарушителям режима могут назначаться строгие условия отбывания наказания в отдельных запираемых помещениях (п. 22 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений). Получается, что этой катего-

рии лиц могут быть определены или ПКТ, или ЕПКТ, или тюрьма, или строгие условия. Начальник колонии вынужден находиться перед дилеммой: куда их направлять.

Федеральным законом от 27.12.2018 № 569-ФЗ определен тюремный режим за преступления террористической направленности, а также посягающие на государственного деятеля, сотрудника правоохранительного органа, диверсии, а также за иные особо тяжкие преступления, посягающие на государственные интересы (ч. 2, 2.1 ст. 58 УК РФ). Данную категорию лиц, на наш взгляд, следует направлять в отдельные самостоятельно функционирующие тюрьмы. В них должны находиться также лица, которым суд определил тюрьму в случае совершения особо тяжкого преступления с назначением наказания свыше пяти лет, а также и при особо опасном рецидиве преступлений.

ЕПКТ как дисциплинарную меру воздействия мы предлагаем упразднить, заменить их тюрьмами, которые могут функционировать в исправительном учреждении согласно ч. 2 ст. 74 УИК РФ. Они должны служить в большей степени мерой безопасности, куда следует размещать следующие категории: лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ); лиц с проявившимися экстремистскими устремлениями во время нахождения в исправительном учреждении; лиц, признанных злостными нарушителями режима во время отбывания наказания в исправительном учреждении, в отношении которых были безуспешно применены меры воздействия, в том числе помещение в ШИЗО, ПКТ и строгие условия. Направление в ПКТ как дисциплинарная мера воздействия предусмотрено для злостных нарушителей режима, признанных таковыми в период и после содержания их в строгих условиях отбывания наказания. В отношении злостных нарушителей режима в случае непрекращения ими противоправной деятельности в пределах одного учреждения должен быть предусмотрен комплекс дисциплинарных мер воздействия: строгие условия – ПКТ – тюрьма. Строгие условия являются более мягкой мерой, отличаются тем, что осужденные проживают не в камерах, а в общежитиях в запираемых помещениях. При переводе в ПКТ они попадают в камерные условия на срок до шести месяцев. При последующем переводе в тюрьму они также содержатся в камерах, но более длительный срок – до трех лет. При сохраняющемся противоправном поведении постепенно ужесточаются условия дисциплинарного воздействия. Причем в уголовно-исполнительном законодательстве следует определить полномочия начальника колонии по переводу в тюрьму в пределах учреждения с согласия общественной наблюдательной комиссии, а не передавать это на усмотрение суда.

Таким образом, участок камерного содержания должен выполнять роль меры безопасности и меры дисциплинарного воздействия.

Как уже отмечалось, участок строгих условий отбывания наказания предназначен для лиц, признанных злостными нарушителями режима (например, ч. 3 и 4 ст. 120 УИК РФ). Строгие условия должны быть первоначальной мерой, в соответствии с которой злостному нарушителю режима изменяются условия отбывания наказания в худшую сторону внутри исправительного учреждения. Согласно п. 22 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений они содержатся в помещениях, оборудованных согласно нормам действующего законодательства.

Эти запираемые помещения должны быть расположены в отдельных изолированных участках. Главное в отбывании наказания в этих помещениях – это ограничительные условия, связанные с изоляцией находящихся в них осужденных в запираемых помещениях. Для них разрешен выход за пределы этих помещений лишь в предусмотренных законодательством случаях. Поэтому этот участок функционирует автономно и должен быть изолирован от других участков.

Медицинский участок. Предусмотрен для медицинского и санитарно-гигиенического обслуживания осужденных, содержащихся в исправительном учреждении (ч. 2 ст. 101 УИК РФ). В составе некоторых исправительных учреждений могут организовываться отдельные участки, функционирующие как лечебно-профилактические больницы, а в женских колониях – дома ребенка, родильные отделения, молочные кухни.

Медико-санитарная часть располагается в отдельном изолированном участке, огороженном от другой территории забором сплошного заполнения. Доступ осужденных в него ограничен, установлены специальные правила посещения его больными.

Участок ПФРСИ предназначен для содержания лиц, которым назначена мера пресечения в виде заключения под стражу.

Участок исправительного центра предусмотрен для исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ.

Участок социальной адаптации. В нем должны находиться осужденные, которые готовятся к освобождению по отбытии полного срока наказания. Для них это заключительный этап отбытия наказания.

На данном участке администрация должна проводить комплекс мероприятий, связанных с приобретением освобождаемым специальности, необходимой для устройства на работу на свободе, с решением проблем трудового и бытового устройства, налаживанием социально полезных связей осужденного с семьей и родственниками и пр.

Конечно, чтобы решить задачу полноценной социальной адаптации освобождаемого, необходимо создать для него условия полусвободы. По мнению некоторых исследований, уровень адаптации выше у тех осужденных, кто прошел через подобные условия [16, с. 163]. Особенно это касается лиц, которые отбывали длительные сроки лишения свободы.

Важно, чтобы освобождаемые были сосредоточены на адаптации, для этого они должны быть объединены в одну группу и изолированы от других осужденных в отдельном участке.

Часть 3 ст. 121 УИК РФ предусматривает для осужденных, содержащихся на облегченных условиях в колониях общего режима, возможность проживать и работать под контролем администрации за пределами исправительного учреждения в целях их успешной адаптации. Но почему только для осужденных, содержащихся в облегченных условиях и только в колониях общего режима? В данном случае законодатель руководствовался не целесообразностью, а идеей о том, что можно доверять только тем, кто проявил стремление к исправлению и кто впервые судим. Почему нельзя рассматривать эти полусвободные условия отбывания наказания за шесть месяцев до освобождения для всех категорий осужденных, на всех видах режима, за исключением тех, кто по оперативным данным представляет опасность для общества? Эти условия мы именовали бы открытыми условиями, как это предусмотрено законодательством некоторых зарубежных стран.

Для осужденных, проживающих перед освобождением в участке социальной адаптации [2; 19], в каждом виде режима исправительных колоний должны быть предусмотрены свои уровни контроля и надзора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горбань, Д. В. «Комплексные» исправительные учреждения в пенитенциарной системе России на современном этапе ее реформирования / Д. В. Горбань // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – № 1. – С. 38–43.
2. Горбань, Д. В. Проживание осужденных за пределами исправительных учреждений как элемент прогрессивной системы отбывания лишения свободы: проблемы теории и практики : монография / Д. В. Горбань, В. Е. Южанин. – Томск : Томский политехнический университет, 2016. – 191 с. – ISBN 978-5-4387-0681-6.
3. Коробова, И. Н. К вопросу о создании комплексных исправительных учреждений в Российской Федерации / И. Н. Коробова // Вестник Кузбасского института. – 2020. – № 2 (43). – С. 58–63.
4. Коробова, И. Н. Реформирование исправительных колоний как основа изменения системы исправительных учреждений / И. Н. Коробова, Д. В. Середохин // Уголовно-исполнительная система на современном этапе и перспективы ее развития : сборник тезисов выступлений и докладов участников международной научно-практической конференции : в 6 т. – Рязань : Академия ФСИН России, 2020. – Том 1. – С. 105–111.
5. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. – URL: https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/ (дата обращения: 14.09.2021).
6. Новиков, Е. Е. Первоначальная адаптация осужденных в карантинном отделении исправительных учреждений / Е. Е. Новиков // Вестник Кузбасского института. – 2015. – № 4 (25). – С. 62–66.
7. Новиков, Е. Е. Правовое регулирование направления осужденных в исправительные учреждения, их приема и размещения : автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Новиков Егор Евгеньевич. – Рязань, 2011. – 24 с.
8. Обзор информации о деятельности ФСИН России за 1 полугодие 2021 года // Федеральная служба исполнений наказаний : официальный сайт. – URL: https://fsin.gov.ru/statistics/obzor-informatsii-o-deyatelnosti-fsin-rossii-za-i-polugodie-2021-goda.php, свободный (дата обращения: 14.09.2021).
9. Первое мультиучреждение ФСИН может появиться в ближайшем к Москве регионе // Российская газета : официальный сайт. – URL: https://rg.ru/2021/03/12/reg-cfo/pervoe-multiuchrezhdenie-fsin-mozhet-poiavitsia-v-blizhajshem-k-moskve-regione.html (дата обращения: 28.09.2021).
10. Усев, Р. З. Перспективы развития системы гибридных исправительных учреждений в аспекте обеспечения безопасности уголовно-исполнительной системы / Р. З. Усеев // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2017. – № 4 (179). – С. 30–35.

11. Уткин, В. А. Гибридные исправительные учреждения и международные стандарты / В. А. Уткин // Уголовно-исполнительное право. – 2014. – № 2 (18). – С. 7–11.
12. Уткин, В. А. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций и смена уголовно-исполнительных парадигм / В. А. Уткин // Международный пенитенциарный журнал. – 2016. – № 1. – С. 67–70.
13. Уткин, В. А. Назначение наказаний и уголовно-исполнительная система / В. А. Уткин // Вестник Кузбасского института. – 2016. – № 4 (29). – С. 104–109.
14. Уткин, В. А. Новая концепция развития уголовно-исполнительной системы: основания и принципы / В. А. Уткин // Вестник Кузбасского института. – 2018. – № 4 (37). – С. 99–103.
15. Уткин, В. А. «Гибридные» и «мультирежимные» пенитенциарные учреждения: преимущества и риски / В. А. Уткин, М. В. Киселев, С. М. Савушкин // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – № 29. – С. 103–113.
16. Цибульский, В. В. Социально-педагогическая деятельность социального работника с осужденными, пользующимися правом передвижения без конвоя за пределами исправительных учреждений : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Цибульский Виктор Викторович. – Москва, 2003 – 190 с.
17. Южанин, В. Е. Характеристика основного этапа отбывания наказания осужденными в исправительных учреждениях / В. Е. Южанин // Вестник Кузбасского института ФСИН России. – 2020. – № 1 (42). – С. 141–143.
18. Южанин, В. Е. Начальный и заключительный этапы отбывания лишения свободы: проблемы концептуального определения / В. Е. Южанин, Д. В. Горбань // Человек: преступление и наказание. – 2018. – № 2. – С. 148–150.
19. Южанин, В. Е. Проблемы создания открытых условий отбывания наказания в виде лишения свободы / В. Е. Южанин, Д. В. Горбань // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2020. – Том 25, № 3 (82). – С. 338–344.
20. Южанин, В. Е. Поэтапная ресоциализация положительно характеризующихся осужденных : практические рекомендации / В. Е. Южанин. – Рязань : Академия ФСИН России, – 2020. – 34 с.
21. Timofeeva, E. A. Foreign Prison Experience Resocialization of Prisoners / E. A. Timofeeva // SHS Web of Conferences. – URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2019/03/shsconf_pedtp2018_12004.pdf (дата обращения: 14.09.2021).

REFERENCES

1. Gorban' D.V. "Complex" correctional institutions in the penitentiary system of Russia at the present stage of its reforming. *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami=Topical Issues of Combating Crimes,* 2015, no. 1, pp. 38–43. (In Russ.).
2. Gorban' D.V., Yuzhanin V.E. *Prozhivanie osuzhdennykh za predelami ispravitel'nykh uchrezhdenii kak element progressivnoi sistemy otbyvaniya lisheniya svobody: problemy teorii i praktiki: monografiya* [Living of convicts outside correctional institutions as an element of a progressive system of serving imprisonment: problems of theory and practice: monograph]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta, 2016. 191 p.
3. Korobova I.N. On the issue of creating integrated correctional institutions in the Russian Federation. *Vestnik Kuzbasskogo instituta=Bulletin of the Kuzbass Institute,* 2020, vol. 43, no. 2, pp. 58-63. (In Russ.).
4. Korobova I.N., Seredokhin D.A. Reforming correctional colonies as a basis for changing the correctional system. In: *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom etape i perspektivy ee razvitiya: Sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The penal enforcement system at the present stage and prospects for its development: collection of abstracts of speeches and reports of participants of the International research-to-practice conference]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2020. Pp. 105-111. (In Russ.).
5. Brief description of the penal enforcement system of the Russian Federation. *Federal'naya sluzhba ispolnenii nakazanii: ofitsial'nyi sait* [Federal Penitentiary Service of Russia: official website]. Available at: https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/ (accessed September 14, 2021).
6. Novikov E.E. Adaptation of convicts in quarantine in prison. *Vestnik Kuzbasskogo instituta=Bulletin of the Kuzbass Institute,* 2015, vol. 25, no. 4, pp. 62-66. (In Russ.).
7. Novikov E.E. *Pravovoe regulirovanie napravleniya osuzhdennykh v ispravitel'nye uchrezhdeniya, ikh priema i razmeshcheniya: avtoreferat na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Legal regulation of the transfer of convicts to correctional institutions, their reception and placement: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ryazan, 2011. 24 p.
8. Overview of information on the activities of the Federal Penitentiary Service of Russia for the 1st half of 2021. *Federal'naya sluzhba ispolnenii nakazanii: ofitsial'nyi sait* [Federal Penitentiary Service of Russia: official website]. Available at: https://fsin.gov.ru/statistics/obzor-informatsii-o-deyatelnosti-fsin-rossii-za-i-polugodie-2021-goda.php, svobodnyi. (accessed September 14, 2021).
9. The first multi-institution of the Federal Penitentiary Service may appear in the region closest to Moscow. *Rossiiskaya gazeta: ofitsial'nyi sait* [Russian newspaper: official website]. Available at: https://rg.ru/2021/03/12/reg-cfo/pervoe-multiuchrezhdenie-fsin-mozhet-poiavitsia-v-blizhajshem-k-moskve-regione.html (In Russ.). (Accessed September 28, 2021).
10. Useev R.Z. The hybridity of places of deprivation of liberty in the view of security of the criminal-executive system. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy=Vedomosti of the Penal Enforcement System,* 2017, vol. 179, no. 4, pp. 30–35. (In Russ.).
11. Utkin V.A. Hybrid correctional facilities and international standards. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo=Penal Law,* 2014, vol. 18, no. 2, pp. 7–11. (In Russ.).
12. Utkin V.A. Minimal'nye standartnye pravila organizatsii ob"edinennykh natsii i smena ugolovno-ispolnitel'nykh paradigm. *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi zhurnal=International Penitentiary Journal,* 2016, no. 1, pp. 67–70. (In Russ.).
13. Utkin V.A. Assignment of punishment and penal system. *Vestnik Kuzbasskogo instituta=Bulletin of the Kuzbass Institute,* 2016, vol. 29, no. 4, pp. 104–109. (In Russ.).
14. Utkin V.A. New concept of development of penal system: bases and principles *Vestnik Kuzbasskogo instituta=Bulletin of the Kuzbass Institute,* 2018, vol. 37, no. 4, pp. 99–103. (In Russ.).
15. Utkin V.A., Kiselev M.V., Savushkin S.M. "Hybrid" and "multi-regime" penitentiary institutions: advantages and risks. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo=Tomsk State University Journal of Law,* 2018, no. 29, p. 103–113. (In Russ.).

16. Tsibul'skii V.V. *Sotsial'no-pedagogicheskaya deyatel'nost' sotsial'nogo rabotnika s osuzhdennymi, pol'zuyushchimisya pravom peredvizheniya bez konvoya za predelami ispravitel'nykh uchrezhdenii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Social and pedagogical activity of a social worker with convicts using the right to travel without escort outside correctional institutions: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Moscow, 2003. 190 p.
17. Yuzhanin V.E. Characteristics of the main stage of punishment serving by convicts in correctional institutions. *Vestnik Kuzbasskogo instituta=Bulletin of the Kuzbass Institute,* 2020, vol. 42, no. 1, pp. 141–143. (In Russ.).
18. Yuzhanin V.E., Gorban' D.V. Initial and final stages of serving imprisonment: problems of conceptual definition. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment,* 2018, no. 2, pp. 148–150. (In Russ.).
19. Yuzhanin V.E., Gorban' D.V. Institution of preparing convicts for release in the progressive system of serving the sentence of imprisonment. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh=Psychopedagogy in Law Enforcement,* 2020, vol. 25, no. 3 (82), pp. 338–344. (In Russ.).
20. Yuzhanin V.E., Smirnov I.A. *Poetapnaya resotsializatsiya polozhitel'no kharakterizuyushchikhsya osuzhdennykh: prakticheskie rekomendatsii* [Step-by-step resocialization of positively characterized convicts: practical recommendations]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2020. 34 p.
21. Timofeeva E.A. Foreign prison experience resocialization of prisoners. *SHS Web of Conferences,* 2019, vol. 62, pp. 1–4. DOI: https://doi.org/10.1051/shsconf/20196212004.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВЯЧЕСЛАВ ЕФИМОВИЧ ЮЖАНИН – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина, г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000 0003-3123-1293, e-mail: yuzhanin1950@mail.ru

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ГОРБАНЬ – кандидат юридических наук, доцент кафедры организации исполнения наказаний юридического факультета Санкт-Петербургского университета ФСИН России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9442-7712, e-mail: dimas8807@mail.ru

VYACHESLAV E. YUZHANIN – Doctor of Sciences (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ryazan State University named for S.A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000 0003-3123-1293, e-mail: yuzhanin1950@mail.ru

DMITRII V. GORBAN' – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department for Punishment Execution Organization of the Faculty of Law of the Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9442-7712, e-mail: dimas8807@mail.ru

Статья поступила 30.09.2021

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-742–752
УДК 343.811

О видах исправительных учреждений

С. М. САВУШКИН
Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, г. Томск, Российская Федерация
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5744-8178, e-mail: savusertom@rambler.ru

Реферат
Введение. В связи с различной плотностью населения в Российской Федерации и размерами ее территории исправительные учреждения должны представлять единую систему, в рамках которой они были бы взаимосвязаны и взаимозаменяемы. В условиях наличия большого количества видов и подвидов исправительных учреждений возможность взаимозамены ослабевает. Проблемы, связанные с качеством обеспечения внутренней изоляции осужденных, оказывают существенное влияние на уровень преступности и пенитенциарную безопасность, что вынуждает практику исполнения наказания в виде лишения свободы более гибко использовать нормы о раздельном содержании осужденных для достижения целей и задач уголовно-исполнительного законодательства. *Методы:* при проведении исследования использовался диалектический метод познания объективной реальности, метод моделирования, логический, формально-юридический, системный методы. *Результаты и обсуждение:* постоянно меняющийся социально-криминологический портрет преступника и уровень преступности вынуждают законодателя пересматривать уголовно-правовые и уголовно-исполнительные критерии дифференциации осужденных к лишению свободы. Указанные причины сказываются и на групповой дифференциации, происходящей в процессе распределения осужденных по общежитиям (камерам) внутри исправительного учреждения. Уровень преступности в отдельном субъекте Российской Федерации и изменения уголовной политики государства требуют перепрофилирования исправительных учреждений в целом. Система исправительных учреждений не должна преимущественно зависеть от уголовно-правовых критериев осужденных к лишению свободы и меняющейся уголовной политики государства, но в то же время ведомственное регулирование не должно расширять законодательно установленную систему исправительных учреждений. *Выводы:* законодателем установлен широкий перечень видов исправительных учреждений для осужденных к лишению свободы. Отдаленность некоторых из них от мест жительства осужденных в определенной мере как положительно, так и отрицательно влияет на их социальные связи, что сказывается на эффективности реализации целей и задач уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное законодательство; виды исправительных учреждений; лишение свободы; предмет уголовно-исполнительного права; императивный метод правового регулирования; принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказания; дифференциация осужденных к лишению свободы; раздельное содержание осужденных; тюрьма; колония-поселение; исправительная колония.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Для цитирования: Савушкин С. М. О видах исправительных учреждений. *Пенитенциарная наука,* 2021, т. 15, № 4 (56), с. 742–752. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-742–752.

On Types of Correctional Institutions

SERGEI M. SAVUSHKIN
Tomsk Institute of Advanced Training of Employees of the Federal Penal Service of Russia, Tomsk, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5744-8178, e-mail: savusertom@rambler.ru

Abstract

Introduction. Due to the different density of population in the Russian Federation and the scale of its territory, correctional system facilities should represent a unified system, in which the institutions are interrelated and interchangeable. In the conditions of a large number of types and sub-types of correctional institutions, the possibility of interchangeability is weakened. Problems associated with the quality of ensuring the internal isolation of convicts have a significant impact on the level of crime and penitentiary security. Hence, the punishment execution practice should more flexibly use the norms on separation of convicts to achieve goals and objectives of the penal executive legislation. *Methods:* the research used a dialectical method for cognizing objective reality, a logical method, a modeling method, a formal legal method, a systemic method. *Results and discussion:* the constantly changing socio-criminological portrait of the offender and the level of crime force the legislator to revise criminal-legal and criminal-executive criteria for differentiating those sentenced to imprisonment. The mentioned reasons also affect group differentiation that occurs in the process of distributing convicts to dormitory accommodation (cells) within the correctional institution. The crime level in a separate RF subject and changes in the state criminal policy require the reassignment of correctional institutions as a whole. The system of correctional institutions should not overwhelmingly depend on the criminal-legal criteria of those sentenced to imprisonment and the changing criminal policy of the state, and at the same time, departmental regulation should not bolster the legislatively established system of correctional institutions. *Conclusions:* the legislator has established a wide range of types of correctional institutions for those sentenced to imprisonment. Remoteness of some of them from the place of residence of convicts, to a certain extent, has both positive and negative impact on their social ties, which ultimately affects the effectiveness of implementation of the panel enforcement legislation goals and objectives.

Keywords: panel enforcement legislation; types of correctional institutions; deprivation of liberty; subject of panel enforcement law; imperative legal regulation method; principle of differentiation and individualization of sentence enforcement; differentiation of those sentenced to imprisonment; separation of convicts; prison; panel settlement; correctional camp (colony).

12.00.08 – Criminal law and criminology; panel enforcement law.

For citation: Savushkin S.M. On types of correctional institutions. *Penitentiary Science,* 2021, vol. 15, no. 4 (56), pp. 742–752. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-742–752.

Введение

Постоянно меняющийся социально-криминологический портрет преступника и уровень преступности вынуждают законодателя пересматривать различные критерии дифференциации осужденных к лишению свободы в целях обеспечения реализации целей уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. На это нас ориентируют и отдельные положения международных актов в области исполнения наказаний, предусматривающие в качестве основной цели классификации осужденных недопущение негативного влияния со стороны отрицательно характеризующихся лиц, а также облегчение работы с ними в целях возвращения к нормальной жизни в обществе (правило 93 Правил Нельсона Манделы).

Руководствуясь данными целями, международные стандарты требуют учитывать уровень опасности осужденного и при этом допускают пребывание всех категорий в одном исправительном учреждении при условии отдельного содержания некоторых из них. Еще в отечественной Общей тюремной инструкции 1915 г. отмечалось, что арестанты, дурно влияющие на других, «помещаются преимущественно в одиночных камерах ночного разъединения».

Так, например, в отличие от УИК РФ, в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1970 г. (в ред. от 18.12.1970) выделялись три вида исправительно-трудовых учреждений: исправительно-трудовые колонии, тюрьмы и воспитательно-трудовые колонии (ст. 12). С учетом подвидов насчитывалось 12 учреждений: три вида колоний-поселений (ст. 18), воспитательно-трудовые колонии, при которых имелся дом ребенка (ст. 18), колонии общего режима, усиленного режима, строгого режима, особого режима (ст. 61), воспитательно-трудовые колонии общего режима и усиленного режима (ст. 74). В данную систему входили и следственные изоляторы (ст. 16) в части содержания осуж-

денных, оставленных для хозяйственного обслуживания.

В последующем данная законодательная градация учреждений только расширялась. Система исправительных учреждений в редакции ИТК РСФСР от 25.05.1989 была дополнена исправительно-трудовой колонией, предназначенной для содержания и лечения инфекционных больных. В конечном итоге в исправительно-трудовом законодательстве и директивных актах, как отмечает В. А. Фефелов, предусматривалось свыше полусотни разновидностей учреждений, исполняющих лишение свободы [11, с. 8].

В настоящее время в соответствии со ст. 56 УК РФ лишение свободы заключается в изоляции осужденного от общества путем направления его в колонию-поселение, воспитательную колонию, лечебное исправительное учреждение, исправительную колонию общего, строгого или особого режима либо тюрьму.

Несколько иная классификация видов исправительных учреждений предусматривается в ч. 1 ст. 74 УИК РФ: исправительные колонии, воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения, а также следственные изоляторы в предусмотренных законом (ст. 77 УИК РФ) случаях. Уголовно-исполнительная типология включает четыре разновидности исправительных колоний: колония-поселение, исправительная колония общего, строгого и особого режимов. Как показывает анализ действующего законодательства, каждый из обозначенных видов имеет подвиды (например, исправительная колония для впервые осужденных к лишению свободы, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, бывших работников судов и правоохранительных органов).

Следует отметить, что в определении указанных подвидов исправительных учреждений немаловажную роль сыграло не только само законодательство, но и акты применения норм права, одним из которых является распоряжение директора ФСИН России от 12.02.2010. В частности, в нем отмечалось, что при обеспечении раздельного содержания отдельных категорий осужденных, согласно ст. 80 УИК РФ, следует строго руководствоваться требованиями названной статьи, а именно: лица, впервые осужденные к лишению свободы, должны содержаться отдельно от осужденных, ранее отбывавших лишение свободы, независимо от погашения или снятия судимости. На сегодняшний день при наличии в субъекте Российской Федерации только одной колонии (например, общего режима для впервые осужденных) осужденного независимо от факта отбывания наказания ранее могут оставить отбывать наказание в данном учреждении, так как ст. 80 УИК РФ применяется во многих субъектах по-разному.

Методы

При проведении исследования применялся диалектический метод познания объективной реальности, в соответствии с которым анализ исправительных учреждений осуществлялся во взаимосвязи с другими субъектами уголовно-исполнительных отношений. С использованием логического метода исследовано содержание системы исправительных учреждений в ранее действовавшем законодательстве. Метод моделирования позволил определить конкретные пути совершенствования уголовно-исполнительных отношений. На основании формально-юридического метода были подвергнуты изучению нормативно-правовые документы.

Результаты

Исправительные колонии. На сегодняшний день исправительные колонии представлены развернутой системой учреждений и являются самым многочисленным видом (684 учреждения). В них содержится более 93 % осужденных к лишению свободы (включая пожизненное). В законодательстве выделяются несколько видов колоний в зависимости от режима:

1. Исправительные колонии общего режима семи разновидностей: для впервые осужденных мужчин; для ранее отбывавших наказание мужчин; для впервые осужденных женщин; для ранее отбывавших наказание женщин; для мужчин из числа бывших работников судов и правоохранительных органов; для женщин из числа бывших работников судов и правоохранительных органов; исправительные колонии, при которых имеется дом ребенка.

Беременные женщины, кормящие матери и женщины (в том числе несовершеннолетние), имеющие детей, содержатся в исправительных колониях с домами ребенка, также в них помещаются осужденные женского пола из числа бывших работников судов и правоохранительных органов. В научных трудах зарубежных ученых отмечается, что исправительные учреждения, в которых

содержатся осужденные женщины, не всегда учитывают их гендерные особенности, физиологические потребности и т. п. [14].

Представляется, что в свете расширения диспозитивных начал уголовно-исполнительного правового регулирования в будущем возможна дискуссия о необходимости создания исправительных учреждений с домами ребенка для мужчин, имеющих детей в возрасте до трех лет, являющихся единственным родителем (по аналогии с осужденными женщинами).

Ранее отбывавшие наказание и впервые осужденные бывшие работники судов и правоохранительных органов содержатся в одних исправительных колониях, но отдельно друг от друга, то есть так, как это предусматривало законодательство для всех категорий осужденных до 2010 г.

В ст. 6 Закона Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» выделяются исправительные учреждения с особыми условиями хозяйственной деятельности, которые осуществляют заготовку, переработку древесины и иных лесных ресурсов. Самостоятельным видом или подвидом мы их не считаем, поскольку их специфика фактически состоит только в производственной деятельности.

2. Исходя из анализа уголовно-исполнительного законодательства, можно выделить три подвида исправительных колоний строгого режима: колонии для мужчин, впервые осужденных; для мужчин, ранее отбывавших наказание; для мужчин – бывших работников судов и правоохранительных органов. Как и в колониях общего режима, бывшие работники судов и правоохранительных органов, осужденные впервые и уже отбывавшие наказание в виде лишения свободы, содержатся в одном учреждении, но отдельно друг от друга, что говорит о спорности требования раздельного содержания осужденных без специального статуса.

3. Как и в случае с исправительными колониями общего режима, среди исправительных колоний особого режима можно выделить следующие учреждения: для мужчин, осужденных при особо опасном рецидиве; для мужчин, осужденных к пожизненному лишению свободы, и лиц, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы; для мужчин из числа бывших работников судов и правоохранительных органов.

Принципиально то, что бывшие работники судов и правоохранительных органов, приговоренные к пожизненному лишению свободы, содержатся на общих условиях, но изолированно от остальных осужденных. Отсутствует применительно к ним и исправительная колония особого режима для мужчин, осужденных к пожизненному лишению свободы либо которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы.

Колонии-поселения. Колонии-поселения бывают следующих подвидов: для осужденных за преступления, совершенные по неосторожности, ранее не отбывавших лишение свободы и впервые осужденных за совершение умышленных преступлений небольшой или средней тяжести; для осужденных за преступления, совершенные по неосторожности, ранее отбывавших лишение свободы, и осужденных, положительно характеризующихся, которые переведены из колоний общего и строгого режима; для осужденных из числа бывших работников судов и правоохранительных органов, в которых содержатся все категории осужденных, перечисленные выше, только обладающие специальным статусом (поэтому, на наш взгляд, можно говорить о том, что данный вид учреждения является самостоятельным (третьим) видом колонии-поселения).

По мнению В. Д. Иванова, поскольку осужденные, содержащиеся в колонии-поселении, фактически не лишены свободы, а ограничены в ней, целесообразно исключить данный вид учреждений из ст. 56, 58 УК РФ и ст. 74 УИК РФ как не отвечающий требованиям изоляции от общества [2, с. 24]. Данное предложение весьма спорно, поскольку на сегодняшний день законодательно определенные требования, обеспечивающие изоляцию, отсутствуют. Помимо этого, представляется, что общение осужденных с внешним миром не является элементом наказания, а усиливает положительный эффект механизма достижения целей законодательства в вопросах исправления.

Отечественные и зарубежные ученые отмечают, что уровень изоляции сказывается на степени отрицательного воздействия пенитенциарной среды. Уменьшение ограничений способствует укреплению социально полезных связей осужденных. По нашему мнению, колонии-поселения являются неотъемлемым элементом системы исправительных учреждений, включающих в себя

учреждения открытого, закрытого и тюремного типа [10, с. 103].

Воспитательные колонии. Анализ отраслей криминального цикла позволяет сделать вывод, что в воспитательных колониях содержатся осужденные, не достигшие 18 лет (в исключительных случаях – 19 лет). По состоянию на 1 января 2021 г. в 18 воспитательных колониях при лимите наполнения 4919 чел. отбывали наказание 949 осужденных, из которых 68 – лица женского пола. На одну воспитательную колонию в среднем приходится 45 осужденных. Причем, в отличие от исправительных колоний, здесь нет большой градации: существуют только воспитательные колонии для осужденных мужского и женского пола.

В редакции УК РФ от 09.03.2001 (ч. 6 ст. 88) законодатель отказался от воспитательных колоний усиленного режима, в которых содержались несовершеннолетние осужденные, ранее отбывавшие наказание. По мнению А. Н. Кимачева, упразднение воспитательных колоний усиленного режима явилось поспешным. Данный автор предлагал содержать в таких колониях наиболее криминально запущенных осужденных [3, с. 42–43]. Государство же взяло курс на более активную воспитательную работу с постепенным снижением числа осужденных. Данные изменения обусловлены необходимостью уменьшения влияния тюремной субкультуры на процесс исправления осужденных. Именно по этой причине многие зарубежные специалисты отмечают потребность в назначении несовершеннолетним, совершившим преступления, наказаний, не связанных с лишением свободы [11, с. 111; 17, с. 215].

Тюрьмы. По состоянию на 1 февраля 2021 г. в восьми тюрьмах отбывали наказание 1055 осужденных и 193 осужденных, которые оставлены для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию.

В тюрьмах отбывается определенный период наказания, после чего осужденный переводится в исправительную колонию, вид которой также устанавливается судом. Характер временного нахождения в тюрьмах обусловлен спецификой (тюремной) условий (режимов) по сравнению с другими колониями. Исключением являются строгие условия в воспитательных колониях особого режима, которые по факту более строги с точки зрения правовых ограничений. В соответствии с ч. 1 ст. 77 УИК РФ в исключительных случаях осужденные, ранее не отбывавшие лишение свободы, которым отбывание наказания назначено в воспитательных колониях общего режима, с их согласия могут быть оставлены в тюрьме для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию.

Тюрьма выполняет задачи камерной изоляции наиболее опасных преступников, а также ограничения отрицательного влияния нарушителей режима, что в наибольшей мере соответствует целям классификации осужденных, закрепленным Правилами Нельсона Манделы.

В тюрьмах находятся злостные нарушители режима воспитательных колоний из числа мужчин, отбывающих наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления на срок свыше пяти лет, а также при особо опасном рецидиве преступлений, которым суд назначил часть наказания в тюрьме. Для осужденных отбывание определенной части наказания в тюрьме является оценкой их общественной опасности и выражается в уголовно-правовой классификации. В отношении злостных нарушителей режима перевод в тюрьму выступает превентивной мерой противоправного поведения.

Важность превентивных мер, направленных на предупреждение противоправного поведения осужденных, отмечается всеми государствами. Так, в 2017 г. американские конгрессмены представили на рассмотрение законопроект, согласно которому тюремное бюро обязано оценивать риск совершения заключенным преступления и на основе полученных данных дифференцировать условия отбывания наказания [15].

На сегодняшний день данный вид исправительных учреждений является максимально самостоятельным, не имеющим никаких подвидов, однако развивается в структуре других видов исправительных учреждений путем создания изолированных участков, функционирующих в режиме тюрьмы при исправительной колонии. Важно отметить, что количество лиц, отбывающих наказание в тюрьмах и в ЕПКТ, ежегодно уменьшается. В 2015 г. число осужденных к отбыванию уголовного наказания в тюрьме составляло 1528 чел., а находящихся в ЕПКТ – 2000 чел. По состоянию же на 1 января 2021 г. в тюрьмах содержалось 1248 осужденных, а в ЕПКТ – 1274.

Несмотря на обозначенную динамику, потенциал учреждений тюремного типа в системе и структуре исправительных учреждений значим в рамках как действующей

системы исправительных учреждений (при необходимости изоляции злостных нарушителей), так и с точки зрения перспективы развития превентивных начал.

Осужденные бывшие работники судов и правоохранительных органов, несмотря на требование ч. 3 ст. 80 УИК РФ, отбывают наказание в тюрьме на общих основаниях, но изолированно от других категорий осужденных, что позволяет обеспечивать их безопасность, но противоречит требованиям закона.

Лечебно-исправительные учреждения. Лечебно-исправительные учреждения представляют достаточно сложную систему, состоящую из самостоятельных подвидов. Мало кто из сотрудников исправительных учреждений может установить отличительные признаки специальной туберкулезной больницы, лечебного профилактического учреждения и лечебного исправительного учреждения, в которых проходят амбулаторное лечение больные открытой формой туберкулеза.

Подзаконные нормативные правовые акты закрепляют достаточно сложную систему таких учреждений, которая включает в себя девять разделов и предусматривает отоларингологические, офтальмологические, стоматологические отделения больниц, психиатрические больницы, туберкулезные больницы и т. д. [5].

В общих сведениях об учреждениях и численности спецконтингента [6] градация данных учреждений скромнее. Она состоит из противотуберкулезных лечебных исправительных учреждений, лечебных исправительных учреждений для наркоманов, больниц. На сайте ФСИН России в разделе «Общая информация» упоминаются противотуберкулезные лечебные исправительные учреждения, больницы, туберкулезные больницы, специальные психиатрические больницы.

А. П. Скиба отмечает, что большинство больниц не обладает статусом самостоятельных учреждений и функционирует при исправительных колониях. Самостоятельный статус, по его мнению, имеют лишь межобластные больницы [9, с. 35].

На наш взгляд, на сегодняшний день подразделить рассматриваемые учреждения можно на пять самостоятельных типов: лечебные исправительные учреждения для больных туберкулезом осужденных мужского пола; лечебные исправительные учреждения для больных туберкулезом осужденных женского пола; лечебные исправительные учреждения для осужденных наркоманов мужского пола; лечебные исправительные учреждения для осужденных наркоманов женского пола; лечебно-профилактические учреждения (больницы).

Следственные изоляторы. Следственные изоляторы выполняют функции исправительных учреждений в отношении осужденных, оставленных для хозяйственного обслуживания. По состоянию на 1 января 2021 г. таких лиц насчитывалось 5790.

Указанная категория осужденных остается в следственном изоляторе на основании решения начальника учреждения. По мнению отдельных ученых, данная процедура противоречит ч. 4 ст. 58 УК РФ, согласно которой изменение вида исправительного учреждения осуществляется судом [4, с. 182]. В. Г. Чураков отмечает, что для решения этой проблемы целесообразно наметить переходный этап на пути к ликвидации механизма исполнения наказания в следственных изоляторах [13, с. 77–78].

По нашему мнению, отказываться от такой практики не стоит. Она достаточно успешна в плане исправления осужденных. В момент нахождения подозреваемого, обвиняемого в изоляторе последний фактически выступает распределительным центром. На протяжении определенного срока (чаще длительного) человек изучается администрацией и впоследствии, если соответствует законодательным требованиям и требованиям администрации, остается в данном учреждении после осуждения.

В завершение рассмотрения действующей системы исправительных учреждений необходимо отметить, что федеральным законом от 06.07.2007 № 142-ФЗ в ст. 73 УИК РФ были внесены изменения, исключающие необходимость направления осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства для отбывания наказания по месту нахождения в специально для них предназначенные исправительные учреждения. Указанная категория осужденных сегодня отбывает наказание в общем порядке. Отбывание наказания иностранными гражданами в отдельном от осужденных граждан России учреждении было настолько странным, как если бы иностранные граждане разных государств содержались бы отдельно друг от друга.

Представляется важным отметить, что, несмотря на изменения законодательства в

2007 г., в ИК-22 УФСИН России по Республике Мордовия продолжали отбывать наказание осужденные иностранные граждане из стран дальнего зарубежья. Только в 2020 г. данная колония была ликвидирована.

Обозначим перспективы развития системы исправительных учреждений. Действующая система исправительных учреждений является необоснованно многочисленной, что сказывается на их взаимозаменяемости. На систему постоянно оказывают влияние уголовная политика государства и практика ведомственного регулирования уголовно-исполнительных отношений. Законодатель пытается оптимизировать данную систему уменьшением числа подвидов учреждений для несовершеннолетних, женщин, иностранцев, практика же создает новые подвиды для впервые осужденных к лишению свободы и ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы.

Преступность меняется, и в научных кругах появляются новые мнения относительно создания дополнительных видов отдельных исправительных учреждений для определенных категорий осужденных или их раздельного содержания. Опасность осужденных в основном определяется совершенным преступлением, и по этой причине в основу предлагаемой дифференциации положена категория совершенного преступления.

В качестве доказательства необходимости совершенствования превентивных мер в рамках действующей системы исправительных учреждений (альтернатива – создание новых видов исправительных учреждений) выступает уровень преступности осужденных, содержащихся них, в расчете на тысячу человек: по итогам 2020 г. он составил 2,63, тогда как в 2010 г. он был равен 1,34. Отмечается, таким образом, рост почти в два раза за последние десять лет.

В. Н. Чорный, соглашаясь с В. И. Селиверстовым, отмечает, что необходимо решить вопрос об изменении подходов к организации исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных за должностные и экономические преступления. Авторы считают, что лица данной категории должны содержаться в отдельных исправительных учреждениях. Эта мера, по их мнению, не будет противоречить общим началам лишения свободы, установленным законом для всех категорий осужденных [8; 12, с. 74–79].

В то же время В. Н. Чорный приводит интересные статистические данные, в соответствии с которыми 12 % преступлений совершаются лицами, отбывающими наказание или имеющими неисполненный приговор к лишению свободы (реально). 85,7 % осужденных совершили преступления в период отбывания наказания в исправительных учреждениях – в основном это деяния, предусмотренные ст. 175, 186, 187 УК РФ. На момент осуждения у 716 совершивших преступления имелись неснятые и непогашенные судимости: за особо тяжкие преступления – 51, тяжкие преступления – 254, преступления средней тяжести – 233, преступления небольшой тяжести – 178. Преступления указанной группы совершили при рецидиве 244 чел., при опасном рецидиве – 47, при особо опасном рецидиве – 7 [12, с. 77–78]. Также допустима ситуация, когда человек отбывал наказание за убийство, а после освобождения совершил преступление экономической направленности.

Исходя их приведенных данных, автором фактически предлагается создание для отбывания наказания в виде лишения свободы указанной категорией осужденных дополнительно шести подвидов исправительных учреждений: исправительных колоний общего режима для впервые осужденных и ранее отбывавших наказание; исправительных колоний строгого режима для впервые осужденных и ранее отбывавших наказание; исправительных колоний особого режима для впервые осужденных и ранее отбывавших наказание.

По нашему мнению, внесения каких-либо изменений в законодательство не требуется. Представляется возможным в случае совершения впервые преступления экономической направленности назначать указанным субъектам уголовно-исполнительных отношений отбывание наказаний в отдельных исправительных колониях для бывших работников судов и правоохранительных органов.

В перспективе, по мнению специалистов, расширение системы исправительных учреждений возможно за счет появления отдельных учреждений для осужденных за преступления террористической и экстремистской направленности. В 2016 г. с инициативой создания таких колоний выступило МВД России. Данная возможность обсуждалась на разных уровнях, в том числе в Совете безопасности Российской Федерации.

Рост преступлений экстремистской направленности, террористического характера и способность осужденных за их совершение оказывать негативное влияние на других осужденных, по мнению А. Я. Гришко, обусловливают необходимость исполнения наказания в отношении указанной категории осужденных в тюрьмах или исправительных колониях особого режима в камерных условиях. В указанных учреждениях возможна полная изоляция экстремистов и террористов от остальных осужденных [1, с. 90].

В. И. Селиверстов отмечает, что время диктует необходимость принятия таких мер. По его мнению, эти лица должна отбывать наказание не в отдельных колониях, а в тюрьмах, в которых предусмотрены камеры, которые позволят более индивидуализированно разместить заключенных различных категорий [7, с. 139]. Представляется, что для этого достаточно пересмотреть УК РФ. Предложения должны быть направлены на изменение санкций за преступления террористической и экстремистской направленности, а уголовно-исполнительные отношения на сегодняшний день в части дифференциации осужденных к лишению свободы зависят от уголовного законодательства, несмотря на самостоятельность предмета правового регулирования. Только нужны ли такие изменения, учитывая то, что на сегодняшний день проблемы, связанные с содержанием данной категории осужденных, отсутствуют?

Специалисты отмечают, что концентрация осужденных указанной категории в одном месте даже в камерных условиях сократит возможности проведения оперативных мероприятий: когда один осужденный за терроризм находится в общежитии исправительной колонии, реализовать профилактические меры проще.

По состоянию на 1 января 2021 г. в исправительных учреждениях отбывали наказания за преступления террористического характера 1979 осужденных, из них: 484 – в исправительных колониях общего режима, 1002 – строгого режима, 72 – особого режима (47 осуждены пожизненно), 10 – колонии-поселении. В исправительных колониях за преступления экстремистской направленности отбывали наказание 305 осужденных, из них: 79 – в колониях общего режима, 191 – строгого режима, 22 – особого режима (20 осуждены пожизненно), 13 – колонии-поселении.

Следует отметить, что в случае возникновения проблем с поведением рассматриваемых категорий осужденных в исправительных учреждениях в рамках действующего законодательства они были бы переведены в тюрьмы. Выше отмечалось, что численность осужденных, содержащихся в тюрьмах и ЕПКТ, уменьшается и наполняемость данных учреждений далека от лимита. Поэтому можно констатировать, что проблемы предупреждения преступлений применительно к рассматриваемой категории осужденных минимальны и необходимость в отбывании наказания ими в отдельных исправительных учреждениях отсутствует.

Заключение

В федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)» отмечается, что действующая система исправительных учреждений, их территориальное расположение не позволяют реализовывать законодательно закрепленный принцип отбывания наказания в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором осужденные проживали или были осуждены.

Данное требование в действительности не относится к принципам уголовно-исполнительного законодательства и каким-либо принципам вообще. Более того, даже как позиция ученых оно представляется достаточно дискуссионным в силу широкой системы исправительных учреждений, которую невозможно создать в каждом субъекте из-за небольшого населения отдельных регионов и необоснованно больших затрат государства на строительство учреждений. Так, например, территория Томской области больше территории Великобритании примерно на 20 %, а население региона меньше в 62 раза. Видов исправительных учреждений с их различными подвидами законодательством и практикой предусмотрено больше двадцати. Представляется необходимым более детально рассматривать вопросы расширения системы учреждений и декларирования возможности размещения всех их видов в одном субъекте Российской Федерации.

Подводя итог, отметим следующее:

1. Действующая система исправительных учреждений существенно шире границ, определяемых уголовным и уголовно-исполнительным законодательством. Положения ст. 80 УИК РФ, которые поддаются двоякому толкованию, позволяют на ведом-

ственном уровне расширять систему исправительных учреждений, что сокращает возможности отбывания наказания в регионе проживания, но в то же время способствует достижению целей уголовно-исполнительного законодательства.

2. По нашим подсчетам, на сегодняшний день исполнение наказания в виде лишения свободы организуется посредством двадцати пяти различных видов учреждений (в том числе для осужденных к пожизненному лишению свободы): семь видов (подвидов) исправительных колоний общего режима, три вида (подвида) исправительных колоний строгого режима, три вида (подвида) исправительных колоний особого режима, три вида колонии-поселения, два вида воспитательных колоний, один вид тюрьмы, пять видов (подвидов) лечебно-исправительных учреждений, один вид следственного изолятора.

Ведомственное регулирование не должно расширять законодательно установленную систему исправительных учреждений. По нашему мнению, из перечисленных видов исправительных учреждений необходимо оставить три (вместо семи) исправительные колонии общего режима: для осужденных мужчин, для осужденных женщин, для осужденных мужчин из числа бывших работников судов и правоохранительных органов; два вида (вместо трех) исправительных колоний строгого режима: для осужденных мужчин, для осужденных мужчин из числа бывших работников судов и правоохранительных органов.

При строительстве новых колоний, в которых будет должным образом обеспечено требование раздельного содержания осужденных, отпадет потребность в самостоятельных исправительных колониях для женщин и несовершеннолетних.

3. Законодатель прикладывает усилия по уменьшению числа видов, ликвидируя отдельные разновидности исправительных учреждений для несовершеннолетних, женщин, иностранцев, практика же создает новые подвиды для впервые осужденных к лишению свободы и ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы. В силу данного обстоятельства ст. 80 УИК РФ нуждается в существенной переработке для исключения возможности изменения числа видов исправительных учреждений вне рамок закона.

4. Уголовная политика, находящая отражение в законодательстве, практика исполнения наказания в виде лишения свободы и позиции ученых по вопросам системы исправительных учреждений на данном этапе развития государства не едины. С момента принятия уголовно-исполнительного закона произошли изменения, в результате которых были ликвидированы воспитательные колонии усиленного режима, исключено отбывание наказания осужденными женщинами в исправительных колониях строгого, особого режима и тюрьмах, осужденные иностранные граждане стали отбывать наказание в виде лишения свободы на общих основаниях. Законодатель закрепил возможность создания изолированных участков различных учреждений на территории других исправительных учреждений. В то же время распоряжением директора ФСИН России в 2010 г. были созданы подвиды исправительных колоний общего, строго режимов для осужденных впервые к лишению свободы и ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы. Отдельные представители научного сообщества высказывают мнения относительно необходимости создания дополнительных подвидов колоний.

5. Механизм выполнения функций исправительных учреждений в отношении осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию в следственных изоляторах и тюрьмах, представляется больше соответствующим подходу, реализуемому в пенитенциарных системах западных стран. Кандидаты для оставления в изоляторах изучаются в период, когда они не являются осужденными, что позволяет составить более детальное представление об их личности. В этом прослеживается явное сходство с деятельностью распределительных центров в странах Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гришко, А. Я. Личностные особенности осужденных за терроризм и экстремистскую деятельность: целесообразность учета при исполнении наказаний в виде лишения свободы / А. Я. Гришко // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2019. – № 2 (20). – С. 87–92.
2. Иванов, В. Д. Исправительные центры или колонии-поселения? / В. Д. Иванов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2005. – № 1. – С. 23–24.

3. Кимачев, А. Н. К вопросу об оставлении в воспитательных колониях осужденных к лишению свободы, достигших совершеннолетия / А. Н. Кимачев // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2016. – № 3 (35). – С. 40–46.
4. Лаверычева, С. А. Исполнение наказания в следственном изоляторе / С. А. Лаверычева // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Том 8, № 7А. – С. 181–187.
5. Об утверждении Перечней лечебно-профилактических и лечебных исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы для оказания медицинской помощи осужденным : приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 16.08.2006 № 263 // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. – 2006. – № 10.
6. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2017 г.) : информационно-аналитический сборник. – Тверь : НИИИТ ФСИН России, 2018. – 393 с.
7. Селиверстов, В. И. Об уголовно-исполнительных средствах реагирования на терроризм / В. И. Селиверстов // Криминальные реалии, реагирование на них и закон / под редакцией А. И. Долговой. – Москва : Рос. криминол. ассоц., 2018. – С. 132–140.
8. Селиверстов, В. И. Отбывание лишения свободы осужденными за совершение экономических и должностных преступлений с учетом использования их интеллектуального и креативного потенциала: новый научный проект / В. И. Селиверстов // Уголовно-исполнительное право. – 2017. – Том 12, № 1. – С. 34–38.
9. Скиба, А. П. Исполнение наказания в лечебно-профилактических учреждениях : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Скиба Андрей Петрович. – Ростов-на-Дону, 2003. – 201 с.
10. Уткин, В. А. «Гибридные» и «мультирежимные» пенитенциарные учреждения: преимущества и риски / В. А. Уткин, М. В. Киселев, С. М. Савушкин // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2018. – № 29. – С. 103–113.
11. Фефелов, В. А. Социально-правовые основы уголовно-исполнительной цивилизации учреждений, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы / В. А. Фефелов. – Рязань : РВШ МВД СССР, 1992. – 166 с.
12. Чорный, В. Н. Особенности исполнения лишения свободы в отношении лиц, совершивших преступления в сфере экономики / В. Н. Чорный // Вестник Самарского юридического института. – 2018. – № 4 (30). – С. 74–79.
13. Чураков, В. Г. Некоторые организационно-правовые проблемы отбывания наказания отдельных категорий осужденных / В. Г. Чураков // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2015. – № 2. – С. 77–78.
14. Bard, E. Perinatal Health Care Services for Imprisoned Pregnant Women and Associated Outcomes: a Systematic Review / E. Bard, M. Knight, E. Plugge // BMC Pregnancy Childbirth. – 2016. – Volume 16, no. 1. – 285 p.
15. Kirchner L. Should We Rank Prisoners by «Risk Score»? / L. Kirchner // Pacific Standard. – URL: https://psmag.com/news/should-we-rank-prisoners-by-risk-score (дата обращения: 01.05.2021).
16. Lasosik, Z. Abolitionism in history: on another way of thinking / Z. Lasosik , M. Platek, I. Rzeplinska. – Warsaw : Institute of Social Prevention and Resocialization, 1991. – 200 p.
17. Pepinsky, H. Criminology as Peacemaking / H. Pepinsky, R. Quinney. – Bloomington : Indiana Univ. Press, 1991. – 339 p.

REFERENCES

1. Grishko A.Ya. Personal characteristics of convicts for terrorism and extremist activities: the feasibility of taking into account in the execution of sentences of imprisonment. *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika=Penal Law: Legal Theory and Law Enforcement Practices,* 2019, vol. 20, no. 2, pp. 87–93. (In Russ.).
2. Ivanov V.D. Correctional centers or panel settlements? *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie=Criminal-Executory System: Law, Economy, Management,* 2005, no 1, p. 24. (In Russ.).
3. Kimachev A.N. On the issue of staying young offenders sentences to imprisonment in education colonies coming the age of majority. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie=Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction,* 2016, vol. 35, no. 3, pp. 42–43. (In Russ.).
4. Laverycheva S.A. Executing punishment in pre-trial detention facilities. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava=Matters of Russian and International Law,* 2018, vol. 8, no. 7A, p. 182. (In Russ.).
5. On the approval of the Lists of medical preventive care and medical correctional facilities of the penal system for the provision of medical care to convicts : Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation as of August 16, 2006 No. 263. *Byulleten' Minyusta Rossii=Bulletin of the Ministry of Justice of Russia,* 2006, no. 10. (In Russ.).
6. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy. Yan-var'–dekabr' 2017 g. : informatsionno-analiticheskii sbornik* [Key indicators of the activity of the penal enforcement system. January-December 2017 : information and analytical collection]. Tver', 2018.
7. Seliverstov V. I. On penal enforcement measures of responding to terrorism. In: Dolgova A.I. (Ed.). *Kriminal'nye realii, reagirovanie na nikh i zakon* [Criminal realities, response to them and law]. Moscow : Ros. kriminol. assots., 2018. P. 139. (In Russ.).
8. Seliverstov V.I. The serving imprisonment convicted of economic and official crimes with the use of their intellectual and creative potential: new research project. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo=Penal Law,* 2017, vol. 12, no. 1, p. 36. (In Russ.).
9. Skiba A.P. *Ispolnenie nakazaniya v lechebno-profilakticheskikh uchrezhdeniyakh : dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni. kandidata yuridicheskikh nauk* [Execution of punishment in medical preventive care facilities: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Rostov-on-Don, 2003. 35 p.
10. Utkin V.A., Kiselev M.V., Savushkin S.M. "Hybrid" and "multi-mode" penitentiary institutions: advantages and risks. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo=Tomsk State University Journal of Law,* 2018, no. 29, p. 103. (In Russ.).
11. Fefelov V.A. *Sotsial'no-pravovye osnovy ugolovno-ispolnitel'noi tsi-vilizatsii uchrezhdenii, ispolnyayushchikh ugolovnoe nakazanie v vide lisheniya svobody* [Socio-legal foundations of the penal enforcement civilization of institutions executing criminal punishment in the form of deprivation of liberty]. Ryazan', 1992. P. 53.
12. Chornyi V.N. Peculiarities of imprisonment execution in respect of persons who have committed crimes in economy. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta=Bulletin of Samara Law Institute,* 2018, no 4 (30), pp. 74–79. (In Russ.).
13. Churakov V.G. Some organizational and legal problems of serving sentences of certain categories of convicts. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii=Vestnik of Voronezh Institute of the Russian Federal Penitentiary Service,* 2015, no. 2, pp. 77–78. (In Russ.).

14. Bard E., Knight M., Plugge E. Perinatal health care services for imprisoned pregnant women and associated outcomes: a systematic review. *BMC Pregnancy Childbirth,* 2016, no. 1, vol. 16, p. 285.
15. Kirchner L. Should we rank prisoners by «risk score»? *Pacific Standard,* 2017. Available at: https://psmag.com/news/should-we-rank-prisoners-by-risk-score (accessed May 1, 2021).
16. Lasosik Z., Platek M., Rzeplinska I. *Abolitionism in History: on Another Way of Thinking.* Warsaw: Institute of Social Prevention and Resocialization, 1991. 200 p.
17. Pepinsky H., Quinney R. *Criminology as Peacemaking.* Bloomington: Indiana Univ. Press, 1991. 339 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ САВУШКИН – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Томского института повышения квалификации работников ФСИН России по учебной и научной работе, г. Томск, Российская Федерация. ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5744-8178, e-mail: savusertom@rambler.ru

SERGEI M. SAVUSHKIN – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head for Academic and Scientific Work of the Tomsk Institute of Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5744-8178, e-mail: savusertom@rambler.ru

Статья поступила 15.07.2021

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-753-765
УДК 343.13

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: оценка эффективности и меры по его совершенствованию

Б. Я. ГАВРИЛОВ
Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2529-491X, e-mail: profgavrilov@yandex.ru

Реферат
Введение: статья посвящена анализу положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и его влиянию на эффективность реализации государством в лице правоохранительных и судебных органов основных правовых институтов, призванных обеспечить соблюдение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. *Цель:* на основе исследования эффективности внесенных в кодекс изменений и статистического анализа результатов расследования уголовных дел показаны выявленные научным сообществом и правоприменительной практикой недостатки законодательства в данной сфере деятельности и одновременно предложены меры по совершенствованию как отдельных правовых норм УПК РФ, так и ряда его процессуальных институтов по обеспечению конституционных установлений о защите государством прав и свобод человека и гражданина. *Методы:* исторический, сравнительно-правовой и эмпирические методы описания вопросов качества и законности при расследовании уголовных дел; теоретические методы формальной и диалектической логики. Применялись частно-научные методы: юридико-технический и метод толкования конкретных правовых норм. *Результаты:* анализ развития российского и зарубежного уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики объективно свидетельствует о том, что абсолютное большинство внесенных в кодекс изменений способствовало повышению эффективности деятельности должностных лиц органов предварительного расследования и органов дознания по реализации положений ст. 6, провозглашающей в качестве назначения (задачи) уголовного судопроизводства защиту как прав и законных интересов пострадавших от преступлений граждан и организаций, так и личности от незаконного уголовного преследования, осуждения и иных ограничений ее прав и свобод. Совершенствование уголовно-процессуального законодательства направлено также на преодоление заформализованности его отдельных положений и забюрократизированности действий следователя, дознавателя, органов прокуратуры и судейского сообщества при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел. *Выводы:* для адаптации российского уголовного процесса к современным реалиям (новые виды преступлений и способов их совершения, возросшие требования к обеспечению законности в деятельности органов предварительного расследования, соблюдению ими процессуальных сроков по уголовным делам и повышению качества их расследования и др.) необходима существенная трансформация досудебной стадии производства, заключающаяся в реорганизации процессуальных правил начала производства по уголовному делу, приведении сроков расследования в соответствие с положениями ст. 61 УПК РФ о разумном сроке уголовного судопроизводства, дальнейшей дифференциации форм расследования и др., что направлено на повышение эффективности борьбы с преступностью и ее наиболее опасными видами.

Ключевые слова: досудебное производство; уголовное дело; процессуальные сроки; законность и качество расследования; совершенствование законодательства.

12.00.09 – Уголовный процесс.

Для цитирования: Гаврилов Б. Я. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: оценка эффективности и меры по его совершенствованию. *Пенитенциарная наука,* 2021, т. 15, № 4 (56), с. 753–765. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-753–765.

Criminal Procedural Code of the Russian Federation: evaluation of effectiveness and measures for its improvement

BORIS YA. GAVRILOV

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2529-491X, e-mail: profgavrilov@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article analyzes provisions of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation and its impact on the implementation of key legal institutions designed to ensure respect for the rights and legitimate interests of criminal proceedings participants by law enforcement and judicial authorities. *Purpose:* having studied effectiveness of the amendments made in the CPC and conducted statistical analysis of the results of criminal cases investigation, the author presents shortcomings in the legislation identified by the scientific community and law enforcement practice and proposes measures to improve both certain legal norms of the CPC RF and its procedural institutions in order to ensure constitutional provisions on the state protection of human and civil rights and freedoms. *Methods:* the researcher used historical, comparative legal and empirical methods for describing quality and legality issues in the investigation of criminal cases; theoretical methods of formal and dialectical logic. Private scientific and legal technical methods, as well as the method for interpreting specific legal norms were applied. *Results:* the analysis of development of Russian and foreign criminal procedural legislation and law enforcement practice objectively indicates that the absolute majority of the amendments made to the Code contributed to enhancing performance of pre-trial investigation or initial inquiry bodies in implementing the provisions of Article 6 of the CPC. It stipulates protection of the rights and lawful interests of the persons and organizations, who (which) have suffered from the crimes, as well as their protection from unlawful accusations and conviction, and other restrictions of their rights and freedoms. Betterment of the criminal procedural legislation is also aimed at overcoming formalization of its individual provisions and bureaucratization of actions of the inquirer, investigator, prosecutor's office and judicial community in the investigation and trial of criminal cases. *Conclusions:* to adapt the modern Russian criminal process to modern realities (new types of crimes and methods of their commission, increased requirements for ensuring legality in activities of pre-trial investigation bodies, their compliance with procedural deadlines in criminal cases and improving investigation quality) it is necessary to make changes in pre-trial proceedings, in particular, to reorganize procedural rules for commencement of criminal proceedings; bringing investigation terms into line with the provisions of Article 61 of the CPC on a reasonable period of criminal proceedings; differentiating investigation forms, etc. All this is focused on improving effectiveness of the fight against crime and its most dangerous types.

Keywords: pre-trial proceedings; criminal case; procedural deadlines; legality and quality of investigation; improvement of legislation.

12.00.09 – Criminal process.

For citation: Gavrilov B.Ya. Criminal Procedural Code of the Russian Federation: evaluation of effectiveness and measures for its improvement. *Penitentiary Science,* 2021, vol. 15, no. 4 (56), pp. 753–765. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-753-765.

С учетом внесенных в УПК РФ за двадцать лет его действия более чем 280 федеральными законами изменений как в отдельные процессуальные нормы, так и целые институты, включая процессуальные правила о возможности производства на этапе проверки сообщения о преступлении более десяти следственных и иных процессуальных действий, выделении следственного аппарата из органов прокуратуры и образовании Следственного комитета Российской Федерации, дифференциации процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа, введении в

число участников уголовного судопроизводства на стороне обвинения начальника подразделения дознания и начальника органа дознания и др., а также анализа результатов мониторинга действия кодекса и мнения ведущих российских процессуалистов и практикующих сотрудников в лице следователей и дознавателей сформировано авторское видение поступательного развития российского уголовно-процессуального законодательства.

Современное состояние российского уголовно-процессуального законодательства автором[1] рассматривается с учетом эффективности реализации положений ст. 6 УПК РФ о назначении уголовного судопроизводства, призванной обеспечить защиту прав и законных интересов как лиц и организаций, пострадавших от преступлений, так и личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Особое внимание автором уделяется дискуссионности содержания основных положений УПК РФ. При этом внесение в кодекс за двадцать лет столь значительного количества изменений, безусловно, не свидетельствует об идеальности закона, что дает почву для многочисленных критических высказываний со стороны ученых-процессуалистов и практикующих юристов.

В частности, профессор Л. В. Головко, характеризуя принятый в 2001 г. УПК РФ, отмечает, что кодекс «не только не стабилизировал отечественный уголовный процесс постсоветского образца, но, скорее, его ¨размыл¨ и дестабилизировал. При этом объяснение ¨эффекта размывания¨ неким ¨динамизмом¨, присущим нашему времени, по его мнению, вряд ли может быть воспринято, поскольку оно далеко от истины, как далеки от нее и сами претензии на какой-то особый динамизм нашего времени» [13, с. 3–5].

Однако с данным утверждением согласиться не представляется возможным, в том числе и по причине того, что к вопросам законотворческой деятельности ему приходилось обращаться еще в конце 80-х гг. прошлого века, когда процесс подготовки и принятия законопроектов занимал годы. Объяснение причин внесения в уголовно-процессуальное законодательство столь значительного количества изменений видится, с одной стороны, в значительно возросших потребностях правоприменительной практики в части совершенствования процессуальных правил предварительного расследования и судебного разбирательства, подтверждение чему будет приведено далее в статье, а с другой – в стремительном развитии правоотношений в сфере уголовного судопроизводства.

В качестве классического примера внесения в УПК РФ изменений, обусловленных потребностями правоприменительной деятельности, следует привести принятие Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон ¨О прокуратуре Российской Федерации¨», согласно положениям которого следователи прокуратуры были выведены из подчинения прокуроров, и в этой связи процессуальные полномочия по руководству следствием были переданы от прокурора руководителю следственного органа с сохранением в полном объеме его надзорной функции. О необходимости этого неоднократно высказывались представители научного сообщества, а накануне данной реформы руководством Генеральной прокуратуры Российской Федерации при докладе Президенту Российской Федерации В. В. Путину была признана необходимость возложения полномочий по процессуальному руководству следствием и надзору за ним на двух заместителей Генерального прокурора Российской Федерации, что потребовало бы реализации этого предложения до районного уровня, в силу чего повлекло отказ от осуществления этого еще на стадии подготовки Генпрокуратурой России соответствующего приказа.

Этим же законом из УПК РФ исключены полномочия прокурора по согласованию постановления должностного лица органа предварительного расследования или органа дознания о возбуждении уголовного дела. Действие в течение пяти лет данного положения оказало негативное влияние на деятельность следователя, дознавателя по своевременному возбуждению уголовного дела и ограничивало возможности по собиранию доказательств в целях раскрытия преступлений по горячим следам, а у про-

[1] До 2007 г. Б. Я. Гаврилов занимал должность заместителя начальника Следственного комитета при МВД России, с 1997 г. входил в состав рабочей группы при Комитете по законодательству Государственной Думы Российской Федерации по подготовке проекта и принятию УПК РФ, а также его мониторингу.

курора также было изъято право на возбуждение уголовного дела, которое, как свидетельствует правоприменительная практика, он использовал в единичных случаях.

О необходимости реформирования в этой части досудебного производства свидетельствуют приведенные ниже статистические данные о результатах следственной работы по реализации положений указанного федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ, позволяющие сделать вывод о более высоком уровне процессуального контроля, что нашло свое отражение:

а) в улучшении показателей законности в деятельности органов предварительного расследования, в значительном сокращении числа лиц, оправданных судами, в том числе содержащихся под стражей (диаграмма 1);

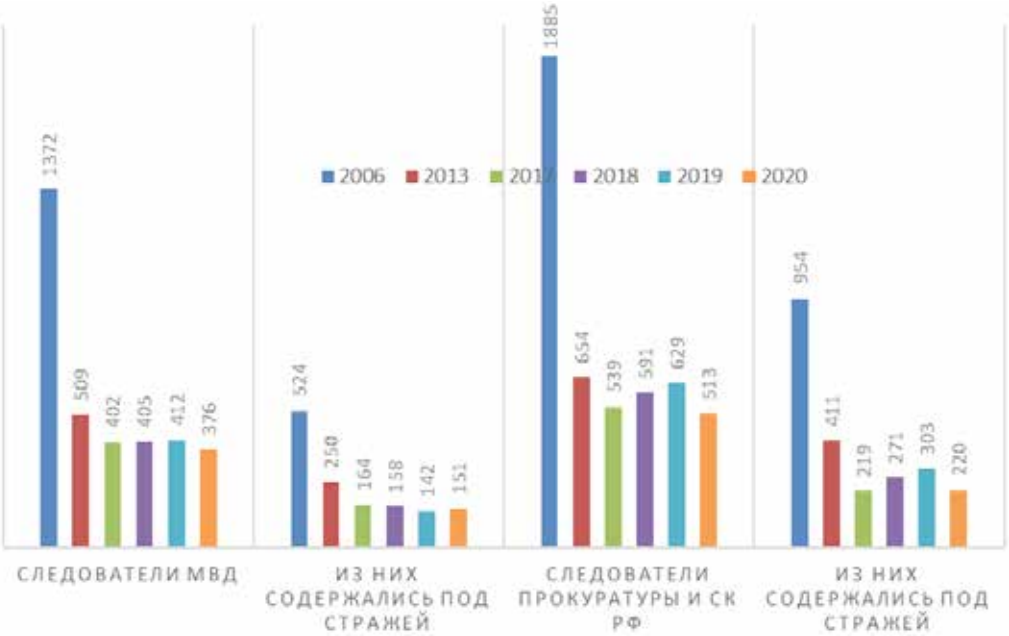

Диаграмма 1. Сведения о числе оправданных судом лиц и незаконно, необоснованно содержавшихся под стражей (за 2006, 2013, 2017–2020 гг.)

б) усилении надзорной функции прокурора за качеством расследования, увеличении количества уголовных дел, возвращенных прокурором следователям как органов внутренних дел, так и СК РФ (диаграмма 2);

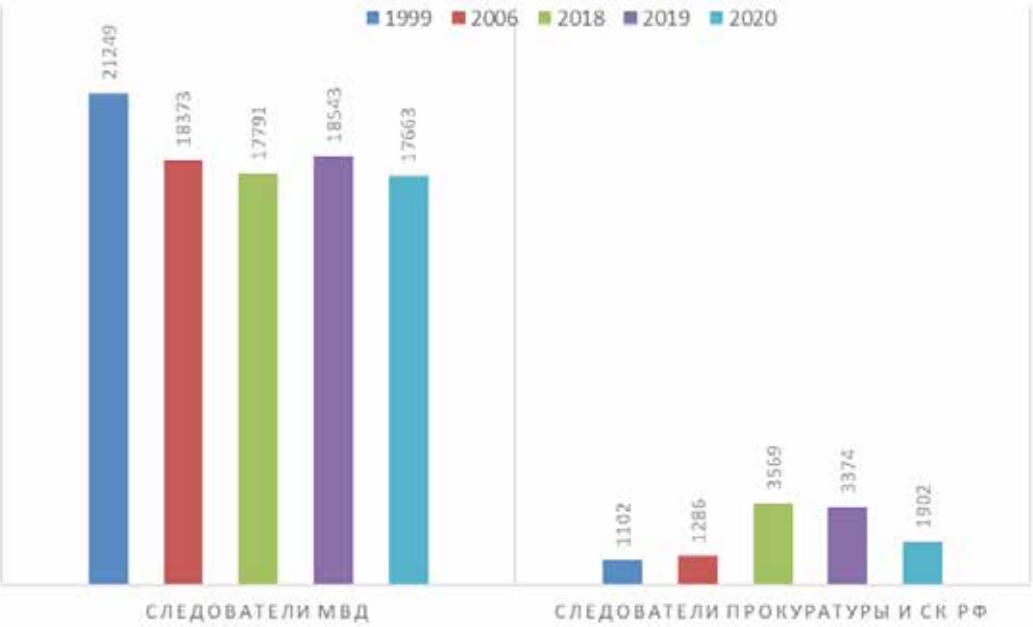

Диаграмма 2. Количество возвращенных прокурором уголовных дел для дополнительного расследования

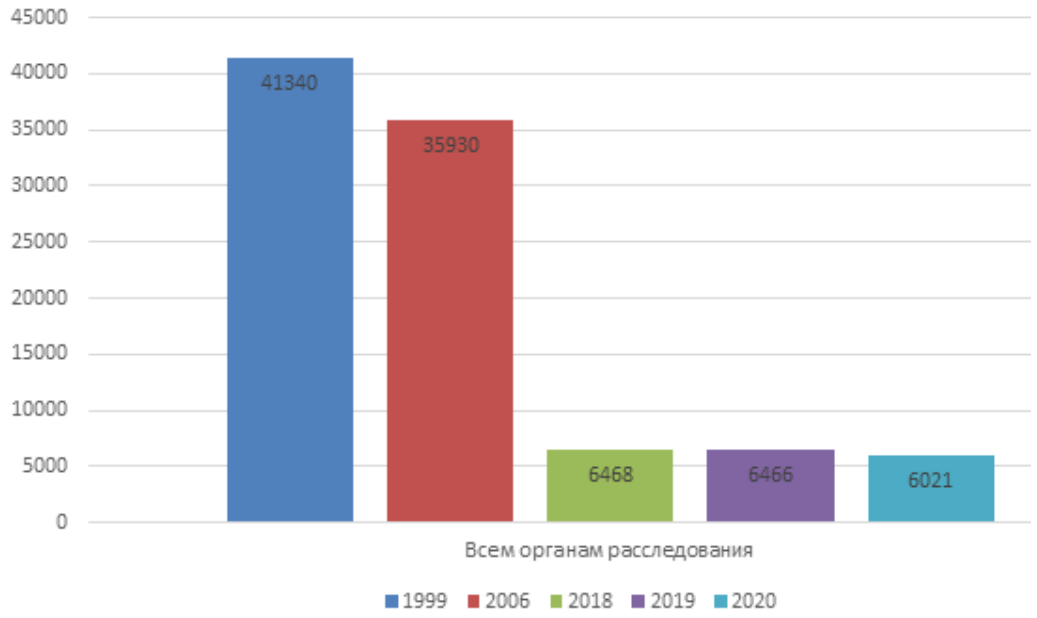

Диаграмма 3. Количество возвращенных дел судом для доследования (до 1 июля 2002 г.) и судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ

в) обеспечении сокращения количества дел, возвращенных судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ (диаграмма 3) [8].

Также профессор Л. В. Головко, говоря о качестве уголовно-процессуального законодательства, отмечает, что всякая кодификация прекращает действие старого юридического порядка и дает рождение новому, которое связано с качеством самой уголовно-процессуальной кодификации, но последняя крайне эклектична и неудачно пытается копировать априори несочетаемые с российской системой права англо-американские подходы, которые стремятся представить уголовный процесс в виде рыночного «состязания» государства со своими гражданами [13].

Приведенный тезис, поддерживаемый рядом российских ученых, не подтвержден какими-либо аргументами, хотя, действительно, по предложению одного из членов рабочей группы в проект кодекса включена норма (ч. 6 ст. 234 УПК РФ в редакции 2001 г.), заимствованная из процессуального законодательства США, о невозможности удовлетворения заявленного стороной защиты в ходе судебного разбирательства ходатайства о вызове следователя для установления алиби подсудимого, если данное ходатайство заявлялось на предварительном следствии и было отклонено. Однако из УПК РФ эта норма вскоре была исключена.

Одновременно в части критических высказываний в адрес УПК РФ согласимся с мнением С. Б. Россинского, который о законодательных тенденциях высказывается в том ключе, что они нередко направлены на «гиперформализацию уголовно-процессуального права, в стремлении узаконить (в узком смысле) более широкий круг применяемых в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства правил поведения, чем требует здравый смысл, превращая УПК в некий административный регламент» [19, с. 42].

При этом анализ изменений, которые претерпел кодекс за двадцать лет его действия, позволяет утверждать, что основанием для многих из них была необходимость выполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации, Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) и еще в большей степени востребованность со стороны правоприменителей. Одновременно нет оснований не согласиться с тем, что отдельные изменения в УПК РФ выражали популистский характер их авторов, представляющих в первую очередь органы законодательной власти, а некоторые, в том числе внесенные высшей судебной инстанцией страны, носили характер контрреформ в силу их противоречивости ряду основополагающих положений принятого УПК РФ, например о порядке изложения доказательств в обвинительном заключении, фактическом расширении института возвращения уголовного дела прокурору [8]. По сути, аналогичные претензии высказал

профессор В. П. Божьев и в адрес Конституционного Суда Российской Федерации [3].

Анализ внесенных в УПК РФ поправок свидетельствует, что одна из причин их многочисленности заключалась в компромиссных решениях законодателя в процессе подготовки и принятия кодекса, поскольку в тот период не были реализованы предложения членов рабочей группы при Комитете по законодательству Государственный Думы в части дифференциации процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа, о чем сказано выше, об изменении процессуальных правил начала расследования, введении в досудебное производство начальника подразделения дознания и ряда других изменений, что законодатель был вынужден реализовывать в последующие годы [10].

К факторам, обусловившим внесение в УПК РФ столь значительного количества изменений, считаем возможным отнести и непоследовательную позицию законодателя, сохранившего за прокурором Федеральным законом от 18.12.2001 № 177-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» до 1 января 2004 г. права санкционирования следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, в том числе и заключение под стражу, а Федеральным законом от 29.12.2001 № 183-ФЗ «О внесении изменения в статью 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» представление Генеральному прокурору Российской Федерации и его заместителям права на продление срока содержания обвиняемых под стражей. Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 14.03.2002 № 6-П «По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С. С. Мартынова и С. В. Пустовалов» признал не соответствующими ст. 21, 22, 23, 25 Конституции Российской Федерации указанные выше положения, что потребовало от законодателя внесения в УПК РФ еще до вступления его в действие целого блока соответствующих изменений (Федеральный закон от 29.05.2002 № 58-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»).

Отметим и необходимость выполнения Российской Федерацией ряда решений Европейского Суда по правам человека. Так, Федеральным законом от 30.04.2010 № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона ¨О компенсации за нарушение права на разумный срок судопроизводства или права на исполнение судебного акта в разумный срок¨» в кодекс включена норма-принцип – ст. 6.1 УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства», чем реализованы решения ЕСПЧ от 15.01.2009 по делу «Бурдов» и «Бурдов против Российской Федерации (№ 2)» (жалоба № 33509/04). И только в одну эту норму (ст. 6.1 УПК РФ) в последующем были внесены изменения пятью федеральными законами с целью уточнения момента исчисления разумных сроков, что свидетельствует в целом о реальной необходимости многочисленных изменений кодекса.

Как отмечено выше, абсолютное большинство изменений было обусловлено потребностями правоприменительной практики.

Одновременно анализ эффективности результатов действия УПК РФ в досудебном производстве свидетельствует о необходимости дальнейшего реформирования: касается оно в первую очередь стадии возбуждения уголовного дела, наличие которой повлекло двукратное снижение в 2020 г. по отношению к 2006 г. количества возбужденных уголовных дел и увеличение за этот период на 2,3 млн количества процессуальных решений следователя, дознавателя, органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела при незначительном снижении числа зарегистрированных заявлений и сообщений о преступлениях [4]. Указанная процессуальная деятельность фактически ограничивает право граждан на их доступ к правосудию и возмещению причиненного им совершенным преступлением ущерба (ст. 52 Конституции Российской Федерации) (диаграмма 4).

Предложения автора, поддерживаемые и другими учеными [12; 16], об исключении ст. 146 и 148 УПК РФ вносятся с учетом решений Конституционного Суда Российской Федерации (определение от 18.07.2006 № 343-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федера-

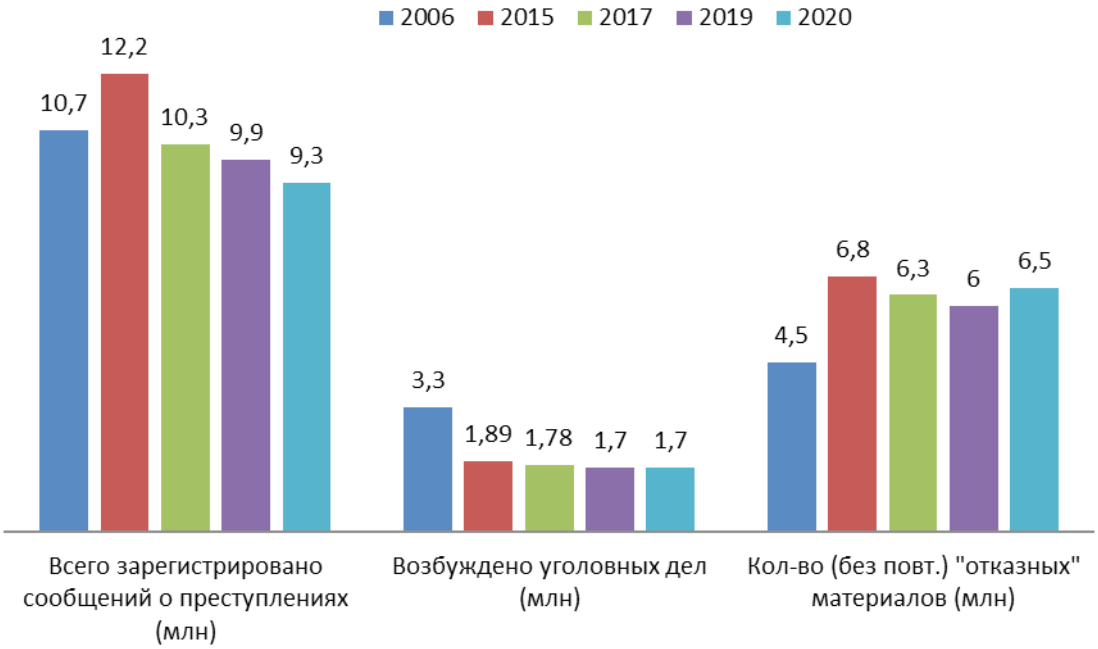

Диаграмма 4. Сведения о количестве зарегистрированных сообщений о преступлениях и принятых по ним решений (за 2006, 2015, 2017, 2019–2020 гг.)

ции, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации») и позиции Верховного Суда Российской Федерации, отмеченной В. В. Кожокарем [14], в соответствии с которыми при выявлении по расследуемому уголовному делу нового эпизода преступной деятельности или выявлении соучастника преступления следователь должен возбудить новое уголовное дело, которое в последующем соединить с основным уголовным делом, что противоречит ранее принятым решениям данных судебных органов, а также многолетней практике расследования и правовому содержанию остающейся неизменной на протяжении шестидесяти лет нормы о возбуждении уголовного дела.

Вместе с тем существуют и иные точки зрения, включающие сохранение стадии возбуждения уголовного дела [6; 21] или выражающие более нейтральную позицию [5; 17].

В последующие годы по настоянию правоприменителя Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» был, как отмечено выше, значительно расширен перечень следственных и иных процессуальных действий, производство которых возможно в ходе проверки заявления, сообщения о преступлении, к которым законодатель отнес: получение объяснения и образцов для сравнительного исследования, истребование предметов и документов, назначение и производство судебной экспертизы и ряд других, что предоставляет сегодня следователям, дознавателям, иным должностным лицам органов дознания право собирания доказательств в стадии возбуждения уголовного дела. Данным законом в досудебное производство введена также сокращенная форма дознания, предусматривающая возможность расследования в более сжатые сроки и собирания доказательств в объеме, достаточном для осуществления судопроизводства по уголовному делу.

Существенная роль в обеспечении качества расследования уголовных дел в форме дознания в общем порядке и в сокращенной форме принадлежит Федеральному закону от 06.06.2007 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», которым в качестве участника уголовного процесса в кодекс был введен начальник подразделения дознания, а в последующем и начальник органа дознания, институт досудебного соглашения о сотрудничестве и ряд других.

Наряду с досудебным производством существенные изменения претерпело и су-

дебное производство. Так, с 1 января 2013 г. апелляционный порядок пересмотра приговоров был распространен и на федеральные суды, с 1 июня 2018 г. подсудность суда присяжных распространена на федеральные суды районного, городского уровней, а с 31 октября 2019 г. в судебную систему включены пять апелляционных и девять кассационных судов общей юрисдикции, что имеет своей целью повышение уровня обеспечения прав и законных интересов участников производства по уголовному делу.

Вместе с тем при построении модели современного УПК РФ представителям научной общественности, правоприменителям и законодателю не удалось преодолеть сложившиеся еще в рамках действия УПК РСФСР заформализованность и забюрократизированность уголовно-процессуального закона, прямым следствием чего является низкая эффективность досудебного производства. Данный вывод нами сделан на том основании, что количество направленных, например, следователями органов внутренних дел в суд уголовных дел из числа возбужденных сократилось более чем на треть (с 36 % в 1991 г. до 22 % в 2020 г.) (например, приговор Богородицкого районного суда Тульской области № 1-1/2016 1-124/2015 от 18 января 2016 г. по делу № 1-1/2016) [9; 11].

Такое состояние уголовного судопроизводства профессор А. С. Александров [2] оценивает как коренной порок отечественной правовой модели и предлагает отказаться от предварительного следствия с переходом на «прокурорское» дознание. С этим утверждением возможно было бы и согласиться, если бы к этому была готова судебная система. Более того, такие революционные преобразования в условиях России способны разрушить систему предварительного следствия, без которого судебная система останется «без работы». По этой же причине не получили одобрения и предложения о введении адвокатского (параллельного) расследования.

Необходимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства обусловлена, как отмечено выше, тем, что эффективность в целом уголовного судопроизводства не соответствует требованиям сегодняшнего дня, требует пересмотра отдельных процессуальных институтов.

Эти изменения должны быть направлены:

– на приведение положений ст. 162 УПК РФ, предоставляющей органам предварительного следствия право продления срока предварительного следствия без его ограничения, в соответствие с нормой-принципом (ст. 6.1 УПК РФ) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который, исходя из содержания постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2016 № 11-П, не должен превышать по уголовным делам четырех лет. Требуется пересмотр и положения ч. 1 ст. 162 УПК о двухмесячном первоначальном сроке расследования, перешедшей из УПК РСФСР 1922 г.;

– увеличение первоначального (два месяца) срока содержания обвиняемого под стражей, в который, исходя из положений ч. 1 и ч. 1.1 ст. 221 УПК РФ, входят от 10 до 30 суток для утверждения прокурором обвинительного заключения по поступившему к нему уголовному делу (вместо 5 суток по УПК РФ 2001 г.) и еще 14 суток для принятия судом (судьей) соответствующего решения в порядке ч. 1 ст. 227 УПК РФ. Данное предложение учитывает и опыт государств с устоявшейся системой правосудия, где первоначальный срок содержания лица составляет от 120 до 180 дней, а по УПК Италии – 6 месяцев с возможностью его сокращения судом по обращению прокурора или стороны защиты;

– пересмотр процессуальных правил предъявления обвинения, нормы которого на протяжении десятилетий обеспечивали право обвиняемого на защиту путем допуска адвоката к участию в уголовном деле с момента предъявления обвинения. Однако сегодня с принятием указанного выше федерального закона от 04.03.2013 № 23-ФЗ участие защитника предусмотрено уже с момента проверки в отношении лица сообщения о преступлении, то есть еще до возбуждения уголовного дела. В действующем УПК РФ фактически отсутствуют и различия в правовом положении подозреваемого (ст. 46) и обвиняемого (ст. 47), за исключением этапа окончания уголовного дела. Аргументом считаем то, что в суд за годы действия УПК РФ без классического предъявления обвинения направлено более 5 млн уголовных дел, расследованных в форме дознания. При этом никто из осужденных не обратился ни в Конституционный Суд Российской Федерации, ни в Европейский Суд по правам человека с жалобой об ограничении его конституционного права на защиту от обвинения. Сле-

дует учитывать и позицию ЕСПЧ по делу Экле (решение от 15.08.1982 по делу «Экле (Eckle) против Федеративной Республики Германии» (жалоба № 8130/78)) и ряд других его решений о том, что обвинение есть обоснованное подозрение, позволяющее осуществлять от имени государства уголовное преследование.

В свою очередь, С. Б. Россинский обращает внимание, что в дореволюционном законодательстве России под обвиняемым понимался некий субъект, в отношении которого осуществлялось предварительное следствие в целях установления его причастности к преступлению. А его появление в уголовном деле не предопределялось изданием специального следственного акта. Иными словами, дореволюционный обвиняемый более напоминал сегодняшнего подозреваемого [17; 18]. Институт предъявления лица в качестве обвиняемого появился в УПК РСФСР 1922 г., второй раздел которого содержал специальную гл. XI «Предъявление обвинения и допрос» [15].

С реорганизацией института предъявления обвинения непосредственно связан и вопрос о полномочиях суда по изменению обвинения, который десятки лет служил основным средством устранения ошибок и недостатков предварительного расследования. Его негативным последствием по УПК РСФСР было ежегодное возвращение судом от 45 до 56 тыс. уголовных дел следователям, дознавателям для производства по ним дополнительного расследования, что увеличивало срок расследования и последующего судебного разбирательства от 3 до 6 месяцев, а по отдельным уголовным делам – от 1,5 до 2 лет, а также делало невозможным перепредъявление обвинения в суде на более тяжкое.

При разработке предложений по совершенствованию данного института исходим из того, что непосредственное исправление в суде дефектов и несоответствий установленным фактам допускается законодательством и судебной практикой Англии, Уэльса и Шотландии и других государств. Например, в Италии в ходе судебного следствия прокурор при соблюдении права обвиняемого на защиту и других условий вправе изменить исходное обвинение на более тяжкое или существенно отличающееся от первоначального путем дополнительного уведомления или нового изложения деяния (ст. 517, 519 УПК Италии). Согласно ст. 732 Уголовно-процессуального закона Испании изменение предварительной квалификации стороной обвинения является самостоятельным этапом судебного разбирательства, в котором для необходимости усиления обвинения предусмотрено отложение слушания дела по просьбе защиты для подготовки доказательств в опровержение измененного обвинения. Возможность изменения в судебном разбирательстве обвинения на более тяжкое без возвращения уголовного дела прокурору предусмотрена ст. 301 УПК Республики Беларусь и ст. 340–341 УПК Казахстана.

Непременными условиями соответствия предлагаемой нами и рядом других ученых процедуры изменения обвинения в суде на более тяжкое должны быть инициирование этого вопроса исключительно стороной обвинения и создание достаточных гарантий обеспечения права обвиняемому на защиту от нового обвинения. Предлагаемые процедуры изменения прокурором обвинения на более тяжкое непосредственно в ходе судебного производства с правом представить суду дополнительные доказательства видятся в следующем: уголовное дело остается под контролем суда и исключается его разрешение несудебными органами; движение уголовного дела сохраняет поступательный характер и, как следствие, существенно сокращаются сроки производства по делу; не ограничивается право участников уголовного процесса на их доступ к правосудию; налицо процессуальная экономия, так как отпадает необходимость в производстве дополнительных процессуально-следственных действий и повторного судебного рассмотрения дела; в большей степени реализуется право государственного обвинителя на свободу оценки доказательств, повышается объективность его позиции в деле; суд не втягивается в осуществление обвинительной функции, не нарушается принцип состязательности судопроизводства; в большей степени обеспечивается объективность и беспристрастность суда.

В числе проблем совершенствования УПК РФ следует отметить замену дознания в сокращенной форме, которое как по срокам расследования, так и по объему собираемых доказательств ничем сегодня не отличается от дознания в общем порядке и даже превосходит его по количеству принимаемых дознавателем решений. Вместо

него предлагается протокольная форма предварительного расследования, производимого в течение 48 часов в отношении конкретного лица при его задержании с поличным и признании им факта совершения преступного деяния. Данная форма расследования, по нашему мнению, не должна предусматривать процедуру возбуждения уголовного дела. Предлагается также законодательным путем ограничить перечень обязательных следственных действий допросом заподозренного в совершении преступления лица, а также потерпевшего или свидетеля (при отсутствии потерпевшего) совершенного преступления. Закон должен предусматривать обязательное задержание такого лица на срок до 48 часов, в течение которых расследование должно быть завершено. При поступлении уголовного дела в суд срок задержания продлевается до 72 часов, необходимых для осуществления судебного разбирательства. Такие сокращенные правила расследования содержат нормы УПК ФРГ, Итальянской Республики и ряда других государств Европы.

Относительно обсуждаемой сегодня проблемы возвращения прокурору полномочий по возбуждению уголовного дела следует уточнить, что для ее разрешения достаточно лишь изменить редакцию п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, установив, что «по постановлению прокурора о направлении материалов в орган расследования для решения вопроса об уголовном преследовании следователь, дознаватель незамедлительно (в течение 24 часов) возбуждает уголовное дело, за исключением случаев, препятствующих началу его производства». Такие случаи предусмотрены ч. 1 ст. 24 (п. 3, 5, 6) и ч. 1 ст. 27 УПК РФ (п. 3–6).

В качестве самостоятельного некоторыми представителями научной общественности [1] выдвигается требование о возвращении прокурору полномочий по согласованию обращений следователей в суд о заключении подозреваемых, обвиняемых под стражу, поскольку передача этой функции руководителю следственного органа якобы повлекла рост нарушений законности. О необоснованности этих требований можно судить через приведенные статистические данные о значительном сокращении с передачей этих полномочий от прокурора руководителю следственного органа числа ежегодно заключаемых под стражу граждан (диаграмма 5).

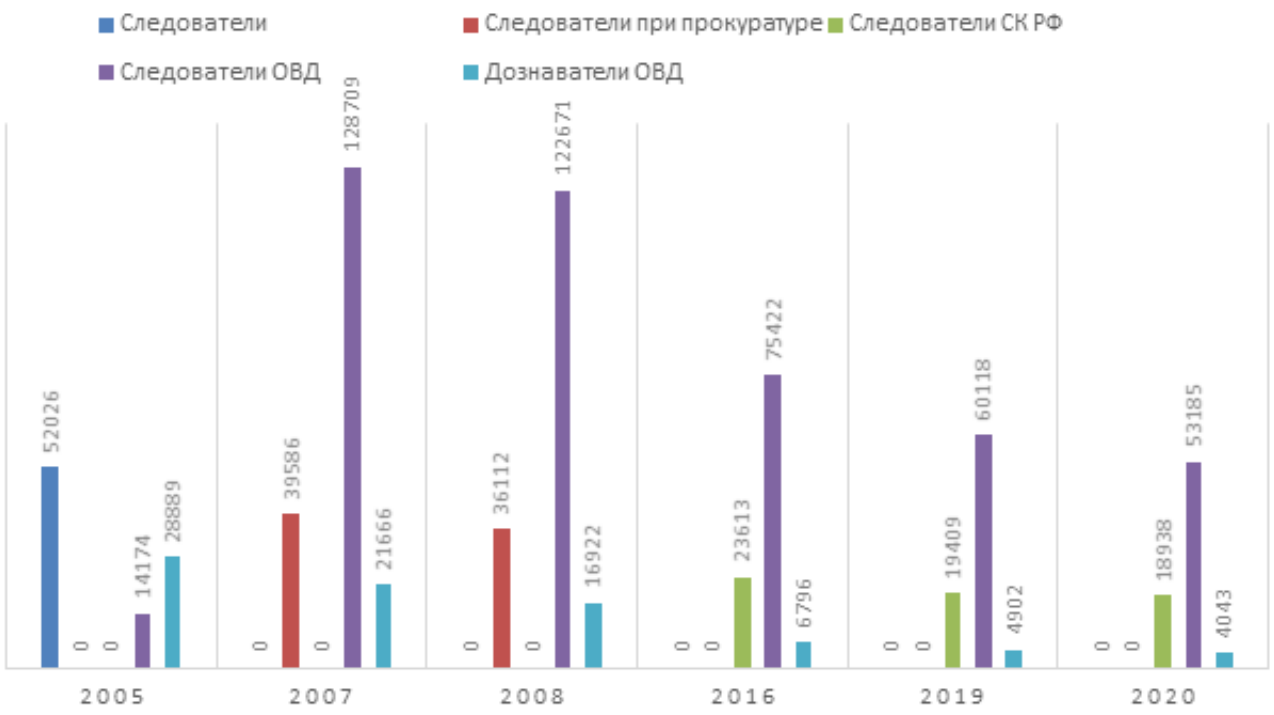

Диаграмма 5. Сведения о числе заключенных под стражу подозреваемых, обвиняемых по ходатайству следователя, дознавателя (за 2005–2008 гг., 2016–2020 гг.)

Кроме того, в числе аргументов за возвращение прокурору полномочий по процессуальному руководству следователями (для объективности следует указать, что Генеральный прокурор Российской Федерации И. В. Краснов заявил о достаточности этих прав для обеспечения должного уровня надзора за следствием) представители научной общественности нередко выдвигают тезис о том, что следователи как органов внутренних дел, так и Следственного комитета Российской Федерации нередко игнорируют требования прокуроров, заявленные в соответствии п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия.

Однако, по данным Генпрокуратуры России (отчет по форме 555), в 2017–2020 гг. прокурорами в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ направлено следователям Следственного комитета Российской Федерации от 42 тыс. до 46 тыс. требований, из которых было удовлетворено 97–98 %. Из выявленных прокурорами от 105 тыс. до 125 тыс. за этот же период нарушений федерального законодательства по уголовным делам, расследованным следователями органов внутренних дел, удовлетворено 99 %. По органам дознания в системе МВД России удовлетворено более 99 % таких требований.

С учетом факторов, приведенных в этой статье и иных публикациях, авторская позиция [7] заключается в широком обсуждении в научном сообществе и среди правоприменителей с последующим доведением до законодателя предложений, предусматривающих внесение рассмотренных изменений. Задача состоит не в создании нового уголовно-процессуального кодекса, а в разработке доктрины досудебного производства, призванной отразить произошедшие в социально-политической, экономической и правовой жизни российского государства изменения, чему сегодня в значительной мере препятствует устоявшийся в нашем сознании стереотип незыблемости названных выше уголовно-процессуальных институтов, не позволяющих обеспечить эффективность уголовного судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров, А. И. Выступление на круглом столе в Совете Федерации 19 ноября 2020 г. «Проблемы законодательного регулирования правового положения прокурора и адвоката уголовном процессе» / А. И. Александров. – URL: http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/?date=19.11.2020 (дата обращения: 12.09.2021).
2. Александров, А. С. О доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права России / А. С. Александров // Вестник Нижегородской правовой академии. – 2015. – № 5 (5). – С. 7–10.
3. Божьев, В. П. «Тихая революция» Конституционного суда в уголовном процессе Российской Федерации / В. П. Божьев // Российская юстиция. – 2000. – № 10. – С. 9–11.
4. Божьев, В. П. Соответствует ли отказ в возбуждении уголовного дела идеологии современной уголовно-правовой политики России / В. П. Божьев, Б. Я. Гаврилов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 2 (78). – С. 74–78.
5. Васюков, В. Ф. Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел на современном этапе : монография / В. Ф. Васюков, Е. В. Марковичева. – Москва : Проспект, 2016. – 80 с.
6. Волеводз, А. Г. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса / А. Г. Волеводз // Уголовный процесс. – 2014. – № 1. – С. 80–83.
7. Воскобитова, Л. А. Уголовное судопроизводство как социальная технология / Л. А. Воскобитова // Уголовное судопроизводство. – 2021. – № 2. – С. 6–17.
8. Гаврилов, Б. Я. Идеология формирования современного досудебного производства / Б. Я. Гаврилов // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 1. – С. 22–28.
9. Гаврилов, Б. Я. Отвечает ли современное досудебное производство реалиям борьбы с преступностью? / Б. Я. Гаврилов // Академическая мысль. – 2019. – № 3 (8). – С. 98–102.
10. Гаврилов, Б. Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя / Б. Я. Гаврилов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 6. – С. 4–14.
11. Гаврилов, Б. Я. Эффективность досудебного производства / Б. Я. Гаврилов // Уголовное судопроизводство. – 2017 – № 2. – С. 19–26.
12. Гирько, С. И. О некоторых проблемных вопросах процессуальной регламентации ускоренного досудебного производства / С. И. Гирько // Российский следователь. – 2010. – № 15. – С. 14–16.
13. Головко, Л. В. УПК Российской Федерации 2001 года как кодификация: «эффект кристаллизации» или «эффект размывания»? / Л. В. Головко // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 6. – С. 3–5.
14. Кожокарь, В. В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда РФ / В. В. Кожокарь // Труды Академии управления МВД России. – 2015. – № 1. – С. 20–22.
15. Никулина, Т. Г. История возникновения института привлечения лица в качестве обвиняемого и современные перспективы развития / Т. Г. Никулина // Вестник Удмуртского университета. – 2010. – Выпуск № 4. – С. 115–117.

16. Россинский, С. Б. Возбуждение уголовного дела как автономная стадия российского уголовного судопроизводства: за и против / С. Б. Россинский // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 3. – С. 48–54.
17. Россинский, С. Б. Дискуссия о сущности и правовой природе задержания подозреваемого продолжается... / С. Б. Россинский // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 6 (91). – С. 134–145.
18. Россинский, С. Б. Привлечение в качестве обвиняемого – результат максимально полного расследования обстоятельств уголовного дела / С. Б. Россинский // Правда и закон. – 2021. – № 3. – С. 69–77.
19. Россинский, С. Б. УПК Российской Федерации: возрождение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей / С. Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 6. – С. 42.
20. Федоров, А. В. Нужна ли по делам о наркопреступлениях стадия возбуждения уголовного дела? / А. В. Федоров // Наркоконтроль. – 2017. – № 1. – С. 3–17.
21. Шадрин, В. С. Судьба стадии возбуждения уголовного дела / В. С. Шадрин // Законность. – 2015. – № 1. – С. 47–51.

REFERENCES

1. Aleksandrov A.I. *Vystuplenie na kruglom stole v Sovete Federatsii 19 noyabrya 2020 g. "Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya pravovogo polozheniya prokurora i advokata ugolovnom protsesse"* [Speech at the round table in the Federation Council on November 19, 2020 "Problems of legislative regulation of the legal status of the prosecutor and lawyer in criminal proceedings"]. Available at: http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/?date=19.11.2020 (accessed September 12, 2021).
2. Aleksandrov A.S. On the doctrinal model of criminal procedural evidentiary law of Russia. *Vestnik Nizhegorodskoi pravovoi akademii=Bulletin of the Nizhny Novgorod Law Academy,* 2015, no. 5 (5), pp. 7–10. (In Russ.).
3. Bozh'ev V.P. "Silent revolution" of the Constitutional Court in the Criminal Process of the Russian Federation. *Rossiiskaya yustitsiya=Russian Justice,* 2000, no. 10, pp. 9–11. (In Russ.).
4. Bozh'ev V.P., Gavrilov B.Ya. Does the refusal to initiate criminal proceedings correspond to the ideology of modern criminal law policy of Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii=Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,* 2018, no. 2 (78), pp. 74–78. (In Russ.).
5. Vasyukov V.F., Markovicheva E.V. *Problemnye voprosy vozbuzhdeniya ugolovnykh del na sovremennom etape: monografiya* [Problematic issues of initiation of criminal cases at the present stage: monograph]. Moscow, Prospekt. 2016. 80 p.
6. Volevodz A.G. Abolition of the stage of initiation of a criminal case: the price paid. *Ugolovnyi protsess=Criminal Proceedings,* 2014, no. 1, pp. 80–83. (In Russ.).
7. Voskobitova L.A. Criminal justice as a social technology. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo=Criminal Judicial Proceeding,* 2021, no. 2, pp. 6–17. (In Russ.).
8. Gavrilov B.Ya. Ideology of the formation of modern pre-trial proceedings. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii=Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,* 2018, no. 1, pp. 22–28. (In Russ.).
9. Gavrilov B.Ya. Does the modern pre-trial proceedings answer the realities of fighting crime? *Akademicheskaya mysl'=Academic Thought,* 2019, no. 3 (8), pp. 98–102. (In Russ.).
10. Gavrilov B.Ya. Twenty years of the Russian criminal procedure law: whether it complies with scientific views and requirements of the law enforcement officer. *Zakony Rossii. Opyt. Analiz. Praktika=Russian Laws: Experience, Analysis, Practice,* 2021, no. 6, pp. 4–14. (In Russ.).
11. Gavrilov B.Ya. Pre-trial proceedings efficiency. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo=Criminal Judicial Proceeding,* 2017, no. 2, pp. 19–26. (In Russ.).
12. Gir'ko S.I. O On certain controversial issues of procedural regulation of new prejudicial procedure. *Rossiiskii sledovatel'=Russian Investigator,* 2010, no. 15, pp. 14–16. (In Russ.).
13. Golovko L.V. The CPC of the Russian Federation as amended in 2001 as codification: "crystallization effect" or "blurring effect"? *Zakony Rossii. Opyt. Analiz. Praktika=Russian Laws: Experience, Analysis, Practice,* 2021, no. 6, pp. 3–5. (In Russ.).
14. Kozhokar' V.V. Initiation of legal proceedings: legal position of the Constitutional Court and Supreme Court of the Russian Federation. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii=Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,* 2015, no. 1, pp. 20–22. (In Russ.).
15. Nikulina T.G. History of the institution of attracting a person as an accused and modern development prospects. *Vestnik Udmurtskogo universiteta=Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law,* 2010, no. 4, pp. 115–117. (In Russ.).
16. Rossinskii S.B. Initiation of a criminal case as an autonomous stage Russian criminal procedure: pros and cons. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii=Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,* 2021, no. 3, pp. 48–54. (In Russ.).
17. Rossinskii S.B. Discussion about the essence and legal nature of the suspect's detention continues. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava=Actual Problems of Russian Law,* 2018, no. 6 (91), pp. 134–145. (In Russ.).
18. Rossinskii S.B. Involvement as an accused is the result of the fullest possible investigation of the circumstances of the criminal case. *Pravda i zakon=Truth and Law,* 2021, no. 3, pp. 69–77. (In Russ.).
19. Rossinskii S.B. The CPC of the Russian Federation: revival of a "high" purpose of the criminal procedure form or "memo" for illiterate law enforcement officers. *Zakony Rossii. Opyt. Analiz. Praktika=Russian Laws: Experience, Analysis, Practice,* 2021, no. 6, p. 42. (In Russ.).
20. Fedorov A.V. Is there any need for case institution stage in drug-related crimes? *Narkokontrol'=Narkokontrol,* 2017, no. 1, pp. 3–17. (In Russ.).
21. Shadrin V.S. Fate of the criminal case initiation stage. *Zakonnost'=Legality,* 2015, no. 1, pp. 47–51. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГАВРИЛОВ БОРИС ЯКОВЛЕВИЧ – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2529-491X, e-mail: profgavrilov@yandex.ru

BORIS YA. GAVRILOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of the Department of Administration of Investigative Bodies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2529-491X, e-mail: profgavrilov@yandex.ru

Статья поступила 07.10.2021

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-766-777
УДК 343.83

Современное состояние системы управления персоналом уголовно-исполнительной системы

Д. А. БРЫКОВ
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8526-5432, e-mail: tornaden@rambler.ru

Реферат
Введение: статья анализирует современное состояние системы управления персоналом уголовно-исполнительной системы, сложившееся после принятия Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы"». *Цель:* провести анализ основных элементов системы организации работы с кадрами в уголовно-исполнительной системе и предложить мероприятия по ее совершенствованию. *Методы:* приоритетно использовались сравнительно-правовой метод и теоретический метод формальной и диалектической логики. Также при проведении сбора и анализа информации, полученной от обучающихся на Высших академических курсах Академии ФСИН России, применялся конкретно-социологический метод. *Результаты:* кадровая функция является одним из важнейших элементов эффективной деятельности уголовно-исполнительной системы. Функционирование кадровых подразделений требует соответствующего правового регулирования не только работы с кадрами уголовно-исполнительной системы, но и внутриорганизационной деятельности самих кадровых аппаратов. Наибольшего внимания требуют такие направления, как набор сотрудников, профессиональное обучение, прохождение службы, организация работы с кадровым резервом, прекращение службы. *Выводы:* в определении правового положения структурных подразделений отделов кадров территориальных органов уголовно-исполнительной системы существует проблема распределения функций и правового закрепления организации систем и потоков информации, регламентации отдельных видов кадровой работы. В ее решении важную роль могло бы сыграть совершенствование положений о структурных подразделениях отделов кадров, программ плановой подготовки резервистов и др.

Ключевые слова: управление персоналом уголовно-исполнительной системы; кадровый резерв; прохождение государственной службы; кадровая функция; движение персонала; кадровые подразделения; набор персонала.

12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность.

Для цитирования: Брыков Д. А. Современное состояние системы управления персоналом уголовно-исполнительной системы. *Пенитенциарная наука,* 2021, т. 15, № 4 (56), с. 766–777. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-766-777.

Current State of the Personnel Management System of the Penal Enforcement System

DENIS A. BRYKOV
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8526-5432, e-mail: tornaden@rambler.ru

Abstract

Introduction: the article analyzes a current state of the personnel management system in the penal enforcement system, which developed after the adoption of the Federal Law No. 197-FZ dated July 19, 2018 "On service in the penal enforcement system of the Russian Federation and on amendments to the law of the Russian Federation "On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of deprivation of liberty". *Purpose:* to analyze key elements of the system of organizing work with personnel in the penal enforcement system and propose measures to improve it. *Methods:* the comparative legal method and the theoretical method of formal and dialectical logic were used. The specific sociological method was also applied when collecting and analyzing information received from students taking Higher Academic Courses at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Results:* the personnel function is one of the most important elements of penal system performance. Activities of personnel units requires appropriate legal regulation not only in terms of work with personnel of the penal enforcement system, but also internal organizational activities of human resources departments themselves. The most attention is required in the areas, such as recruitment, professional training, service, organization of work with a talent pool, termination of service. *Conclusions:* it is difficult to determine a legal status of structural subdivisions of the personnel departments in territorial bodies of the penal enforcement system due to the problem of distributing functions among structural subdivisions and legal consolidation of the organization of systems and information flows, as well as regulation of certain types of personnel work. To solve this problem, it is advisable to improve regulations on structural subdivisions of personnel departments and programs for regular training of succession pool members, etc.

Keywords: personnel management of the penal enforcement system; talent pool; public service; personnel function; personnel movement; personnel units; recruitment.

12.00.11 – Judicial activities, prosecutor's activities, human rights and law enforcement activities.

For citation: Brykov D. A. Current state of the personnel management system of the penal enforcement system. *Penitentiary Science,* 2021, vol. 15, no. 4 (56), pp. 766–777. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-766-777.

Введение

Управление персоналом уголовно-исполнительной системы должно иметь правовое регулирование. Для этого ФСИН России разрабатывает Концепцию кадровой политики уголовно-исполнительной системы, которая призвана способствовать не только раскрытию правовой природы государственной службы в уголовно-исполнительной системе, но и увязыванию ее с имеющимися психолого-педагогическими условиями реализации. Указанная концепция должна рассматриваться в качестве фундамента единой системы развития профессиональной компетентности сотрудников уголовно-исполнительной системы и дальнейшего расширения мер их социальной защиты.

Определенная работа по систематизации нормативных актов проводится управлением кадров ФСИН России. Вместе с тем представляется целесообразным на современном этапе подготовить для работников кадровых подразделений перечень основных приказов, инструкций и указаний ФСИН России, которые могли бы войти в сборник нормативных актов по работе с кадрами уголовно-исполнительной системы.

Разумеется, систематизация нормативных актов – это длительный и трудоемкий процесс. Представляется, что в целях упорядочения правового регулирования работы с кадрами в перспективе возможна подготовка кодифицированного и консолидированного актов, объединяющих материально-правовые, административно-процессуальные и организационно-технические нормы. Это должно обеспечить создание стройной, стабильной и в то же время динамичной системы нормативных актов как необходимой предпосылки установления законности в работе с кадрами.

Кадровая функция уголовно-исполнительной системы

Кадровая функция, являющаяся важнейшей обеспечивающей функцией деятельности уголовно-исполнительной системы, должна иметь четкое правовое регулирование. Кадровая функция выражается в виде целенаправленной организационно-право-

вой деятельности. Для этого необходима соответствующая система правовых актов, регламентирующая кадровую функцию и обеспечивающая ее реализацию через систему правоотношений. Поэтому одним из главных факторов повышения эффективности деятельности кадровых служб уголовно-исполнительной системы различного уровня является четкое определение их полномочий [1; 3; 5].

В процессе изучения отношений между кадровыми аппаратами и сотрудниками уголовно-исполнительной системы не только выявляется социальная обусловленность, но и определяется эффективность управленческих решений. Обратная связь между субъектом и объектом управления позволяет избирать оптимальные программы и вносить корректировки в те варианты нормативно-правовых решений, прогностическая оценка которых оказалась неточной или неправильной.

Очевидно, что оценка эффективности правовых норм вообще и правовых новелл в частности не может базироваться лишь на общественном мнении правоприменителей. В данном случае позиция респондентов больше свидетельствует об оценке порядка изучения, проведения проверки, результатов и принятия по ним решения о приеме на службу, нежели о совершенстве соответствующих норм.

Деятельность кадровых подразделений требует соответствующего правового регулирования, причем речь идет как о работе с кадрами уголовно-исполнительной системы, так и о внутриорганизационной деятельности самих кадровых подразделений.

Особенности правового регулирования деятельности кадровых подразделений ФСИН России в субъектах Российской Федерации в специальной литературе исследованы недостаточно. Актуальность этого вопроса объясняется тем, что до сих пор уголовно-исполнительная система работает, опираясь на устаревшие нормативные акты, которые регламентировали ее деятельность до принятия Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации ¨Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы¨» (далее – федеральный закон № 197-ФЗ). Кроме того, вновь принятые нормативные акты не разрешают накопившиеся проблемы полностью, и поэтому процесс разработки новых и совершенствования действующих нормативных актов продолжается.

Подчеркнем, что реализация правовых норм в значительной мере зависит от уровня профессионально-правовой культуры руководителей и работников кадровых служб, поскольку на характер управленческих решений в работе с кадрами влияют их профессиональные установки, мотивы и ценностные ориентации.

В последнее время управление кадров ФСИН России проводит социологические и социально-правовые исследования, выводы по которым учитываются при подготовке нормативных документов в области работы с кадрами.

Представляется, что предпринимаемые и планируемые меры по совершенствованию правового регулирования работы с кадрами в уголовно-исполнительной системе позволяют эффективнее реализовывать задачи, стоящие перед кадровыми аппаратами, поскольку создают правовую основу их деятельности [11].

Вместе с тем в определении правового положения кадровых подразделений существует ряд проблем, которые требуют своего разрешения. Прежде всего они затрагивают распределение функций между структурными подразделениями, уточнение функциональных обязанностей сотрудников, правовое закрепление способов передачи информации между подразделениями, разработку типовых приемов выполнения отдельных видов кадровой работы.

Недостатки структуры кадровых подразделений являются следствием неправильных распределения и группировки функций различных звеньев аппарата и его отдельных работников. При этом в совершенствовании структуры важную роль могли бы сыграть грамотно разработанные положения о структурных подразделениях. Это позволило бы добиться наиболее рационального разделения труда между сотрудниками подразделений, исключающего дублирование и пересечение направлений работы.

Разработка положений о структурных подразделениях кадрового аппарата, на наш взгляд, положительно повлияет на

совершенствование морального и материального стимулирования и повышение ответственности за результаты работы начальников подразделений, и особенно старших групп, которые нередко мало чем отличаются от рядовых исполнителей.

В теоретическом и практическом плане представляет определенный интерес вопрос соотношения прав и обязанностей руководителя кадрового аппарата территориального органа уголовно-исполнительной системы как организатора и координатора кадровой работы в территориальном органе уголовно-исполнительной системы в целом, то есть вопрос о его правовом статусе [13; 6].

Согласно ведомственным нормативным актам начальникам ГУФСИН, УФСИН в субъектах Российской Федерации предоставлено право определять обязанности своих заместителей, делегировать в установленном порядке, исходя из интересов службы, часть своих полномочий заместителям, руководителям структурных подразделений аппарата, а также руководителям органов и организаций.

Между тем изучение этого вопроса свидетельствует о том, что в действующем в настоящее время положении о кадровых аппаратах территориальных органов уголовно-исполнительной системы этот вопрос освещен недостаточно. В соответствующем разделе таких положений отражены в основном обязанности и не уделено должного внимания конкретным полномочиям. Реализация же ряда функций, возложенных на кадровые аппараты, предполагает использование различного рода полномочий: по осуществлению мероприятий подготовительного характера, решению вопросов, организации исполнения, обеспечению исполнения.

Например, функция по организации контроля за работой с кадрами в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы предполагает наряду с другими мероприятиями заслушивание докладов руководителей служб, подразделений о работе с кадрами. Функция сбора, обработки, накопления, хранения и анализа кадровой информации включает предоставление руководителю кадрового аппарата права затребовать от других органов и подразделений соответствующие сведения (характеристики, отчеты, материалы проверок по месту жительства); функция планирования работы с кадрами охватывает не только составление планов, но и их официальное утверждение (для придания обязательной юридической силы).

Руководитель кадрового аппарата территориального органа ФСИН России в силу специфики правовой природы возложенных на него функций должен распространять свою деятельность на руководителей и сотрудников всех учреждений и органов уголовно-исполнительной системы региона. Таким образом, для выполнения функций необходимы и определенные полномочия, однако на практике имеются факты, когда руководители кадрового аппарата не наделены правом принятия решений по комплектованию должностей определенного уровня. Думается, что четкое разграничение полномочий и прав в этом вопросе между руководителем и его заместителем по кадрам не может противоречить существующему в уголовно-исполнительной системе принципу единоначалия, так как право принятия окончательного решения и его юридического оформления остается за руководителем территориального органа ФСИН России. Передавая какое-либо полномочие на более низкий уровень, начальник территориального органа оставляет за собой право контроля любого вопроса. Кроме того, при таком подходе ускорится принятие решений, информация не будет устаревать, усилится взаимодействие кадровых подразделений с другими службами.

Основными мероприятиями по совершенствованию правового обеспечения деятельности кадровых подразделений территориальных органов ФСИН России, по нашему мнению, должны стать:

1. Организация взаимодействия руководителей учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, кадровых подразделений с органами прокуратуры, суда, адвокатуры по вопросам оказания юридической помощи в получении специальных знаний по рассмотрению наиболее типичных ситуаций, связанных с ошибками при решении вопросов прохождения службы в уголовно-исполнительной системе.

2. Издание нормативного акта, устанавливающего порядок и стандарт правового описания должности (паспорт должности).

Эти мероприятия будут способствовать, с одной стороны, единообразному понима-

нию и осуществлению кадровой политики, а с другой – реализации кадровой работы территориальных органов уголовно-исполнительной системы.

Мероприятия по совершенствованию элементов системы управления персоналом уголовно-исполнительной системы

Современная система управления персоналом уголовно-исполнительной системы претерпевает значительные изменения в связи с приведением ведомственных нормативных актов в соответствие с федеральным законом № 197-ФЗ. За последние три года принято более 15 нормативных правовых актов, конкретизирующих и разъясняющих положения данного закона. Анализ сложившейся ситуации позволяет выявить ряд направлений, оказывающих наибольшее влияние на повышение эффективности функционирования системы управления персоналом уголовно-исполнительной системы и требующих дальнейшего совершенствования:

1. Набор сотрудников.
2. Профессиональное обучение.
3. Прохождение службы.
4. Организация работы с кадровым резервом.
5. Прекращение службы.

Рассмотрим их подробнее.

1. Набор сотрудников.

Одной из актуальных проблем, стоящих перед уголовно-исполнительной системой, является организация качественного подбора кандидатов на обучение в образовательных организациях ФСИН России [10]. Ключевым фактором является повышение имиджа и социальной привлекательности службы в уголовно-исполнительной системе, что в свою очередь повысит престиж службы, привлечет внимание общества, позволит активизировать финансовые, информационные, человеческие и материальные ресурсы. В данном направлении видится целесообразным следующее: последовательная и объективная кадровая политика на всех уровнях, более эффективная работа со средствами массовой информации, более выраженная поддержка со стороны органов государственной власти, в том числе в плане улучшения материально-технического обеспечения [4; 12].

Особое внимание следует уделить проблеме комплектования медико-санитарных частей территориальных органов ФСИН России. Существует целый комплекс вопросов, требующих решения: отсутствие возможности работы по совместительству в частных и муниципальных учреждениях здравоохранения, что сказывается на уровне дохода потенциального кандидата на службу; специфика службы – работа с осужденными, отдаленность места дислокации ряда филиалов, в которых имеются вакансии; наличие действующего контракта, по которому медицинские работники обязаны отработать в учреждениях здравоохранения определенный период времени. Необходимо целевое обучение в образовательных организациях, готовящих специалистов в области медицины. Студенты медицинских вузов, подписавшие контракт, должны получить гарантии трудоустройства после выпуска, а также некоторую социальную поддержку (например, по аналогии с государственной программой «Земский доктор»).

Кроме это, необходим ряд мероприятий по совершенствованию системы набора персонала:

– разработка и внедрение в практическую деятельность кадровых служб методических рекомендаций по подбору кандидатов на службу, основанных на обобщении передового опыта территориальных органов;

– внедрение в учебный процесс на курсах профессиональной переподготовки и повышения квалификации блока тем, посвященных обучению кадровых работников рекрутинговым технологиям, с практической частью;

– обеспечение сотрудников конкурентным денежным довольствием в целях повышения привлекательности службы в уголовно-исполнительной системе;

– внедрение в практическую деятельность кадровых служб подбора персонала на основе социальных сетей, мессенджеров и иных информационных технологий.

2. Профессиональное обучение.

Одним из инструментов реализации требований научного управления является проектирование программ, связанных с научно обоснованным определением вариантов планового развития процессов подготовки кадров для учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Не вызывает сомнений, что на эффективность деятельности исправительных учреждений в определен-

ной степени влияет то, что профессиональное ядро составляют имеющие недостаточный теоретический и практический опыт сотрудники [18]. В большинстве случаев это относится к младшему начальствующему составу учреждений. Для решения проблемы организации качественной подготовки младшего начальствующего состава предлагается на базе образовательных организаций ФСИН России реализовывать программы среднего профессионального образования. Это позволит обеспечить уголовно-исполнительную систему высококвалифицированными специалистами, имеющими теоретическую и практическую подготовку в сфере функционирования учреждений и органов, исполняющих наказания в виде лишения свободы.

Кроме того, возможна разработка на научной основе для различных направлений служебной деятельности (режим и надзор, охрана, оперативная деятельность, воспитательная работа и т. д.) курсов (методических рекомендаций) «вхождения в должность» молодых специалистов, впервые принятых на службу в уголовно-исполнительную систему либо назначенных на должности по окончании ведомственных образовательных организаций [2; 9].

Существенный вклад в качество профессионального обучения должно внести наращивание на плановой основе с привлечением средств федерального бюджета материальной базы в учреждениях территориальных органов для проведения профессиональной и служебной подготовки сотрудников (тиры, спортивные залы, учебный инвентарь, наглядные пособия и т. п.).

3. Прохождение службы.

Сущность управления движением кадров заключается в формировании интегрированной системы управленческих воздействий, направленных на регулирование движения персонала в целях удовлетворения количественных и качественных потребностей организации в работниках, стабилизации трудового коллектива, выявления резервов эффективного использования кадрового потенциала, а значит, и всестороннего удовлетворения потребностей работников. Исходя из этого, требуется внедрение в процесс управленческой деятельности разносторонней оценки сотрудников, основывающейся не только на результатах аттестации, для взвешенного принятия решения о переводе сотрудников на иные должности [16; 17].

Одной из форм движения персонала является зачисление сотрудников в распоряжение учреждения или органа уголовно-исполнительной системы [14]. В силу того что данный процесс не зависит от сотрудника, а происходит для него по объективным причинам вследствие организационно-штатных изменений, а также в связи с тем, что, как правило, сотрудник, находящийся в распоряжении, продолжает исполнять обязанности по ранее замещаемой должности, представляется нецелесообразным засчитывать время нахождения сотрудника в распоряжении в стаж службы в уголовно-исполнительной системе в календарном исчислении (ч. 15 ст. 36 федерального закона № 197-ФЗ), а следоательно, необходимо изменение указанной нормы закона.

Основной качественной характеристикой персонала является его образовательный уровень – количество лиц с высшим и средним профессиональным образованием к списочной численности сотрудников [15]. Чем он выше, тем более эффективно сотрудники учреждения могут выполнять стоящие перед ними служебные задачи. В уголовно-исполнительной системе функционирует достаточная сеть ведомственных образовательных организаций высшего образования, однако отсутствует система среднего профессионального образования. Заочная форма обучения предполагает предоставление отпусков сотрудникам для прохождения промежуточных аттестаций, подготовки и защиты выпускных квалификационных работ, в период которых они отсутствуют на службе. При этом с учетом наличия некомплекта на остальных сотрудников возрастает служебная нагрузка, становится проблематичным соблюдать график отпусков. Особенно это актуально для младшего начальствующего состава подразделений режима и надзора, охраны. В связи с этим целесообразно внедрять в практику профессионального образования методы, позволяющие сотрудникам продолжать несение службы в обычном режиме.

В настоящее время одной из важных проблем является удержание молодых (имеющих возраст до 30 лет и стаж службы до 5 лет) сотрудников на службе в уголовно-исполни-

тельной системе. Основная часть выбытия приходится именно на эту категорию. Меры материального стимулирования, закрепленные в приказе ФСИН России от 09.04.2020 № 250, являются недостаточными. В связи с этим необходимо принять дополнительные меры стимулирования личного состава, направленные на закрепление молодых сотрудников на службе. Таковыми могут стать увеличение размера ежемесячной надбавки за особые условия службы, выплата процентной надбавки за выслугу лет от одного года службы, первоочередное предоставление имеющихся служебных жилых помещений, путевок в ведомственные санатории.

Наконец, стоит обратить внимание на жесткую привязку категорий младших инспекторов к должности и их количественное соотношение один к двум. В интересах службы более эффективным было бы введение должностей младших инспекторов и их категории по аналогии с гражданскими должностями служащих, когда существует необходимое количество базовых должностей (инженер, бухгалтер и т. п.), а категории присваиваются работникам в зависимости от их квалификации, опыта и стажа работы в пределах имеющегося количества базовых должностей в штатном расписании [19].

4. Организация работы с кадровым резервом.

Одним из элементов кадровой политики является планомерная работа с кадровым резервом. По результатам опроса сотрудников, проходящих обучение на Высших академических курсах Академии ФСИН России, был разработан ряд рекомендаций по повышению эффективности использования кадрового резерва органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, который включает:

1) разработку официальных отчетов по численному составу, движению сотрудников, состоящих в резерве, позволяющих отслеживать динамику движения кадрового резерва, составлять прогнозы и планы его изменения;

2) создание соответствующей законодательной базы (локального документа, закрепляющего возможность замещения должности только сотрудником из резерва; локального документа, закрепляющего необходимость принятия на должность не менее двух резервистов), что позволит избежать проблем, связанных с повышенной текучестью резерва;

3) внедрение метода экспертной оценки резервистов, которая позволит сделать отбор претендентов более объективным и в дальнейшем включать в резерв наиболее мотивированных, подходящих сотрудников, избавляясь от необходимости привлечения сторонних специалистов для замещения;

4) совершенствование программ плановой подготовки резервистов в цельях снижения формализма при их прохождении и повышения эффективности их использования, что обеспечит высокую продуктивность подготовки даже тех сотрудников, которые проходят службу в другом подразделении уголовно-исполнительной системы по отношению к резервируемой должности;

5) назначение руководителя кадрового резерва, позволяющее руководству без лишних временных затрат осуществлять контроль за эффективностью функционирования кадрового резерва подразделения уголовно-исполнительной системы.

Как можно заметить, представленные выше рекомендации потребуют определенных временных затрат на свою реализацию. Тем не менее их внедрение позволит решить текущие проблемы кадрового резерва и предотвратить появление новых, обеспечив тем самым высокую эффективность использования резерва руководящих кадров ФСИН России.

Раскроем данные рекомендации. Первая заключалась в создании официальных отчетов по численности резерва и его движению. Это позволит учреждению отслеживать динамику движения резервистов, планировать и своевременно удовлетворять потребности в них. Постоянное отслеживание количественного состояния резерва снижает вероятность нарушения его функционирования, так как это позволяет своевременно выявлять проблемы, которые могут появиться.

Создание соответствующей законодательной базы, включающей локальный акт, согласно которому замещать резервируемую должность может только резервист, способствует решению проблемы протекционизма, которая оказывает демотивирующее воздействие. Замещение должности специалистом со стороны увеличивает срок нахождения сотрудника в резерве на эту должность, затрудняя его карьерный рост,

лишая возможности себя реализовать. Как было выявлено, средний возраст резервистов в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы – это 31 год – 40 лет. Учитывая тот факт, что возраст ухода на пенсию для сотрудников составляет около 50 лет, то данная рекомендация обеспечит резервистам возможность продвигаться по карьерной лестнице быстрее, повышая тем самым уровень их мотивации и заинтересованности в собственном развитии.

Это позволит избавиться от ненужных затрат на обучение своих сотрудников для резерва, так как все они смогут применить полученные знания и компетенции на практике, заняв резервируемую должность.

Еще одним мероприятием по совершенствованию данного направления является создание локального акта, в котором было бы закреплено, что некоторые должности, к которым относятся руководители отделов и их заместители, должны иметь не менее двух резервистов. Это обеспечит снижение риска временных затрат на поиск и подготовку нового сотрудника в случае непредвиденного освобождения должности, которая требует особых компетенций и навыков, то есть кризисной ситуации не возникнет.

Экспертная оценка резервистов также имеет свои преимущества с точки зрения социальной эффективности. Она позволяет делать отбор претендентов в резерв более объективным и непредвзятым. Поскольку сотрудников со стороны для замещения резервируемой должности могут приглашать по причине недостаточной компетентности резервистов, то такая оценка позволит качественно выбирать подходящих сотрудников из внутренних кадровых ресурсов, и они смогут в реальном режиме заместить освободившуюся резервируемую должность. Это поможет мотивировать и удерживать талантливых и перспективных сотрудников, так как текучесть кадров может усиливаться из-за неудовлетворенности специалистов карьерным ростом в данном учреждении.

Объективность экспертной оценки позволит исключить вероятность неудовлетворительного прохождения резервистом программы плановой подготовки, так как изначально в резерв будут приниматься наиболее подходящие сотрудники – это снизит временные, а также материальные затраты на резервирование должности в целом.

Что касается совершенствования программ плановой подготовки резервистов, то их введение станет мощным двигателем процесса развития компетенций у резервистов. Программы нуждаются в совершенствовании по причине того, что они не предусматривают возможности обучения резервистов из других подразделений по отношению к резервируемой должности.

Составляя программу плановой подготовки резервистов таким образом, чтобы все могли проходить полноценное обучение, учреждение обеспечит себе возможность планомерного замещения необходимых должностей квалифицированными сотрудниками, которые будут знать специфические особенности должности, быстро и самостоятельно решать поставленные перед ними задачи. Это позволит экономить время выполнения работы, что особенно важно, если должность является ключевой и играет важную роль в структуре всего учреждения. Снижается вероятность того, что человек окажется неподходящим для резервируемой должности, поскольку его подготовка будет соответствовать требованиям последней.

Так как в учреждениях уголовно-исполнительной системы существует проблема формализма кадрового резерва, то контроль за выполнением программы подготовки со стороны непосредственного руководителя резервиста позволит обеспечить фактическое выполнение заданий программы [8].

5. Прекращение службы.

В силу того что увольнение сотрудников на первом году службы может быть связано с неблагоприятным психологическим климатом в коллективе структурного подразделения, низким уровнем индивидуально-воспитательной работы, необходимо проведение анкетирования (опроса) сотрудников и руководителя данного структурного подразделения, в том числе с привлечением психологов учреждения, на предмет условий службы, психологического климата, взаимодействия и взаимоотношений увольняемого на первом году службы сотрудника в коллективе и с непосредственным руководством [7; 20]. В случае неоднократного увольнения сотрудников одного и того же структурного подразделения на первом году службы целесообразно на основе де-

тального анализа разрабатывать комплексные планы по устранению причин, способствовавших такому увольнению.

В практике работы с кадрами может возникнуть такая ситуация, что сотрудник прошел медицинское обследование, по результатам которого был признан не годным к службе в уголовно-исполнительной системе либо ограниченно годным к службе в замещаемой должности, отпуска при этом были им использованы. Для увольнения такого сотрудника требуется произвести ряд процедур (собеседование, подготовка необходимых документов и т. п.), требующих определенного времени. При этом сотрудник проходить службу не может по состоянию здоровья, в заключении врачебной комиссии может быть указано, что сотрудник нуждается в освобождении от исполнения служебных обязанностей до момента увольнения. Возникает правовая коллизия, когда законных оснований освободить сотрудника от исполнения служебных обязанностей не имеется и в то же время на службе сотрудник находиться не может либо не имеет права (несение службы с оружием, спецсредствами). В связи с изложенным данная ситуация требует урегулирования на законодательном уровне.

Принимая во внимание вероятность проведения организационно-штатных мероприятий, связанных с сокращением должностей, ликвидацией учреждений, и невозможность трудоустроить в такой ситуации выпускника ведомственной образовательной организации, не прослужившего после окончания обучения установленного срока, целесообразно ч. 6 ст. 87 федерального закона № 197-ФЗ дополнить таким основанием, как сокращение должности в уголовно-исполнительной системе (п. 11 ч. 2 ст. 84), за исключением случаев отказа сотрудника от предложенных ему должностей.

Заключение

Кадровая политика ФСИН России направлена:

1) на разработку направлений стратегии в области развития государственной службы, учитывающих тенденции и перспективы развития государства и общества;

2) обеспечение государственной службы надежными специалистами, которые могут выполнять свою работу качественно, способствуя тем самым росту авторитета государственной службы;

3) создание всех необходимых условий для осуществления деятельности сотрудниками, а также контроля за надлежащим исполнением работ.

Сам по себе эффективно функционирующий кадровый резерв органов и учреждений уголовно-исполнительной системы сделает его структуру более стабильной и управляемой. В силу ограничительных пандемийных мероприятий и сокращения численности учреждений, которые есть на данный момент, кадровый резерв приобретает еще более важное значение, так как возникающие проблемы могут иметь тенденцию к росту. Также эффективный кадровый резерв учреждения в целом повышает уровень компетентности специалистов, так как рекомендуемые мероприятия нацелены на повышение качества подготовки резервистов.

Основной составляющей внутреннего движения персонала является замещение вакантных должностей в короткие сроки. Если этого не происходит, повышается нагрузка на действующих сотрудников структурного подразделения, в котором образовалась вакансия, потенциальные кандидаты находятся в подвешенном состоянии, в ожидании перевода у них снижается мотивация к добросовестному исполнению обязанностей по замещаемой должности, что в целом может неблагоприятно сказываться на функционировании учреждения. Исходя из этого, необходимо максимально снизить административные барьеры при перемещении сотрудников (согласование с вышестоящими органами уголовно-исполнительной системы, руководители которых не являются уполномоченными по отношению к перемещаемому сотруднику; исключение подготовки дополнительной документации: различных справок, отзывов, характеристик, не установленных действующим законодательством), делегировать в разумных пределах права по отбору кандидатов и их согласованию непосредственным руководителям по месту прохождения службы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчурин, А. В. Обзор мер стимулирования труда пенитенциарных работников в России и зарубежных странах / А. В. Акчурин, Е. Е. Масленников // Организационно-правовое регулирование деятельности уголовно-исполнительной системы: теоретические и прикладные аспекты : материалы межвузовской научно-практической конференции. – Рязань : Академия ФСИН России, 2018. – С. 20–24.
2. Брыков, Д. А. Роль руководителя в механизме поддержания дисциплины сотрудников уголовно-исполнительной системы / Д. А. Брыков // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Том 8, № 12А. – С. 178–183.
3. Брыков, Д. А. Организация работы с кадрами уголовно-исполнительной системы : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Брыков Денис Анатольевич. – Рязань, 2004. – 29 с.
4. Долинин, А. Ю. Кадровый потенциал уголовно-исполнительной системы: оценка и развитие : монография / А. Ю. Долинин. – Москва : Проспект, 2017. – 161 с. – ISBN 978-5-392-22622-1.
5. Долинин, А. Ю. Совершенствование системы деловой оценки персонала уголовно-исполнительной системы / А. Ю. Долинин, Д. А. Брыков // Человек: преступление и наказание. – 2015. – № 4. – С. 65–68.
6. Государственная служба в уголовно-исполнительной системе : учебное пособие / под редакцией О. В. Дербиной. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2018. – 309 с. – ISBN 978-5-94991-430-4.
7. Гришин, Д. А. Организационные и административно-правовые проблемы текучести кадров (прекращения службы) в учреждениях и органах Федеральной службы исполнения наказаний / Д. А. Гришин, С. Н. Чудакова // Человек: преступление и наказание. – 2014. – № 4. – С. 71–76.
8. Захарова, С. Н. Основы служебного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы : практические рекомендации / С. Н. Захарова, А. Ю. Долинин. – Рязань : Академия ФСИН России, 2014. – 48 с.
9. Кириллова, Т. В. Воспитательная работа с переменным составом образовательных организаций ФСИН России: современное состояние, проблемы и перспективы / Т. В. Кириллова, Д. А. Панарин // Превентивная и пенитенциарная педагогика: исторический анализ и современные технологии : монография / научные редакторы О. В. Кириллова, Т. В. Кириллова. – Чебоксары : Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, 2015. – 252 с. – ISBN 978-5-903462-83-4.
10. Колодкин, Л. М. Правовое регулирование формирования профессионального кадрового состава органов внутренних дел Российской Федерации / Л. М. Колодкин, Т. В. Эльман // Вестник Орловского государственного университета. Серия : Новые гуманитарные исследования. – 2015. – № 1 (42). – С. 51–54.
11. Корнийчук, О. О. Анализ состояния социальной поддержки сотрудников УИС (по данным Управления Федеральной службы исполнения наказаний по городу Москве) / О. О. Корнийчук, В. И. Огородников // Прикладная юридическая психология. – 2015. – № 4. – С. 152–157.
12. Кочкина, О. В. Проблемы и методы кадрового комплектования в уголовно-исполнительной системе / О. В. Кочкина // Вестник Владимирского юридического института. – 2015. – № 1. – С. 41–43.
13. Летунов, В. Н. Кадры уголовно-исполнительной системы России на современном этапе / В. Н. Летунов, В. И. Огородников // Уголовно-исполнительное право. – 2015. – № 3. – С. 116–121.
14. Малкова, Л. Л. Трудовая адаптация молодых сотрудников уголовно-исполнительной системы: средовой подход / Л. Л. Малкова // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения : сборник материалов международной научно-практической конференции / под общей редакцией П. В. Голодова. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2016. – С. 250–254. – ISBN 978-5-94991-357-4.
15. Нагорных, Р. В. Административно-правовое регулирование государственной службы Российской Федерации в правоохранительной сфере : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Нагорных Роман Вадимович. – Москва, 2017. – 22 с.
16. Огородников, В. И. Актуальные проблемы кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы / В. И. Огородников // Международный пенитенциарный журнал. – 2016. – № 4. – С. 52–55.
17. Огородников, В. И. Организация и специфика контроля служебной деятельности сотрудников УИС / В. И. Огородников, А. Ю. Долинин // Прикладная юридическая психология. – 2008. – № 4. – С. 129–132.
18. Панарин, Д. А. Проблемные вопросы оценки качества подготовки выпускников / Д. А. Панарин // Актуальные вопросы подготовки кадров для учреждений и органов уголовно-исполнительной системы образовательными организациями ФСИН России: организационные и правовые условия : материалы VI Межвузовских учебно-методических сборов профессорско-преподавательского и начальствующего состава образовательных организаций ФСИН России (Псков, 26–27 сентября 2018 года). – Псков : Псков. филиал Академии ФСИН России, 2018. – С. 108–113. – ISBN 978-5-91748-034-3.
19. Родионов, А. В. Организация учета влияния личностных психологических состояний персонала на результаты труда и безопасность развития предприятия / А. В. Родионов // Теория и практика современной науки. – 2016. – № 4 (10). – С. 612–617. – URL: http://modernj.ru/domains_data/files/10/Rodionov.%20Osn%20razdel.pdf (дата обращения: 01.09.2021).
20. Чудакова, С. Н. Прекращение государственной службы в уголовно-исполнительной системе: основные понятия и сущность / С. Н. Чудакова // Вестник Владимирского юридического института. – 2015. – № 1 (34). – С. 96–99.

REFERENCES

1. Akchurin A.V., Maslennikov E.E. Review of measures to stimulate the work of penitentiary workers in Russia and foreign countries. In: *Organizatsionno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: teoreticheskie i*

prikladnye aspekty: materialy mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Organizational and legal regulation of the activities of the penal system: theoretical and applied aspects: materials of the interuniversity scientific and practice conference]. Ryazan, 2018. Pp. 20–24. (In Russ.).
2. Brykov D.A. Role of the head in the mechanism of maintaining discipline of employees of the penal system. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava=Matters of Russian and International Law,* 2018, vol. 8, no. 12A, pp. 178–183. (In Russ.).
3. Brykov D.A. *Organizatsiya raboty s kadrami ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Organization of work with the personnel of the penal system: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ryazan, 2004. 29 p.
4. Dolinin A.Yu. *Kadrovyi potentsial ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: otsenka i razvitie: monografiya* [Human resources potential of the penal system: assessment and development: monograph]. Moscow: Prospekt, 2017. 161 p.
5. Dolinin A.Yu., Brykov D.A Improving the system of personnel business evaluation of the penal system. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment,* 2015, no. 4, pp. 65–68. (In Russ.).
6. *Gosudarstvennaya sluzhba v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme: uchebnoe posobie* [Public service in the penal enforcement system: textbook]. Ed. by O.V. Derbina. Vologda: Vologodskii institut prava i ekonomiki Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii, 2018. 309 p.
7. Grishin D.A., Chudakova S.N. Organizational and administrative-legal problems of staff turnover (termination of service) in institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment,* 2014, no. 4, pp. 71–76. (In Russ.).
8. Zakharova S.N., Dolinin A.Yu. *Osnovy sluzhebnogo povedeniya sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: prakticheskie rekomendatsii* [Fundamentals of official behavior of employees of the penal enforcement system: practical recommendations]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2014. 48 p.
9. Kirillova T.V., Panarin D.A. Educational work with a variable composition of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia: current state, problems and prospects. In: Kirillova O.V., Kirillova T.V. (Eds.) *Preventivnaya i penitentsiarnaya pedagogika: istoricheskii analiz i sovremennye tekhnologii: kollektivnaya monografiya* [Preventive and penitentiary pedagogy: historical analysis and modern technologies: collective monograph]. Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi universitet im. I. N. Ul'yanova, 2015. 252 p. (In Russ.).
10. Kolodkin L.M., El'man T.V. Legal regulation of the formation of professional personnel of internal affairs bodies of the Russian Federation. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya=Bulletin of the Orel State University. Series: New Humanitarian Studies,* 2015, no. 1 (42), pp. 51–54. (In Russ.).
11. Korniichuk O.O., Ogorodnikov V.I. Analysis of the state of social support for the employees of the penitentiary system (according to the Department of the Federal Penitentiary Service for the City of Moscow). *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology,* 2015, no. 4, pp. 152–157. (In Russ.).
12. Kochkina O.V. Problems and methods of staffing in the penal system. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta=Bulletin of the Vladimir Law Institute,* 2015, no. 1, pp. 41–43. (In Russ.).
13. Letunov V.N., Ogorodnikov V.I. Personnel of the Russian penal system at the present stage. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo=Penal Enforcement Law,* 2015, no. 3, pp. 116–121. (In Russ.).
14. Malkova L.L. Labor adaptation of young employees of the penal system: an environmental approach. In: *Ugolovnoe nakazanie v Rossii i za rubezhom: problemy naznacheniya i ispolneniya: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal punishment in Russia and abroad: problems of appointment and execution: collection of materials of the international scientific and practice conference]. Vologda, 2016. Pp. 250–254. (In Russ.).
15. Nagornykh R.V. *Administrativno-pravovoe regulirovanie gosudar-stvennoi sluzhby Rossiiskoi Federatsii v pravookhranitel'noi sfere: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Administrative and legal regulation of the civil service of the Russian Federation in the law enforcement sphere: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2017. 22 p.
16. Ogorodnikov V.I., Dolinin A.Yu. Organization and specifics of the control of the performance of employees of the penal system. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology,* 2008, no. 4, pp. 129–132. (In Russ.).
17. Ogorodnikov V.I. Actual problems of staffing of the penal enforcement system. *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi zhurnal=International Penitentiary Journal,* 2016, no. 4, pp. 52–55. (In Russ.).
18. Panarin D.A. Problematic issues of assessing the quality of graduate training. In: *Aktual'nye voprosy podgotovki kadrov dlya uchre-zhdenii i organov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy obrazovatel'nymi organi-zatsiyami FSIN Rossii: organizatsionnye i pravovye usloviya: materialy VI mezhvuzovskikh uchebno-metodicheskikh sborov professorsko-prepodavatel'skogo i nachal'stvuyushchego sostava obrazovatel'nykh organizatsii FSIN Rossii (Pskov, 26–27 sentyabrya 2018 goda)* [Topical issues of personnel training for institutions and bodies of the penal enforcement system by educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia: organizational and legal conditions: materials of the 6th interuniversity educational and methodical collections of the faculty and the commanding staff of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia (Pskov, September 26-27, 2018)]. Pskov: Pskov. filial Akademii FSIN Rossii, 2018. Pp. 108–113. (In Russ.).
19. Rodionov A.V. Organization of considering for the influence of personal psychological states of personnel on labor performance and the safety of enterprise development. *Teoriya i praktika sovremennoi nauki=Theory and practice of modern science,* 2016, no. 4 (10). Available at: http://modernj.ru/domains_data/files/10/Rodionov.%20Osn%20razdel.pdf (accessed September 1, 2021). (In Russ.).
20. Chudakova S. N. Termination of public service in the penal system: basic concepts and essence. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta=Bulletin of the Vladimir Law Institute,* 2015, no. 1 (34), pp. 96–99. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДЕНИС АНАТОЛЬЕВИЧ БРЫКОВ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры управления и организации деятельности уголовно-исполнительной системы Академии ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8526-5432, e-mail: tornaden@rambler.ru

DENIS A. BRYKOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department for Management and Organization of the Penal Enforcement System of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8526-5432, e-mail: tornaden@rambler.ru

Статья поступила 28.10.2021

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-778-790
УДК 343.8:343.98.06:343.988

Основания криминалистической классификации преступлений, причиняющих умышленный вред жизни и здоровью, совершенных осужденными, отбывающими наказание в местах лишения свободы

Н. Г. ШУРУХНОВ
Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1132-760X, e-mail: matros49@mail.ru

О. М. ДЕЧКИН
Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4956-8655, e-mail: olegd4105@mail.ru

Реферат
Введение: статья посвящена рассмотрению оснований криминалистической классификации преступлений, причиняющих умышленный вред жизни и здоровью, совершенных осужденными, отбывающими наказание в местах лишения свободы. Цель: на основе анализа и обобщения теоретических и практических материалов предпринимается попытка сформулировать наиболее характерные основания криминалистической классификации анализируемых преступных деяний и раскрыть их содержание. *Методы:* диалектический метод познания, общенаучные методы анализа и обобщения, эмпирические методы описания, интерпретации, теоретические методы формальной и диалектической логики. *Результаты:* в статье подробно раскрывается содержание общих (территория, обстановка, среда исправительных учреждений, распространенность в местах лишения свободы неофициальных норм поведения, которых придерживается большинство осужденных) и частных (специфика свойств личности субъекта преступления, свидетелей, особенности свойств личности потерпевшего, своеобразие поведения до и после совершения преступления) оснований классификации преступлений, составляющих группу, для которой будет формироваться методика расследования. *Выводы:* с опорой на имеющиеся исследования, в которых выделяется всеобщее основание – уголовно-правовой объект, делается вывод о наличии двух групп оснований (общих и специальных) классификации преступлений, причиняющих умышленный вред жизни и здоровью, совершенных осужденными, отбывающими наказание в местах лишения свободы.

Ключевые слова: места лишения свободы; осужденные; преступления; умышленный вред жизни и здоровью; классификация; основания; расследование; методика.

12.00.12 – Криминалистика; оперативно-розыскная деятельность; судебно-экспертная деятельность.

Для цитирования: Шурухнов Н. Г., Дечкин О. М. Основания криминалистической классификации преступлений, причиняющих умышленный вред жизни и здоровью, совершенных осужденными, отбывающими наказание в местах лишения свободы, *Пенитенциарная наука,* 2021, т. 15, № 4 (56), с. 778–790. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-778-790.

Grounds for Criminalistic Classification of Crimes against Human Life and Health Committed by Convicts Serving Imprisonment Sentences in Places of Deprivation of Liberty

NIKOLAI G. SHURUKHNOV
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1132-760X, e-mail: matros49@mail.ru

OLEG M. DECHKIN
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4956-8655, e-mail: olegd4105@mail.ru

Abstract
Introduction: the article considers grounds for criminalistic classification of crimes causing intentional injuries committed by convicts serving sentences in places of deprivation of liberty. Purpose: based on the analysis and generalization of theoretical and practical materials, an attempt is made to formulate the most characteristic grounds for the criminalistic classification of the analyzed criminal acts and reveal their contents. Methods: the dialectical method of cognition, general scientific methods of analysis and generalization, empirical methods of description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic are used in the research. Results: the article reveals in detail the content of general (territory, situation, community of correctional institutions; prevalence of informal norms of behavior in places of deprivation of liberty, which most convicts adhere to) and private grounds (specifics of personality traits of a criminal, victim and witnesses; specifics of behavior before and after crime commission) for classification of crimes that make up the group for which the investigation method will be worked out. Conclusions: based on the available research, which highlights the universal basis – the criminal legal object, it is concluded that there are two groups of grounds (general and special) for classification of crimes causing intentional harm to life and health committed by convicts serving imprisonment sentences.

Keywords: places of deprivation of liberty; convicted persons; crimes; intentional injuries; classification; grounds; investigation; methodology.

12.00.12 – Criminalistics; forensic examination activities; law enforcement intelligence-gathering activities

For citation: Shurukhnov N.G., Dechkin O.M. Grounds for criminalistic classification of crimes against human life and health committed by convicts serving imprisonment sentences in places of deprivation of liberty. *Penitentiary Science,* 2021, vol. 15, no. 4 (56), pp. 778–790. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-778-790.

Введение

В 2020 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации заключенными под стражу и осужденными было совершено 1181 преступление [15]. Из них примерно 5 % составляют преступления, связанные с умышленным причинением вреда жизни и здоровью: убийства (ст. 105 УК РФ) – 8 преступлений; покушение на убийство (ст. 30 и 105 УК РФ) – 4 преступления; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) – 24 преступления; умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ) – 24 преступления [15].

К сожалению, в статистических данных, формируемых Научно-исследовательским институтом информационных технологий ФСИН России, не отражены преступления, предусмотренные ст. 115 УК РФ, которые, по нашему мнению, как и предусмотренные ст. 105, 111, 112 УК РФ, представляют повышенную общественную опасность, так как посягают на основополагающие ценности –

жизнь и здоровье людей. Отсутствие критерия умышленного причинения легкого вреда здоровью в официальном учете связано не только с соответствующей управленческой установкой, но и с отсутствием должной практики противодействия данной противоправной деятельности, что отрицательно сказывается на морально-психологическом климате в местах лишения свободы и способствует совершению других, более опасных преступлений. По нашим оценкам, в 2020 г. рассматриваемых преступлений было совершено около 7 %, а в абсолютных цифрах это значительно больше, чем преступлений, предусмотренных ст. 105, 111, 112 УК РФ, вместе взятых.

Исходя из вышесказанного, мы отнесли деяния, предусмотренные ст. 115 УК РФ, к предмету нашего исследования – группе преступлений, причиняющих умышленный вред жизни и здоровью, совершенных осужденными, отбывающими наказание в местах лишения свободы. Наша цель состоит в том, чтобы установить основания для разработки единой методики расследования объединенных уголовно-правовым объектом преступлений, причиняющих вред жизни и здоровью, осуществленных осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы. Речь идет о поиске таких специфических, информативных, обладающих существенными признаками, свойственными каждому из противоправных деяний, оснований, которые обусловливают особенности совершения и расследования преступлений, составляющих обозначенную группу.

Исследовательская часть

Наш поиск направлен на установление условий, в которых осужденными, отбывающими наказание в учреждениях УИС РФ, совершаются некоторые преступления против жизни и здоровья, специфики свойств личности субъектов и пострадавших, особенностей их поведения при расследовании. Именно такой подход позволит разработать целенаправленную практически значимую методику расследования, которая будет отличаться от аналогичной, но рассчитанной на другие условия противоправной деятельности и иную категорию субъектов и потерпевших.

Для правильной классификации обозначенных преступлений необходимо точно определить основание их деления, то есть признак (скорее, совокупность признаков), по которому они сравниваются друг с другом. Следует сказать о том, что иногда для разработки методики расследования предпринимается попытка подогнать определенные преступления под некий общий шаблон, не учитывая их своеобразия. Оппоненты, напротив, подчас отвергают саму мысль о поиске определенного единства и общности между группой преступлений, настаивая на их штучной специфике. Как нередко бывает в науке, истина где-то посередине. Мы считаем, что оптимальным является такой подход к классификации и, соответственно, видам преступлений, который учитывает общие их особенности по уровню абстракции, глубине обозначения противоправной деятельности, информативности, точности определений, структуре и возможностям квалификации.

Еще раз подчеркнем, что классификация всегда проводится по конкретным основаниям, которые служат тем или иным характерным признаком соответствующей группы преступлений. Она призвана быть отправным положением для разработки различных видов методик [18; 19; 24], обеспечивая целенаправленность и эффективность расследования. Следует сказать и о том, что классификация представляет некую экономическую ценность, так как, определяя круг преступлений, позволяет разработать рекомендации не для отдельно взятого преступления, а для целой совокупности. Классификация позволяет накопить необходимые сведения, организовать процессы познания (изучения практики), а также осуществить поиск и приумножение знаний о совершенном преступлении и тем самым определить методику, которая способна максимально оптимизировать предстоящее расследование [16, с. 202].

Продолжительное время отечественные ученые-криминалисты для установления группы преступлений в качестве основания классификации опирались на нормы уголовного законодательства, где ведущее место отводилось объекту преступного посягательства. Если обратиться к работе И. Н. Якимова «Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике», изданной в 1925 г., то можно увидеть, что в ней выделяются убийство, кража, мошенничество, подделка денег (объекты преступлений). При раскрытии содержания «методологии» (так именовалась И. Н. Якимовым часть III издания) использовались и другие основания классификации, в частности способ со-

вершения преступления (убийство посредством удушения [25, с. 370–371], отравления [25, с. 371–374]), а также непосредственная связь субъекта и объекта (детоубийство [25, с. 375–376]).

Отметим, что в первых советских учебниках по криминалистике давались методики расследования, в которых кроме объекта преступления фигурировали такие основания, как способ совершения, приемы сокрытия, характеристика личности преступника, его отношение к непосредственному предмету посягательства [12].

Не останавливаясь на подробном исследовании эволюции оснований криминалистической классификации преступлений, так как она обстоятельно изложена в трудах Р. С. Белкина [4, с. 193–201], Р. С. Белкина и А. И. Винберга [3, с. 65–69], А. Р. Белкина [2], А. Ю. Головина [6], В. А. Образцова [14], затронем лишь те аспекты, которые представляют для нас предметный интерес. При этом сразу скажем, что обозначенная тенденция (использование уголовно-правовых положений объекта преступления в качестве основания классификации для построения методики расследования) сохранилась до настоящего времени. Сомнений в обоснованности такого подхода не возникает, поскольку апробированная практикой безупречность не поддается критике ввиду того, что позволяет решать стратегическую задачу криминалистики, в том числе вопросы построения и систематизации частных криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений. На такую их служебную роль в числе первых указал А. Н. Колесниченко, при этом говоривший об их общем значении [11, с. 14]. И действительно, уголовно-правовая классификация не может в полном объеме удовлетворять все потребности криминалистической теории и следственной практики, в частности, нельзя ограничиваться только теми признаками и свойствами преступлений, которые изучает наука уголовного права [5, с. 155; 16, с. 203]: она не нацелена на эффективность расследования преступления, а предназначена ориентировать на правильную квалификацию противоправного деяния [10]. Поэтому, исходя из реалий сегодняшней жизни, требуется проводить сбор эмпирических данных, их обстоятельный анализ в целях выявления закономерностей, которые способны вывести на основания классификации, в том числе и применительно к предмету нашего исследования.

Указанное нами связано с тем, что человеческая жизнь в глобальном масштабе претерпела значительные изменения, в том числе и в исправительных учреждениях. Движущей силой стали новый экономико-правовой порядок, правовой статус граждан, системно изменившиеся производственно-хозяйственный механизм и организационно-управленческий процесс, а также научно-технический прогресс и информатизация всех без исключения сфер, что зеркально отразилось в деятельности учреждений УИС РФ.

Обозначая некоторые из «локомотивов» современной жизни, отметим, что информационные технологии внесли изменения в способы совершения преступлений. Отдельные из них стали бесконтактными, дистанционными, с преодолением значительных расстояний, покрытием значительных площадей. Сотовые телефоны создали предпосылки для совершения осужденными, находящимися в исправительных колониях, мошенничеств с поиском жертв, находящихся на значительном расстоянии от места лишения свободы. Беспилотные летательные аппараты позволяют устанавливать наличие и местонахождение материальных ценностей, плантаций наркосодержащих растений, осуществлять доставку осужденным наркотических средств, психотропных веществ. Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 повлияла на характер преступной деятельности, порождая новые разновидности преступлений: подделку и незаконный оборот вакцин, лекарственных препаратов, паспортов (сертификатов) вакцинации, ПЦР-тестов. Это сказалось и на частоте межличностных конфликтов осужденных, ведь пандемия усилила и без того жесткий режим отбывания наказания.

Нельзя не сказать и о том, что изменения в повседневной жизни и преступной деятельности привели к обновлению средств и способов обнаружения преступлений, процессов их расследования и доказывания отдельных обстоятельств, что открывает еще одно направление сбора эмпирических данных, их обстоятельного анализа, выявления закономерностей для установления новых (дополнительных) оснований криминалистической классификации преступлений в целях разработки рекомендаций по расследованию.

Существенную роль в развитии теории криминалистической классификации пре-

ступлений сыграли положения, сформулированные Р. С. Белкиным. Он счел целесообразным развернуть состав преступления и его содержание, принять за отправную точку изучение глубины раскрытия специфических особенностей и закономерностей исследуемых явлений. Схематично предложенная им классификация имеет следующий вид:

– по субъекту преступления (совершенные единолично и группой впервые и повторно; лицами, состоящими в особых отношениях с непосредственным объектом посягательства и не состоящими в таких отношениях; взрослыми и несовершеннолетними; мужчинами и женщинами);

– объекту преступления (по личности потерпевшего; характеру непосредственного предмета посягательства; месту совершения преступления; способам и средствам охраны предмета посягательства);

– объективной стороне состава преступления (по способу совершения преступления; приему сокрытия преступления, если он не входит в качестве составной части в способ совершения преступления);

– субъективной стороне преступления (совершенные с заранее обдуманным намерением и по внезапно возникшему умыслу) [4, с. 198].

В. А. Образцов спустя десять лет указал на отдельные недостатки приведенного подхода, в частности отметил нечетко проведенную систематизацию оснований криминалистической классификации преступлений, отсутствие исчерпывающего перечня оснований классификации и признаков других систем, связанных с преступлением [14, с. 15–16]. По его мнению, для разграничения преступлений могут использоваться другие основания, среди которых: а) содержание преступления: признаки преступника, объекта, средств посягательства, процесса, результатов, мотива и цели противоправной деятельности; б) признаки обстановки совершения преступления; в) деятельность по выявлению и раскрытию преступлений [14, с. 80–127].

Предложения В. А. Образцова, в свою очередь, также подверглись критике [7, с. 141; 8, с. 57; 13, с. 72–73]. В частности, было высказано несогласие с отнесением признаков деятельности по выявлению и раскрытию к классификации преступлений [2, с. 23; 7, с. 141]. Однако здесь следует обратить внимание как минимум на два обстоятельства: 1) цель классификации – построение методики расследования противоправного деяния; 2) В. А. Образцов, говоря о недостатках классификации Р. С. Белкина, указывает на отсутствие учета признаков других систем [14, с. 14–15], к которым можно отнести не только особенности процесса выявления и раскрытия преступлений, но и причины и условия, способствовавшие их совершению, а также корреляции, детерминанты преступной деятельности.

Если обратиться к методологии, то можно заключить, что она исследует методы анализа научного знания, их структуру, место и роль разных форм познания и методы построения различных систем научного знания [17, с. 5–6]. Как представляется, применительно к обозначенному нами предмету познания, особое место занимает процесс расследования, о котором и говорит В. А. Образцов. Анализируя источники, посвященные вопросам криминалистической классификации, а именно работы Р. С. Белкина, А. Н. Васильева, И. А. Возгрина, В. К. Гавло, Ю. П. Гармаева, А. Ю. Головина, И. Ф. Герасимова, В. А. Жбанкова, В. Ж. Зеленского, А. Н. Колесниченко, В. Е. Корноухова, В. П. Лаврова, А. Ф. Лубина, Г. М. Меретукова, Н. Е. Мерецкого, В. А. Образцова, А. А. Протасевича, В. Г. Танасевича, А. В. Шмонина, Н. П. Яблокова, А. А. Эксархопуло, мы приходим к выводу о том, что в качестве оснований в них упоминаются данные других наук, в том числе уголовного процесса, криминологии, информатики, таможенного дела, психологии, а также комплекс различных обстоятельств, характеризующих преступление, преступника, потерпевших.

И. Ф. Герасимов в числе оснований классификации называет способы совершения преступлений, степень их сокрытия и маскировки, противоправный опыт субъекта, место совершения [5, с. 155]. Как видим, отправные положения его классификации одновременно являются составляющими криминалистической характеристики. Задача современного ученого, формирующего методику расследования, состоит в том, чтобы установить, что является общим для определенной группы преступлений, проявляется как закономерность, выявленная в результате эмпирического исследования.

Вернемся к тому, что великий российский криминалист Р. С. Белкин более сорока пяти лет назад сформулировал отправные поло-

жения криминалистической классификации преступлений. Его развернутая схема актуальна и сегодня и берется за основу современными исследователями. Мы не являемся исключением и используем ее, пытаясь сформировать криминалистические основания классификации преступлений, позволяющие обозначить выверенный круг, в который войдут противоправные деяния, для расследования которых будут предложены целенаправленные методические рекомендации.

По нашему мнению, основаниями криминалистической классификации преступлений, предусмотренных ст. 105, 111, 112 и 115 УК РФ, совершаемых осужденными в местах лишения свободы, являются две группы взаимосвязанных и взаимно обусловленных факторов – общие (свойственные всем) и частные (относящиеся к рассматриваемой нами части преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях) факторы.

К общим относятся: а) территория, обстановка, среда ИУ; б) распространенность в местах лишения свободы неофициальных норм поведения, которых придерживается большинство осужденных.

Частными являются: а) специфика свойств личности субъекта преступления, свидетелей; б) особенности свойств личности потерпевшего, своеобразие поведения перед преступлением и после его совершения, причиняющего умышленный вред жизни и здоровью.

Территория, обстановка, среда исправительного учреждения. На территории, в пределах которой совершаются пенитенциарные преступления, 24 часа в сутки пребывают субъекты (до совершения преступления и после него), свидетели, потерпевшие. Она строго ограничена специально оборудованным периметром, постоянно охраняется и контролируется техническими средствами. Территория исправительной колонии, как правило, включает две самостоятельные части: жилую и промышленную (производственную). Жилая зона делится на несколько локальных участков – так создаются различные условия отбывания наказания в пределах одной исправительной колонии: обычные, облегченные, строгие. В каждом из участков располагается общежитие (с соответствующими коммунально-бытовыми помещениями), где проживают осужденные. Перед общежитием имеется выгороженная забором территория, предназначенная для прогулок осужденных.

Обстановку жилой зоны создает комплекс зданий и сооружений, предназначенных для размещения пищеблока, банно-прачечного комбината, котельной, медсанчасти, аптеки (в некоторых исправительных колониях – больницы), школы, клуба с библиотекой, профессионального колледжа, магазина. В производственной зоне располагаются цеха, участки, мастерские, складские и подсобные помещения, разнящиеся в зависимости от профиля производственной деятельности, выпускаемой (изготовляемой) продукции.

В зонах проживания и производства, вдоль периметра, на пропускных пунктах, в соответствии с предписаниями приказа Минюста России от 04.09.2006 № 279 «Об утверждении Наставления по оборудованию инженерно-техническими средствами охраны и надзора объектов уголовно-исполнительной системы» (с изменениями от 17.06.2013) расположены инженерно-технические средства охраны и надзора. Они предназначены для предупреждения и пресечения совершения преступлений, нарушений установленного режима содержания осужденными, получения необходимой информации об их поведении. С указанными целями реализуются режимные мероприятия (досмотры, обыски), используются аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля (ст. 82, 83 УИК РФ).

К территории исправительного учреждения, согласно Закону Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 (в ред. от 26.05.2021) «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и приказу Минюста России от 03.09.2007 № 178 «Об утверждении Положения о режимных требованиях на территории, прилегающей к учреждению, подведомственному территориальному органу уголовно-исполнительной системы», относятся и прилегающие участки, на которых устанавливаются режимные требования. В их пределах администрация учреждения вправе осуществлять комплекс режимных мер, предусмотренных законами и нормативными правовыми актами.

Специфика обстановки исправительных колоний обусловлена высокой концентрацией осужденных, сосредоточенных (проживающих, работающих) на незначительной территории. Все они 24 часа в сутки принадлежат к взаимоокружающей среде (специ-

альному контингенту) лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Любые поступки, действия осужденных в такой среде находятся под взаимным наблюдением, а также под визуальным или электронным и негласным контролем, осуществляемым администрацией исправительного учреждения.

Среда взаимосвязана, взаимообусловлена обстановкой и присутствует везде, создавая различные, в том числе криминальные, ситуации. Ее дыхание ощущается повсюду, она знает все, контролирует каждого отбывающего наказание в виде лишения свободы. Она следователь, суд, прокурор, рычаг, приводящий в исполнение принятые лидерами воровского мира решения, от нее трудно уйти, у нее длинные руки и большие возможности. Это она формирует, внедряет неофициальные нормы поведения (тюремную идеологию) и следит за их неукоснительным исполнением.

Поведение осужденных как представителей среды, окружающей участников конфликта, как до совершения преступления, так и в период расследования специфично. Если определить его одним словом, то это демонстрация полного безразличия к судьбе субъекта противоправного деяния и пострадавшего (то есть внутреннее индивидуально, закрыто, отдельные переживания скрыты, не показывается действительное отношение к произошедшему). В определенной мере такое поведение понятно: с одной стороны, имеет место соблюдение (особо обостренное в местах лишения свободы) табу на вмешательство в личную жизнь других, с другой – исключение вреда для собственной личной жизни, способного изменить сложившийся уклад, в котором имеются условия для сносного, привычного пребывания в специфических условиях исправительного учреждения.

Противоправные деяния в учреждениях УИС совершаются наиболее часто в присутствии представителей среды. Они наблюдают, интересуются конфликтами, противоправными действиями, так как последние привносят определенное разнообразие в их однообразную жизнь. Однако, располагая соответствующей информацией, осужденные не сотрудничают с субъектом расследования, не проявляют желания давать показания. Мотивы такого поведения разные: а) отсутствие желания (боязнь) нарушить запрет, установленный неофициальными нормами поведения; б) солидарность, искреннее сочувствие субъекту преступления, так как пострадавший давно «напрашивался»; в) боязнь отклониться от позиции, занимаемой преступником, и таким образом навредить ему; г) личностная установка, при которой исключены действия, представляющие собой прямое или косвенное вмешательство в чужие дела.

Игнорирование свидетельства по делу позволяет исключить последующий возможный вызов в судебное заседание, способный создать дополнительный дискомфорт осужденному, связанный с перемещением в специальном транспорте в суд, пребыванием там в окружении конвоя и появлением дополнительных отрицательных эмоций.

При расследовании преступлений, совершенных осужденными, отбывающими наказание в учреждениях УИС, среда в силу существующих традиций оказывает активное или пассивное противодействие. Субъектам расследования не следует надеяться на получение показаний от очевидцев в ситуации, когда ее наблюдало даже несколько человек. Не должно вызывать удивления то, что вместо реально правдивого ответа на вопрос следователя об обстоятельствах умышленного причинения вреда жизни или здоровью осужденный-очевидец, пребывавший в предельно ограниченном пространстве (камере штрафного изолятора), где совершено преступление, и обязательно наблюдавший противоправные действия, даст ответы «не видел», «я в это время читал молитву», «был занят собой», «находился в состоянии личных размышлений и на эту возню не обращал внимания». Не будем перечислять все подобные формулировки, на которых мы остановили свое внимание во время проведения исследования, дополнительно отметим лишь, что они встречаются и в случаях, когда информацию передает лицо, содействовавшее совершению преступления. Установлено, что лица из числа специального контингента могут активно давать изобличающие показания в случаях, когда сталкиваются интересы противоборствующих неформальных групп осужденных (группировок отрицательной направленности).

Распространенность в местах лишения свободы неофициальных норм поведения, которых придерживается большинство осужденных. Обстановка, в которую попадает осужденный, где, образно говоря,

каждое бревно деревянного сруба, каждый кирпич в кладке здания пропитаны особыми нормами жизни, в разной степени воздействует на переустройство его внутреннего мира. Он становится другим – осторожным, замкнутым, осмотрительным, безынициативным, злобным с элементами агрессии. В определенной мере это характерно для любой общности людей, сосредоточенной в специфических условиях относительной закрытости. Каждая такая общность формируется, функционирует и сохраняется как самостоятельная, индивидуальная под воздействием внутренних факторов. Одним из них выступают традиции, а применительно к сообществу осужденных – неофициальные нормы поведения (понятия), соблюдение которых является строгим, а наказание за отступление (отход) – неотвратимым и жестоким.

В условиях мест лишения свободы действует две группы норм, определяющих (регламентирующих) поведение осужденных: 1) официальные, предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации; 2) неофициальные, предусмотренные и культивируемые воровской идеологией. Неофициальные нормы поведения корректируются в зависимости от режима исправительных колоний. Они могут налагать дополнительные ограничения, распространяющиеся на все категории (страты) осужденных вне зависимости от их неофициального статуса.

Осужденный, прибывающий в исправительное учреждение, всякий раз стоит перед дилеммой: придерживаться неофициальных норм поведения и вступить в противоречие с официальными нормами поведения, что означает подвергнуть себя риску штрафных санкций за нарушение режима отбывания наказания, или придерживаться официальных норм поведения и вступить в противоречие с неофициальными нормами поведения, а значит, обострить межличностные отношения в среде осужденных, что приведет к ухудшению фактического положения в данном сообществе.

Неофициальные нормы поведения предписывают осужденным: а) негативно относиться к деятельности администрации исправительного учреждения; б) при вынужденном общении с представителями администрации учреждения вести себя осторожно и обдуманно, в исключительных случаях пытаться входить в доверие с целью улучшения своего фактического положения; в) не писать жалоб, заявлений в высшие судебные инстанции с просьбами о пересмотре приговора, не стремиться освободиться условно-досрочно; г) выполнять (неукоснительно) все установки воровских авторитетов (воров в законе); д) ни при каких обстоятельствах не давать себя в обиду, стоять за себя и за друзей до последнего, даже если это будет стоить жизни; е) никому, ни при каких обстоятельствах не давать никакой информации о сообществе осужденных; ж) во взаимоотношениях с окружающими стараться быть осторожным, сдерживать обещания, отвечать за слова, не допускать тесных личных контактов с «обиженными», не вникать в чужие разговоры, не распространять слухов; з) поддерживать лиц, содержащихся в штрафном изоляторе, помещении камерного типа, встречать их после отбытия дисциплинарного наказания; и) не принимать участия в расследовании преступления в любом качестве.

Следует сказать, что характер неофициальных норм поведения, предписанных определенному осужденному, обусловлен той стратой, к которой он принадлежит [23]. Обозначенная зависимость позволяет прогнозировать мотивы, инициаторов, исполнителей совершения преступления, поведение конкретных лиц в период совершения преступления и после него. Приведенное в определенной степени будет характеризовать следующая краткая фабула. В ИУ-14 ГУФСИН России по Иркутской области у осужденного Р. И. В., занимающего в среде отбывающих лишение свободы неформальное лидирующее положение, возникли подозрения о причастности осужденных К. И. В. и В. А. С. к даче признательных показаний по одному из уголовных дел, что является нарушением неофициальных норм поведения. О своих подозрениях он сообщил К. И. И. и О. С. М. и дал им установку проучить данных лиц. В результате группа в составе Р. И. В., К. И. И. и О. С. М. путем нанесения множественных ударов ногами, руками, а также различными орудиями преступления совершила убийство К. И. В. и В. А. С. (Архив Иркутского областного суда Иркутской области за 2016 г. Уголовное дело № 2-31/2016 от 01.08.2016).

Специфика свойств личности субъекта преступления, свидетелей. Условия изоляции от общества состоят в принудительном помещении человека в замкнутую социаль-

ную среду, включающую тотальную двухстороннюю регламентацию поведения (официальные и неофициальные нормы поведения), ограничивающую удовлетворение привычных потребностей. При длительном пребывании в местах лишения свободы (по данным официальной статистики, 148 тыс. осужденных отбывали наказание от 5 до 10 лет) люди приобретают комплекс специфических привычек. При этом происходит сплетение имеющихся и приобретаемых личностных свойств человека в некое новое единство. В дальнейшем оно играет роль своеобразного стержня, на который наслаиваются все новые и новые личностные свойства, преимущественно направленные на приспособление к особым условиям в целях выживания, а также оказание противодействия администрации исправительного учреждения, дознавателю, следователю [20, с. 103], совершенствование опыта и навыков противоправной деятельности, благо есть условия и лица, у которых можно такой опыт перенимать (более 228 тыс. чел. осуждены к лишению свободы во второй, третий и более раз [15]).

У лиц, содержащихся в местах лишения свободы, наблюдается перенос психического напряжения в виде необоснованных претензий, недовольства, гнева на лиц, имеющих такой же правовой статус, либо должностных лиц исправительного учреждения. Это способствует возникновению у осужденных особой психологической предрасположенности к насилию, осуществляемому специфическими способами (насильственные преступления в исправительных учреждениях в 68 % случаев совершаются с помощью различных колюще-режущих предметов).

Распространенности насилия в местах лишения свободы как минимум способствуют: а) ухудшение социально-криминологических свойств личности осужденных (в 2020 г. 17 143 осужденных были признаны злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания); б) длительное нахождение в условиях изоляции (лишение свободы свыше трех лет отбывают более 320 тыс. чел. – от общей списочной численности осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях для взрослых); в) агрессивная атмосфера мест социальной изоляции и стрессогенность порядка и условий отбывания наказания.

Подозреваемые в большей мере привержены неофициальным нормам поведения (предпочитают жить «по понятиям») [1; 21; 22], конфликты стараются разрешать, не прибегая к помощи администрации исправительного учреждения, принимают посильные меры к легендированию своего поведения, преподнося его в лучшем свете, объясняя случившееся тюремными традициями, своеобразием сложившихся обстоятельств.

Субъекты рассматриваемых преступлений – это в большинстве случаев молодые люди (18–29 лет), 67 % которых имеют среднее или неполное среднее образование. Они наиболее импульсивны, агрессивны, легко поддаются на провокации, попадая в места лишения свободы, как правило, стремятся силой утверждать свой авторитет. Не думая о последствиях, нередко решают свои проблемы путем нанесения телесных повреждений своему обидчику, в 65 % случаев – без подготовки, с внезапно возникшим умыслом. 72 % из них являлись нарушителями режима отбывания наказания (имели различные взыскания), четвертая часть была ранее судима за умышленное причинение вреда жизни и здоровью, значительное количество имеют различные психические отклонения [9, с. 88–90].

В отдельных случаях психика осужденных, подвергнутых унижениям, издевательствам, телесному воздействию со стороны других лиц, отбывающих лишение свободы, претерпевает изменения, которые порождают озлобленность, агрессию как некие механизмы самозащиты от домогательств, причинения телесных повреждений, в результате чего они становятся субъектами совершения анализируемых преступлений.

Особенности свойств личности потерпевшего, своеобразие поведения до и после совершения преступления, причиняющего умышленный вред жизни и здоровью. Пострадавшие не торопятся сообщить администрации о случившемся, часто не прибегают к медицинской помощи (известны случаи, когда это приводило к трагическим последствиям), первоначально если и дают, то не совсем объективные сведения. Нередко отказываются информировать, пытаются сами разобраться с обидчиком, поддаются воздействию окружения преступника и формулируют показания, которые не только выгодны субъекту противоправного деяния, но и могут свидетельствовать о собственной вине, иногда объясняют имеющиеся телесные повреждения другими фактами,

исключающими воздействие человека. Изменение показаний может явиться и результатом получения определенных материальных благ (продуктов питания, одежды, денег, сигарет, чая, наркотических средств), денежной компенсации.

Как показывает анализ практики, потерпевших по рассматриваемым преступлениям можно объединить в три основные группы. Первую составляют обладатели негативного поведения (42,3 %). Они распространяли негативную информацию, унижали, оскорбляли, причиняли физические страдания, издевались над другими осужденными, что послужило мотивом причинения умышленного вреда их жизни или здоровью. Так, в целях мести осужденному П. А. П., распространявшему информацию, порочащую честь и достоинство П. А. В., последний, находившийся в цехе № 4 центра трудовой адаптации осужденных ИУ-7 УФСИН России по Удмуртской Республике, нанес по голове обидчика удар кувалдой (Архив Завьяловского районного суда Удмуртской Республики за 2015 г. Уголовное дело № 1-170/2015 от 25.08.2015). Во вторую группу входят осужденные, положительно зарекомендовавшие себя в период отбывания наказания (35,4 %). Они защищали себя и других от действий правонарушителей путем высказывания требований прекратить противоправное поведение, неправомерное применение физической силы. Осужденные Н. Е. Ю. и Ш. А. В. после уборки территории возвращались в общежитие своего отряда в ИУ-17 УФСИН России по Мурманской области, но на пути следования встретили малознакомого им осужденного И. А. М., который без причины высказал в их адрес оскорбления. Н. Е. Ю. попросил его извиниться, разговаривал с ними в вежливой форме, без оскорбительных выражений, однако И. А. М. из хулиганских побуждений, демонстрируя свое превосходство по отношению к Н. Е. Ю., взял рядом лежащую палку и нанес ему несколько ударов в область головы, причинив тяжкий вред здоровью (Архив Ленинского районного суда города Мурманска за 2016 г. Уголовное дело № 1- 181/2016 от 25.07.2016). Третью группу образуют осужденные с нейтральным, то есть не способствующим и не препятствующим действиям преступника, поведением (22,3 %). Причины такого образа действий самые разные, нередко это связано с негативными свойствами личности (трусость, нерешительность, привычка угодничать, быть униженным и не оказывать сопротивления).

Таким образом, есть основания полагать, что потерпевшие осужденные в нравственном плане далеко не идеальны, как правило, относятся к неустойчивой среде лиц, наиболее склонных к деструктивным формам поведения в исправительном учреждении, что в значительной степени повышает уровень их виктимности. Обозначенные личностные качества сказываются и на их поведении в период расследования преступления.

Заключение

Опираясь на существующие исследования оснований криминалистической классификации преступлений и изучив следственную практику, мы пришли к следующему выводу: применительно к преступлениям, причиняющим умышленный вред жизни и здоровью, совершаемым осужденными, отбывающими наказание в местах лишения свободы, кроме всеобщего (уголовно-правовой объект) существует две группы дополнительных оснований – общие и частные.

К общим относятся: 1) территория, обстановка, среда исправительного учреждения; 2) распространенность в местах лишения свободы неофициальных норм поведения, которых придерживается большинство осужденных. Это позволило констатировать, что преступления в местах лишения свободы совершаются в строго ограниченных пределах, которые к тому же 24 часа в сутки охраняются физическими лицами, техническими средствами. Администрация исправительного учреждения использует аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля для получения информации о поведении осужденных. В идеале лица, отбывающие наказание, не могут покинуть охраняемые пределы, равно как не могут попасть на территорию посторонние граждане. Другими словами, умышленное причинение вреда жизни и здоровью могут совершить только лица, которые находятся в пределах охраняемой территории, известные по списку. Поиск и преступника, и пострадавшего осуществляется в указанных пределах, при этом он значительно упрощается, если иметь в виду использование информационно-технологических (видеорегистраторов – стационарных и переносных), электронных средств контроля за обстановкой и поведением осужденных. Преступления рассматриваемой группы совершаются в среде отбываю-

щих наказание в виде лишения свободы, как правило, в присутствии других осужденных. Другими словами, речь идет о совершении противоправных деяний в условиях очевидности, когда событие наблюдают несколько человек. Однако в обозначенной ситуации, когда есть очевидцы, заподозренные и пострадавшие, раскрыть и расследовать преступление сложно. Это связано с распространенностью в местах лишения свободы неофициальных норм поведения, которых придерживается большинство осужденных, а они запрещают принимать участие в расследовании в любом качестве.

Частными основаниями классификации преступлений, причиняющих умышленный вред жизни и здоровью, совершенных осужденными, отбывающими наказание в местах лишения свободы, являются: 1) специфика свойств личности субъекта преступления, свидетелей; 2) особенности свойств личности потерпевшего, своеобразие поведения до и после совершения преступления, причиняющего умышленный вред жизни и здоровью. Практика показывает, что расследование преступлений, совершенных лицами, имеющими преступный опыт, обладающими умением ловко, нагло и изворотливо вести себя на следствии, затрудняя деятельность дознавателя, следователя и тем самым усложняя процесс познания, требует от субъекта расследования умственного напряжения, творческого подхода, собранности, не только осуществления уголовно-процессуальных действий, но и использования тактических приемов, технических, информационных средств. Расследование осложняется и особенностями личностных свойств потерпевших, которые нередко занимают противоречивые позиции, меняют показания вплоть до самообвинения.

Таким образом, расследование рассмотренных преступлений должно базироваться на комплексе разнообразных средств, причем не только предусмотренных действующим уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации. К числу таковых следует отнести оперативно-розыскные, режимные и иные силы и методы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчурин, А. В. Личность пенитенциарного преступника: криминалистический аспект : монография / А. В. Акчурин. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 224 с. – ISBN 978-54396-1838-5.
2. Белкин, А. Р. Криминалистические классификации / А. Р. Белкин. – Москва : Мегатрон, 2000. – 95 с. – ISBN 5-89601-036-5.
3. Белкин, Р. С. История советской криминалистики : Формирование частных криминалистических теорий (1940-е – 1950-е гг.) : учебное пособие / Р. С. Белкин, А. И. Винберг. – Москва : Академия МВД СССР, 1983. – 78 с.
4. Белкин, Р. С. Курс советской криминалистики: в трех томах. Том 3 : Криминалистические средства, приемы и рекомендации : учебник / Р. С. Белкин. – Москва : Академия МВД СССР, 1979. – 407 с.
5. Герасимов, И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений / И. Ф. Герасимов. – Свердловск : Среднее Уральское книжное издательство, 1975. – 183 с.
6. Головин, А. Ю. Базовые криминалистические классификации преступлений / А. Ю. Головин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 2-2. – С. 31–40.
7. Головин, А. Ю. Криминалистическая систематика : монография / А. Ю. Головин ; под общей редакцией Н. П. Яблокова. – Москва : ЛексЭст, 2002. – 335 с. – ISBN 5-901638-16-6.
8. Давыдова, Н. Н. Криминалистические классификации преступлений и методик их расследования: теоретические проблемы : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Давыдова Наталья Николаевна. – Саратов, 2009. – 229 с.
9. Дечкин, О. М. Данные о свойствах личности преступника, совершившего умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в условиях исправительного учреждения / О. М. Дечкин // Пенитенциарная наука. – 2020. – Том 14, № 1. – С. 86–93.
10. Кадников, Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву : монография / Н. Г. Кадников. – Москва : Юридический институт МВД РФ, 2000. – 188 с.
11. Колесниченко, А. Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Колесниченко Алексей Никифорович. – Харьков, 1967. – 28 с.
12. Криминалистика : учебник для слушателей правовых вузов: в двух книгах. Книга 2 : Методика расследования отдельных видов преступлений / под редакцией А. Я. Вышинского. – Москва : Советское законодательство, 1936. – 126 с.
13. Николайченко, В. В. Пенитенциарные и постпенитенциарные преступления : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Николайченко Виктор Викторович. – Саратов, 2006. – 453 с.
14. Образцов, В. А. Криминалистическая классификация преступлений / В. А. Образцов. – Красноярск : Издательство Красноярского университета, 1988. – 176 с.
15. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (январь–декабрь 2020 г.) : информационно-аналитический сборник. – Тверь : НИИИТ ФСИН России, 2021. – 418 с.
16. Подольный, Н. А. Криминалистическая классификация преступлений как средство оптимизации расследования / Н. А. Подольский // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 2 (13). – С. 201–214.

17. Рузавин, Г. И. Методология научного познания : учебное пособие для студентов и аспирантов высших учебных заведений / Г. И. Рузавин. – Москва : ЮНИТИ, 2012. – 287 с. – ISBN 978-5-238-00920-9.
18. Шурухнов, Н. Г. Виды криминалистических методик: их система, взаимосвязь, роль в научных исследованиях и расследовании преступлений / Н. Г. Шурухнов, Н. Е. Мерецкий // Актуальные проблемы организации правоохранительной и правозащитной деятельности : материалы всероссийской научно-практической конференции (г. Тула, 25 января 2020 г.) / ответственный редактор В. Н. Яшин. – Тула : Тульский государственный университет, 2020. – С. 205–219.
19. Шурухнов, Н. Г. Классификация криминалистических методик расследования преступлений, ее теоретическое и практическое значение / Н. Г. Шурухнов // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 450. – С. 252–256.
20. Шурухнов, Н. Г. Кто он – пенитенциарный преступник: краткая характеристика свойств личности, их источники, роль в расследовании / Н. Г. Шурухнов, А. В. Акчурин // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2021. – № 2 (32) – С. 100–110.
21. Шурухнов, Н. Г. Личность пенитенциарного преступника / Н. Г. Шурухнов // Социологические исследования. – 1993. – № 8. – С. 74–83.
22. Шурухнов, Н. Г. Личность пенитенциарного преступника: понятие и криминалистическая значимость ее свойств / Н. Г. Шурухнов, А. С. Князьков, А. В. Акчурин // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 39. – С. 109–125.
23. Шурухнов, Н. Г. Неформальная дифференциация в исправительно-трудовых учреждениях / Н. Г. Шурухнов // Социологические исследования. – 1992. – № 7. – С. 73–83.
24. Шурухнов, Н. Г. Систематизация криминалистических методик: их сущность, содержание, взаимосвязь, служебная роль в научных исследованиях и расследовании преступлений / Н. Г. Шурухнов, Н. Е. Мерецкий, А. С. Пудовиков // Белгородские криминалистические чтения : сборник научных трудов. – Выпуск 6. – Белгород : Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина, 2020. – С. 177–190.
25. Якимов, И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике / И. Н. Якимов. – Москва : ЛексЭст, 2003. – 496 с. – ISBN 5-901638-20-4.

REFERENCES

1. Akchurin A.V. *Lichnost' penitentsiarnogo prestupnika: kriminalisticheskii aspekt: monografiya* [Personality of a penitentiary criminal: criminalistic aspect: monograph]. Moscow : Yurlitinform, 2019. 224 p.
2. Belkin A.R. *Kriminalisticheskie klassifikatsii* [Criminalistic classifications]. Moscow, 2000. 95 p.
3. Belkin R.S., Vinberg A.I. *Istoriya sovetskoi kriminalistiki: Formirovanie chastnykh kriminalisticheskikh teorii (1940-e–1950-e gg.): uchebnoe posobie* [History of Soviet criminology: formation of private forensic theories (1940th–1950th): textbook]. Moscow: Akademiya MVD SSSR, 1983. 78 p.
4. Belkin R.S. Soviet criminalistics course. In: *Kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendatsii: uchebnik* [Forensic tools, techniques and recommendations: textbook]. Moscow: Akademiya MVD SSSR, 1979. 407 p.
5. Gerasimov I.F. *Nekotorye problemy raskrytiya prestuplenii* [Some problems of crime detection]. Ed. by Drapkin L.Ya. Sverdlovsk: Srednee Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975. 183 p.
6. Golovin A.Yu. Basic criminalistic classifications of crimes. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki=News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences,* 2013, no 2 (2), pp. 31–40. (In Russ.).
7. Golovin A.Yu. *Kriminalisticheskaya sistematika: monografiya* [Criminalistic systematics: monograph]. Ed. by Yablokov N.P. Moscow: LeksEst, 2002. 335 p.
8. Davydova N.N. *Kriminalisticheskie klassifikatsii prestuplenii i metodik ikh rassledovaniya: teoreticheskie problemy: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Criminalistic classifications of crimes and methods of their investigation: theoretical problems: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Saratov, 2009. 229 p.
9. Dechkin O.M. Data on the personality characteristics of convicts committed the grievous bodily injury in a correctional facility. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science,* 2020, vol. 14, no. 1, pp. 86–93. (In Russ.).
10. Kadnikov N.G. *Klassifikatsiya prestuplenii po ugolovnomu pravu: monografiya* [Classification of crimes in criminal law: monograph]. Moscow: Yuridicheskii institut MVD RF, 2000. 188 p.
11. Kolesnichenko A.N. *Nauchnye i pravovye osnovy rassledovaniya otdel'nykh vidov: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Scientific and legal bases of investigation of certain types: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kharkov, 1967. 28 p.
12. *Kriminalistika: uchebnik dlya slushatelei pravovykh vuzov* [Criminalistics: textbook for law students]. Ed. by A.Ya. Vyshinskii. Moscow: Sovetskoe zakonodatel'stvo, 1936. 126 p.
13. Nikolaichenko V.V. *Penitentsiarnye i postpenitentsiarnye prestupleniya: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Penitentiary and post-penitentiary crimes: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Saratov, 2006. 453 p.
14. Obraztsov V.A. *Kriminalisticheskaya klassifikatsiya prestuplenii* [Criminalistic classification of crimes]. Krasnoyarsk: izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta, 1988. 176 p.
15. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii (yanvar'–dekabr' 2020 g.): informatsionno-analiticheskii sbornik* [Key performance indicators of the penal enforcement system of the Russian Federation (January–December, 2020): information and analytical collection]. Tver: NIIIT FSIN Rossii, 2021. 418 p.
16. Podol'nyi N.A. Criminalistic classification of crimes as a means of optimizing the investigation. *Biblioteka kriminalista=Criminologist's Library,* 2014, no. 2 (13), pp. 201–214. (In Russ.).
17. Ruzavin G.I. *Metodologiya nauchnogo poznaniya: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Methodology of scientific cognition: textbook for universities]. Moscow: YuNITI-DANA, 2012. 288 p.
18. Shurukhnov N.G., Meretskii N.E. Types of forensic techniques: their system, interrelation, role in scientific research and investigation of crimes. In: *Aktual'nye problemy organizatsii pravookhranitel'noi i pravozashchitnoi deyatel'nosti: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Tula, 25 yanvarya 2020 g.)* [Actual problems of the organization of law enforcement and human rights activities: materials of the All-Russian scientific and practice conference (Tula, January 25, 2020)]. Tula: Tul'skii institut (filial) VGUYu (RPA Minyusta Rossii), 2020. Pp. 205–219. (In Russ.).

19. Shurukhnov N.G. Classification of forensic techniques of crime investigation, its theoretical and practical value. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta=Tomsk State University Journal,* 2020, no. 450, pp. 252–256. (In Russ.).
20. Shurukhnov N.G., Akchurin A.V. Who is a penitentiary offender: a brief description of personality features, their sources, the role in the investigation. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya=Siberian Criminal Process and Criminalistic Readings,* 2021, no. 2 (32), pp. 100–110. (In Russ.).
21. Shurukhnov N.G. Penitentiary criminal personality. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies,* 1993, no. 8, pp. 74–83. (In Russ.).
22. Shurukhnov N.G., Knyaz'kov A.S., Akchurin A.V. The personality of a penitentiary criminal: the concept and criminalistic significance of its properties. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo=Tomsk State University Journal of Law,* 2021, no. 39, pp. 109–125. (In Russ.).
23. Shurukhnov N.G. Informal differentiation in correctional labor institutions. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies,* 1992, no. 7, pp. 73–83. (In Russ.).
24. Shurukhnov N.G., Pudovikov A.S., Meretskii N.E. Systematization of forensic techniques: their essence, content, interrelation, official role in scientific research and investigation of crimes. In: *Belgorodskie kriminalisticheskie chteniya: sbornik nauchnykh trudov* [Belgorod forensic readings: collection of scientific papers]. Issue 6. Belgorod: Belgorodskii yuridicheskii institut MVD Rossii imeni I. D. Putilina, – 2020. Pp. 177–190. (In Russ.).
25. Yakimov I.N. *Kriminalistika. Rukovodstvo po ugolovnoi tekhnike i taktike* [Criminalistics. Manual of criminal technique and tactics]. Moscow: LeksEst, 2003. 496 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШУРУХНОВ – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник группы подготовки научно-педагогических и научных кадров аппарата ученого секретаря адъюнктуры, докторантуры Научно-исследовательского института ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1132-760X, e-mail: matros49@mail.ru

ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ ДЕЧКИН – преподаватель кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4956-8655, e-mail: olegd4105@mail.ru

NIKOLAI G. SHURUKHNOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Leading Researcher of the Group for Training of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel of the Office of the Academic Secretary of Post Graduate Military Course, Doctoral Studies at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1132-760X, e-mail: matros49@mail.ru

OLEG M. DECHKIN – Lecturer of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Investigation of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4956-8655, e-mail: olegd4105@mail.ru

Статья поступила 12.10.2021

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-791-801
УДК 342.95

Проблемы модернизации кадрового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы в условиях становления доктрины административного конституционализма в современной России

Р. В. НАГОРНЫХ
Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4765-8550, e-mail: nagornikh-vipe@mail.ru

Я. В. ВАСИЛЬЕВА
Северо-Западный институт (филиал) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда, Российская Федерация
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9434-7563, e-mail: yana.vasileva@list.ru

Н. А. МЕЛЬНИКОВА
Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3697-4769, e-mail: melnatale@mail.ru

Реферат
Введение: пенитенциарная система является важнейшим элементом в структуре любого современного государства, а ее состояние выступает своеобразным социальным индикатором реального уровня развития демократии в стране. От того, насколько законно и эффективно осуществляется исполнение уголовных наказаний, зависит уровень состояния преступности, защищенности граждан от угроз криминального характера, общественного порядка, общественной и государственной безопасности. На надлежащее состояние уголовно-исполнительной системы в современной России оказывают влияние множество факторов, в числе которых заметное место занимает состояние кадрового обеспечения деятельности органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания. В этой связи модернизацию законодательства о государственной службе и кадровой политики государственного управления в уголовно-исполнительной системе следует рассматривать в качестве приоритетных административно-правовых и организационных средств повышения социальной эффективности государственного управления в правоохранительной сфере. *Целью* статьи является выявление основных направлений развития административного законодательства в области государственной службы и кадрового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы в рамках нового этапа конституционных преобразований в современной России. *Методологическую основу* образуют общенаучные и частно-научные (логико-юридический, сравнительно-правовой, дискриптивный, контент-анализа) методы познания правовой действительности. *Выводы:* предложенные направления формирования теоретической доктрины государственной службы и кадрового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы на основе интегративного правопонимания процессов и явлений общественного развития, совершенствования административного законодательства о государственной службе в уголовно-исполнительной системе посредством его дальнейшей конституциализации, трансформации кадровой политики за счет принятия Концепции кадровой политики приведут к системному изменению механизма кадрового обеспечения, усилению его устойчивости перед угрозами криминального характера, повышению эффективности государственного управления органами и учреждениями, исполняющими уголовные наказания, в целом. Научная и практическая значимость работы состоит в обосновании практических предложений по совершенствованию действующего административного за-

конодательства в области государственной службы и кадрового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: государственная служба; кадровое обеспечение; административно-правовое регулирование; конституционные принципы.

12.00.14. – Административное право; административный процесс.

Для цитирования: Нагорных Р. В., Васильева Я. В., Мельникова Н. А. Проблемы модернизации кадрового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы в условиях становления доктрины административного конституционализма современной России. *Пенитенциарная наука,* 2021, т. 15, № 4 (56), с. 791–801. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-791-801.

Modernization Issues of Staffing the Penal Enforcement System in the Context of Formation of an Administrative Constitutionalism Doctrine in Modern Russia

ROMAN V. NAGORNYKH
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4765-8550, e-mail: nagornikh-vipe@mail.ru

YANA V. VASIL'EVA
North-Western Institute (branch) of the Moscow State Law Academy named after Kutafin O.E., Vologda, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9434-7563, e-mail: yana.vasileva@list.ru

NATALIYA A. MEL'NIKOVA
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3697-4769, e-mail: melnatale@mail.ru

Abstract
Introduction: today the state policy in the sphere of public service and PES staffing is focused on providing penitentiary institutions with competent and skilled specialists capable of performing state tasks in the field of execution of criminal penalties in difficult conditions. The processes of formation and development of the staffing system, meeting modern needs of the state and society development, are due to a variety of political, social, economic, legal and organizational factors that have both external and internal effects on its functioning. Neutralization of negative factors is possible only by increasing the efficiency of management activities in the PES as a whole and staffing in particular. The *purpose* of this article is to identify key directions for elaboration of administrative legislation in the field of public service and staffing the penal enforcement system in the framework of a new stage of constitutional transformations in modern Russia. The *methodological basis* of the work is formed by general scientific and private scientific (logical-legal, comparative-legal, descriptive, content analysis) methods of cognition of legal reality. *Conclusions:* the proposed directions for the formation of a theoretical doctrine of public service and PES staffing on the basis of integrative legal understanding of processes and phenomena of social development, improvement of administrative legislation on public service in the PES through its further constitutionalization, development of personnel policy through the adoption of the Concept for personnel policy in the penal enforcement system will lead to a systematic change in the mechanism of staffing the penal enforcement system, strengthening its resistance to countering threats of a criminal nature, and enhance performance of penitentiary institutions in general. The scientific and practical significance of the work consists in substantiating practical proposals for improving current administrative legislation in the field of public service and PES activities.

Keywords: public service; staffing; administrative and legal regulation; constitutional principles.

12.00.14. – Administrative law; administrative process.

For citation: Nagornykh R. V., Vasil'eva Y. V., Mel'nikova N. A. Modernization issues of staffing the penal enforcement system in the context of formation of an administrative constitutionalism doctrine in modern Russia. *Penitentiary Science,* 2021, vol. 15, no. 4(56), pp. 791–801. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-791-801.

Состояние кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы

Кадровое обеспечение деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации призвано обеспечить всестороннее удовлетворение потребностей органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, в грамотных специалистах, способных в сложных условиях выполнять государственные задачи в области исполнения уголовных наказаний. Процессы формирования и развития системы кадрового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы, адекватной современным потребностям государства и общества, обусловлены множеством политических, социальных, экономических, правовых и организационных факторов, которые оказывают как внешнее, так и внутреннее воздействие на ее функционирование.

Кадровое обеспечение пенитенциарной системы в нашей стране, несмотря на длительный период попыток привести его в качественно новое и необходимое обществу состояние, по-прежнему далеко от совершенства и конституционных идеалов правового демократического государства.

Сохраняющийся в России, по данным Портала правовой статистики, высокий уровень преступности [2] крайне негативно сказывается на состоянии преступности внутри самой пенитенциарной системы, в том числе и среди ее сотрудников. В настоящее время вовлеченность сотрудников службы в криминальные отношения остается достаточно высокой [4, с. 20]. Только в 2020 г. возбуждено 99 уголовных дел в отношении 56 сотрудников уголовно-исполнительной системы, 170 сотрудников уволено за совершение служебного проступка [17].

Ряд преступлений имеет повышенный общественный резонанс, что вызывает тревогу в обществе, негативно влияет на авторитет уголовно-исполнительной системы и престиж государственной службы в ней [9, с. 346, 347; 6, с. 72]. Одним из значимых факторов, обусловивших такое положение вещей, является крайне низкий уровень социальной защиты сотрудников, особенно лиц, замещающих должности младшего начальствующего и рядового состава, вызывающий значительный некомплект этой категории служащих. По состоянию на 1 января 2021 г. вакантными оставались 10,6 % должностей, при этом некомплект младшего начальствующего и рядового состава составлял 12,5 % [5].

Системное негативное влияние на современное состояние кадрового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы оказывают факторы неэффективного государственного управления в сфере исполнения уголовных наказаний, непродуманность и волюнтаризм при проведении административной реформы пенитенциарной системы в 2009–2011 гг., отсутствие на период начала преобразований каких-либо серьезных научно обоснованных моделей модернизации и т. п.

В настоящее время многие проблемы в сфере государственного управления уголовно-исполнительной системой продолжают сохраняться. Несмотря на принятие ряда важнейших стратегических документов в рассматриваемой сфере, таких как Концепция Федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 гг.)» и Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г., на уровень и состояние кадрового обеспечения деятельности службы по-прежнему самым негативным образом влияют:

– во-первых, отсутствие современной научно обоснованной доктрины в этой области, что приводит к значительным перекосам в развитии законодательства и практической кадровой работы;

– во-вторых, наличие существенных недостатков в законодательстве о государственной службе в уголовно-исполнительной системе, которые явились следствием перманентного заимствования основных

положений законодательства о службе в органах внутренних дел;

– в-третьих, отсутствие единого концептуального документа (концепции кадровой политики), принятого на уровне ФСИН России и определяющего основные цели, задачи, принципы и направления совершенствования кадрового обеспечения деятельности пенитенциарной системы.

Доктрина государственной службы и кадрового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы

Комплексная модернизация уголовно-исполнительной системы, приведение ее деятельности в соответствие с требованиями обновленной Конституции Российской Федерации, основополагающих международных правовых актов в области защиты прав и свобод человека, международных стандартов в пенитенциарной сфере является важнейшей государственной задачей и требует глубокой ревизии и пересмотра существующей модели кадрового обеспечения органов и учреждений, исполняющих наказания, на основе разработки новой теоретической доктрины.

В основу разработки научной доктрины должны быть положены фундаментальные труды отечественных и зарубежных ученых – представителей различных отраслей научного знания – с учетом их критического осмысления и адаптации к российским реалиям [16]. При этом следует очень взвешенно подходить к оценке результатов ранее полученных научных исследований и выработанных на их основе форм и методов кадровой работы в правоохранительной сфере, апробированных многолетней практикой и в целом положительно себя зарекомендовавших, что особенно актуально в современных условиях развития пенитенциарной науки и практики.

В последнее время активно стало высказываться мнение относительно «целесообразности переосмысления ранее полученных научных результатов в области работы с кадрами уголовно-исполнительной системы в связи с новыми экономическими, социально-политическими и правовыми (в том числе и международно-правовыми) реалиями» [1]. Такая постановка проблемы, безусловно, заслуживает внимания, поскольку новые условия функционирования пенитенциарной, правоохранительной систем и всего государства объективно требуют и поиска новых научно обоснованных решений в сфере кадрового обеспечения деятельности. Однако возникают вполне обоснованные вопросы: насколько устарели прежние научные взгляды и, соответственно, практические формы и методы работы с кадрами правоохранительных органов в целом и уголовно-исполнительной системы в частности; какие направления научного поиска в этой связи должны стать приоритетными. Представляется, что решение задач совершенствования кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы носит многовекторный, или полифункциональный, характер [19, с. 8] и должно сопровождаться проведением научных исследований во многих отраслях научного знания.

Вместе с тем негативные явления в практике системы исполнения наказаний требуют повышенного внимания, прежде всего со стороны управленческих наук – теории государственного управления, административного и уголовно-исполнительного права. Эти отрасли в контексте исследования проблем организационной деятельности и правового регулирования уголовно-исполнительной системы тесным образом взаимосвязаны [10, с. 28; 20, с. 6–9], они имеют большое количество междисциплинарных точек соприкосновения, обладают сходным научным инструментарием и понятийным аппаратом, общим предметом научного анализа, который образуют управленческие (организационно-правовые) отношения в сфере исполнения уголовных наказаний. В этой связи кадровое обеспечение как отраслевая обеспечивающая подсистема пенитенциарной деятельности должно рассматриваться в качестве общего для управленческих отраслей предмета научного анализа.

Разработку доктринальных положений в области работы с кадрами следует рассматривать в качестве одного из наиболее актуальных направлений научного обеспечения пенитенциарной деятельности в контексте научного анализа иных направлений правоохранительной деятельности государства в целом. Методологическую основу новой научной доктрины государственного управления в сфере кадрового обеспечения правоохранительной деятельности и деятельности уголовно-исполнительной системы должны составлять парадигма интегративного правопонимания [8], а также научные представления о развитии конституционной демократии и административного конституционализма в современной России [18].

Суть интегративного подхода состоит в рациональном объединении передовых идей естественного права, юридического позитивизма, историко-консервативного правопонимания, психологического, социологического, а также иных неклассических его видов с позиции приоритета социальных гуманистических начал правового регулирования общественных отношений [12, с. 18].

В свою очередь, применение интегративного правопонимания при создании новой доктрины государственной службы в уголовно-исполнительной системе и ее кадрового обеспечения должно ориентироваться на достижение целей правового регулирования и организации практической деятельности с позиций приоритета социальных гуманистических начал пенитенциарной деятельности, высоких духовных и нравственных основ службы, патриотизма и долга при выполнении служебных обязанностей.

В целом в основе интегративного правопонимания государственной службы в правоохранительной сфере лежит приоритет основополагающих прав, свобод и интересов отдельной личности не в индивидуальном, а в общечеловеческом контексте, ее безопасности от угроз криминального, природного и техногенного характера. В этой связи теоретическая модель государственной службы в правоохранительной сфере, основанная на интегративном понимании социально-правовых процессов и явлений, предполагает рассмотрение данного вида государственной службы как профессиональной деятельности, ориентированной на всестороннюю защиту основополагающих прав и свобод граждан, интересов общества и государства от угроз криминального, природного и техногенного характера [13, с. 124]. Отсюда следует, что такая разновидность государственной службы, как государственная служба в уголовно-исполнительной системе, должна также быть ориентирована на защиту основополагающих прав и свобод граждан, интересов общества и государства от угроз криминального характера посредством исполнения уголовных наказаний и применения мер уголовно-правового характера к лицам, преступившим закон.

Таким образом, теоретическая доктрина государственной службы и кадрового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы должна представлять собой интегративную систему научных принципов, взглядов и идей об основных явлениях и процессах в области государственно-служебных отношений в уголовно-исполнительной системе и их организационно-правового регулирования, в основе которой лежат высшие правовые ценности гуманистического отношения к человеку, его правам и свободам. При этом государственная служба и кадровое обеспечение могут успешно осуществляться только на основе развития духовно-нравственных начал службы, всеобъемлющего соблюдения основополагающих прав и свобод человека и гражданина, воспитания у сотрудников чувства ответственности перед обществом и государством, патриотизма, долга и добросовестного служения отечеству.

Конституционная реформа и развитие законодательства о службе в уголовно-исполнительной системе

Особую актуальность задачи совершенствования законодательства о деятельности уголовно-исполнительной системы приобрели в условиях проводимой в нашей стране конституционной реформы, в ходе которой определены основные векторы дальнейшей социализации государства, намечены важнейшие стратегические ориентиры модернизации системы публичного управления, созданы предпосылки для проведения дальнейших преобразований в области демократизации и гуманизации общественной жизни. Новеллы Конституции Российской Федерации обусловливают необходимость дальнейшей конституциализации существующих отраслей права, появление новых прав и свобод человека и соответствующих правовых механизмов их реализации [7], что напрямую затрагивает все без исключения сферы государственного управления, в том числе деятельность пенитенциарной системы и ее кадрового состава.

Теоретические положения современной концепции административного конституционализма [22; 25], пришедшей на смену концепции административного государства и получившей широкое распространение в зарубежных правовых системах [21; 24], обусловливают необходимость глубокой конвергенции основных конституционных положений с действующим законодательством (в рассматриваемом нами случае – с административным законодательством, регулирующим отношения в сфере государ-

ственной службы и кадрового обеспечения деятельности правоохранительных органов, в частности уголовно-исполнительной системы).

Конституциализация административного законодательства представляет собой процесс установления прямых связей между законодательными актами в сфере публичного управления и конституционными ценностями, такими как равенство, надлежащая правовая процедура и верховенство закона [23, с. 515–516]. Этот процесс является характерным для подавляющего большинства правовых систем, ориентированных на неукоснительное соблюдение прав и свобод человека, и является основополагающим вектором конституционного развития нашей страны на десятилетия вперед.

В этой связи углубление конституциализации административного законодательства о государственной службе в правоохранительной сфере неизбежно затронет подсистемы кадрового обеспечения правоохранительных органов, что обусловит более глубокое проникновение конституционных идей в ведомственное нормативное регулирование кадрового обеспечения. К сожалению, процессы конституционной экспансии в этих подсистемах административно-правового регулирования в настоящее время фактически приостановлены, что объективно вызывает необходимость изменения политической воли и решительных действий со стороны законодателя. Речь должна идти прежде всего о возвращении к идее принятия единого закона о правоохранительной службе (на новой конституционной основе), а в качестве промежуточного шага – непосредственном закреплении в законах о государственной службе в отдельных правоохранительных органах базовых конституционных принципов федерализма (ст. 4, 5, 15, 69, 71, 72, 73, 78 Конституции Российской Федерации), законности (ст. 15 Конституции Российской Федерации), приоритета прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 Конституции Российской Федерации).

Конституциализация административного законодательства о государственной службе в правоохранительной сфере должна подразумевать гармонизацию с Конституцией Российской Федерации всего массива нормативных правовых актов о государственной службе, в том числе посредством закрепления в законах об отдельных ее видах действующих институциональных принципов государственной службы, а именно принципов единства правовых и организационных основ государственной службы, открытости государственной службы, стабильности службы, доступности информации о службе, взаимодействия с общественными объединениями и гражданами, защищенности служащих.

Демократизация службы в уголовно-исполнительной системе на основе обновленной Конституции Российской Федерации должна предусматривать и внедрение таких известных отечественному дореволюционному и современному зарубежному публичному праву принципов службы, как публичность, приоритет профессионализма и личной выслуги, престиж и особое социальное положение сотрудников, достойное государственное денежное вознаграждение, соответствие чинов и званий профессиональной служебной деятельности различных видов.

Все названные принципы должны найти отражение в действующем Федеральном законе от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы"», а в перспективе и в законе о государственной правоохранительной службе.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что в настоящее время законы об отраслевых разновидностях государственной службы в правоохранительной сфере содержат лишь бланкетные нормы о том, что служба в этих органах осуществляется в соответствии с основными принципами построения и функционирования системы государственной службы Российской Федерации, установленными Федеральным законом от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации». При этом названный закон предусматривает значительно более широкий перечень принципов государственной службы. Подобное положение дел вряд ли следует считать удовлетворительным, поскольку отсутствие в отраслевых законах всего перечня базовых конституционных и институциональных принципов не позволяет в полной мере обеспечить создание действенных механизмов их реализации в организации правоохранительной службы

в отдельных ведомствах. В ряде случаев конституционные принципы вообще приобретают своеобразную интерпретацию, которая в значительной степени девальвирует их смысл и содержание. Примером тому может послужить отсутствие в отраслевых законах о службе раскрытия конституционного принципа законности и сведение его содержания лишь к реализации отдельных положений, а именно к обязанности сотрудника «руководствоваться законодательством Российской Федерации» и запрету для неограниченного круга лиц «вмешиваться в законную деятельность сотрудника, кроме лиц, прямо уполномоченных на то федеральным законом».

Вместе с тем конституционный принцип законности имеет более глубокий смысл: суть его состоит прежде всего в «распределении и ограничении власти законом в целях обеспечения прав и свобод граждан» [14, с. 11, 12] и защите граждан от любых форм произвола со стороны власти. В связи с этим содержание принципа законности в служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы должно приобрести подлинный конституционный смысл и охватить своим содержанием установление не только обязанности сотрудника строго и неукоснительно соблюдать законодательство, но и обязанности требовать его соблюдения со стороны других лиц, а также введение прямого запрета на выполнение приказов и распоряжений руководителей (начальников), противоречащих действующей Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству. При этом особую актуальность проблема восстановления конституционного понимания принципа законности в законодательстве о службе в уголовно-исполнительной системе приобретает в контексте реализации Национального плана противодействия коррупции на 2021–2024 годы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478, в соответствии с которым предусмотрена комплексная модернизация законодательства в сфере антикоррупционной деятельности.

В числе приоритетных направлений дальнейшего совершенствования законодательства о службе в уголовно-исполнительной системе, помимо внедрения в него развернутой системы принципов, следует также назвать:

– устранение противоречий в правах сотрудников;

– более тщательную нормативную разработку административных процедур, связанных с отбором на службу, прохождением и увольнением из уголовно-исполнительной системы, а также обжалованием действий и решений, нарушающих права сотрудников;

– установление гарантий социальной защиты сотрудников и т. д. [11].

Концепция кадровой политики в уголовно-исполнительной системе

Каждая новая политическая или экономическая задача, каждое принципиальное решение должны предусматривать проведение соответствующих мероприятий в области работы с кадрами. Это касается мер как краткосрочного, так и долгосрочного характера, требующих основательной подготовки и повышения квалификации уже имеющихся и новых кадров [3, с. 82]. У отечественных авторов сложилось достаточно отчетливое представление о системном влиянии кадрового обеспечения управленческой деятельности государства на выполнение основных его функций. Например, А. В. Оболонский, последовательно рассматривая государственное управление через влияние на него человеческого потенциала, отмечал, что сама логика общественного развития выдвигает человеческий фактор на первый план и в системе управленческих отношений. Именно в активизации человеческого фактора находятся социальные резервы, овладение которыми становится одним из главных условий ускорения общественного прогресса [15, с. 3]. Подобная позиция не только не утратила своего значения и в современный период реформирования широкого спектра общественных отношений, но и, как нам представляется, является в теоретическом плане одной из наиболее важных посылок в рассмотрении проблематики совершенствования государственного управления, в том числе в сфере государственной службы в уголовно-исполнительной системе и ее кадрового обеспечения.

Основы государственной политики в сфере государственной службы в уголовно-исполнительной системе и ее кадрового обеспечения должны быть закреплены в соответствующем политико-правовом концептуальном документе – Концепции кадровой политики в уголовно-исполнительной системе.

Такая концепция как базовый административно-политический документ, являясь

совокупностью взглядов на цели, задачи, сущность и систему государственной службы и кадрового обеспечения деятельности органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, должна определять основные направления кадровой политики в государственном управлении.

Кадровая политика является основным средством повышения эффективности служебной деятельности и реализуется путем формирования кадрового состава государственных служащих уголовно-исполнительной системы, обладающего необходимыми профессиональными компетенциями, обучения и воспитания кадров в соответствии с целями и задачами правоохранительной деятельности государства в условиях демократизации российского общества.

Основной целью кадровой политики в уголовно-исполнительной системе являются формирование и развитие стабильного, оптимально сбалансированного профессионального корпуса сотрудников, наиболее полно соответствующего современным и прогнозируемым социально-политическим, экономическим, криминогенным и другим условиям.

Основными задачами кадровой политики являются:

– повышение управляемости органами и учреждениями, исполняющими уголовные наказания, за счет совершенствования научно-аналитического, материально-технического и информационного обеспечения работы с кадрами, внедрения перспективных автоматизированных систем в практику работы кадровых аппаратов;

– создание действенной системы информационного обмена между кадровыми и воспитательными аппаратами и представителями подразделений служб безопасности иных правоохранительных структур;

– развитие нормативной правовой базы кадровой работы в уголовно-исполнительной системе и ее постоянное совершенствование с учетом изменения обстановки;

– создание эффективного механизма ротации, повышения квалификации, переподготовки и повышения квалификации кадрового состава;

– формирование у сотрудников высокой психологической устойчивости к воздействию разного рода стрессовых факторов, укрепление духовно-нравственных основ службы.

Выводы

Теоретико-методологическую основу модернизации кадрового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы должна составлять соответствующая теоретическая доктрина государственной службы и кадрового обеспечения правоохранительной деятельности в целом и уголовно-исполнительной системы в частности, основанная на парадигме интегративного правопонимания и научных представлениях о развитии конституционной демократии и административного конституционализма в современной России.

Важным направлением повышения эффективности деятельности следует считать и модернизацию административного законодательства о государственной службе в органах и учреждениях, исполняющих уголовные наказания. Целью законотворческой работы в этой сфере должно стать углубление и фактическое воплощение в законодательстве о государственной службе в уголовно-исполнительной системе, а затем и в непосредственной практической деятельности базовых конституционных принципов федерализма, законности, приоритета прав и свобод человека, ряда иных институциональных принципов, известных отечественному и зарубежному публичному праву в части единства основ государственной службы, открытости государственной службы, стабильности службы, доступности информации о службе, взаимодействия с общественными объединениями и гражданами, защищенности служащих, а также организационно-правовых принципов публичности, приоритета профессионализма и личной выслуги, престижа и особого социального положения сотрудников, достойного государственного денежного вознаграждения, соответствия чинов и званий профессиональной служебной деятельности различных видов.

Кадровое обеспечение деятельности является важнейшей подсистемой государственного управления в сфере исполнения уголовных наказаний. Деятельность государства обусловлена множеством политических, социальных, экономических, правовых и организационных факторов, которые оказывают разнонаправленное воздействие на состояние пенитенциарной системы. В этой связи стабилизация ситуации в уголовно-исполнительной системе, выявление наиболее важных стратегиче-

ских направлений повышения эффективности пенитенциарной деятельности, с одной стороны, и нейтрализация негативных факторов влияния на уголовно-исполнительной систему – с другой, возможны только на основе проведения грамотной системной кадровой политики, подразумевающей использование соответствующих форм и методов работы с кадрами, их обучение и воспитание, социальную защиту. Наиболее актуальные направления кадровой политики должны быть закреплены в Концепции кадровой политики в уголовно-исполнительной системе на период до 2030 г., утвержденной на уровне ФСИН России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В формате круглого стола в академии обсудили перспективы совершенствования работы с кадрами УИС // Академия ФСИН России : сайт. – URL: https://apu.fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=484858 (дата обращения: 25.10.2021).
2. Генеральная Прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики : официальный сайт. – URL: http://crimestat.ru/ (дата обращения: 21.10.2021).
3. Гербер, Р. Кадры в системе социалистического управления / Р. Гербер, Г. Юнг ; под редакцией М. В. Сенина. – Москва : Прогресс, 1970. – 207 с.
4. Гирько, С. И. Пенитенциарная преступность: современное состояние и тенденции / С. И. Гирько, А. А. Долгополов // Научный портал МВД России. – 2021. – № 1 (53). – С. 18–24.
5. Глава ФСИН пожаловался на недостаток сотрудников и высокие нагрузки // РИА Новости : официальный сайт. – URL: https://turbo.ria.ru/20210312/fsin-1600960376.html (дата обращения: 04.11.2021).
6. Житков, А. А. Развитие уголовного законодательства в сфере противодействия коррупции / А. А. Житков // Актуальные вопросы назначения и исполнения уголовных наказаний : сборник научных трудов / под общей редакцией В. Н. Некрасова. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2017. – С. 72–77. – ISBN 978-5-94991-413-7.
7. Зорькин, В. Под знаком Основного Закона / В. Зорькин // Российская газета. – 2021. – № 247 (8598). – С. 1, 9. – URL: https://cdnimg.rg.ru/pril/fascicle/4/39/93/43993-1635363078.pdf (дата обращения: 29.10.2021).
8. Клементьев, А. А. О категории «неправо» в парадигме интегративного правопонимания / А. А. Клементьев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – Том 19, № 3. – С. 81–85.
9. Мельникова, Н. А. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в уголовно-исполнительной системе / Н. А. Мельникова // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции (Воронеж, 26 мая 2016 года). – Воронеж : Научная книга, 2016. – С. 346–349. – ISBN 978-5-4446-0889-0.
10. Мельникова, Н. А. Соотношение норм административного и уголовно-исполнительного права в регулировании деятельности органов и учреждений ФСИН России / Н. А. Мельникова // Российский следователь. – 2007. – № 18. – С. 27–29.
11. Москалькова заявила о противоречиях в законах о правах сотрудников ОВД // РИА Новости : официальный сайт. – URL: https://ria.ru/20190626/1555929023.html (дата обращения: 06.11.2021).
12. Нагорных, Р. В. Административно-правовое регулирование государственной службы Российской Федерации в правоохранительной сфере : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Нагорных Роман Вадимович. – Москва, 2017. – 22 с.
13. Нагорных, Р. В. Государственная служба Российской Федерации в правоохранительной сфере: проблемы теории и практики административно-правового регулирования / Р. В. Нагорных. – Москва : ИНФРА-М, 2018. – 190 с. – ISBN 978-5-16-014080-3.
14. Нечипас, Ю. В. Принцип конституционной законности и его реализация / Ю. В. Нечипас, И. А. Побережная // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 3 (39). – С. 9–12.
15. Оболонский, А. В. Человек и государственное управление / А. В. Оболонский ; ответственный редактор М. И. Пискотин. – Москва : Наука, 1987. – 254 с.
16. Оботурова, Н. С. Проблема прав человека в контексте идей гуманизма и трансгуманизма / Н. С. Оботурова // Пенитенциарная наука. – 2020. – Том 14, № 2. – С. 155–161.
17. Против сотрудников ФСИН возбудили почти 100 уголовных дел в 2020 году // РИА Новости : официальный сайт. – URL: https://ria.ru/20201128/fsin-1586762321.html (дата обращения: 21.10.2021).
18. Современный российский конституционализм: проблемы становления и перспективы развития : монография / [Алебастрова И. А. и др.] ; ответственные редакторы В. В. Комарова, Г. Д. Садовникова. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2018. – 448 с. – ISBN 978-5-91768-763-6. – URL: https://znanium.com/catalog/product/949363 (дата обращения: 03.11.2021).
19. Степаненко, Ю. В. Правоохранительная деятельность: эволюция теоретических взглядов / Ю. В. Степаненко // Административное право и процесс. – 2013. – № 1. – С. 2–11.
20. Сущность, формы и методы реализации исполнительной власти : учебное пособие для магистратуры по направлению подготовки «Юрист в сфере государственного управления» / Я. В. Васильева, С. В. Ведяшкин, А. М. Кононов [и др.]. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2019. – 163 с. – ISBN 978-5-94991-490-8.
21. Klenk, T. Post-New Public Management: reform ideas and their application in the field of social services / Tanja Klenk, Renate Reiter // International Review of Administrative Sciences. – 2019. – Volume 85, no. 1. – Pp. 3–10. – URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/ 0020852318810883 (дата обращения: 08.11.2021).
22. Lee, S. Our Administered Constitution: Administrative Constitutionalism from the Founding to the Present / Sophia Z. Lee // University of Pennsylvania Law Review. – 2019. – Volume 167. – Pp. 1699–1747. – URL: https://scholarship.law.upenn.edu/faculty_scholarship/2084 (дата обращения: 03.11.2021).
23. Lewans, M. Administrative Constitutionalism and the Unity of Public Law / Matthew Lewans // Osgoode Hall Law Journal. – 2018. – Volume 55, Issue 2. – Pp. 515–556. – URL: https://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/ohlj/vol55/iss2/5 (дата обращения: 08.11.2021).

24. Mazouz, B. Strategic management in public administrations: a results-based approach to strategic public management / Bachir Mazouz, Anne Rousseau, with the collaboration of Pierre-Andr Hudon // International Review of Administrative Sciences. – 2016. – Volume 82, no. 4. – Pp. 621–832.
25. Metzger, G. Administrative Constitutionalism / Gillian E. Metzger // Texas Law Review. – 2013. – Volume 91. – Pp. 1897–1935. – URL: https://scholarship.law.columbia.edu/faculty_scholarship/817 (дата обращения: 03.11.2021).

REFERENCES

1. In the format of a round table the Academy discussed prospects for improving work with personnel of the penal enforcement system. *Akademiya FSIN Rossii: sait* [Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia: website]. Available at: https://apu.fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=484858 (accessed October 25, 2021). (In Russ.).
2. *General'naya Prokuratura Rossiiskoi Federatsii. Portal pravovoi statistiki: ofitsial'nyi sait* [The Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Portal of legal statistics: official website]. Available at: http://crimestat.ru / (accessed October 25, 2021).
3. Gerber R., Young G. *Kadry v sisteme sotsialisticheskogo upravleniya* [Staffing in the socialist management system]. Edited by Senin M.V. Translated by Khorokhordin V.A. Moscow: Progress, 1970. 207 p.
4. Gir'ko S.I., Dolgopolov A.A. Penitentsiarnaya prestupnost': sovremennoe sostoyanie i tendentsii [Penitentiary crime: current state and trends]. *Nauchnyi portal MVD Rossii=Scientific Portal of the Russia Ministry of the Interior,* 2021, no. 1(53), pp. 18–24. (In Russ.).
5. Head of the FSIN complained about the lack of employees and high loads. *RIA Novosti: ofitsial'nyi sait* [RIA Novosti: official website]. Available at: https://turbo.ria.ru/20210312/fsin-1600960376.html (accessed November 4, 2021).
6. Zhitkov A.A. Development of criminal legislation in the field of anti-corruption. In: *Aktual'nye voprosy naznacheniya i ispolneniya ugolovnykh nakazanii: Sbornik nauchnykh trudov* [Topical issues of the appointment and execution of criminal penalties: collection of scientific papers]. Ed. by V.N. Nekrasov. Vologda: Vologodskii institut prava i ekonomiki Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii, 2017. Pp. 72–77. (In Russ.).
7. Zor'kin V.D. The Constitutional Court at the turn of the fourth decade. *Rossiiskaya gazeta=Russian Newspaper,* 2021, no. 247(8598), pp. 1–9. Available at: https://cdnimg.rg.ru/pril/fascicle/4/39/93/43993-1635363078.pdf (accessed October 29, 2021).
8. Klement'ev, A.A. On the category "non-law" in the paradigm of integrative law comprehension. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo=Bulletin of South Ural State University. Ser. Law,* 2019, vol. 19, no. 3, pp. 81–85. (In Russ.).
9. Mel'nikova N.A. Administrative and legal means of preventing and suppressing corruption in the penal system. In: *Aktual'nye problemy deyatel'nosti podrazdelenii UIS: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Voronezh, 26 maya 2016 goda* [Actual problems of the activities of the PES units: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference, Voronezh, May 26, 2016]. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr "Nauchnaya kniga", 2016. Pp. 346–349. (In Russ.).
10. Mel'nikova N.A. Ratio of the norms of administrative and penal enforcement law in the regulation of the activities of bodies and institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Rossiiskii sledovatel'=Russian Investigator,* 2007, no. 18, pp. 27–29. (In Russ.).
11. Moskalkova stated contradictions in the laws on the rights of police officers. *RIA Novosti: ofitsial'nyi sait [RIA Novosti: official website].* Available at: https://ria.ru/20190626/1555929023.html (accessed November 6, 2021).
12. Nagornykh R.V. *Administrativno-pravovoe regulirovanie gosudarstvennoi sluzhby Rossiiskoi Federatsii v pravookhranitel'noi sfere: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Administrative and legal regulation of public service of the Russian Federation in the law enforcement sphere: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2017. 22 p.
13. Nagornykh R.V. *Gosudarstvennaya sluzhba Rossiiskoi Federatsii v pravookhranitel'noi sfere: problemy teorii i praktiki administrativno-pravovogo regulirovaniya: monografiya [*Public service of the Russian Federation in the law enforcement sphere: problems of theory and practice of administrative and legal regulation: monograph]. Moscow: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Nauchno-izdatel'skii tsentr INFRA-M", 2018. 190 p.
14. Nechipas Yu.V., Poberezhnaya I.A. Principle of constitutional legality and its implementation. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii=Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia'*, 2016, no. 3(39), pp. 9–12. (In Russ.).
15 15. Obolonskii A.V. *Chelovek i gosudarstvennoe upravlenie* [Man and public administration]. Ed. by Piskotin M.I. Moscow: Nauka, 1987. 254 p.
16. Oboturova N.S. The problem of human rights in the context of the ideas of humanism and transhumanism. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science,* 2020, vol. 14, no. 2, pp. 155–161. (In Russ.).
17. Almost 100 criminal cases were initiated against FSIN employees in 2020. *RIA Novosti: ofitsial'nyi sait [RIA Novosti: official website].* Available at: https://ria.ru/20201128/fsin-1586762321.html (accessed October 21, 2021). (In Russ.).
18. Alebastrova I.A., et al. *Sovremennyi rossiiskii konstitutsionalizm: problemy stanovleniya i perspektivy razvitiya: monografiya* [Modern Russian constitutionalism: problems of formation and prospects of development: monograph]. Ed. by Komarova V.V., Sadovnikova G.D. Moscow: Norma : INFRA-M, 2018. 448 p. Available at: https://znanium.com/catalog/product/949363 (accessed 3, 2021).
19. Stepanenko Yu.V. Law enforcement: the evolution of theoretical views. *Aktual'nye problemy administrativnogo prava i protsessa=Actual problems of administrative law and process,* 2013, no. 1, p. 8. (In Russ.).
20. Vasil'eva Ya.V., Vedyashkin S.V., Kononov A.M., et al. *Sushchnost', formy i metody realizatsii ispolnitel'noi vlasti : uchebnoe posobie dlya magistratury po napravleniyu podgotovki "Yurist v sfere gosudarstvennogo upravleniya"* [Essence, forms and methods of implementing executive power: textbook for a master's degree in the field of training "Lawyer in the field of public administration"]. Vologda: Vologodskii institut prava i ekonomiki Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii, 2019. 163 p.
21. Klenk T., Reiter R. Post-new public management: reform ideas and their application in the field of social services. *International Review of Administrative Sciences,* 2019, vol. 85, no. 1, pp. 3–10. Available at: https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0020852318810883 (accessed November 8, 2021).

22. Lee S.Z., Our administered constitution: administrative constitutionalism from the founding to the present. *Faculty Scholarship at Penn Law,* 2019. Available at: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3086&context=faculty_scholarship (accessed November 3, 2021)
23. Lewans M. Administrative constitutionalism and the unity of public law. *Osgoode Hall Law Journal,* 2018, no. 55.2, pp. 515–556. Available at: https://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/cgi/viewcontent.cgi?article=3292&context=ohlj (accessed November 8, 2021)
24. Mazouz B., Rousseau A., Hudon P.A. Strategic management in public administrations: a results-based approach to strategic public management. *International Review of Administrative Sciences,* vol. 82, no. 4, pp. 621–832. Available at: https://www.cairn-int.info/journal-management-2020-2-page-42.htm (accessed November 8, 2021)
25. Metzger G.E., Administrative Constitutionalism. *Texas Law Review,* 2013, vol. 91, pp. 1897–1935. Available at: https://scholarship.law.columbia.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1744&context=faculty_scholarship (accessed November 3, 2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

РОМАН ВАДИМОВИЧ НАГОРНЫХ – доктор юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4765-8550, e-mail: nagornikh-vipe@mail.ru

ЯНА ВАЛЕРЬЕВНА ВАСИЛЬЕВА – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9434-7563, e-mail: yana.vasileva@list.ru

НАТАЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА МЕЛЬНИКОВА – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3697-4769, e-mail: melnatale@mail.ru

ROMAN V. NAGORNYKH – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Administrative Law of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4765-8550, e-mail: nagornikh-vipe@mail.ru

YANA V. VASIL'EVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the North-Western Institute (branch) of the Moscow State Law Academy named after Kutafin O.E., Vologda, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9434-7563, e-mail: yana.vasileva@list.ru

NATALIYA A. MEL'NIKOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3697-4769, e-mail: melnatale@mail.ru

Статья поступила 10.11.2021

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-802-812
УДК 159.99:343.85

Опыт разработки и апробации базовой программы для психологической и воспитательной работы с лицами, осужденными за террористические и экстремистские преступления

С. Х. ШАМСУНОВ
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1194-6905, e-mail: shamsunov46@mail.ru

П. Н. КАЗБЕРОВ
Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2233-0230, e-mail: opodnii@yandex.ru

Реферат

Введение: стабильное увеличение количества подозреваемых, обвиняемых и осужденных за терроризм и экстремизм, а также случаи их участия в различных чрезвычайных происшествиях обусловливают использование личностного, адресного подхода в коррекционной психологической и воспитательной работе с ними. На необходимость индивидуального подхода указывают и нормативные правовые документы, в частности приказ ФСИН России от 24.11.2017 № 1111 «Об организации мероприятий по противодействию терроризму, экстремистской деятельности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы». *Цель:* определение эффективности апробации базовой программы психологической коррекции личности для лиц, осужденных за преступления террористической и экстремистской направленности. *Методы:* методы психодиагностики, такие как тест Ф. Зимбардо – ZTPI «Временная перспектива осужденных», многомерный опросник исследования самоотношения, психодиагностическая методика «Смысложизненные ориентации»; метод апробации разработанной программы; метод выявления статистических различий – t-критерий Стьюдента; метод сравнительного анализа результатов психодиагностики, полученных по итогам апробации. *Результаты:* проверка данных на достоверность статистических различий с помощью t-критерия Стьюдента определила отсутствие значимых изменений в показателях осужденных контрольной группы. В показателях осужденных экспериментальной группы наблюдаются значимые изменения по методикам Ф. Зимбардо – ZTPI «Временная перспектива осужденных», многомерный опросник исследования самоотношения и психодиагностическая методика «Смысложизненные ориентации». Сравнительный анализ результатов психодиагностики осужденных экспериментальной группы до и после апробации базовой программы, проверенных на достоверность статистических различий с помощью t-критерия Стьюдента, определил наличие позитивных личностных изменений в поведенческой, когнитивной и аффективной сферах личности осужденных экспериментальной группы. *Выводы:* анализ результатов апробации базовой программы подтвердил достаточную степень ее эффективности и возможность внедрения. Базовая программа, ее содержание во многом определили структуру и наполнение раздела дополнительной профессиональной программы –

программы повышения квалификации для сотрудников психологической службы, осуществляющих сопровождение лиц, осужденных за террористические и экстремистские преступления.

Ключевые слова: адресный подход; воспитательная работа; психологическая работа; базовая программа; коррекционная работа; осужденные; экстремизм; терроризм; иррациональные установки.

19.00.06 – Юридическая психология.

Для цитирования: Шамсунов С. Х., Казберов П. Н. Опыт разработки и апробации базовой программы для психологической и воспитательной работы с лицами, осужденными за террористические и экстремистские преступления, *Пенитенциарная наука*, 2021, т. 15, № 4 (56), с. 802–812. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-802-812.

Experience in Developing and Testing a Model Program for Psychological and Educational Work with Persons Convicted of Terrorist and Extremist Crimes

SALIKH KH. SHAMSUNOV
Academy of the FAS of Russia, Ryazan, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1194-6905, e-mail: shamsunov46@mail.ru

PAVEL N. KAZBEROV
Russian State Social University, Moscow, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1194-6905, e-mail: shamsunov46@mail.ru

Abstract

Introduction: the steady increase in the number of the suspected, accused and convicted of terrorism and extremism, as well as cases of their participation in various emergencies, necessitates a personal, targeted approach to correctional psychological and educational work with them. The need for an individual approach, including in psychological and educational work with those convicted of terrorism and extremism, is also indicated by regulatory legal documents, in particular the Order of the Federal Penitentiary Service of Russia No. 1111 dated November 24, 2017 “On the organization of events on countering terrorism, extremist activity in penal enforcement institutions and bodies”. *Study purpose:* determination of the effectiveness of the tested model program for psychological correction of personality of persons convicted of terrorism and extremism-related crimes. Research methods: psychodiagnostics methods: the Zimbardo Time Perspective Inventory (ZTPI) “Time perspective of convicts”, multidimensional self-attitude research questionnaire, a psychodiagnostic method “Life-purpose orientations”; a method for testing the program developed; a method for identifying statistical differences – the Student’s t-test; a method for comparative analysis of the psychodiagnostics results obtained following the testing results. *Results:* validation of the reliability of statistical differences with the help of the Student’s t-test determined the absence of significant changes in the indicators of convicts in the control group. Meaningful changes were observed in the indicators of convicts of the experimental group with the help of the following methods: ZTPI “Time perspective of convicts”, a multidimensional self-attitude research questionnaire and a psychodiagnostic method “Life-purpose orientations”. A comparative analysis of the results of psychodiagnostics of convicts in the experimental group before and after testing of the basic program proved the reliability of statistical differences with the help of the Student’s t-test determined the presence of positive personality changes in the behavioral, cognitive and affective spheres of the personality of convicts in the experimental group. *Conclusions:* assessment of the model program testing results revealed a sufficient degree of its effectiveness and the possibility of its implementation. The model program largely determined the content and structure of the section of the additional professional

program – a professional development program for psychological service employees who accompany persons convicted of terrorist and extremist crimes.

Keywords: targeted approach; educational work; psychological work; model program; correctional work; convicts; extremism; terrorism; irrational attitudes.

19.00.06 – Legal psychology.

For citation: Shamsunov S.Kh., Kazberov P.N. Experience in developing and testing a model program for psychological and educational work with persons convicted of terrorist and extremist crimes, *Penitentiary Science,* 2021, vol. 15, no. 4 (56), pp. 802–812. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-802-812.

Введение

Необходимость противодействия террористической и экстремистской идеологии в обществе в целом и пенитенциарной системе в частности посредством разработки методических продуктов, посвященных коррекционному воздействию на лиц, отбывающих наказание за террористические и экстремистские преступления, не вызывает сомнений [8, с. 3; 17; 18; 20; 21]. Нормативные правовые акты, регламентирующие содержание психологической работы с осужденными различных категорий, обусловливают важность разработки методических материалов, способствующих реализации эффективной психокоррекционной работы с осужденными за террористические и экстремистские преступления. К числу таких нормативных правовых документов относятся: Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 гг. [5], Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. [6], приказ ФСИН России от 24.11.2017 № 1111 «Об организации мероприятий по противодействию терроризму, экстремистской деятельности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы», План мероприятий по повышению эффективности работы психологических служб уголовно-исполнительной системы на период 2018–2020 гг. Реализация именно базовой программы в 2019 г. была предусмотрена п. 4.6 Плана мероприятий по повышению эффективности работы психологических служб уголовно-исполнительной системы на период 2018–2020 гг.

Целью исследования явилась апробация базовой программы. При этом решались следующие задачи: разработка базовой программы на основании уже установленных психологических и педагогических техник и методик; апробация базовой программы в различных территориальных органах ФСИН России, подбор соответствующего инструментария; интерпретация и анализ полученных результатов.

Гипотезой исследования выступило предположение об эффективности психологических и педагогических техник и методик, содержащихся в базовой программе, способствующих исправительному воздействию на осужденных исследуемой категории.

Методы исследования

Методами исследования выступили методы психодиагностики: тест Ф. Зимбардо – ZTPI «Временная перспектива осужденных» (ВПО), многомерный опросник исследования самоотношения (МИС), психодиагностическая методика «Смысложизненные ориентации (СЖО)»; метод апробации разработанной программы; метод выявления статистических различий – t-критерий Стьюдента; метод сравнительного анализа результатов психодиагностики, полученных по итогам апробации.

Существенное влияние на формирование содержания базовой программы оказал тезис Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. об оказании адресной психологической помощи всем осужденным в соответствии с их общими характеристиками. Работа по определению общих характеристик осужденных за террористические и экстремистские преступления, а также наиболее распространенных среди них (типовых) социально-психологических характеристик осуществлялась нами с 2013 по 2018 г. в рамках ряда тем научно-исследовательской работы НИИ ФСИН России.

Материал по общим характеристикам лиц, осужденных за экстремистские и террористические преступления, а также по наиболее распространенным среди них (типовым) социально-психологическим характеристикам представлен в ряде наших

публикаций [3; 4] и аналитическом обзоре с предложениями «Теоретические и практические возможности разработки базовой программы» (исх-15-95516 от 21.12.2018), направленном еще до разработки базовой программы в территориальные органы ФСИН России с целью практического использования в деятельности психологов уголовно-исполнительной системы.

Необходимо отметить, что, как и в случае с базовыми типовыми программами, выполненными в 2012 г., базовая программа определяется таковой, так как ее структура и содержание многих психологических мероприятий представляют основу для психокоррекционной работы с осужденными рассматриваемой категории.

Обсуждение

Отметим, что базовые типовые программы 2012 г. не могли в достаточной степени реализовать положение Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. о необходимости оказания адресной психологической помощи всем осужденным в соответствии с их общими характеристиками. Каждая из программ посвящена нормам права (статьям) нескольких глав УК РФ, а значит, изначально была лишена адресности [11, с. 201]. В частности, базовая типовая программа 2012 г. по организации индивидуальной воспитательной, социальной и психологической работы с осужденными за преступления против государственной власти, военной службы, мира и безопасности человечества подразумевала проведение такой работы только с лицами, совершившими преступления по нормам, указанным в гл. 30–34 УК РФ. В эти главы входят статьи с 285 по 361, значительная часть которых не посвящена преступлениям экстремистского и террористического характера. Соответственно, большая часть норм УК РФ, посвященных террористическим и экстремистским преступлениям, как и работа с осужденными, их совершившими, просто не рассматриваются в данной программе.

В отличие от базовой типовой программы по психологической работе с осужденными, разработанной МОПР УФСИН России по Архангельской области в 2017 г., используемой пенитенциарными психологами ФСИН России с 2017 г., базовая программа не обязывает психологов разрабатывать индивидуальные проекты работы с осужденными на базе типирования (ИПР). Под базовой типовой программой в таких проектах понимается совокупность мероприятий, организуемых и выполняемых психологами учреждений, определенных на базе изучения личностных особенностей осужденных, характера совершенных ими преступлений, применяемых для исправительного воздействия на осужденных и профилактики совершения ими новых преступлений. Кроме этого, психологам необходимо самим определить мишени воздействия на осужденного.

Содержание базовой программы настолько конструктивно было воспринято сообществом пенитенциарных психологов-исследователей, что некоторые из них начали без ссылок использовать текст базовой программы в публикациях, выдавая за свой. Составить представление о содержании, структуре и методических аспектах базовой программы сейчас возможно, изучив работы таких ученых. Разработчику в этой ситуации кажется даже неудобным раскрывать различные затрагиваемые в ней аспекты, к примеру вопросы иррациональных (деструктивных) когнитивных установок, убеждений и ценностных ориентаций осужденных.

Дадим краткую характеристику содержания и структуры базовой программы. По своей сути она является системой мероприятий, выполняемых пенитенциарными психологами, разработанной на основе углубленного изучения личности осужденных рассматриваемых категорий, характера совершенных ими преступлений [10] и применяемой в целях их исправления и предупреждения новых правонарушений.

Структурно базовая программа состоит из блоков, посвященных психологической проработке когнитивного, аффективного и поведенческого уровней (сфер) личности осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности. Учет специфики общих характеристик осужденных рассматриваемой категории обусловил необходимость акцента в психокоррекционной работе с ними на механизмах когнитивно-поведенческого подхода.

Отличительной чертой базовой программы является то, что в ее содержании предлагается готовый методический материал для практического использования, уже апробированный в рамках реализации Типовой модели проведения эксперимента по организации надзора в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы в течение 2017–2018 гг., а также в ходе

практического использования в территориальных органах с 2014 г. Психокоррекционной программы работы с осужденными, отбывающими наказание за террористическую и экстремистскую деятельность.

В апробации базовой программы, проводившейся с февраля по июнь 2019 г., приняли участие 690 осужденных из 122 исправительных колоний 30 территориальных органов ФСИН России, входящих в пять федеральных округов Российской Федерации. Осужденные были поделены на две группы: экспериментальная (326 чел.), в работе с которой использовалась базовая программа, и контрольная (364 чел.), в работе с которой базовая программа не применялась.

Наиболее значимые положительные результаты апробации базовой программы в сравнении с показателями аналогичного периода прошлого года (АППГ) зафиксированы в поведенческой сфере личности осужденных. Так, по результатам изучения показателей дисциплинарной практики (табл. 1) установлено, что:

– у осужденных экспериментальной группы значительно сократилось количество взысканий: с 501 в 2018 г. до 395 в 2019 г. (на 21,2 %);

– количество взысканий у осужденных контрольной группы, напротив, увеличилось с 539 в 2018 г. до 677 в 2019 г. (на 20,4 %);

– количество поощрений незначительно увеличилось у осужденных как экспериментальной (с 22 в 2018 г. до 30 в 2019 г.), так и контрольной группы (с 22 в 2018 г. до 26 в 2019 г.).

Таблица 1

Показатели дисциплинарной практики осужденных, участвовавших в процессе апробации базовой программы

МОПР (межрегиональные отделы психологической работы территориальных органов ФСИН России)	**Взыскания**				**Поощрения**			
	экспериментальная группа		контрольная группа		экспериментальная группа		контрольная группа	
	2018 г.	2019 г.	2018 г.	2019 г.	2018 г.	2019 г.	2018 г.	2019 г.
МОПР Приволжского федерального округа	347	210	372	494	9	10	9	14
МОПР Уральского федерального округа	61	78	57	66	4	8	5	9
МОПР Южного федерального округа	11	16	23	24	2	2	0	0
МОПР Дальневосточного федерального округа	17	35	27	24	0	0	0	0
МОПР Сибирского федерального округа	65	56	63	69	7	10	8	3
Итого по всем МОПР	501	395	539	677	22	30	22	26

Таковы результаты дисциплинарной практики осужденных во время апробации в сравнении с АППГ, когда апробация базовой программы не осуществлялась.

Сравнительный анализ результатов психодиагностики осужденных экспериментальной и контрольной групп до и после апробации базовой программы определил следующие выводы:

1. Проверка данных на достоверность статистических различий с помощью t-критерия Стьюдента выявила отсутствие значимых изменений в показателях осужденных контрольной группы. Следовательно, значимых личностных изменений у них не произошло.

2. В показателях осужденных экспериментальной группы наблюдаются значимые изменения по следующим методикам: Ф. Зимбардо – ZTPI «Временная перспектива осужденных» (ВПО), многомерный опросник исследования самоотношения (МИС) и психодиагностическая методика «Смысложизненные ориентации (СЖО)».

2.1. По методике Ф. Зимбардо – ZTPI «Временная перспектива осужденных» (ВПО) наблюдаются такого рода изменения (табл. 2):

– увеличение усредненного показателя шкалы «Временная перспектива гедонистического настоящего» (ГН) с 44,7 до 45,4 балла, что свидетельствует об усилении ориентации осужденных на гедонистическое настоящее, то есть ситуация, в которой они прибывают, перестает быть такой трудно переносимой [22; 23], они начинают проявлять интерес к чему-то новому, пытаются избежать травматичных переживаний и событий, испытывают прилив душевных сил, энергии, подъем, ощущение полноценной жизни возвращается к ним;

– увеличение показателя шкалы «Временная перспектива будущего» (Б). Усредненный показатель шкалы увеличился с 44,8 до 46,2 балла, что связано с тенденцией отказа

осужденных от сиюминутных удовольствий ради большего вознаграждения в будущем, следованием принципу реальности при планировании своей жизни [1]. Наблюдается стремление к переосмыслению своей жизни, ее ценностей, исходя из жизненных реалий, заставляющих считаться с интересами окружающих людей, социальными нормами поведения, учитывать жизненные, просоциальные ценности других людей и социума;

– снижение показателя шкалы «Временная перспектива позитивного прошлого» (ПП) с 33 до 32,4 балла, в совокупности с показателем шкалы (Б) определяющее большую ориентацию осужденных на настоящее и будущее, чем на прошлое [2, с. 21]. Они уже меньше застревают в прошлом, ожидают от жизни чего-то позитивного, хорошего, прошлое как хранилище ошибок и травматичных воспоминаний уже не так тяготит их вследствие психологической проработки;

– снижение показателя шкалы «Временная перспектива трансцендентного будущего» (ТБ) с 38,3 до 37,1 балла, позволяющее констатировать ослабление фатальной веры осужденных в то, что все предрешено свыше и сам человек не в состоянии что-либо изменить. Укрепляется вера в собственные силы, в то, что сам человек определяет в значительной степени свое будущее, своими поступками уже сейчас закладывает его фундамент.

Таблица 2

Показатели психодиагностики осужденных, участвовавших в процессе апробации базовой программы по методике ВПО

Характеристики статистического анализа	**Шкалы психодиагностической методики ВПО**							
	ГН_до	ГН_посл	Б_до	Б_посл	ПП_до	ПП_посл	ТБ_до	ТБ_посл
Среднее	44,71	45,44	44,78	46,17	33,01	32,40	38,25	37,05
Дисперсия	47,34	54,91	37,30	40,69	24,60	32,24	42,57	54,51
Наблюдения	326	326	326	326	326	326	326	326
Объединенная дисперсия	51,02		39,1		28,1		48,53	
t-статистика	1,12		1,1		0,9		0,7	
P (T<=t) одностороннее	0,12		0,2		0,3		0,2	
t критическое одностороннее	-0,49		1,71		1,72		1,7	
P (T<=t) двустороннее	0,40		0,26		0,55		0,38	

2.2. По тесту «Смысложизненные ориентации (СЖО)» можно констатировать следующие изменения (табл. 3):

– увеличение усредненного показателя шкалы «Цели жизни (Ц)» с 32,5 до 33,6 балла характеризует усиление внутренней работы по формированию жизненных установок на будущее, формирующих процесс смыслообразования и временной перспективы, при этом человек перестает жить только сегодняшним либо вчерашним днем [12, с. 56; 13, с. 33];

– увеличение с 25,4 до 25,9 балла по шкале «Результат жизни (Р)» отражает усиление тенденции к анализу части прожитой жизни [7, с. 106]. Показатель ниже 25 баллов определяет крайнюю неудовлетворенность прожитым;

– увеличение с 26 до 27,4 балла показателя шкалы «Локус контроля (ЛК-Ж)» формирует убежденность осужденных в том, что они контролируют свою жизнь, принимают решения и воплощают их в жизнь [16; 19].

Таблица 3

Показатели психодиагностики осужденных, участвовавших в процессе апробации базовой программы по методике СЖО

Характеристики статистического анализа	**Шкалы психодиагностической методики СЖО**					
	Ц_до	Ц_посл	Р_до	Р_посл	ЛК-Ж_до	ЛК-Ж_посл
Среднее	32,5	33,6	25,4	25,9	26,0	27,4
Дисперсия	53,12	32,90	28,60	26,10	35,18	26,17
Наблюдения	326	326	326	326	326	326
Объединенная дисперсия	42,87		27,15		38,97	
t-статистика	0,90		0,61		1,21	
P (T<=t) одностороннее	0,31		0,33		0,22	
t критическое 1-стороннее	1,71		1,49		1,48	
P (T<=t) двустороннее	0,16		0,41		0,27	

2.3. По результатам применения многомерного опросника исследования самоотношения (МИС) получены следующие данные (табл. 4):

– увеличение показателя шкалы «самоценность (С_ц)» с 9,46 до 9,94 балла фиксирует рост самооценки, конструктивного самовосприятия, значимости себя как личности. Одновременно наблюдается снижение степени сомнений в индивидуальной значимости, безразличия к собственному Я, актуализация внимания к процессам, происходящим во внутреннем мире;

– рост значения с 6,82 до 7,51 балла по шкале «самопринятие» (С_пр) указывает на уменьшение выраженности внутриличностного конфликта, связанного с оценкой себя со стороны окружающей социальной среды, определяет проявление веры в себя и собственные силы, принятие со стороны окружающих.

Таблица 4

Показатели психодиагностики осужденных, участвовавших в процессе апробации базовой программы по методике МИС

Характеристики статистического анализа	**Шкалы психодиагностической методики МИС**			
	С_ц до	С_цпосл	С_прдо	С_прпосл
Среднее	9,51	9,79	6,54	7,83
Наблюдения	326	326	326	326
Дисперсия	7,68	7,22	5,89	4,11
Объединенная дисперсия	7,12		3,9	
t-статистика	0,91		1,5	
P (T<=t) одностороннее	0,20		0,09	
t критическое 1-стороннее	1,81		1,79	
P (T<=t) двухстороннее	1,20		0,16	

3. Сравнительный анализ результатов психодиагностики осужденных экспериментальной группы до и после апробации базовой программы, проверенных на достоверность статистических различий с помощью t-критерия Стьюдента, определил наличие позитивных личностных изменений в поведенческой, когнитивной и аффективной сферах личности осужденных экспериментальной группы.

3.1. На когнитивном уровне (сфере) личности: осужденные начинают проявлять интерес ко всему новому (информации, событиям, людям); отказываясь от сиюминутных удовольствий, стараются планировать свою жизнь, исходя из принципа реальности. Наблюдается тенденция к переосмыслению ценностей с учетом интересов окружающих людей, социальных норм поведения, ценностей других людей и социума. Активизируется работа по формированию смыслообразования, а также дается оценка пройденного отрезка жизни.

3.2. На аффективном уровне (сфере) личности: осужденные стремятся избегать травматичных переживаний и событий, испытывают прилив сил, энергии, подъем душевных сил; они уже меньше «застревают» в прошлом, ожидают от жизни чего-то позитивного, хорошего, прошлое как хранилище ошибок и травматичных воспоминаний уже не так их тяготит вследствие психологической проработки. Усиливается установка осужденных на то, что они способны осуществлять контроль за своей жизнью, определять цели и достигать их. Отмечается снижение выраженного внутриличностного конфликта в части одобрительного отношения к себе у осужденных.

3.3. На поведенческом уровне (сфере) личности: наблюдается значительное снижение числа деструктивных поступков. Так, анализ дисциплинарной практики обнаружил уменьшение на 21,2 % взысканий, примененных к осужденным. Осужденные начинают считаться с интересами окружающих людей, придерживаться социальных норм поведения. Происходит минимизация проявления внутриличностного конфликта, связанного с оценкой со стороны окружающей социальной среды.

Анализ результатов апробации базовой программы свидетельствует о достаточной степени ее эффективности и возможности внедрения в рамках психологической работы с осужденными, состоящими на профилактическом учете как лица, изучающие, пропагандирующие, исповедующие либо распространяющие экстремистскую идеологию, в соответствии с Инструкцией по профилакти-

ке правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, утвержденной приказом Минюста России от 20.05.2013 № 72. Отметим, что использование базовой программы позволяет обеспечить реализацию положения Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. об оказании адресной психологической помощи всем осужденным в соответствии с их общими характеристиками.

Наполнение базовой программы во многом определило содержание и структуру раздела дополнительной профессиональной программы – программы повышения квалификации по должностной категории «Сотрудники уголовно-исполнительной системы, в должностные обязанности которых входит профилактика и противодействие терроризму и экстремистской деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы, ресоциализация лиц, осужденных за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности», разработанной с целью методического обеспечения процесса повышения квалификации пенитенциарных психологов.

В течение 2019 г. повышение квалификации в Академии ФСИН России по указанной программе прошло двадцать психологов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, в 2020 г. в формате видеоконференц-связи – еще 40 психологов.

Разработка методического обеспечения психологической работы с осужденными за терроризм и экстремизм позволила приступить к формированию отчетности по этому направлению работы психологов ФСИН России в целом.

Так, в соответствии с п. 1.4.2 приказа ФСИН России от 24.11.2017 № 1111 «Об организации мероприятий по противодействию терроризму, экстремистской деятельности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы», а также п. 1.6 протокола Всероссийского совещания с начальниками психологических служб, межрегиональных отделов психологической работы территориальных органов ФСИН России, психологами подразделений по организации психологического сопровождения образовательных организаций ФСИН России была разработана форма отчета психологической службы территориального органа ФСИН России о результатах работы с лицами, осужденными за преступления террористической и экстремистской направленности.

В процессе разработке соблюдалось требование, согласно которому предоставление отчетной информации должно быть минимально затруднительным для психологов территориальных органов ФСИН России и максимально информативным для определения характеристик осужденных. Также форма отчетности должна без каких-либо сложностей интегрироваться с электронной формой отчетности «ПС-1» в автоматизированном рабочем месте пенитенциарного психолога, разработанной межрегиональным отделом психологической работы УФСИН России по Ярославской области. С целью решения этих вопросов форма отчетности была предварительно согласована со специалистами МОПР УФСИН России по Ярославской области.

Согласно данным территориальных органов ФСИН России, полученным по форме отчета, с 2019 г. психологами учреждений ФСИН России применяется базовая программа, разработанная в соответствии с п. 4.6 Плана мероприятий по повышению эффективности работы психологических служб уголовно-исполнительной системы на период 2018–2020 гг. Ежегодно данная работа осуществляется в отношении более двух тысяч осужденных за терроризм и экстремизм.

По итогам этой диагностики готовятся психологические портреты (характеристики) и рекомендации, а также краткие психологические справки.

Среди осужденных за террористические и экстремистские преступления выявляются лица:

– с лидерскими качествами и отрицательной направленностью;

– признаками психических отклонений;

– повышенной агрессивностью и возбудимостью.

С осужденными за террористические и экстремистские преступления проводятся индивидуальные психокоррекционные и профилактические мероприятия, психологические консультации.

Совместно с базовой программой психологами ФСИН России в практической работе с осужденными за террористические и экстремистские преступления используется учебно-методическое пособие «Религии и экстремизм. Способы и методы противодействия религиозному экстремиз-

му в местах лишения свободы» (НИИ ФСИН России) [9, с. 52; 14; 15], направленное в территориальные органы УВПР ФСИН России 27.06.2019 (№ исх-15-47420).

Выводы

Следует отметить, что разработке основного методического материала, регламентирующего реализацию психологической работы с осужденными за экстремистские и террористические преступления, предшествовала многолетняя научно-исследовательская работа по определению общих характеристик осужденных, а также выявлению наиболее распространенных среди них социально-психологических характеристик в рамках ряда тем.

Определение вышеуказанных характеристик способствовало реализации тезиса Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. о необходимости адресного подхода при психологической работе с осужденными в соответствии с их общими характеристиками в рамках базовой программы – основного методического документа, регламентирующего реализацию психологической работы с осужденными за терроризм и экстремизм.

Материалы базовой программы во многом определили содержание и структуру раздела дополнительной профессиональной программы повышения квалификации психологов ФСИН России по работе с осужденными за терроризм и экстремизм.

Осуществление методического обеспечения психологической работы с осужденными за терроризм и экстремизм способствовало разработке и внедрению формы отчетности по указанному направлению работы психологов ФСИН России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермасов, Е. В. Психологический стресс в условиях изоляции / Е. В. Ермасов // Развитие личности. – 2009. – № 2. – С. 84–99.
2. Зинченко, Ю. П. Мотивация террориста / Ю. П. Зинченко, К. Г. Сурнов, А. Ш. Тхостов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2007. – № 2. – С. 20–34.
3. Казберов, П. Н. Общая характеристика лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности / П. Н. Казберов, Б. Г. Бовин // Психология и право. – 2019. – Том 9, № 1. – С. 36–53.
4. Казберов, П. Н. Психологический профиль террориста / П. Н. Казберов, Б. Г. Бовин, А. А. Фасоля // Психология и право. – 2019. – Том 9, № 3. – С. 141–157.
5. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы (утвержден Президентом Российской Федерации 28.12.2018 № Пр-2665) // МЧС России : официальный сайт. – URL: https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2632 (дата обращения:18.01.2021).
6. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (утверждена распоряжением правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 1772-р) // Российская газета : сайт. – URL: https://rg.ru/2011/03/08/penitenciariya-site-dok.html (дата обращения:19.01.2021).
7. Мельникова, Д. В. Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых / Д. В. Мельникова, М. Г. Дебольский // Психология и право. – 2015. – Том 5, № 2. – С. 105–116.
8. Новикова, О. Н. Иностранные боевики-террористы: они возвращаются / О. Н. Новикова // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2018. – № 49. – С. 2–4.
9. Оганесян, С. С. Проблема распространения религиозного экстремизма в местах лишения свободы / С. С. Оганесян, Б. Г. Бовин, П. Н. Казберов, Д. Е. Дикопольцев // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2019. – № 3. – С. 51–59. – URL: http://or.fsin.su/vedomosti/detail.php?ELEMENT_ID=462214 (дата обращения: 01.02.2021).
10. Сочивко, О. И. Психологическое сопровождение осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности / О. И. Сочивко // Прикладная юридическая психология. – 2019. – № 3 (48). – С. 99–103.
11. Сундиев, И. Ю. Теория и практика информационного противодействия экстремистской и террористической деятельности / И. Ю. Сундиев, А. А. Смирнов, А. И. Кундетов, В. П. Федоров. – Вологда : Полиграф-книга, 2014. – 240 с. – ISBN 978-5-91967-164-0.
12. Тихонова, А. Д. Социальные медиа и молодежь: риск радикализации / А. Д. Тихонова // Психология и право. – 2018. – Том 8, № 4. – С. 55–64. – DOI: 10.17759/psylaw.2018080406.
13. Тихонова, А. Д. Радикализация в подростково-молодежной среде: в поисках объяснительной схемы / А. Д. Тихонова, Н. В. Дворянчиков, А. Эрнст-Винтила, И. Б. Бовина // Культурно-историческая психология. – 2017. – Том 13, № 3. – С. 32–40.
14. Borum, R. Radicalization into Violent Extremism I: A review of definitions and applications of social science theories / Randy Borum // Journal of Strategic Security. – 2012. – No. 4. – Pp. 7–36.
15. Gelfand, M. J. Culture and Extremism / M. J. Gelfand, G. LaFree, S. Fahey, E. Feinberg // Journal of Social Issues. – 2013. – Volume 69, no. 3. – Pp. 495–517.
16. Haslam, C. The new psychology of health / Catherine Haslam, Jolanda Jetten, Tegan Cruwys, Genevieve Dingle, S. Alexander Haslam. – London : Routledge, 2018. – 510 p. – ISBN 9781315648569.
17. Hogg, M. A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism / M. A. Hogg // Extremism and psychology of uncertainty / edited by M. A. Hogg, D. L. Blaylock. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2012. – Pp. 19–35. – ISBN 978-1444331288.
18. Hogg, M. A. Social identity theory / M. A. Hogg // Contemporary social psychological theories / edited by P. J. Burke. – Palo-Alto : Stanford University Press, 2006. – Pp. 111–136. – ISBN 978-0804753470.
19. Hogg, M. A. To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty / M. A. Hogg // Revista de Psicolog a Social. – 2015. – Volume 30. – Pp. 586–613.

20. Hogg, M. A. Uncertainty and the Roots of Extremism / M. A. Hogg, A. Kruglanski, K. Van den Bos // Journal of Social Issues. – 2013. – Volume 69, no. 3. – Pp. 407–418.
21. King, M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence / M. King, D. M. Taylor // Terrorism and Political Violence. – 2011. – № 4. – Pp. 602–622.
22. Knudsen, R. A. Measuring radicalisation: risk assessment conceptualisations and practice in England and Wales / R. A. Knudsen // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression. – 2020. – Volume 12. – Pp. 37–54.
23. Silke, A. Countering violent extremism in prisons: A review of key recent research and critical research gaps / A. Silke, T. Veldhuis // Perspectives on Terrorism. – 2017. – Volume 11 (5). – URL: http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/ article/view/640/html (дата обращения: 18.02.2021).

REFERENCES

1. Ermasov E.V. Psychological stress in isolation. *Razvitie lichnosti=Development of Personality,* 2009, no. 2, pp. 84–99. (In Russ.).
2. Zinchenko Yu.P., Surnov K.G., Tkhostov A.Sh. The motivation of a terrorist. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya=Moscow University Psychology Bulletin. Series 14. Psychology,* 2007, no. 2, pp. 20–34. (In Russ.).
3. Kazberov P.N., Bovin B.G. General characteristics of persons convicted of extremist and terrorist crimes. *Psikhologiya i pravo=Psychology and Law,* 2019, vol. 9, no. 1, pp. 36–53. DOI: 10.17759/psylaw.2019090103. (In Russ.).
4. Kazberov P.N., Bovin B.G., Fasolya A.A. Terrorist's psychological profile. *Psikhologiya i pravo=Psychology and Law,* 2019, vol. 9, no. 3, pp. 141–157. DOI: 10.17759/psylaw.2019090311. (In Russ.).
5. *Kompleksnyi plan protivodeistviya ideologii terrorizma v Rossiiskoi Federatsii na 2019–2023 gody* (utverzhden Prezidentom Rossiiskoi Federatsii 28.12.2018 № Pr-2665) [Comprehensive plan to counter terrorism ideology in the Russian Federation for 2019–2023 (approved by the President of the Russian Federation No. Pr-2665 of December 28, 2018]. Available at: https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2632 (accessed January 18, 2021).
6. *Kontseptsiya razvitiya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda, utverzhdena rasporyazheniem pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 14 oktyabrya 2010 goda № 1772-r* [Concept for the development of the Russian Federation penal enforcement system up to 2020, approved by the decree of the RF Government of the of the Russian Federation No. 1772-r of October 14, 2010]. Available at: https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2632 (accessed January 19, 2021).
7. Mel'nikova D.V., Debol'skii M.G. Concept for the development of the Russian Federation penal enforcement system up to 2020. *Psikhologiya i pravo=Psychology and Law,* 2015, vol. 5, no. 2, pp. 105–116. DOI: 10.17759/psylaw.2015100208. (In Russ.).
8. Novikova O.N. Foreign terrorist fighters: They are coming back. *Evropeiskaya bezopasnost': sobytiya, otsenki, prognozy=European Security: Events, Estimates, Forecasts,* 2018, no. 49, pp. 2–4. (In Russ.).
9. Oganesyan S.S., Bovin B.G., Kazberov P.N., et al. The issue of religious extremism spread in places of detention. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy=Sheets of the Penal Enforcement System,* 2019, no. 3, pp. 51–59. Available at: http://or.fsin.su/vedomosti/detail.php?ELEMENT_ID=462214 (accessed February 1, 2021). (In Russ.).
10. Sochivko O.I. Psychological support of persons convicted of extremism and terroristm-related crimes. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology,* 2019, vol. 48, no. 3, pp. 99–103. (In Russ.).
11. Sundiev I.Yu., Smirnov A.A., Kundetov A.I., et al. *Teoriya i praktika informatsionnogo protivodeistviya ekstremistskoi i terroristicheskoi deyatel'nosti* [Theory and practice of information counteraction to extremist and terrorist activities]. Vologda: Poligraf-kniga, 2014. 240 p.
12. Tikhonova A.D. Social media and youth: the risk of radicalization. *Psikhologiya i pravo=Psychology and Law,* 2018, vol. 8, no. 4, pp. 55–64. DOI: 10.17759/psylaw.2018080406. (In Russ.).
13. Tikhonova A.D., Dvoryanchikov N.V., Ernst-Vintila A. et al. Radicalisation of adolescents and youth: in search of explanations. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya=Cultural-Historical Psychology,* 2017, vol. 13, no. 3, pp. 32–40. DOI: 10.17759/chp.2017130305. (In Russ.).
14. Borum R. Radicalization into violent extremism: a review of definitions and applications of social science theories. *Journal of Strategic Security,* 2012, no. 4, pp. 7–36. DOI: http://dx.doi.org/10.5038/1944-0472.4.4.1.
15. Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., et al. Culture and extremism. *Journal of Social Issues,* 2013, vol. 69, no 3, pp. 495–517. DOI: https://doi.org/10.1111/josi.12026.
16. Haslam C., Jetten J., Cruwys T., et al. *The new psychology of health.* London: Routledge, 2018. 510 p. DOI: https://doi.org/10.4324/9781315648569.
17. Hogg M. A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. In: Hogg M.A., Blaylock D.L. (Eds.) *Extremism and psychology of uncertainty.* Oxford : Wiley-Blackwell, 2012. Pp. 19–35.
18. Hogg M. A. Social identity theory. In: Burke P. J. (Ed.) *Contemporary social psychological theories.* Palo-Alto : Stanford University Press, 2006. Pp. 111–136.
19. Hogg M. A. To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty. *Revista de Psicolog a Social,* 2015, vol. 30, pp. 586–613. DOI: 10.1080/02134748.2015.1065090.
20. Hogg M.A., Kruglanski A., Van den Bos K. Uncertainty and the roots of extremism. *Journal of Social Issues,* 2013, vol. 69, no. 3, pp. 407–418. DOI: https://doi.org/10.1111/josi.1202.
21. King M., Taylor D.M. The radicalization of homegrown jihadists: a review of theoretical models and social psychological evidence. *Terrorism and Political Violence,* 2011, no. 4, pp. 602–622. DOI: https://doi.org/ 10.1080/09546553.2011.587064.
22. Knudsen R.A. Measuring radicalisation: risk assessment conceptualisations and practice in England and Wales. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression,* 2020, vol. 12, pp. 37–54. DOI: 10.1080/19434472.2018.1509105.
23. Silke A., Veldhuis T. Countering violent extremism in prisons: a review of key recent research and critical research gaps. *Perspectives on Terrorism,* 2017, vol. 11, no. 5. Available at: http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/ article/view/640/html (accessed February 18, 2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

САЛИХ ХАБИБОВИЧ ШАМСУНОВ – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научного центра Академии ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1194-6905, e-mail: shamsunov46@mail.ru

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ КАЗБЕРОВ – кандидат психологических наук, старший преподаватель факультета психологии Российского государственного социального университета, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2233-0230, e-mail: opodnii@yandex.ru

SALIKH KH. SHAMSUNOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Leading Researcher of the Scientific Center of the Academy of the FAS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1194-6905, e-mail:shamsunov46@mail.ru

PAVEL N. KAZBEROV – Candidate of Sciences (Psychology), Senior Lecturer at the Psychology Department of the Russian State Social University, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2233-0230, e-mail: opodnii@yandex.ru

Статья поступила 10.04.2021

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-813-825
УДК 376.58

Кинопедагогика как средство активизации рефлексии у несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях

О. Б. ПАНОВА
Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6096-2581, e-mail: xenia-vipe@mail.ru

Реферат
Введение. Статья посвящена характеристике рефлексии как механизма позитивной переориентации личности воспитанника исправительного учреждения; аргументации возможности стимулирования этого процесса воспитательными средствами; обоснованию целесообразности использования кинопедагогики в качестве инструмента формирования рефлексивности у несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии. *Цель:* выявление динамики в развитии рефлексивности у несовершеннолетних осужденных под влиянием средств кинопедагогики. *Методы:* теоретический анализ проблемы исследования, теоретический анализ статистических данных и нормативных документов, опрос, эксперимент, методы математической статистики, интерпретационный метод. *Результаты:* в ходе анализа статистических данных, отражающих тенденции в уголовно-исполнительной политике в отношении несовершеннолетних осужденных, был сформулирован прогноз по поводу результативности воспитательной работы, стимулирующей развитие рефлексивности у подростков средствами кинопедагогики. В ходе теоретического описания специальной кинопрограммы были изложены основные идеи, педагогические условия и методические решения для ее реализации; в дальнейшем экспериментальном изучении в реальном педагогическом процессе они получили свое подтверждение. Основным критерием действенности предложенной кинопрограммы являлся уровень рефлексивности у несовершеннолетних осужденных; позитивная динамика в ее развитии была выявлена с помощью методики диагностики рефлексивности, разработанной А. В. Карповым. Информация, полученная в ходе данного исследования, может послужить основой для использования средств кинопедагогики при решении широкого спектра задач воспитательной работы с осужденными в местах лишения свободы.

Ключевые слова: воспитательная колония; несовершеннолетний осужденный; личность; педагогический процесс; воспитательная работа; воспитательное мероприятие; кинопедагогика; рефлексия; рефлексивность; самопознание; самооценка; самоопределение.

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Панова О. Б. Кинопедагогика как средство активизации рефлексии у несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях. *Пенитенциарная наука,* 2021, т. 15, № 4 (56), с. 813–825. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-813-825.

Film Pedagogy to Encourage Reflection of Juvenile Offenders Serving their Sentence in Juvenile Correctional Facilities

OKSANA B. PANOVA
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia (VIPE FSIN Russia), Vologda, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6096-2581, e-mail: xenia-vipe@mail.ru

Abstract
Introduction. The article is aimed at characterizing reflection as a mechanism for social rehabilitation of juvenile offenders serving their sentence in correctional institutions; justifying the possibility of boosting this process by educational means; proving the expediency of using film pedagogy as a tool for the formation of self-reflection in juvenile convicts in correctional facilities. The purpose of this study is to identify the dynamics in the development of reflection of juvenile convicts under the influence of film pedagogy. *Methods:* theoretical analysis of the research problem, theoretical analysis of statistical data and normative documents, survey, experiment, methods of mathematical statistics, and an interpretative method. *Results:* after analyzing the statistical data reflecting trends in the penal enforcement policy in relation to juvenile convicts, the author forecasted the effectiveness of awareness-raising work stimulating the development of reflexivity in adolescents by means of film pedagogy. During theoretical description of a special film program, key ideas, pedagogical conditions and methodological solutions for its implementation were outlined; in further experimental study during the real pedagogical process, they were confirmed. The critical indicator of the proposed film program effectiveness was the level of reflexivity in juvenile convicts; positive dynamics in its development was determined with the help of the reflexivity diagnostic method developed by A.V. Karpov. The information obtained in the course of this study can serve as a basis for using the means of film pedagogy in solving a wide range of educational work with convicts in places of deprivation of liberty.

Keywords: juvenile correction facility; juvenile offender; personality; pedagogical process; educational work; educational event; film pedagogy; reflection; reflexivity; self-knowledge; self-esteem; self-determination.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Panova O.B. Film pedagogy to encourage reflection of juvenile offenders serving their sentence in juvenile correctional facilities. *Penitentiary Science,* 2021, vol. 15, no. 4(56), pp. 813–825. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-813-825.

Введение

Детская преступность остается нерешенной социально значимой проблемой, несмотря на определенное снижение ее показателей в последние годы. В статистических отчетах МВД России отмечается, что в 2020 г. подростковая преступность составляла 3,9 %, что на 11,5 % ниже, чем в 2019 г. [15]. В официальных источниках ФСИН России зафиксировано значительное сокращение количества несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях за последние десять лет: на конец 2020 г. в 18 воспитательных колониях содержались 948 чел., то есть в 4,3 раза меньше, чем в 2010 г. (62 и 4053 соответственно). Большинство несовершеннолетних осужденных (934 чел. (98 %)) отбывают наказание, связанное с лишением свободы, впервые [18].

Анализ приведенной информации позволяет выявить тенденции, значимые с точки зрения организации исправительного процесса в воспитательных колониях. Во-первых, имеет место сокращение числа колоний и снижение уровня их наполняемости, что позволяет обеспечивать полноценную воспитательную работу с осужденными как с точки зрения материального снабжения, так и в аспекте достаточного временного и содержательного сопровождения воспитанников. Во-вторых, в структуре спецконтингента преоблада-

ют лица, не имеющие предшествующего пенитенциарного опыта, что, по нашему мнению, разделяемому рядом ученых, является основанием для прогнозирования возможности позитивной личностной переориентации подростков при выстраивании качественной, научно обоснованной воспитательной работы с ними [1, с. 27–29; 6, с. 6–8; 4, с. 32]. Представление о том, что каждая последующая судимость существенно снижает вероятность преодоления личностной деформации осужденного, подтверждается в исследованиях ведущих отечественных криминологов. Анализируя труды Ю. М. Антоняна, В. Г. Бовина, В. П. Голубева, А. Ф. Зелинского, Ю. Н. Кудрякова, В. Е. Эминова и др., Е. А. Антонян отмечает, что лицам, отбывающим неоднократно наказание в местах лишения свободы, в большей мере присуща «криминальная самодетерминация – интеграция человека в преступную среду, которая склоняет его к преступной деятельности, активно препятствует возвращению к честной жизни» [1, с. 29]. Перечисленные обстоятельства актуализируют важность повышения ответственности сотрудников исправительных учреждений за результаты воспитательной работы и оказания им необходимой научно-методической помощи.

Важным фактором успешности воспитательной работы с осужденными выступает актуализация психологических механизмов, с помощью которых педагогические влияния трансформируются в позитивные личностные качества воспитуемых. Одним из таких механизмов является рефлексия – психологический процесс изучения человеком самого себя в сопоставлении своих мыслей и поступков с социально-нормативными требованиями общества. Рефлексия – это не только познавательная, но в первую очередь эмоционально-оценочная деятельность, требующая от субъекта овладения определенными навыками самопознания, самооценки и самокритики.

Изучению феномена рефлексии посвящены труды многих ученых, в том числе А. В. Брушлинского, Ф. Е. Василюка, Е. Н. Емельянова, А. В. Карпова, Г. П. Щедровицкого и др. Особую актуальность для нашего исследования имеют научные труды А. В. Россохина, утверждающего, что рефлексия – это «активный субъектный процесс порождения смыслов, основанный на уникальной способности личности к осознанию бессознательного (рефлексия нерефлексивного) – внутренней работе, приводящей к качественным изменениям ценностно-смысловых образований, формированию новых стратегий и способов внутреннего диалога, интеграции личности в новое, более целостное состояние» [14, с. 24].

Значимой представляется точка зрения А. В. Карпова, в соответствии с которой содержание рефлексии предполагает необходимость учета трех ее главных видов, выделяемых по так называемому временному принципу: ситуативной (актуальной), ретроспективной и перспективной рефлексии. Ситуативная рефлексия обеспечивает непосредственный самоконтроль поведения человека в актуальной ситуации, ретроспективная проявляется в склонности к анализу уже свершившихся событий, перспективная соотносится с функцией анализа предстоящей деятельности, поведения [7, с. 45–57]. При таком понимании рефлексия, субъектом которой выступает несовершеннолетний осужденный, ведет его к обдумыванию негативных последствий от совершенного преступления, обусловливает признание вины, актуализирует раскаяние, ориентирует на выстраивание линии развития социально-нормативной жизни.

В ряду эффективных средств включения подростков в рефлексию мы рассматриваем кинопедагогику – направление артпедагогики, посвященное изучению особенностей воспитательного воздействия кино и телевидения на личностное развитие человека. Термин «кинопедагогика» достаточно активно используется в современных учебниках, научных статьях и сети Интернет. Ее предметом является изучение закономерностей, принципов, форм и методов воспитания человека посредством экранного искусства. Обобщая выводы ученых, специально исследовавших влияние кино на становление личности ребенка (В. А. Разумного, О. А. Баранова, И. С. Левшиной и др.), Д. В. Босов и Ю. Н. Усов констатируют, что воспитание с помощью кино активизирует процесс социализации при использовании метода общения и позволяет молодежи через мир социальных ценностей освоить нравственный и гражданский опыт, уточнить свои жизнен-

ные позиции, отношение к себе и обществу [3, с. 3; 16, с. 18–19].

Мы разделяем мнение Е. И. Захаровой и О. А. Карабановой, в соответствии с которым кино оказывает метафорическое воздействие на зрителя, что позволяет ему спокойно, без психологического напряжения перейти к анализу и обсуждению поставленной автором проблемы, в то время как «прямой директивный подход в воспитании провоцирует защитные реакции человека, не позволяя выйти на осознание проблемной ситуации и ее проработку» [5, с. 59]. Актуальность этого положения в отношении детей, обладающих психическими и иными личностными отклонениями, подтверждается в научных работах Д. В. Босова, Р. Ю. Доли, утверждающих, что с помощью кино воспитатель может «локализовать очаги проблемного функционирования психики», «снять всплески деструктивных эмоций несовершеннолетних» [2, с. 144].

Применительно к несовершеннолетним осужденным кино выступает особым инструментом познания жизни в силу ряда причин, к которым относятся закрытость и социальная ограниченность воспитательной системы исправительного учреждения, негативный предшествующий социальный опыт осужденного, отсутствие у него возможности испытать себя в различных социальных ролях, недостаток положительных примеров в ближнем окружении и др. При просмотре кинофильмов воспитанники приобретают возможность расширять знания о жизни, осваивать «науку выживания», получать аргументацию и подкрепление требованиям, транслируемым сотрудниками воспитательной колонии, испытывать разнообразные эмоциональные состояния, сравнивать себя с киноперсонажами и ставить себя на их место, оценивать свои возможности в аспекте моделирования собственного поведения в сходных ситуациях. Все перечисленные ресурсы в значительной степени активизируют рефлексивную деятельность. Значимость включения воспитанников исправительных учреждений в рефлексивную деятельность с помощью кино актуализирует выявление и обоснование педагогических средств, призванных обеспечивать успешность исправительного процесса в этом направлении.

Методы

Для достижения сформулированной цели в ходе исследования применялся ряд методов. При изучении актуальности использования кино в исправлении несовершеннолетних осужденных применялись теоретические и эмпирические методы: осуществлялся анализ статистических данных, отражающих характеристику лиц, содержащихся в воспитательных колониях; изучалось уголовно-исполнительное законодательство в аспекте выявления и обобщения существующих требований к кинопросмотрам в исправительных учреждениях; анализировалась научная литература по проблемам кинопедагогики и рефлексии; проводился опрос среди воспитателей колоний, ориентированный на изучение организации исправительного процесса с помощью кино; давалось теоретическое описание специальной программы, основанной на идеях кинопедагогики; реализовывался педагогический эксперимент, направленный на оценку эффективности данной программы, включающий констатирующий и формирующий этапы. В качестве базовой методики, позволяющей выявить направленность динамики исследуемого процесса на разных этапах педагогического эксперимента, рассматривалась методика диагностики уровня развития рефлексивности – опросник А. В. Карпова. Определение значимости полученных данных достигалось с помощью методов математической статистики: с целью выяснения направленности и выраженности изменений до и после реализации специальной программы применялся Т-критерий Вилкоксона. Обращение к методам обобщения, сравнения и интерпретации было связано с необходимостью формулирования общих выводов исследования.

Анализ и обсуждение результатов

Уголовно-исполнительное законодательство, регламентирующее основные аспекты исполнения наказаний, определяет нормы, связанные с использованием кино в воспитательной работе с несовершеннолетними осужденными. В ст. 94 УИК РФ «Просмотр осужденными к лишению свободы кинофильмов и телепередач, прослушивание радиопередач» устанавливается время для просмотра: фильмов – не реже одного раза в неделю, телепередач – в свободные

от работы часы, кроме времени, отведенного распорядком дня для ночного отдыха. Согласно требованиям, зафиксированным в Нормах создания материально-технической базы для организации воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях, фильмы демонстрируются в клубе или в клубе-столовой, которые должны вмещать в воспитательной колонии всех осужденных с тем, чтобы они имели возможность смотреть фильм одновременно [10]. В статье «Меры взыскания, применяемые к осужденным к лишению свободы в воспитательных колониях» в качестве меры наказания предусмотрено лишение права просмотра кинофильмов в течение одного месяца (ст. 136 УИК РФ). Таким образом, уголовно-исполнительное законодательство в первую очередь рассматривает кино в качестве средства реализации режимных требований.

Изучение практики воспитательной работы с осужденными в 14 воспитательных колониях, в том числе Брянской, Колпинской, Архангельской, позволило описать порядок в организации использования кинофильмов. В ходе опроса тридцати пяти воспитателей и специалистов по социальной работе было выявлено, что взыскание в виде лишения права просмотра кинофильмов в течение месяца на практике применяется крайне редко, что обусловлено отсутствием ощущения воспитанниками его карательного свойства: у осужденного остается право и возможность смотреть фильмы по телевизору. Воспитательные мероприятия, связанные с применением кино, чаще относят к массовой форме воспитательной работы, именуемой «кинопросмотром». Программа просматриваемых художественных фильмов, как правило, утверждается администрацией исправительного учреждения; соответствующая информация размещается на специальных стендах для ознакомления воспитанников; демонстрация кинофильмов осуществляется под контролем администрации; запрещается демонстрация кинофильмов, пропагандирующих разжигание национальной и религиозной вражды, культ насилия или жестокости, а также содержащих сцены порнографического характера, по подготовке бойцов специальных подразделений, горной подготовке и паркуру, устройству и изготовлению взрывчатых и наркотических веществ. Существующий порядок в полной мере согласуется с Инструкцией об организации воспитательной работы с осужденными в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний [11].

В ходе анкетирования сотрудников воспитательных колоний было установлено, что в содержательной структуре кинопросмотров преобладают фильмы патриотической направленности (более 60 %). Наиболее востребованными осужденными являются приключенческие фильмы и комедии (около 15 %). В ходе изучения планов воспитательной работы с осужденными не была выявлена тенденция, которая бы указывала на системность в составлении кинорепертуара и наличие традиции обсуждения просмотренных фильмов в ходе специально организованных воспитательных мероприятий. Имеют место исключения, отражающие энтузиазм отдельных воспитателей, для которых обсуждение с осужденными просмотренных фильмов является нормой. Можно констатировать, что в массовой практике воспитательных колоний просмотру кинофильмов отводится преимущественно зрелищно-развлекательная функция, связанная с необходимостью организации досуга осужденных.

На фоне недооценки роли кино как действенного инструмента позитивной личностной переориентации несовершеннолетних осужденных следует особо отметить, что преобразовательный воспитательный потенциал киноискусства в аспекте развития рефлексии у подростков состоит в том, что при просмотре и обдумывании фильма осуществляется перенос ими происходящего на экране на себя, сопоставление поведения персонажей и личностной позиции режиссера с собственными представлениями о жизни. В ситуациях, когда сюжетная линия отражает обстоятельства, сходные с условиями, в которых оказываются несовершеннолетние, активизируется дерефлексия – психологический механизм, с помощью которого у человека пробуждается способность к самоотстранению при оценивании им происходящего. В. Франкл, часто использующий данный прием в своей практике, делал это в связи с необходимостью побудить человека «к открытию им для себя адекватного смысла» [17, с. 18]. Раскры-

вая сущность дерефлексии, ученый пояснял, что объектом оценивания для человека выступает некий посторонний индивид, оказавшийся в сходной с ним ситуации. В обстоятельствах, когда человек как бы дистанцируется от своей физической сущности, процесс оценивания «не себя», а «другого» не травмирует психику и происходит более объективно. В то же время сходство обстоятельств побуждает к проецированию оценочных суждений уже «на себя». Таким образом, дерефлексия пробуждает собственно рефлексию.

Успешность в реализации задач, связанных с побуждением воспитанников к рефлексии средствами кино, определяется рядом педагогических условий, наиболее значимыми среди которых выступают:

– составление кинорепертуара, включающего такие фильмы, которые ориентируют зрителя на жизненный выбор в критических обстоятельствах;

– организация обсуждения ключевых вопросов, ориентирующих воспитанников на социально-нормативный выбор;

– учет социально-психологических особенностей несовершеннолетних осужденных, препятствующих восприятию ими социально-нормативных установок. К числу таких особенностей относятся: утрата социально полезных связей; неадекватное восприятие социальной реальности; оппозиционное отношение к нормам, установленным государственными институтами; расхождение моральных норм, взглядов, ценностей с общепринятыми нормами и др.;

– опора на позитивный потенциал возрастных особенностей несовершеннолетних осужденных, в ряду которых отмечены сензитивность в восприятии социальных норм, стремление к поиску смысла жизни, потребность в социальном и личностном самоопределении, склонность к рассмотрению фактов и событий преимущественно в морально-оценочной плоскости, ориентированность на групповое интерактивное общение со сверстниками [8, с. 45–47].

Обобщая перечисленные условия, отметим, что их реализация в полном объеме может быть обеспечена в рамках кинопрограммы – специальной программы, содержание которой составляют кинопросмотры с последующим обсуждением. В разработке такой кинопрограммы особая роль отводится подбору фильмов и составлению сценариев воспитательных мероприятий, что требует, по образному выражению Е. Марсик, «тонкой настройки педагогического процесса и определения его смысловых границ» с учетом специфики объекта воспитания [19].

Эффективность использования перечисленных педагогических условий подтвердилась результатами формирующего эксперимента (ФЭ), в котором были задействованы 56 осужденных, отбывающих наказание в Брянской воспитательной колонии. Участники были распределены в экспериментальную группу (ЭГ) и контрольную группу (КГ). В каждой группе, состоящей из 28 чел., было одинаковое соотношение юношей в возрасте от 15 до 17 лет, относящихся к определенным уровням рефлексивности – количественной характеристики, демонстрирующей выраженность способности к рефлексии.

Ядро формирующего эксперимента составила кинопрограмма, которая соответствовала перечисленным выше требованиям и включала разноплановые по жанру фильмы:

– биографические фильмы, повествующие о судьбе известных людей, которые, имея в юности криминальный опыт, сумели сделать выбор в пользу социально-нормативной жизни и достигли больших успехов: «Республика ШКИД» – о становлении писателей Г. Белых и Л. Пантелеева и их товарищей; «Сто первый километр» и «Здравствуй, столица» – о жизни режиссера Леонида Морягина и др.;

– детективы: «Ваши права?», «Сержант милиции», «Американская история» и др., повествующие о молодых людях, оказавшихся перед дилеммой между преступным и правопослушным образом жизни в обстоятельствах, когда они уже совершили немало противоправных действий под влиянием взрослых приятелей-преступников;

– военные фильмы: «Это было в разведке», «Маленький сержант», «Иваново детство», «Мишка принимает бой», «Сволочи» и др. – о героизме подростков, в том числе с криминальным прошлым, в годы Великой Отечественной войны;

– документальные фильмы: «О жизни», в основе которого лежат фрагменты своеобразной исповеди реальных преступников, отбывающих наказание в виде пожизненно-

го лишения свободы; «Человек» и «Осознание жизни: Кто я?» – о самопознании человеком себя; «Теремок» – о детской наркомании и поиске путей выхода из соответствующего ей образа жизни;

– кинокомедия «Семь нянек», сюжетная линия которой иллюстрирует нелепость противоправных поступков подростка, совершаемых им в отношении заботящихся о нем людей.

Специальная кинопрограмма имела инвариантный и вариативный блоки. Кинопоказом были охвачены все воспитанники, а обсуждение фильмов происходило только в экспериментальной группе в рамках специально организованных воспитательных мероприятий, посвященных обмену мнениями по ключевым проблемам. В какой бы форме ни проводились данные мероприятия, приоритетное внимание при их подготовке уделялось предварительной формулировке вопросов, сфокусированных на определении смысловой позиции участников, поэтому обсуждение всегда носило предметный характер и побуждало воспитанников к осознанному социально-нормативному выбору.

Воспитательные мероприятия в рамках рассматриваемой кинопрограммы проводились в разных формах, в том числе в форме зрительской конференции, тематической беседы, дискуссии, диспута, свободного обмена мнениями и др. Зрительские конференции были направлены на расширение кругозора несовершеннолетних осужденных; они проводились в виде докладов самих воспитанников. Выступления участников содержали информацию, которая была связана с просмотренным фильмом, но выходила за его пределы. Например, в ходе зрительской конференции «Судьба – судьбой, но выбор за тобой», посвященной фильму «Республика ШКИД», воспитанники получили дополнительные сведения о том, как в реальной жизни сложились судьбы киногероев, что в фильме было вымышленным, а что достоверным, как действовали киноперсонажи в обстоятельствах жизненного выбора, который им предоставляли педагоги, и др.

Беседа предполагала вопросно-ответный способ привлечения воспитанников к обсуждению и анализу определенных экранных событий с последующей выработкой оценок. Большое внимание уделялось способности воспитателя таким образом формулировать вопросы, чтобы они «вынуждали» воспитанников принять точку зрения, соотносимую с базовыми жизненными ценностями. Оптимальным режимом проведения беседы рассматривался такой, при котором и воспитанники задавали вопросы собеседникам (воспитателям, приглашенным гостям, представителям общественности, друг другу), предлагая им тем самым ясно и открыто представить свою позицию.

Зрительская дискуссия включала групповое обсуждение основных проблем фильма с целью актуализации позитивного самоопределения подростков. Тема дискуссии объявлялась заранее, воспитанники в процессе подготовки получали необходимую информацию. В ходе дискуссии каждый имел возможность высказывать свою точку зрения, что развивало умение рассуждать, доказывать, формулировать проблематику и т. п. По сравнению с беседой дискуссии отводилось больше времени, она давала возможность более широкого обсуждения проблем. Особая роль отводилась ведущему. Ведущий, как правило выступая в качестве нейтрального координатора, тем не менее стремился направлять ее в рациональное русло. Он должен был ясно осознавать, какие цели преследует, каких результатов хочет достичь. Зрительский диспут предполагал спор, путь мобилизации рефлексивной активности воспитанников при решении задач, связанных с самоопределением, способ обучения борьбе против ошибочных представлений и понятий, умению вести полемику, защищать свои взгляды, убеждать в них других воспитанников.

В целом воспитательные мероприятия в рамках описанной кинопрограммы представляли собой групповое обсуждение фильмов с целью выделения социальных норм, декларированных в кинопроизведении, и формирования своего отношения к ним. Являясь эффективными средствами воспитательного воздействия, такие мероприятия способствовали формированию нравственных ценностных ориентаций участников, стимулировали развитие восприятия, порождали потребность личности в различных видах художественно-творческой деятельности.

В каком бы формате ни проводилось обсуждение того или иного фильма, оно всег-

да было ориентировано на «обсуждение ситуаций событийного плана» [13, с. 11]. Это означает, что каждый из вопросов содержал ситуационную доминанту, представляющую собой «актуализированное внутреннее состояние человека, определяющего в содержании обсуждаемого события то, что является для него значимым» [9]. В ходе обсуждения предполагалось оказание помощи воспитаннику в анализе события, определении в нем главного и второстепенного. При этом очень важно было выделить ту часть события, которая обладала большим потенциалом для побуждения воспитанника к самопознанию.

В качестве примера, позволяющего проиллюстрировать одну из ситуационных доминант, можно рассмотреть выявленную в ходе обсуждения потребность воспитанников быть в глазах окружающих такими же, как все «нормальные» (несудимые) люди, быть способными противостоять криминальному влиянию и начать честную жизнь. Так, при обсуждении автобиографического фильма «Сто первый километр» и его продолжения «Здравствуй, столица» проектирование воспитанниками будущей жизни главного персонажа, вступившего из-за романтических иллюзий на преступный путь, отражало их безусловное стремление к тому, чтобы экранный герой порвал с криминальным образом жизни и выбрал социально одобряемый путь.

По сюжету фильма было известно, что молодому человеку предстояло участвовать в ограблении ювелирного магазина. В последних кадрах он стоял на вокзале в ожидании поезда, и зритель не знал: то ли юноша уедет навсегда из этого города в Москву, чтобы скрыться от воровского авторитета и начать новую жизнь, то ли останется и пойдет грабить магазин. В ходе обсуждения воспитанникам было предложено задание: «Представьте себе, что молодой человек спрашивает Вашего совета. Какой выбор предложите ему Вы? Если он уедет, что Вы предложите ему делать в Москве? Может быть, там больше возможностей для воровства? Если он останется в своем городке, стоит ли ему продолжать воровское ремесло?»

При обсуждении фильма «Здравствуй, столица», повествующего о первых значительных профессиональных достижениях главного персонажа, порвавшего с воровской средой, зрителям были заданы следующие вопросы: «О чем бы Вы поговорили с известным кинорежиссером Леонидом Морягиным, прототипом главного героя фильма?», «Какие из Ваших черт характера схожи с характером главного персонажа?», «В какой момент его жизни Вам хотелось бы оказаться на его месте?» и др.

В большинстве ответов несовершеннолетних осужденных была представлена точка зрения, в соответствии с которой киногерою предписывалось уезжать в Москву, продолжать там учебу, вести честный образ жизни. Аргументируя подобное мнение, воспитанники озвучивали своеобразный протест против жестоких законов криминальной жизни, при которой за малейшее проявление своей независимости вчерашние «друзья» воровского авторитета по сюжету фильма подлежали циничной расправе. Ситуации, отражающие правдивую картину взаимоотношений, характерных для преступной среды, представлены в кинокартине достаточно образно и натурально. Именно это обстоятельство сыграло роль в пробуждении эмоциональных переживаний несовершеннолетних, каждый из которых получил возможность представить себя на месте того, кто был жестоко наказан за «отступничество» [12, с. 338–339].

Для определения степени влияния описанной кинопрограммы на развитие рефлексии у несовершеннолетних осужденных нами использовалась методика диагностики рефлексивности [7]. Как отмечает А. В. Карпов, автор этой методики, она базируется на теоретическом конструкте, который конкретизирует общую трактовку рефлексивности, а также ряд иных особенностей данного свойства. Рефлексивность как психическое свойство, отражающее способность и склонность к рефлексивной деятельности, представлена в методике в качестве одной из сторон той психической реальности, которая соотносится с рефлексией в целом. Двумя другими гранями этой реальности являются рефлексия как процесс и рефлексирование как особое психическое состояние. Эти три модуса теснейшим образом взаимосвязаны и взаимодетерминируют друг друга, образуя на уровне их синтеза качественную определенность, обозначаемую понятием «рефлексия»

[7]. Таким образом, рефлексивность всегда выступает результатом рефлексии, интенсивность которой определяется степенью выраженности рефлексирования в конкретный момент. Чем более активным будет побуждение к рефлексивной деятельности со стороны воспитателей, тем более высокому уровню будет соответствовать рефлексивность у воспитанников.

В процессе ОЭР использовались компьютерная программа SPSS для выявления статистически значимых различий, программа Exel, при помощи которой определялись средние значения рефлексивности. Применялся Т-критерий Вилкоксона для сопоставления показателей, измеренных в двух разных условиях на одной и той же выборке испытуемых (ЭГ и КГ), с целью выяснения направленности и выраженности изменений до и после формирующего эксперимента. С помощью Т-критерия Вилкоксона определялось, являлся ли сдвиг показателей в экспериментальной группе более выраженным, чем в контрольной.

Обращение к методике диагностики уровня развития рефлексивности А. В. Карпова позволило выявить динамику рефлексивности у воспитанников в экспериментальной группе, опосредованную их участием в кинопрограмме в полномасштабном формате. После формирующего эксперимента у воспитанников экспериментальной группы среднее значение выраженности способностей к рефлексии в «сырых баллах» достигло 117,1, что, согласно методике, соответствовало стену 4 (средний уровень); в контрольной группе – равнялось 109,9 и относилось к стену 3 (низкий уровень). Кроме того, было установлено, что воспитанники экспериментальной группы в большей степени склонны к перспективной рефлексии, чем к ретроспективной (рис.).

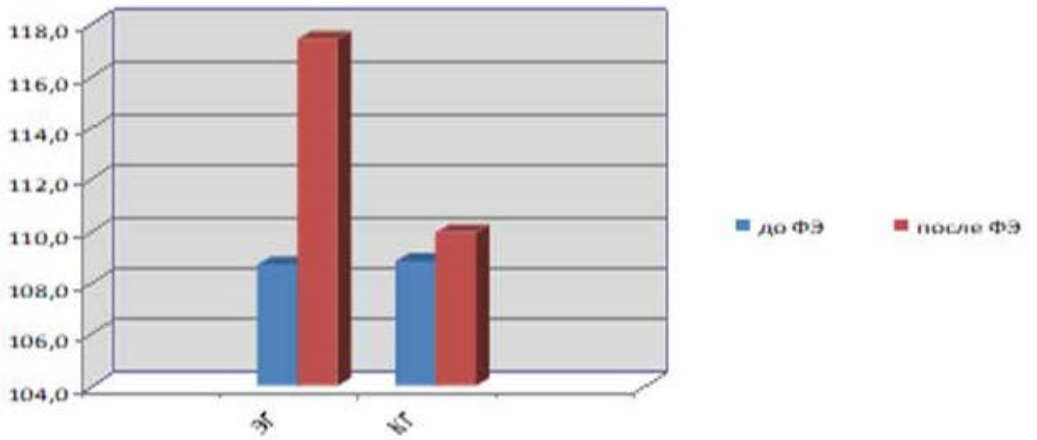

Рис. Средние значения рефлексивности воспитанников экспериментальной и контрольной группы до и после формирующего эксперимента

С помощью Т-критерия Вилкоксона было установлено, что произошли значимые сдвиги показателей рефлексивности: данные в контрольной группе достоверно ниже, чем в экспериментальной с вероятностью значимых различий $p \leq 0,05$. Следовательно, эффективность реализуемой кинопрограммы в контексте развития рефлексивных способностей можно считать математически доказанной.

До проведения формирующего эксперимента в обеих группах наблюдалось преобладание воспитанников, характеризующихся низким уровнем развития рефлексивных способностей. В экспериментальной группе численность несовершеннолетних со средним уровнем рефлексивности составляла 10 чел. (35,7 %), с низким – 18 чел. (64,3 %). В контрольной группе к среднему уровню рефлексивности относились 9 чел. (32,1 %), к низкому – 19 (67,9 %). Ни в одной из групп не было выявлено воспитанников с высоким уровнем рефлексивности. Значимых различий между группами по исследуемому показателю не было выявлено.

После проведения формирующего эксперимента в экспериментальной группе удельный вес испытуемых, характеризующихся средним уровнем рефлексивных способностей, существенно возрос и достиг 60,7 % (17 чел.) при соответствующем сокращении лиц, обладающих низким уров-

нем, до 39,3 % (11 чел.). Высокому уровню в экспериментальной группе, как и до формирующего эксперимента, не соответствовал ни один из испытуемых. В контрольной группе значимых изменений не произошло: удельный вес лиц со средним уровнем составил 11 чел. (39,2 %), низким – 17 чел. (60,8 %); воспитанников, отнесенных к высокому уровню, выявлено не было (табл.).

Таблица

Показатели динамики развития рефлексивности у воспитанников экспериментальной и контрольной группы до и после формирующего эксперимента

Этапы диагностики	**Экспериментальная группа (n=28 чел.)**			**Контрольная группа (n=28 чел.)**		
	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
До формирующего эксперимента	0	10 (35,7 %)	18 (64,3 %)	0	9 (32,1 %)	19 (67,9 %)
После формирующего эксперимента	0	17 (60,7 %)	11 (39,3 %)	0	11 (39,2 %)	17 (60,8 %)

Анализ статистического материала в пределах описанной методики диагностики рефлексивности показал динамику развития рефлексивности у воспитанников экспериментальной группы в сторону качественного роста. Это убеждает нас в правильности выбора форм и методов воспитательной работы, продуктивности разработанной кинопрограммы; показывает эффективность использования кино в позитивной переориентации несовершеннолетних осужденных, основу которой составляют самопознание, самоанализ, самооценка и самоопределение.

Заключение

Стимулирование рефлексии у несовершеннолетних осужденных является актуальной задачей исправительного процесса, поскольку самопознанию отводится важная роль в позитивной переориентации личности. В качестве действенного инструмента активизации рефлексии рассмотрена кинопедагогика – перспективное направление, ориентирующее на максимальное использование в воспитательной работе личностно-развивающего потенциала кино с опорой на научно обоснованные идеи. В числе педагогических условий, обеспечивающих успешность в реализации задач, связанных с побуждением воспитанников исправительных учреждений к рефлексии, названы и описаны тщательный отбор фильмов, объединенных в рамках целостной программы идеей самоопределения человека, вовлечение воспитанников в обсуждение ключевых вопросов, связанных с проектированием ими собственной социально одобряемой жизни, учет объективных обстоятельств, препятствующих восприятию осужденными социальных норм, и нейтрализация их влияния, соотнесение форм и методов педагогического общения с возрастными особенностями несовершеннолетних.

Рефлексивная деятельность воспитанников интенсифицируется не столько во время собственно кинопросмотров, сколько в ходе специально организованных воспитательных мероприятий, посвященных обсуждению фильмов. К формам проведения таких мероприятий относятся зрительская конференция, беседа, дискуссия, диспут и др. Отличия между этими формами затрагивают в первую очередь организационные аспекты. Объединяющим началом всех мероприятий, независимо от формы проведения, выступает требование, в соответствии с которым обсуждение фильмов должно быть сфокусировано на ситуациях событийного плана, способных актуализировать яркое эмоциональное реагирование, стимулировать самопознание участников, проявление и осознание ими своей значимости.

В ходе исследования была проведена четкая дифференциация понятий «кинопоказ» и «кинопедагогика» в аспекте выделения приоритетных функций, присущих каждому из этих феноменов. Основной функцией кинопоказа выступает занятие досугового времени воспитанников. Предназначение кинопедагогики выходит далеко за пределы развлекательных задач: оно состоит в том, чтобы пробудить у зрителей потребность разобраться в себе и осознать свою социальную миссию в прошедшей, настоящей и будущей жизни.

Побуждение воспитанников к активной рефлексии обеспечивается такими возможностями кинопедагогики, как расширение картины мира молодых людей, углубление их знаний в области социальных норм общества, разрушение негативных стереотипов поведения и мифов криминальной среды, расширение диапазона принятия воспитанниками социальных норм и ценностей, отличающихся от воровских законов, развитие способности к сопереживанию и состраданию.

Проведенное исследование выявило возможности и проблемы использования кино в качестве действенного средства активизации рефлексии у подростков, отбывающих наказание в воспитательных колониях. Сформулированные в статье положения могут стать предметом для обсуждения в профессиональном сообществе сотрудников воспитательных колоний и выступить теоретическим ориентиром для совершенствования воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными в направлении развития у них качеств субъектной личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян, Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Антонян Елена Александровна. – Москва, 2014. – 41 с.

2. Босов, Д. В. Анализ подходов, теорий и концепций кинотерапии в работе с детьми с психическими отклонениями / Д. В. Босов, Р. Ю. Доля // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2019. – № 4 (43). – С. 143–153.

3. Босов, Д. В. Мейнстрим-кинематограф как фактор формирования ценностных ориентаций студенческой молодежи : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических / Босов Дмитрий Вячеславович. – Санкт-Петербург, 2017. – 196 с.

4. Быстрова, Т. В. О повышении жизнестойкости осужденных с длительными сроками / Т. В. Быстрова, В. М. Поздняков // Прикладная юридическая психология. – 2017. – № 1. – С. 30–36.

5. Захарова, Е. И. Кинотерапия: современный взгляд на возможности применения / Е. И. Захарова, О. А. Карабанова // Национальный психологический журнал. – 2018. – № 2 (30). – С. 57–65.

6. Исаева, С. Н. Социально-культурные условия воспитания нравственных качеств впервые осужденных в пенитенциарных учреждениях : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Исаева Светлана Николаевна. – Тамбов, 2006. – 22 с.

7. Карпов, А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики / А. В. Карпов // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24, № 5. – С. 45–57.

8. Кон, И. С. Социологическая психология / И. С. Кон. – Москва : Московский психолого-социальный университет ; Воронеж : МОДЭК, 1999. – 560 с. – ISBN 5-89395-106-9.

9. Машарова, Т. В. Теория и практика социального самоопределения подростка в учебной деятельности : диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Машарова Татьяна Викторовна. – Ярославль, 1999. – 392 с.

10. Нормы создания материально-технической базы для организации воспитательной работы с осужденными в исправительных учреждениях : постановление Правительства Российской Федерации от 02.08.1997 № 974. – URL: https://base.garant.ru/1345278 (дата обращения: 14.09.2021).

11. Об утверждении Инструкции об организации воспитательной работы с осужденными в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний : приказ Минюста России от 21.06.2005 № 91 (ред. от 21.07.2016). – URL: https://sudact.ru/law/prikaz-miniusta-rossii-ot-21062005-n-91/instruktsiia-ob-organizatsii-vospitatelnoi-raboty/ (дата обращения: 14.09.2021).

12. Панова, О. Б. Педагогическое обеспечение правовой ресоциализации несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии : диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Панова Оксана Брониславовна. – Ярославль, 2013. – 489 с.

13. Рожков, М. И. Проблема цели воспитания в современной педагогике / М. И. Рожков // Ярославский педагогический вестник – 2010 – Т. 2, № 4. – С. 7–11.

14. Россохин, А. В. Рефлексия и внутренний диалог в измененных состояниях сознания: интерсознание в психоанализе / А. В. Россохин. – Москва : Когито-Центр, 2010. – 304 с. – ISBN 978-5-89353-271-5.

15. Состояние преступности в России. За январь–декабрь 2020 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации, Главный информационно-аналитический центр. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/ (дата обращения: 14.09.2021).

16. Усов, Ю. Н. Кинообразование как средство эстетического воспитания и художественного развития школьников : автореферат на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Усов Юрий Николаевич. – Москва, 1989. – 32 с.

17. Франкл, В. Человек в поисках смысла : сборник / В. Франкл. – Москва : Прогресс, 1990. – 366 с. – ISBN 5-01-001606-0.

18. Характеристика лиц, содержащихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних // Федеральная служба исполнения наказаний : официальный сайт. – URL: https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20v%20VK// (дата обращения: 14.09.2021).
19. Marsick, E. Film Selection in a Cinematherapy Intervention With Preadolescents Experiencing Parental Divorce / E. Marsick // Journal of Creativity in Mental Health. – 2018. – № 5 (201). – P. 374–388. – URL: https://www.researchgate.net/publication/233107694/ (дата обращения: 14.09.2021).

REFERENCES

1. Antonyan E.A. *Lichnost' retsidivista: kriminologicheskoe i ugolovno-ispolnitel'noe issledovanie: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [The recidivist's personality: criminological and penal investigation: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2014. 41 p.
2. Bosov D.V., Dolya R.Yu. Analysis of approaches, theories and concepts of film therapy in working with children with mental disabilities. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta=Herald Maikop State Technological University,* 2019, vol. 43, no. 4, pp. 143–153. (In Russ.).
3. Bosov D.V. *Meinstrim-kinematograf kak faktor formirovaniya tsennostnykh orientatsii studencheskoi molodezhi: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata sotsiologicheskikh* [Mainstream cinema as a factor in the formation of value orientations of students: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Sankt-Petersburg, 2017. 196 p.
4. Bystrova T.V., Pozdnyakov V.M. On increasing of hardiness in convicted for long-term imprisonment. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=The Applied Legal Psychology Scientific Journal,* 2017, no. 1, pp. 30–36. (In Russ.).
5. Zakharova E.I., Karabanova O.A. A modern view of how to apply film therapy. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal=National Psychological Journal,* 2018, vol. 30, no. 2, pp. 57–65. (In Russ.).
6. Isaeva S.N. *Sotsial'no-kul'turnye usloviya vospitaniya nravstvennykh kachestv vpervye osuzhdennykh v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Socio-cultural conditions for the education of moral qualities of first-time convicts in penitentiary institutions: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Tambov, 2006. 22 p.
7. Karpov A.V. Reflexivity as a mental property and the method of its diagnosis. *Psikhologicheskii zhurnal=Psychological Journal,* 2003, vol. 24, no. 5, pp. 45–57. (In Russ.).
8. Kon I.S. *Sotsiologicheskaya psikhologiya* [Sociological psychology]. Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi universitet. Voronezh: MODEK, 1999. 560 p.
9. Masharova T.V. *Teoriya i praktika sotsial'nogo samoopredeleniya podrostka v uchebnoi deyatel'nosti: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Theory and practice of social self-determination of a teenager in educational activities: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Yaroslavl, 1999. 392 p.
10. *Normy sozdaniya material'no-tekhnicheskoi bazy dlya organizatsii vospitatel'noi raboty s osuzhdennymi v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh: Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 2 avgusta 1997 g. N 974* [Norms for the creation of a material and technical base for the organization of educational work with convicts in correctional institutions: RF Government Decree No. 974 of August 2, 1997]. Available at: https://base.garant.ru/1345278// (accessed September 14, 2021).
11. *Ob utverzhdenii Instruktsii ob organizatsii vospitatel'noi raboty s osuzhdennymi v vospitatel'nykh koloniyakh Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii: Prikaz Minyusta Rossii ot 21.06.2005 N 91 (red. ot 21.07.2016)* [On approval of the Instruction on the organization of educational work with convicts in juvenile correctional facilities of the Federal Penitentiary Service: Order of the RF Ministry of Justice Order No. 91 as of June 21, 2005 (amended July 21, 2016)]. Available at: https://sudact.ru/law/prikaz-miniusta-rossii-ot-21062005-n-91/instruktsiia-ob-organizatsii-vospitatelnoi-raboty/ (accessed September 14, 2021).
12. Panova O.B. *Pedagogicheskoe obespechenie pravovoi resotsializatsii nesovershennoletnikh osuzhdennykh v vospitatel'noi kolonii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Pedagogical support of legal re-socialization of juvenile convicts in an educational colony: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Yaroslavl, 2013. 489 p.
13. Rozhkov M.I. The problem of the education purpose in modern pedagogics. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik=Yaroslavl Pedagogical Bulletin,* 2010, vol. 2, no. 4, pp. 7–11. (In Russ.).
14. Rossokhin A. V. *Refleksiya i vnutrennii dialog v izmenennykh sostoyaniyakh soznaniya: Intersoznanie v psikhoanalize* [Reflection and internal dialogue in altered states of consciousness: interconsciousness in psychoanalysis]. Moscow: Kogito-Tsentr, 2010. 304 p.
15. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii. Za yanvar'-dekabr' 2020 goda* [State of crime in Russia. For January-December 2020]. Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, FKU "Glavnyi informatsionno-analiticheskii tsentr". Available at: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/ (accessed September 14, 2021).
16. Usov Yu. N. *Kinoobrazovanie kak sredstvo esteticheskogo vospitaniya i khudozhestvennogo razvitiya shkol'nikov: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Film education as a means of aesthetic education and artistic development of schoolchildren: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Moscow, 1989. 32 p.
17. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla: sbornik* [Person in search of meaning: collection]. Moscow: Progress, 1990. 366 p.
18. Characteristics of persons held in juvenile correctional facilities. *FSIN Rossii* [Federal Penitentiary Service of Russia]. Available at: https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20v%20VK// (accessed September 14, 2021).
19. Marsick E. Film selection in a cinematherapy intervention with preadolescents experiencing parental divorce. *Journal of Creativity in Mental Health,* vol. 201, no. 5, pp. 374–388. Available at: https://www.researchgate.net/publication/233107694/ (accessed September 14, 2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ОКСАНА БРОНИСЛАВОВНА ПАНОВА – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Российская Федерация, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6096-2581, e-mail: xenia-vipe@mail.ru

OKSANA B. PANOVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the "Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia", Vologda, Russian Federation, ORCID https://orcid.org/0000-0002-6096-2581, e-mail: xenia-vipe@mail.ru

Статья поступила 20.09.2021

JURISPRUDENCE

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-826-834
UDC 94(47).082:343.8

Formation and Development of Penitentiary Institutions in Yekaterinodar (Second Half of the 19th–Early 20th Centuries)

IRINA L. IZYUMSKAYA
Law Department of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: rochka1919@rambler.ru

Abstract

Introduction: the article is devoted to the historic background of the prison system in the Kuban and features of the prison institutions formation in Yekaterinodar – the center of the Kuban Oblast, formed in 1860. The article, based on the comprehension of historical experience and analysis of archival materials, shows the impact of the 1860–1870 state-legal reforms on construction of new and enlargement of current prisons and studies the specifics of prisoner detention conditions. It reveals the role of the Yekaterinodar Military Prison Committee "Prisons Custody Society" in enhancement of Yekaterinodar's penitentiary institutions: organization of places of detention and provision of the necessary detention regime; control over detainee's welfare; improvement of medical care for prisoners, etc. *Purpose:* to reflect development features of penitentiary institutions in the Kuban as a whole and Yekaterinodar in particular. The methodological basis of the research consists of philosophical, general scientific and private scientific methods (dialectical, system-structural, historical-genetic, comparative, formal-legal, etc.). *Discussion:* based on a brief analysis of the works of N.I. Galkina, N.V. Slavinskii, M.K. Batchayeva, S.A. Lobova, etc., devoted to the issues under consideration, as well as the study of materials contained in the funds of the State Archive of Krasnodar Territory, the author presents chronological background of formation and development of the Kuban prison institutions. As a result of the conducted research, the researcher comes to the following conclusion: since Yekaterinodar acquired the status of a civil city in 1867, there was a sharp increase in out-of-town visitors, which led to a rise in the number of crimes and, accordingly, persons serving sentences in the form of imprisonment. It involved the expansion of existing prison facilities and construction of new ones, in particular, the Yekaterinodar regional prison in 1876. The establishment of the Yekaterinodar Military Prison Committee "Prisons Custody Society" in 1867, which was in charge of the entire Kuban penitentiary system, helped achieve some success in prison guardianship within its competence. The development of guardianship in relation to prisoners should be considered one of the mechanisms that solved the problem of improving prisoners' situation. This activity was financed by state and private charitable funds. The author also notes that the Kuban prisons addressed acute problems, characteristic, however, of the entire penitentiary system, such as insufficient funding of prison facilities, unsuitability of prison facilities, i.e. overcrowding, and harsh detention conditions.

Keywords: Kuban Oblast; Yekaterinodar; places of detention in the Kuban; Yekaterinodar military prison; Yekaterinodar regional prison; Yekaterinodar Prison Committee; prison guardianship; prison financing.

12.00.01 – Theory and history of the law and state; history of the law and state studies.

For citation: Izyumskaya I. L. Formation and Development of Penitentiary Institutions in Yekaterinodar (Second Half of the 19th–Early 20th Centuries). *Penitentiary Science,* 2021, vol. 15, no. 4 (56), pp. 826–834. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-826-834.

Regional aspects of the development of penitentiary institutions reflect the general specifics of evolution of the Russian penal enforcement system. In this regard, it is important to turn to historic development of the Kuban penitentiary institutions in the second half of the 19th and early 20th centuries.

Key aspects of the functioning of Russian prison institutions of this period are reflected in the works of pre-revolutionary researchers and publicists, such as A. A. Piontokovskii [14], N.A. Tagantsev [19], S.V. Poznyshev [15], I. Ya. Foinitskii [21], D. V. Krainskii [6], V.N. Nikitin [10], etc.

In the Soviet period, the most significant research in the evolution of tsarist prisons was the work of M.N. Gernet [3], which not only describes prison institutions and prisoners, but also analyzes in detail the domestic penitentiary legislation.

A.V. Pechnikov [13], L.P. Rasskazov [17], I.V. Uporov [20], etc. are post-Soviet authors who addressed this issue. I.V. Uporov's comprehensive study tries to make a historical and legal analysis of the formation and implementation of a penal policy in Russia.

In relation to the region considered in this article, the works of such modern authors as N.I. Galkina [2], N.V. Slavinskii [18], M.K. Batchaeva [1], S.A. Lobova [7], etc. deserve attention.

Based on the study of normative acts, archival materials and documents, theoretical approaches and conclusions of historical and legal science, N. I. Galkina determines prison guardianship patterns in the Russian Empire and its features in the Kuban to substantiate the possibilities of using this historical experience in modern conditions [2].

The dissertation research of N.V. Slavinskii presents ways for the formation, development, legal regulation and functioning of provincial prison inspections in pre-revolutionary Russia and the Kuban [18].

The work of M.K. Batchayeva is devoted to the emergence and functioning of charitable prison committees in the second half of the 19th – early 20th centuries in Stavropol and Kuban in the context of the evolution of the domestic penitentiary system and the activities of Russian prison-care societies [1].

S.A. Lobova examines reasons for the appearance of the Yekaterinodar Military Prison Committee, its tasks and main activities. According to the researcher, the specifics of its activities lies in the fact that all matters related to the economic management of detention places and the correction of prisoners were assigned to its competence, and the committee was responsible only for places of detention located in the city. Military prisons were financed by the Black Sea Cossack Host, city prisons – by the city budget, and Cossack village prisons – by local societies, while the Black Sea Cossack Host, the State Treasury and the War Ministry provided for the maintenance of prisoners in prisons [7].

The article by P.I. Ostapenko and I.V. Siritsa recreates in detail the history of the Yekaterinodar regional prison (1876–2007), currently functioning as a Pre-Trial Detention Center No.1 in Krasnodar [12].

The source base of the article comprises published legislative sources regulating the activities of prison institutions at the state level in the second half of the 19th – early 20th centuries and related to the issues of prison charity, as well as unpublished materials from the State Archive of Krasnodar Krai (SAKK, Krasnodar), many of which had not previously been involved in research. The following archive materials were scrutinized: Fond 454 "Office of the Chief of the Kuban Oblast and the ataman of the Black Sea Cossack Host, Yekaterinodar, 1870–1917", Fond 657 "Kuban regional prison inspection of the Main Regional Prison Administration, Yekaterinodar, Kuban Oblast, 1909–1920".

The Kuban penitentiary system began to develop dynamically with the rapid enlargement of the Cossack region. The "Statute on provincial administration of 1775" adopted on November 7, 1775 was the legislative basis. The task to execute punishment in the form of imprisonment was fulfilled by the Military Board. The stated above document stipulated the creation of provincial prisons, headed by a warden, a police officer, which in the Kuban "transformed into military prisons with a regime of class division of prisoners. The general leadership of the entire prison system in the Black Sea Cossack Host was confined to the military ataman" [8, p. 12–13]. In the first half of the 19th century the legislator adopted a number of legal acts containing norms on the procedure and conditions for the implementation of various types of imprisonment. Among them, it is necessary to highlight the "Instructions to the warden of the provincial prison castle" (1831), the "Code of institutions and charters of detainees", the norms of which were applied only to civilians (1832) and the "Code of criminal and correctional punishments" (1845). These legal acts were aimed at the legislative development of the institution of deprivation of liberty.

The Kuban Oblast was formed on February 8, 1860. As a result of these transformations, Yekaterinodar became the center of the Kuban Oblast, headed by the "ataman of the Black Sea Cossack Host" [11, pp. 20–21]. According to the information from the description of Yekaterinodar, compiled by the city police chief in 1861, Yekaterinodar was populated by the "Black Sea Cossack estate, without exception, Little Russians. The morals of the city inhabitants are not reprehensible" [4, pp.122–122]. According to the regulation "On the settlement and management of the city of Yekaterinodar", adopted on May 1, 1867, anyone could live there [4, p.132]. This meant that the city received a civil status. Due to the transition from the military department to the civil, the rules of settlement and management of Ekaterinodar were renewed. Since September 1868, Russians, not belonging to the military estate, had been allowed to settle and acquire land of the Black Sea Cossack Host; that involved , after which the flow of migrants to the Kuban, including Yekaterinodar, began to increase sharply" [4, p.137].

Active settlement of the Kuban and its center, Yekaterinodar, led to the increase in the number of crimes committed and, accordingly, prison population. The 1861 peasant reform had a significant impact on the development of the Kuban prison system, as many peasants left their permanent places of residence and began to settle in cities. Often unable to cope with unusual urban conditions, they became criminals. Ekaterinodar, with an increased influx of visitors, was no exception in this regard.

In the period under review, imprisonment was executed in various types of places of detention (general purpose prisons, convict prisons, reformatories, arrest rooms, fortresses, etc.). For Yekaterinodar, "the main places of detention were a military prison, a female fortress prison, a city prison at a police station ("police prison") and the main guardhouse"[7, p. 292]. "Unimportant prisoners from civilians were kept in the Yekaterinodar city prison. Prisoners were also transferred here from the overcrowded military prison. It was located in the building of the city police department, rented from a private person" [9, p. 140].

Historical data show that the prison facilities of Yekaterinodar were overcrowded, while the conditions were dreadful. The current prison facilities could not accommodate a growing number of prisoners.

The Ekaterinodar military prison was the main prison of the Kuban. The prison castle (as the military prison was sometimes called) was located on the square where "reviews of troops and their relief were carried out, and it was surrounded by high and thick piles" [4, p.124]. The decision to build a new brick prison in Yekaterinodar was made on May 11, 1817 and it operated up to the summer of 1876.

It should be noted that shortly after the 1861 peasant reform the government faced the question of expanding the number of prison institutions, since the current prison system in the period under review could no longer cope with an ever-increasing number of convicts, while experiencing significant difficulties in organizing the execution of imprisonment. In particular, the material and technical base of penitentiary institutions was evaluated extremely unsatisfactorily [21, p. 49].

In this regard, in 1862, the Ministry of Internal Affairs requested information from all governors about the state of places of deprivation of liberty. From the reports received, it was clear that "with the rarest exceptions, the prisons were in the most terrible condition" [5, p. 49].

According to domestic researchers, "the survey of Russian prisons conducted by a special commission of the Ministry of Internal Affairs can be considered the first serious approach to reforming places of deprivation of liberty" [16, p. 187].

Inspection of prisons, which had become regular since the beginning of the 1860s, showed the appalling state of prisons, due to the insufficient state funding for construction and repair of prisons.

An "appropriate department (the state treasury, the Black Sea Cossack Host a military department)" [9, p. 139] was responsible for prisons maintenance. The maintenance of the Yekaterinodar military prison was carried out mainly at the expense of the Black Sea Cossack Host.

In 1867, the Yekaterinodar Military Prison Committee "Prisons Custody Society" (hereinafter referred to as the Prison Committee) was formed; it had to meet management needs in the places of deprivation of liberty, located within the city. The newly created Prison Committee addressed problems of unsatisfactory financing of prison institutions, medical support for prisoners, etc. Improving the prisoner detention conditions was one of the key directions as well.

Information about prison maintenance costs deserves special attention. Archival materials show that the Prison Committee primarily used

funds to improve the nutrition of prisoners. So, "in June 1868, 20 kopecks a day was allocated for food of a prisoner-official held in the military prison, 10 kopecks – for a chief officer and a nobleman without any rank, and 6 kopecks – for a "raznochinets" (Russian intellectual not of gentle birth) [7, p. 293]. By the way, the products in Ekaterinodar at that time were very cheap, and the "expense of 16 kopecks was considered significant". At the bazaar (market), a large carp could be bought for 5 kopecks, a pound (400 gr.) of mutton for 3 kopecks [4, p. 124]. It should be noted that the prisoners' food ration did not differ much from the traditional products for the citizens' lunch. So, one of the reports of the Kuban Regional Government for 1879 indicated that "Russian cabbage soup with meat and fresh herbs" was given to prisoners for food (SAKK. Fond 454, register 7, file 1388, sheet 1-1). The inspectors pointed out that "food and bread are quite good" (GAKK. Fond 657, reg.1, f. 3, sh. 45). We believe that the prisoners were provided with satisfactory food.

The Prison Committee paid attention to the issues of providing prisoners with clothes and underwear. Persons held in prison were given clothes if necessary, and bedding was mandatory. So, "in March 1868, about 500 rubles was spent on clothes and underwear for prisoners of the military estate and the civil department, and in February 1870 the Military Board allocated 1 thousand rubles to the budget of the Prison Committee to purchase shoes and clothes for prisoners of the military estate during 1870"[7, p. 293].

Improving the life of prisoners was not the only direction of the charitable activities of the Prison Committee. It also provided financial assistance for the upbringing of children (SAKK. Fond 461, reg. 1, f. 615, sh. 5). In addition, the Prison Committee carried out charitable activities outside the territory of the Kuban, for instance, its donations to the Society for the Care of Families of Exiled Convicts in Saint Petersburg (SAKK. Fond 461, reg. 1, f .957, sh.1).

The issues of heating and lighting of the prison were never ignored by the Prison Committee. Since electric lighting appeared in Yekaterinodar only in 1894, the lighting of the prison, like all other buildings in Yekaterinodar up to that time, was carried out with kerosene lanterns, demanding substantial financial allocations. So, "in 1871, the Military Economic Board allocated almost 600 rubles for the lighting of the prison" [7, p. 293].иFor comparison, 2 thousand rubles from "city funds" was spent on lighting the entire city at night with 200 kerosene lanterns [4, p.150].

The issues of material security of prison officers also remained relevant for the Prison Committee. So, "according to the "Statement on remuneration to the officers who served at the Ekaterinodar military prison from January 1, 1869 to January 1, 1870", a prison warden received a salary of 557 rubles14 kopecks, a prison clerk – 40 rubles 66 kopecks, two guards – 10 rubles 1 kopecks each, and Cossacks in the number of 21 people – 8 rubles 66 kopecks each" [19, p. 293].For comparison, a city worker got 50–60 kopecks a day and a female worker – 40–45 kopecks [4, pp.122–122]. A couple of years later, the salary of prison officers was increased almost 2 times (SAKK. Fond 461, reg.1, f. 181, sh. 2–3). This fact testifies to the emergence of certain guarantees of social protection of penitentiary institution employees on the part of the state.

The issues of arrangement of the military prison were also in focus of the Committee's work. So, already in 1866, a stone punishment cell under an iron roof was built at the military prison to hold "more important criminals". On June 20 , 1870 the Military Board informed the Prison Committee that the "overhaul of the prison building, begun by the Military Architect since October of the previous year, according to the estimate approved for that in the District Engineering Department of the Caucasian Military District in the amount of 3,493 rubles, is be completed by September 15, 1870" (SAKK. Fond 461, reg. 1, f.113, sh. 12). In 1871, in the prison, "renovation of buildings in the amount of 1,583 rubles was carried out" [7, p. 293].

At the same time, despite active charitable activities of the Prison Committee, it was objectively impossible to provide a solution to the problem of the unsatisfactory state of prisons due to a general lack of financial resources.

In addition to the unsatisfactory living conditions of convicts, there were problems with "the staff of institutions, since even general approaches to solving personnel issues have not yet been developed" [16, p. 182].

The head of the Kuban Oblast exercised supervisory functions over regional prisons. Direct management of places of detention was carried out by prison wardens, whose duties included overseeing the observance of cleanliness, order, righteousness by prisoners and caring for the correction of criminals' morality based on religious norms. For this purpose, priests were required to perform religious rites for prisoners,

administer the Sacrament of Reconciliation.

Those sentenced to imprisonment were allowed visits with relatives. At the same time, prison wardens carefully monitored the procedure for organizing visits with prisoners. So, in January 1868, the Yekaterinodar Military Committee announced that "persons arriving for a date are accepted by the prison warden exclusively on Sundays and holidays an hour before lunch, and those arriving later than the set time will be deprived of the right to a date" (SAKK. Fond 461, reg. 1, f. 3, sh. 15). This rule was dictated by the need to regulate the organization of visits with detainees in the Yekaterinodar military prison and obliged visitors to appear at the time prescribed by law. In general, the opportunity for prisoners to meet relatives was a progressive step, since family ties play an important role in the correction of convicts.

At the end of the 1860s, the issue to construct a "military prison castle" in Yekaterinodar became critical due to the growing population of the Kuban and the increase in the number of convicts. In 1867, the project of a new prison was approved, in which the architect took into account the latest achievements in the construction of penitentiary institutions in Europe. Unfortunately, the construction of the building, which was to have been finished by October 15, 1871, stretched for almost 10 years, since the contractor, merchant F.K. Gelfond, was dismissed from further construction for violating the contract and the work was suspended for a long time.

On June 26, 1876 the Ekaterinodar regional prison was inaugurated. The territory of the prison, built of solid brick, was divided into sectors, due to which prisoners were transferred from one sector to another, when their behavior corrected, while there was a "change in the conditions of the detention regime" [12, p. 185]. It should be noted that this principle is reflected in the modern penitentiary system.

By the beginning of the 1880s in the prison, surrounded by a "brick wall of proper height" (SAKK. Fond 454, reg. 1, f. 1388, sh. 2), there were "7 departments, including 2 two-story brick buildings for the detention of prisoners: the first – a building of the general prison wards of 27 rooms, the second – a building of 60 cells for solitary confinement; for female prisoners a brick one-story outbuilding was intended. On the prison territory there was a building for the accommodation of employees, a bathhouse, and a laundry" [9, p. 139].

The number of persons held in the Ekaterinodar prison continued to increase annually. According to the information from the report of the Kuban Regional Government for 1879, a total of 1,171 convicts were held in prison (SAKK. Fond 454, reg. 1, f. 1388, sh. 2). In 1882, 1,195 people served their sentences in prison, of which: 858 were civilians, 336 were Cossacks of the Black Sea Cossack Host. In 1885, out of 1,372 prisoners, there were 984 civilians, and 288 Cossacks (SAKK. Fond 454, reg. 2, f. 96, sh. 21), which indicates the predominance of civilians among the prisoners.

In February 1906, the head of the Kuban Oblast decided that it was necessary to examine the conditions of detention of prisoners in the Yekaterinodar prison; for this purpose a special commission was created. The members of the commission inspected the living quarters and found out that almost all single cells housed several people, overcrowding was also observed in the common cells, at the time of the inspection there were 580 prisoners in the prison. According to the results of the survey, the commission came to the conclusion that "it is necessary to reduce the number to 400 prisoners" (SAKK. Fond 583, reg. 1, f. 230-A, sh. 406).

The data for 1906 contained information that "in the Yekaterinodar prison, which "served" not only the city, but also Cossack villages, rural communities and mountain villages of the Yekaterinodar department, a total of 2,854 people were held. By estates, the prisoners were distributed as follows: hereditary nobles – 23 people, personal nobles – 17, merchants – 5, burghers – 558, peasants – 1,635, Cossacks of the Black Sea Cossack Host – 285, the military – 5, highlanders – 161, other estates – 148 people" [12, p. 186].

In her memoirs P.I. Vishnyakova, a participant in the revolution of 1905–1907 in the Kuban, described the Yekaterinodar prison as follows: "... cramped, extremely dirty, especially for women, with a cement floor, dirty walls and full of bedbugs. There were no walks, unlike other prisons. There was no supply of books. Food was served in rusty tanks... They took me to the bathhouse every two or even three months" [4, p. 286].

There was an eight-place infirmary at the Yekaterinodar military prison, where first aid was provided to prisoners. There was a sufficient number of local military infirmaries, where ill prisoners were treated. In August 1909, the construction of a new hospital building at the Yekaterinodar regional prison was completed;

then sick prisoners were transferred "to newly built premises" (SAKK. Fond 657, reg. 1, f.1, sh. 46).

The issues of expanding places of detention were relevant in Yekaterinodar at the beginning of the 20th century. So, in December 1908, on the proposal of the head of the Kuban Oblast, in pursuance of a telegram from the Main Prison Administration, the commission consisting of the regional engineer of the state councilor Kundukhov, the head of the second department of the Kuban Regional Government of the state councilor Voloshin and the head of the Yekaterinodar regional prison Shpilevoy, with the participation of the Yekaterinodar merchant L.N. Trakhov, inspected the place where the state-rented arrest house built by the former prison head, state councilor Skochko was located. Having made the appropriate conclusions, the commission decided to expand an arrest room onto the "free area, outside the prison fence – to the east, between the wall fence and the Kuznetsov brick factory" by constricting an "extension from both sides", since to expand this room is "impossible otherwise" (SAKK. Fond 657, reg.1, f. 1, sh. 28).

As a result, in December 1908, the Kuban Regional Government and the Yekaterinodar merchant L.N. Trakhov made an agreement on the construction of an extension to the premises of the arrest house rented by the state from the wife of the state councilor Evdokia Ivanovna Skachko for the detention of prisoners. The contract contained a detailed description of the object. The building was supposed to consist only of common cells, without solitary cells and punishment cells. The overall size of the building as a whole and the individual cells had to correspond to the sketch approved by the General Prison Administration. In addition, 2 single cells available in the arrest house were to be converted into a visiting room and a water closet. The contract provided for the procedure for laying bricks, dimensions, materials planned for use and features of their application; special attention was paid to the arrangement of windows, doors, and ventilation. According to the contract, the contractor was obliged to lease the constructed building to the Kuban Regional Government with the rent collection for an 8-year period, during which he assumed obligations for external and internal repairs of the building and whitewashing twice a year (SAKK. Fond 657, reg. 1, f. 1, sh. 11). By the way, not only in the Kuban, but throughout Russia, private individuals lease premises for prison facilities. It is noteworthy that B.B. Shardanov, a railway engineer, also expressed a desire to perform contract work on the construction of this extension, as he stated in writing to the head of the Kuban Oblast. However, the amount of lease payments proposed by B.B. Shardanov, namely 4,700 rubles a year, was significantly higher than that proposed by the merchant L.N. Trakhov – 3,750 rubles a year (SAKK. Fond 657, reg. 1, f. 1, sh. 2). This circumstance indicates that the best conditions for the performance of the contract were determined at the lowest cost of the price, and allows us to conclude about the origin of the principle of ensuring competition, which takes place in the modern system of public procurement, including for the penal system.

Upon completion of the work in August 1909, the commission chaired by the head of the 3rd department of the Regional Government of the collegiate assessor Sadilo accepted the building; on September 1, 1909 it started accommodating prisoners (SAKK. Fond 657, reg. 1, f. 1, sh. 48–50). It should be noted that after the expiration of the eight-year lease agreement for a building built on city land for the detention of prisoners, in November 1917, the head of the Kuban Oblast received a submission from the Kuban regional prison inspector about the need to "appoint a commission for its acceptation from the heirs of the deceased merchant L.N. Trakhov" (SAKK. Fond 657, reg. 1, f. 4, sh. 4). It seems that the prison department carefully monitored the conditions for fulfilling obligations under contracts, which is critical for the modern system of concluding contracts.

The premises of the Yekaterinodar regional prison gradually continued to expand. So, in July 1909, the Main Prison Administration approved the construction of an outbuilding at the Yekaterinodar regional prison, and in September of the same year, a plan for this building, worked out with the participation of the prison governor, was submitted for approval. According to archival documents, the outbuilding was leased to the prison department for an 8-year term, for a fee of 7,500 rubles a year, with the further transfer of the building to the property of the prison department. At the same time, the contractor, a merchant L.N. Trakhov, was provided an interest-free loan in the amount of 300,000 rubles from the "penalty capital" of the Kuban Oblast (SAKK. Fond 657, reg. 1, f. 3, sh. 9, 14, 16).

Moreover, in September 1909, the agreement was concluded between the Kuban Regional Government and the Yekaterinodar mer-

chant L.N. Trakhov on the construction of a building for prisoner detention at the premises of the Yekaterinodar regional prison, measuring "39.50 sazhens" in length and "6.76 sazhens" in width (SAKK. Fond 657, reg. 1, f. 2, sh. 31a). The contract contained mandatory conditions regarding exterior and interior decoration of the premises. The exterior one included conditions for laying bricks, in particular, two and a half bricks for the foundation and basement , two bricks for exterior walls, and one and a half bricks for interior walls. At the same time, the foundation and basement was necessarily set on cement, and walls – on lime and clay. In addition, to avoid dampness, the upper part of the basement had an asphalt layer half an inch thick (about 13 mm). As for the interior decoration, doors and windows were painted, ceilings and walls were plastered and whitewashed, iron grilles were installed on windows with double window frames, and fans – in furnaces and windows. Floors should be concrete in corridors and wooden in cells. According to the contract, the contractor had to lease the constructed building to the Kuban Regional Government for 8 years with a payment of 7,500 rubles a year. In addition, an interest-free loan in the amount of 30 thousand rubles was allocated to L.N. Trakhov for the construction of this building (SAKK. Fond 657, reg. 1, f. 2, sh. 31b).

In order to ensure proper supervision in places of detention, attention was paid to staffing of prisons with warders. So, in June 1910, the head of the Yekaterinodar regional prison sent a report to the Kuban Regional Government about the need to apply more 15 "prison guards" due to the completed construction of a new prison department by L.N. Trakhov and the transfer of prisoners there. The prison head clarified the proposed number of employees as such: a post in the kitchen would require 2 people; inside the building there would be 4 posts of 2 people, eight in total; at the side of the wall bordering the brick factory there would be an external post of 2 people, in addition, 2 "guards accompanying convicts" and one senior warden would be required. In addition, the head of the prison asked for "provision of the mentioned guards with weapons, equipment and uniforms" (SAKK. Fond 657, reg. 1, f. 3, sh. 37–38). In the same month, the head of the Kuban Oblast received a telegram signed by the head of the Main Prison Department Khrulev, in which it was allowed to employ 12 warders. One of them was paid 360 rubles, the rest – 240 rubles (SAKK. Fond 657, reg. 1, f. 3, sh. 40). Soon, in addition to this telegram, the Main Prison Administration clarified in writing why it had not found an opportunity to expand the staff by 3 more warders for the newly installed outdoor post at the side of the Kuznetsov brick factory, indicating that the military unit was responsible for outdoor protection of places of detention. In terms of material support for the prison staff, it was clarified that the issue of allocating funds would be resolved after receiving information about their hiring, and the prison management would be additionally notified about the provision of weapons and uniforms (SAKK. Fond 657, reg.1, f. 3, sh. 41–41). The resolution of the head of the Kuban Oblast on this document contained a requirement to establish a fence from the side of the brick factory. In July 1910, the head of the prison reported to the Kuban Regional Government that the warders had been hired and petitioned for "speedy provision of uniforms, equipment and weapons for the warders" (SAKK. Fond 657, reg. 1, f. 3, sh. 43).

The issues of arrangement of places of detention along with the construction of new and expansion of existing places of detention did not go unnoticed by the authorities. In August 1910, the Yekaterinodar regional prison was visited by the directors of the Prison Committee S. Beim, H. Bogarsukov, A. Kovalenko, I. Gorchakov and the adviser to the Regional Government G. Sementsov, who made a number of comments in the book. In particular, the arrest house built by Skochko had poor ventilation, and therefore it was necessary to "arrange good ventilation". In the building constructed by Trachov, it was necessary to make windows with slopes opening outwards, the baths in the chambers had to be replaced with "high tubs on thick legs, galvanized inside", in the "water closet at the hospital it was necessary to make high cement seats", and an appropriate hood on the wall with access to the roof. In addition to the increased attention to compliance with hygienic requirements, in particular, "stale air" everywhere, the inspectors drew attention to the fact that the women's department was "very crowded". The construction of one more floor was required. The result of the inspection was a petition of the commission members to the head of the Kuban Oblast for the construction of the floor above the women's department (SAKK. Fond 657, reg. 1, f. 3, sh. 45).

In 1912–1913, two additional new buildings were built on the territory of the Yekaterinodar prison. This was due to the growth of the Kuban population and deterioration of the criminogen-

ic situation, reflected in criminal statistics for 2010-2012 [4, p. 346]. Therefore, the "number of those who needed to be isolated from society increased" [12, p. 186].

Unfortunately, the events of 1914, caused by the outbreak of the First World War, influenced further development of penitentiary institutions both in Russia as a whole and in the Kuban.

Thus, the development of the Kuban penitentiary institutions in general and Yekaterinodar, in particular, occurred during the period of mass settlement by the visiting population, which was not so typical for other territories and provinces of the Russian Empire. With the increase in the visiting population, the number of crimes and, accordingly, persons serving sentences in prison institutions went up as well. In connection with the above, the priority directions for the development of penitentiary institutions in Yekaterinodar were the following: expansion of existing and construction of new premises; ensuring the regime of detention of prisoners; provision of living conditions for prisoners; assistance to moral correction; improvement of medical care for prisoners, etc.

By the beginning of the 20th century, the Prison Committee, which was responsible for the entire Kuban penitentiary system, had made many steps in the development of prison guardianship in its areas of activity. The development of guardianship in relation to prisoners should be considered one of the mechanisms that solved the problem of improving the situation of prisoners. The financial basis of this activity was state funds and charitable funds received privately. No doubt, donations from benefactors improved the food ration of prisoners.

However, the penitentiary institutions of Yekaterinodar faced unresolved managerial, material, financial and other problems characteristic of the entire system of execution of sentences in the form of deprivation of liberty during the period under review – insufficient funding of prisons, unsuitability of prison buildings, which entailed overcrowding of existing places of deprivation of liberty, as well as unsatisfactory conditions of detention of persons serving sentences, despite the construction of new prison facilities. This crisis in the penitentiary system was triggered by general socio-political conditions in Russia at the beginning of the 20th century.

REFERENCES

1. Batchaeva M.K. *Deyatel'nost' rossiiskogo «Obshchestva popechitel'nogo o tyur'makh» vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka (na materialakh Stavropol'ya i Kubani): avto-referat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Activity of the Russian "Prisons Custody Society" in the second half of the 19th - early 20th centuries (case study of Stavropol and the Kuban): Candidate of Sciences (History) dissertation abstract]. Stavropol, 2009. 25 p.
2. Galkina N. I. *Institut tyuremnogo popechitel'stva v Rossiiskoi Imperii i ego osobennosti na Kubani: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [The institute of prison guardianship in the Russian Empire and its features in the Kuban: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Krasnodar, 2009. 30 p. Available at: https://kubsau.ru/upload/iblock/8c3/8c39e35854fa5423059963ffaea049e5.pdf (accessed September 1, 2021).
3. Gernet M.N. *Istoriya tsarskoi tyur'my : v 5 t.* [History of the tsarist prison : in 5 vol.]. Moskow : Gosyurizdat, 1960–1963.
4. *Ekaterinodar-Krasnodar: dva veka goroda v datakh, sobytiyakh, vospominaniyakh.... Materialy k letopisi* [Ekaterinodar-Krasnodar: two centuries of the city in dates, events, memories.... Materials for the chronicle]., 1993. 800 p.
5. Zakharov M.V., Spitsyna O.O., Lebedeva A.D. *Evolyutsiya rossiiskoi penitentsiarnoi sistemy v usloviyakh liberal'nykh reform 1861-1881 gg.: monografiya* [Evolution of the Russian penitentiary system in the conditions of the 1861-1881 liberal reforms: monograph]. Krasnodar: Krasnodarskii filial VYul FSIN Rossii, 2011. 183 p.
6. Krainskii D.V. *Materialy k issledovaniyu istorii russkikh tyurem v svyazi s istoriei uchrezhdeniya Obshchestva popechitel'nogo o tyur'makh* [Materials for the study of the history of Russian prisons in connection with the history of the establishment of "Prisons Custody Society"]. Chernigov: tip. Gub. zem., 1912. 133 p.
7. Lobova S.A. On the question of the Ekaterinodar Military Prison Committee. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki= Humanities, Social-economic and Social Science,* 2015, no. 11-1, pp. 292–294. (In Russ.).
8. Lobova S.A. *Stanovlenie i razvitie penitentsiarnoi sistemy Kubani v kontse XVIII v. – 1920-e gody (istoriko-pravovoe issledovanie): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Formation and development of the Kuban penitentiary system at the end of the 18th century – the 1920s (historical and legal research): Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Krasnodar, 2012. 29 p.
9. Martynova T.V. Development of the Kuban prison system in the first half of the 19th century. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta=Bulletin of Vladimir Law Institute,* 2006, no. 1, pp. 139–141. (In Russ.).
10. Nikitin V.N. *Tyur'ma i ssylka. Istoricheskoe, zakonodatel'noe, administra-tivnoe i bytovoe polozhenie zaklyuchennykh, peresyl'nykh, ikh detei i osvobozhdennykh iz pod strazhi, so vremen vozniknoveniya russkoi tyur'my do nashikh dnei. 1560–1880 g.* [Prison and exile. Historical, legislative, administrative and living conditions of prisoners, prisoners in transit, their children and those released from custody, from the time of the emergence of the Russian prison to the present day. 1560-1880]. Moscow: Kniga po trebovaniyu, 2011. 665 p.
11. *Osnovnye administrativno-territorial'nye preobrazovaniya na Kubani (1793-1985)* [Key administrative-territorial transformations in the Kuban (1793-1985)]. Krasnodar: Kn. Izd-vo, 1986. 100 p.
12. Ostapenko P.I., Siritsa I.V. History of the Yekaterinodar regional prison. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta=Bulletin of Vladimir Law Institute,* 2007, vol. 3, no. 4. 184–187. (In Russ.).

13. Pechnikov A.P. *Tyuremnye uchrezhdeniya rossiiskogo gosudarstva (1649 – oktyabr' 1917 gg.): istoricheskaya khronika* [Prison institutions of the Russian state (1649 – October 1917): historical chronicle]. Moscow: Shchit-M, 2004. 324 p.
14. Piontkovskii A.A. *Tyur'movedenie, ego predmet, soderzhanie, zadachi i znachenie* [Prison studies, its subject, content, tasks and meaning]. Odessa: tip. Shtaba Odes. voen. okr., 1892. 16 p.
15. Poznyshev S.V. *Uchenie o karatel'nykh merakh i mere nakazaniya : kurs, sostavlennyi po lektsiyam* [Doctrine of punitive measures and measure of punishment: a course compiled from lectures]. Moscow: URSS, LENAND, cop. 2016. 181 p.
16. Rasskazov L.P., Uporov I.V. *Lishenie svobody v Rossii: istoki, razvitie, perspektivy: monografiya* [Incarceration in Russia: origins, development, prospects: monograph]. Krasnodar: Krasnodarskii yuridicheskii institut MVD Rossii, 1999. 490 p.
17. Rasskazov L.P. *Teoriya gosudarstva i prava: uglublennyi kurs: uchebnik* [Theory of state and law: advanced course: textbook]. Moscow : Infra-M, 2015. 559 p.
18. Slavinskii N.V. *Stanovlenie i razvitie instituta tyuremnykh inspektsii Ros-siiskoi Imperii i ego spetsifika na Kubani: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Formation and development of the Institute of Prison Inspections of the Russian Empire and its specifics in the Kuban : Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Krasnodar, 2009. 27 p.
19. Tagantsev N.S. *Russkoe ugolovnoe pravo: lektsii: chast' obshchaya: v 2 t.* [Russian Criminal Law: lectures: general part: in 2 vol.]. Compiled and edited by N.I. Zagorodnikov. Moscow: Nauka, 1994. 21 p.
20. Uporov I.V. *Penitentsiarnaya politika Rossii v 18–20x vv.: istoriko-pravovoi analiz tendentsii* [Penitentiary policy of Russia in the 18th–20th centuries: historical and legal analysis of trends]. Sankt-Petersburg: Yurid. tsentr Press, 2004. 608 p.
21. Foinitskii I.Ya. *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [The doctrine of punishment in connection with prison studies]. Moscow, 2000. 462 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

IRINA L. IZYUMSKAYA – Candidate of Sciences (Law), Law Department of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: rochka1919@rambler.ru, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8823-7592

Received July 1, 2021

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-835-843
UDC 34.01

Intellectual Nature of Law in the Basic Concepts of Understanding Law

ALEKSEI A. KOSYKH
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3563-6848, e-mail: lexovip36@mail.ru

A b s t r a c t
Introduction: formation of legal norms and their transformation, creation of the legal system, specialization and sectoral differentiation of legal norms indicate constant qualitative, intellectually grounded development of law. In the article the author analyzes basic concepts of understanding law (natural, historical, psychological, normative, Marxist, of anthropological approach) in order to determine the essence (nature) of law. The study of essential foundations of law is a fundamental task not only for the theory of law and state, but also for other sciences (philosophy of law, sociology of law, history of legal doctrines). The *purpose* of the work is to study an intellectual nature of law on the basis of analysis of various concepts of understanding law. *Methods:* the author's key conclusions and findings are based on the use of materialistic dialectics in comparative legal, sociological and historical methods. *Discussions:* it is noteworthy that in each concept of understanding law, intelligence (mind, reason, common sense) is considered by scientists as an integral element of the process of legal education. *Conclusions:* taking into account the stated above, the author proposes to consider law within the framework of an anthropological approach as a result of human intellectual activity not only by its origin, but also by its essential basis, its nature. The author puts forward the thesis that law is the result of intelligence-based thinking activity of a person and suggests the author's definition of law.

K e y w o r d s : law, essence of law, reason, intelligence, concept of understanding law.

12.00.01 – Theory and history of the law and state; history of the law and state studies.

For citation: Kosykh A.A. Intellectual nature of law in the basic concepts of understanding law. *Penitentiary Science,* 2021, vol. 15, no. 4(56), pp. 835–843. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-835-843.

Introduction

The videoconference "ArtificialIntelligence-Journey" conducted in December 2020 ("AI Journey 2020") was devoted to the use of artificial intelligence. While discussing a topic "Artificial intelligence is a key technology of the 21st century", scientists noted that by 2025 there would have been more than 40 billion intelligent devices in the world, of which 90% would have had "smart functions with elements of artificial intelligence" [14]. In this regard, the following question has arisen. Will law preserve the intellectual potential developed over the centuries and what will its share be in the law of future? Is law a product of the intellectual sphere of human activity? In order to give answers to these questions, it is necessary to analyze the nature, understand the essence and content of law in the context of intelligence and intellectual activity.

The question of determining the essence and content of law is, perhaps, one of the fundamental for the entire theory of law. The essence and content of law is considered in philosophy of law; in fact, it does not simplify, but, on the contrary, to some extent complicates the solution of many problems, since philosophy does not give unambiguous answers to many questions, but calls for their comprehension. This is probably why Cicero called philosophy the science of wisdom ("philosophy is the love of wisdom").

It is worth noting that the concepts of "essence" and "content" are not identical. The

category "essence" reveals nature of the phenomenon and its purpose, defines features and properties. The essence is unchangeable, as otherwise the phenomenon itself will change. The essence of the phenomenon is expressed in its functions, that is, key activity areas (or activity itself). The category "content" is dialectically related to the category "form", acts as its paired category. If the form can be defined as external expression of something, an object or phenomenon, then the content is "the totality of those elements or processes that form the basis of objects and cause the existence, development and change of forms" [34, p. 463].

V.A. Tolstik and N.A. Trusov draw attention to the need to distinguish between the concepts of "essence of law" and "content of law", noting that the identification of these concepts is a methodological error, since violation of formal logic rules involves doubling of the conceptual apparatus. The scientists define the essence of law as the "main internal, relatively stable qualitative basis of law, which reflects its true nature and purpose in society" [32, p. 6]. In turn, the representatives of the Nizhny Novgorod law school define the content of law as a system of legal norms emanating from the state. Sharing this position in general, we consider precisely the essence of law, that is, its qualitative basis and true nature.

Essence of law in the basic concepts of understanding law

Political and legal schools of thought differ in the approaches to understanding the essence of law. Under the natural law theory of law origination, law is considered in terms of ideas of equality and freedom, justice, recognition of inalienable rights and freedoms of man, existence of rights reflecting the ideals of freedom and justice, which are the basis for law in its positive understanding. Thus, Hugo Grotius, dividing law into natural and will-established (which in turn he also classified into human and divine), wrote that law "has its source in will". Legislator's will is a source of domestic law, and divine will is a source of divine law. According to G. Grotius, natural law is based on "sound reason that recognize an action either morally shameful or morally necessary, depending on its conformity or contradiction to the most reasonable nature" [7].

Thomas Hobbes in his work "Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiasticall and Civil" wrote that "will of the legislator is the law ...". In turn, T. Hobbes understood natural law as "prescription, or a *found by reason (*emphasis added) general rule according to which a person is forbidden to do something that is harmful to his/her life or that deprives him/her of the means to preserve it ..." [4, p. 89].

Under the historical law school concept, law of every nation is an expression of historically formed common consciousness or common will of a given people. Gustav von Hugo noted that a written law arose due to the will of a sovereign, but at the same time emphasized that "not all legal provisions arose from written laws" [21, p. 44]. According to the scientist, law is "a rule established arbitrarily by the supreme power and prohibiting and prescribing something". The founder of the historical school of law, noting the awareness and recognition of legal norms as a mandatory feature of the effective operation of law, wrote that the "law used in life and recognized by judges, lawyers and legal scholars might differ from the law established by the legislator" [21, p. 46]. The successor of G. Hugo's ideas, Friedrich Karl von Savigny, described the essence of law as follows: law exists in the people's general consciousness as a popular conviction. He considered the domination of individual will as the essence of legal relations [29].

The psychological school of law considers the essence of law from the perspective of legal emotions and emotional and intellectual experiences of a person, which in one case are attributive in nature and associated with person's entitlement to something, and in the other – are imperative and arise as a result of a person's awareness of the responsibilities assumed. In pre-revolutionary Russia, this theory was developed most fundamentally in the writings of L.I. Petrazhitskii. The scientist proposed to classify law into intuitive and positive depending on the imperative-attributive experiences formed in human psyche in connection with legal facts. At the same time, the volitional side of education was not completely denied: "... in connection with the contract, before its conclusion, during the conclusion or after, there may also be a genuine expression of will" [24, p. 454].

Despite the fact that modern scientists consider L.I. Petrazhitskii's legal paradigm as sociologically oriented, having a social effect [31], and law as a socially-psychologically conditioned phenomenon [28, p. 121], the role of the intellectual principle (reason) in the formation and operation of law is repeatedly noted in the Russian-Polish scientist's works. First, legal norms were considered by L.I. Petrazhitskii as

a "special kind of phantasms", that is, representations arising due to the work of emotional and intellectual processes of a human body. The emergence of emotions about enabling or compelling was preceded by a process of intellectual awareness ("by association of ideas or conclusions"). Second, emphasis was placed on the need to transform the doctrine of legal phenomena in the theory of law into the doctrine of emotional and intellectual elements of legal experiences. Third, the founder of the Russian psychological theory of law divided intuitive and positive law in terms of "differences of intellectual composition". It is worth noting that L.I. Petrazhitskii did not consider intuitive law as ideal, but, on the contrary, he thought that the successful existence and development of society on the basis of one intuitive right was inevitably doomed to destruction. In a number of cases, the scientist called it "unreasonable, more backward, barbaric..." than positive law. Fourth, the fact of the publication of laws without intellectual awareness, according to L.I. Petrazhitskii, does not lead to the formation of law in the human psyche. So, despite the fact that human psyche is the source of law, according to the psychological concept, human intellect or reason acts as a tool of awareness and development of psychological emotions about law.

The normative school of law defines the essence of law exclusively as a derivative of will, regardless of any external factors. Immanuel Kant, the founder of classical normativism, associated the nature of law with a "categorical imperative", a requirement of a generally binding nature. Emphasizing the importance of I. Kant's ideas for the entire theoretical and legal science, Professor I.V. Mikhailovskii noted: "Kant was the first to give a philosophical justification for the self-purpose of the individual, its moral autonomy. Only from this moment we can talk about the idea of law" [20].

According to I. Kant's doctrine, law by its nature is a complex phenomenon, which, on the one hand, acts as a means of ensuring freedom, and, on the other, as a means of restraining human freedom in order to prevent negative consequences of the manifestation of physiological instincts, vices, human nature. The idea of reason as the initial beginning of the world of ideas and the world of things is reflected in all philosophical views of I. Kant. Speaking about legal understanding, he stated: "... law is precisely such a concept of arbitrariness based on pure practical reason, subject to the laws of freedom" [12, p. 5]. As L.S. Mamut rightly notes, "reason, according to Kant, is the ability (and will) to create principles and rules of moral behavior, which contains them as an internal a priori motive" [10, p. 401]. As for cognition of many phenomena, I. Kant contrasted intellectual and emotional or sensual in the context of law: for instance, he considered legal relations absolutely intellectual; possession should be realized, that is, thought of as such on the basis of an intellectual attitude to the subject, and not on the basis of feelings; commission of legally significant acts (acquisition, possession, use) is based on the will of interested subjects, which comes from reason; only "rational concepts" can be considered as legal, etc.

The German philosopher considered natural law exclusively as cognizable by *reason* (emphasis added) of every person, and state law is something that is in consciousness and is based on a priori principles. In general, according to I.Kant, "law does not appear, its concept is contained in mind and represents a (moral) property of actions inherent in themselves" [11, p.71].

Hans Kelsen tried to separate legal understanding of law from related sciences, such as psychology, philosophy, and sociology, to avoid "methodological syncretism". He described his theory of law as "pure", as it was about "jurisprudence, but not the politics of law" [13, p. 10]. According to G. Kelsen, law is a system of norms regulating human behavior, which are "oughtness" in their content. The famous philosopher considered the concept of "oughtness" much broader than simple duty: it combined the concepts of "must", "can" and "is entitled to". G. Kelsen contradicts "oughtness", that is, what is enshrined in the norms of law (what ought to be), to "isness", that is, what really is. The ability to determine the degree of conformity of "isness" to "oughtness" is assigned to human consciousness. Due to the mental process of comparing real events with norms of the Civil, Criminal, Criminal Procedure Code or the Constitution they become legitimate. According to G. Kelsen, "the content of "oughtness", that is what a positive moral or legal order dictates, is determined by acts of will, and only then cognized" [13, p. 15]. At the same time, the Austrian scientist stressed that the rule of law could be the result of cognition, and not just person's will. In this case, this is not a positive norm, since it is not put into effect, but a mental prerequisite.

Herbert Hart is a representative of the neopositivist trend in understanding law, who has become known as the creator of the linguistic

theory of law. The English philosopher G. Hart generally shared Kelsen's concept of understanding law. According to K.G. Prokof'ev and D.V. Shkrum, the "stumbling block" of the theories of G. Kelsen and G. Hart was the question of the nature of the "basic norm": G. Kelsen's theory justified the a priori nature of the "basic norm", and G. Hart insisted on the empirical nature of normative facts [25, p. 192]. For G. Hart the essence of law consists in the unity of primary rules, which are binding, and secondary rules – those of change, recognition and trial. Having developed a formula of primary and secondary norms of law, as well as primary and secondary norms of morality, G. Hart draws a line between them: "the statement that law should correspond to morality in some more far-reaching respect ... needs a very serious verification" [35, p. 204]. At the same time, law and morality in the theory of G. Hart are interconnected by the requirement of justice. The intellectual principle in understanding law is also disclosed in the doctrine: the principles of true morality and justice can only be cognized by human mind; human mind is able to give a critical assessment of law and prove its justice or injustice; "reason" itself "requires voluntary cooperation in the system of coercion" [35, p. 200].

Besides, it is worth mentioning perhaps the most influential philosophical school of the twentieth century – the Marxist theory of law. The "representatives" of this direction define law as will of the ruling class raised into law and consider it as a superstructure over the economic basis of society. The term "representatives" is marked with quotation marks for a reason. After all, such an understanding of the essence of law often did not reflect true ideas of the materialist concept, but was a distorted interpretation (especially in the political and legal doctrine of the Soviet period) of the teachings of K. Marx and F. Engels. And this is quite understandable. To criticize political and legal ideas of Marxism-Leninism in the Soviet period was apolitical, if not illegal, therefore, the perception and misunderstanding of K. Marx and F. Engels' ideas was expounded eclectically by some scientists in the scientific works of others without conducting a detailed, comprehensive and critical analysis. As a result, the essence and content of many concepts remained distorted and were conveyed to the reader even in more distorted way.

Here are a few statements of Soviet scientists. A.Y. Vyshinskii was one of the first to define law as a "set of rules (norms) of conduct established or sanctioned by the Soviet socialist state, expressing will of the Soviet people..." [22, p. 183] during the 1st Meeting of Law Researchers in 1938. The stated approach to understanding law became to some extent a "standard" for the entire theoretical and legal science and was recognized by many leading legal theorists. So, O.S. Ioffe and M.D. Shargorodskii studied law on the basis of the "assumptions that the general definition of the concept of law given in 1938" [9, p. 59]; N.G. Aleksandrov described the interpretation of law put forward by A.Ya. Vyshinskii as "unequivocally correct" [1, p. 204]; the definition of law suggested by G.I. Fed'kin was considered a "new edition of Vyshinskii's definition" [5, p. 19]. A.A. Gordienko, though criticizing A.Ya. Vyshinskii's teaching (in his work "Essence of Soviet law and its role in socialist society" he called the definition proposed by A.Ya. Vyshinskii imposed and containing obvious vices), also considered law as "state will of the working class raised to the status of law and the workers led by it", and essence of law – as the "objective content of state will" [5, p. 23].

In the famous "Manifesto of the Communist Party" by K. Marx and F. Engels law is defined as "the will of *your class* (emphasis added) raised to the status of law, the will whose content is determined by the material conditions of life of your class" [36, p. 42]. However, here the famous philosophers are talking about bourgeois law, that is, about the law that is exploitative, the law that is in the bourgeois' pocket, the law that needs to be fought. V.M. Syrykh, describing the materialist theory of law as a falsified Soviet legal science, writes: "K. Marx and F. Engels, contrary to the claims of Soviet authors, did not say or write that the state will of the economically and politically ruling class is the essence of law, and state coercion is its main distinguishing feature" [30, p. 14]. And indeed, K. Marx mentioned in the "Critique of Political Economy" in 1959: "they (legal relations) are rooted in material life relations, the totality of which Hegel, following the example of English and French writers of the 18th century, calls "civil society" ..." [18, p. 6]. Thus, material life relations, according to the teachings of K. Marx, are the basis of legal relations, or, as scientists note, law itself.

This position can be seen in the works of the Soviet scientist A.I. Denisov. A.I. Denisov's followers note that he was an adherent of the historical and class approach. V.V. Lazarev, for

example, spoke of A.I. Denisov as a scientist who "quite sincerely propagandized (in part of the Soviet state developed) the Marxist theory of the state" [15, p. 108]. Despite the fact that law, according to A.I. Denisov, is the will of the ruling class raised into law, the essence of law is not will (thereby criticizing the "bourgeois theorists"), but living circumstances of people. In addition, Professor A.I. Denisov considered law in an objective sense, as an act or a set of acts, and law in a subjective sense, as a competence. The ideas of rationalism can be traced in the question of understanding the essence of law: "one cannot understand law without addressing the question of freedom, will and relationship between freedom and necessity" [8, p. 299]. At the same time, will, according to the scientist, is something conscious, a result of conscious social relations, a conscious necessity or a kind of consciousness.

Returning to the ideas of K. Marx and F. Engels, it is worth noting that not only economic or volitional aspects in understanding different sides of the world structure were touched upon in the works of German philosophers. Appeal to reason (intelligence, including "universal intelligence") as a phenomenon that accompanies many aspects of social life gives reason to consider Marxism from the standpoint of rationalism. The philosophy of Marxism, having triggered rethinking of many philosophical problems, also disclosed the issue of finding balance between rational and irrational. The American historian Allan Megill in one of his works "Karl Marx: the Burden of Reason" noted: "The intent of my research is to prove that the Marx should be understood as a "rationalist" [19, p. 15]. Despite the controversial and illogical nature of some theoretical conclusions in the work of A. Megill, the sincerity and desire to prove the noted hypothesis deserve respect.

As for understanding the state and law, German philosophers' works quite often contain the ideas of rationalism expressed in such concepts as "state reason", "reason and law", "reasonable will", "reasonable law", and "moral reason". In one of the first journalistic articles "Comments on the Latest Prussian Censorship Instruction," written in 1842, K. Marx noted that "the government's mind is the only state mind" [16, p. 8]. "The Leading Article in No. 179 of the K lnische Zeitung" reveals that the "socio-educational role" of the state should consist in its "reasonable and social existence" [17, p. 103]. Rationalism in understanding of law in the ideas of K. Marx can be expressed by the following theses.

To begin with, the state and law are integral elements for construction and functioning of public life. At the same time, reason and society are at the heart of the emergence and construction of both the state and law. Developing this idea, N.A. Vlasenko contemplates the reasonability of the modern state and the role played by society as a fundamental element of statehood [2, p. 10].

Furthermore, the development of law and the state is determined by material economic relations of the society. Law (as well as the state) in this case acts as a way or means to ensure preservation, development and multiplication of existing ties between people. They help the society members eventually acquire something valuable, necessary, and vital.

Besides, the material economic relations that make up customary law can become acts and acquire the status of state, only if they do not contradict reason and law. Contradiction or non-contradiction to reason and law is defined as the result of consciousness or unconsciousness of the goals defined, tasks set, actions carried out. The state, according to the ideas of Marxism, "therefore acts according to conscious goals, cognized principles and according to acts that are acts not only in themselves, but also for consciousness".

And in general, it is worth noting that the revolutionary, anti-bourgeois ideas that are laid down in K. Marx and F. Engels' works were aimed at achieving the necessary level of "intellectual development of the working class".

In the presented study, it is impossible to ignore modern concepts of legal understanding, among which, within the framework of the paragraph under consideration, the integrative type of R.A. Romashov's understanding of law is of particular interest. Professor R.A. Romashov suggests considering law as a regulatory and protective system, endowing it with 2 main features: general significance and effectiveness. According to this concept, law consists of generally valid norms (rules) to ensure security, social stability and development [26]. In addition to the components of law indicated by scientists (legal doctrine, legal values, legal experience, legal tradition, legal doctrine), it seems justified to note legal beliefs and legal attitudes. Though they do not constitute law, but have an important impact on the process of its formation.

The anthropological concept of understanding of law developed by V.I. Pavlov is of scien-

tific interest. In our opinion, it has a completely non-standard, but methodologically sound approach to understanding law and its essence, as well as comprehending the place and role of a person in the legal system within the framework of the concept of "man-in-law". First of all, our attention is drawn to the fact that Belarusian scientist denies classical concepts of understanding the essential nature of law, which is expressed in norms, acts, will of the legislator or justice. The researcher believes that law does not and cannot have any substantial basis, that is, the essence as true existence of law. Law, according to V.I. Pavlov, is the essence (existence).

In terms of the proposed anthropological approach (direction under the anthropological approach), law is implemented not in the norm, but in "real, daily experience of legal existence, at the intersection of a person, norm of law and fact of legal life" [23, p. 85]. In addition, V.I. Pavlov's anthropological concept considers a person in a somewhat unusual way – in terms of the "energeticity principle", that is, as a certain set of manifestations or energies (unlike essence in classical anthropology). Drawing a parallel with understanding of man in the Orthodox tradition, human or human existence is defined as an energetic image (a center of energy). At the same time, V.I. Pavlov, sharing the stance of Kh. Yannaras, S.A. Chursanov, V.N. Losskii, emphasizes the impossibility of attributing the human personality even to such aspects of it as human nature, reason, free will, mind.

At the same time, despite the conceptual development of the theory under study there are still certain issues for scientific discussion. First, if we consider a person as a kind of "energetic image", the nature or source of this energy requires explanation, given the author's refusal to regard reason, free will or mind as such. After all, the first law of energy conservation stipulates that energy cannot come from nowhere and disappear into nowhere. In our opinion, producers of this energy may be indicated sides of human personality: reason, free will or mind. It is worth noting that in some of the above definitions of "energy", V.I. Pavlov himself suggests considering this phenomenon as the "eternally driving force of a *reasonable* (emphasis added) human soul" [23, p. 75]. Second, based on the proposed formulas, such as "law is existence" and "man-in-law", it is sensible to pose a question about their applicability to other social or natural world phenomena. Is it possible to analyze by analogy the emergence and existence of other social regulators: traditions, customs, and religious norms? Is it possible to use the formula "law is existence" for traditions or customs? In our opinion, the questions remain open. Third, the anthropological type of understanding of law focuses on the formation of law, taken as the "legal existence of a person-in-law". Nevertheless, the issue of understanding the causes of law emergence and development among some peoples and its absence up to the present time among others (for instance, among tribes living on the territory of modern Pakistan or Cambodia) remain unresolved within the framework of the anthropological concept. It is doubtful whether the given concept can explain the reasons for such a long absence of legal norms in antiquity.

Intellectual nature of law

Understanding of the essence and nature of law differ in various scientific schools. At the same time, in every theory intelligence (mind, reason, common sense) is considered as an integral element of the law formation process. Taking into account the above, within the framework of an anthropological approach the author proposes to consider law as a result of human intellectual activity not only by its origin, but also by its essential basis, by its nature.

The thesis concerning the intellectual nature of law is supported by the following findings. First, historical development of society involves accumulation of qualitatively new knowledge, which is the result of human intellectual activity and which drives social advancement. Law is a product of rational thinking, it is a special value indicating a social development level. Throughout history, law has absorbed all the fundamental values and moral attitudes of this society and, from a formal legal point of view, has fixed them in the norms of legislation. As N.A. Gredeskul noted, law is a wise man who "works tirelessly, striving to achieve the good that is practically possible in this hostel, who never comes to despair, because he appreciates the results that he manages to achieve with his efforts" [6, p. 54].

Second, law is addressed to a person and only to a person. Despite the fact that there are cases when inanimate objects or animals could act as a subject of law (for example, legal personality of animals is presented in the legislation of Anglo-Saxon legal system countries), they are rather exceptions to the rules, since law ultimately has its effect on a person, including in the case of these inanimate objects or animals, when a person acts as a link. Only man, unlike

other representatives of the animal world, has the degree of intellectual abilities development necessary for law and its positive impact.

Third, the intellectual nature of law is confirmed by its constant development. The origin of legal norms, their transformation, acquisition of systemic and structural properties, formation of the legal system in its modern sense, specialization and sectoral differentiation of legal norms, emergence and differentiation of subjects and methods of legal regulation, legislative consolidation of legal norms, and enhancement of technical and legal methods and means of formulating and consolidating legal norms prove a constant qualitative, intellectually grounded development of law. It is worth adding that modern man is at an advantage, since "inheriting" all the achievements in the field of law developed by a thousand-year history. It is appropriate to quote A. Rand here: "man is the only species that can expand and transfer his/her knowledge base from generation to generation; the amount of knowledge potentially available to man is more than any person can even begin to comprehend during one of his/her life" [27, p. 55].

Next, the author is to substantiate the chosen title – "intellectual nature of law". Thus, it is necessary to turn to the correlation of concepts of "intelligence", "common sense", and "reason". All three concepts characterize varieties of mental activity, which consists in cognition of phenomena or objects of the surrounding world, or thinking. Explanatory dictionaries reveal the concept of intelligence as the "ability of thinking, intelligent cognition, mind, reason, common sense". For example, the philosophical dictionary reveals the concept of "intelligence" (from Lat. intellectus– cognition, understanding, common sense) as similar to the concept of "mind" in the following meanings: "ability of thinking, rational cognition, in contrast to such mental abilities as feeling, will, intuition, imagination" [33]. The study of scientific literature on the methodological aspects of relationship between intelligence, reason and common sense allows us to conclude that common sense is the initial link in cognition; it transforms thoughts, ideas and images into an identifiable model with the help of a linguistic form. Intelligence is a developed form of common sense, which combines both inductive (common sense is limited only to the inductive method of thinking) and deductive thinking. Intellectual thinking, unlike common sense, is characterized by a higher speed of mental operations; it also uses such irrational forms of thinking as intuition, foresight, imagination. As for reason or rational thinking, it should be defined as the highest thinking ability of a person. Reason as opposed to common sense, according to I. Kant, "retains only absolute totality in the application of rational concepts and strives to bring the synthetic unity, which is conceived in categories, to the absolutely unconditional" [11].

Acknowledging the works of philosophers and legal theorists of the past, it is worth recognizing that reasonable thinking in the context of understanding the nature and essence of law, as the highest manifestation of thinking abilities of the human body, was not accidental. It was caused by the desire to absolutize and give an unconditional character to law as the greatest achievement of human (namely human) progress. However, if law were a product exclusively of logos (nous, the Word of God) without participation of human intellectual thinking, then the lag between legal regulation and technological progress would hardly be so obvious; according to some scientists, the gap can amount to 10 years. Another example is related to the endless array of additions and amendments made to the current legislation, indicating low quality, haste in the adoption of laws, lack of conceptuality in planning and forecasting legal regulation results. There are many examples related to the problems of force of law. The cause of this, according to N.A. Vlasenko, lies in reason itself, which can neglect consistent patterns of law, manipulate legal mechanisms or simply "do not respect it" [3, p. 12]. And in general, it should be mentioned that reason is not an absolute quantity, it is flawed and often limited by objective and subjective factors.

Conclusions

Intelligent thinking is a unique phenomenon, an ability and at the same time a principle of human life. Only man as a rational being is able to change a surrounding reality and resist harmful influence of nature, unlike animals that adapt to their habitat. And law in this aspect is directly related to reason. Reason simultaneously acts as a) the essence of law, its source; b) the principle (reasonableness principle) underlying the system of construction, development (improvement) and functioning of legal mechanisms; c) the means underlying understanding of law and interpretation of law expressed in legal norms.

Thus, based on the analysis, the author proposes the following definition of law: this is the result of intelligence-based thinking activity of a person, expressed in the information complex

of rules of conduct, synergistically organized into the orderly system. According to the given definition, the features of law are as such: consistency and intellectual derivativeness. Consistency should be understood as an ordered system, united by the presence of internal and external relations, a set of norms (rules of conduct). Internal consistency involves the presence of properties of integrity, self-regulation, continuity and integration of the legal system. External consistency implies the interaction of the legal system with other regulators of public behavior. Intellectual derivativeness is characteristic of the following: law is the result of intelligence-based thinking activity of a person.

REFERENCES

1. Aleksandrov N.G. *Pravo i zakonnost' v period razvernutogo stroitel'stva kommunizma* [Law and legality during the period of extensive construction of communism]. Moscow: Gosyurizdat, 1961. 271 p.
2. Vlasenko N.A. Methodological problems of the modern theory of law. *Zhurnal rossiiskogo prava=Journal of Russian Law,* 2019, vol. 268, no. 4, pp. 5–19. (In Russ.).
3. Vlasenko N.A. *Razumnost' i opredelennost' v pravovom regulirovanii* [Reasonableness and certainty in legal regulation]. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii: INFRA-M, 2014. 157 p.
4. Gobbs T. *Leviafan, ili materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan or the matter, forme and power of a commonwealth ecclesiasticall and civil]. P. 89. Available at: http://lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt (accessed February 15, 2021)
5. Gordienko A.A. *Sushchnost' sovetskogo prava i ego rol' v sotsialisticheskom obshchestve* [Essence of Soviet law and its role in socialist society]. Tashkent: Fan, 1967. 147 p.
6. Gredeskul N.A. *K ucheniyu ob osushchestvlenii prava. Intellektual'nyi protsess, trebuyushchii dlya osushchestvleniya prava* [To the doctrine of the exercise of law. Intellectual process that requires the exercise of law]. Kharkov: tip. A. Darre, 1900. 235 p.
7. Grotius G. *O prave voiny i mira. Kniga pervaya.* [On the law of war and peace]. Available at: https://www.civisbook.ru/files/File/Groziy_Kn1.pdf (accessed February 15, 2021)
8. Denisov A.I. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of the state and law]. Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo Ministerstva yustitsii SSSR, 1948. 532 p.
9. Ioffe O.S., Shargorodskii M.D. *Voprosy teorii prava* [Law theory issues]. Moscow: Gosyurizdat, 1962. 381 p.
10. *Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii: uchebnik dlya vuzov* [History of political and legal doctrines: textbook for universities]. Ed by V.S. Nersesyants. Moscow: Izdatel'skaya gruppa NORMA–INFRA-M, 2000. 736 p.
11. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. Available at: https://ebooks-free.net/kniga/kritika-chistogo-razuma.html (accessed March 4, 2021).
12. Kant I. Groundwork of the metaphysics of morals. Part 1. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii : nauchnaya elektronnaya biblioteka* [Civil Society in Russia : Scientific Electronic Library]. Available at: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_Metaphisika_2.pdf (accessed March 4, 2021).
13. Kelzen G. *Chistoe uchenie o prave* [Pure theory of law]. Saint-Petersburg: OOO Izdatel'skii Dom "Alef-Press", 2015. 542 p.
14. Conference on Artificial Intelligence. *Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossii.* [Official web-site of Russian President]. Available at: http://www.kremlin.ru/events/president/news/64545 (accessed February 15, 2021).
15. Krotkova N.V. General theory of law: history and current state. the 110th anniversary of the birth of A. I. Denisov (1906-1984). *Gosudarstvo i pravo=State and Law,* 2017, no. 4, pp. 107-125. (In Russ.).
16. Marx K. Comments on the latest Prussian Censorship Instruction. *Marxists Internet Archive.* Available at: https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t01.pdf (accessed March 4, 2021).
17. Marx K. The Leading article in No. 179 of the K lnische Zeitung". *Marxists Internet Archive.* Available at: https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t01.pdf (accessed March 4, 2021).
18. Marx K., Engels F. Sochineniya. T. XII. Ch. 1. [Essays]. Vol.12. Part 1. Ed. by V. Adoratskii. Moscow: Partizdat TsK VKP(b), 1935. 603 p.
19. Megill A. *Karl Marks: bremya razuma* [Karl Marx: the burden of reason]. Translated from English. Moscow: Kanon +, 2011. 335 p.
20. Mikhailovskii I.V. *Ocherki filosofii prava. T. 1* [Essays on the Philosophy of Law. Vol. 1]. Tomsk, 1914. 632 p.
21. *Nemetskaya istoricheskaya shkola prava* [German historical school of law]. Chelyabinsk, 2010. 528 p.
22. *Osnovnye zadachi nauki sovetskogo sotsialisticheskogo prava : doklad A. Ya. Vyshinskogo, preniya i zaklyuchitel'noe slovo na I soveshchanii po voprosam nauki sovetskogo gosudarstva i prava (16–19 iyulya 1938 g.)* [Key tasks of the science of Soviet socialist law: A.Ya. Vyshinsky's report, debates and closing remarks at the First meeting on the science of the Soviet state and law (July 16–19, 1938)]. Moscow : Yurizdat, 1938. 192 p.
23. Pavlov V.I. On the question of the anthropological type of understanding law. *Pravovedenie=Understanding Law,* 2015, vol. 321, no. 4, pp. 71–97. (In Russ.).
24. Petrazhitskii L.I. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei nravstvennosti* [Theory of law and the state in connection with the theory of morality]. Vol. 2Saint-Petersburg, 1910. 758 p.
25. Prokof'ev K.G., Shkrum D.V. G. Kelsen and G. Hart on the regulatory nature of the means of legal and moral regulation of social processes. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'=Legal Science: History and the Presence,* 2019, no. 9, pp. 188–195. (In Russ.).
26. Romashov R.A. Realistic positivism: integrative type of modern understanding of law. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie= Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie,* 2005, vol. 258, no. 1, pp. 4–11. (In Russ.).
30. Rusakov V.M., Rusakova O.F. Problem and categories of rational and irrational in Classical Marxism. *Diskursologiya: metodologiya, teoriya, praktika= Discoursology: methodology, theory, practice,* 2018, no. 11, pp. 190–222. (In Russ.).

27. Rand A. *Dobrodetel' egoizma* [The Virtue of Selfishness]. Moscow: Al'pina Pablisher, 2018. 267 p.
28. Savenkov A.N., Gorban' V.S. L.I. Petrazhitsky as a sociologist of law. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies,* 2019, no. 3, pp. 118–128. (In Russ.).
29. Savigny F.C. *Sistema sovremennogo rimskogo prava* [System of the Modern Roman Law]. Vol. 1. Translated from German by G. Zhigulin. Edited by O. Kutateladze, V. Zubary. Moscow: Statut, 2011. 510 p.
30. Syrykh V.M. *Materialisticheskaya teoriya prava: Izbrannoe* [Materialistic theory of law: selected] Moscow: RAP, 2011. 1259 p.
31. Timoshina E.V. *Teoriya i sotsiologiya prava L.I. Petrazhitskogo v kontekste klassicheskogo i postklassicheskogopravoponimaniya: diss. ... d-ra yurid. nauk* [Theory and Sociology of Law by L. I. Petrazhitskii in the context of classical and post-classical understanding of law: of Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Moscow, 2013. 556 p.
32. Tolstik V.A., Trusov N.A. The notion of the content of law. *Gosudarstvo i pravo=State and Law,* 2014, no. 6, pp. 5–13. (In Russ.).
33. *Filosofskaya entsiklopediya* [Philosophical encyclopedia]. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2361 (accessed March 20, 2021)
34. *Filosofskii slovar'* [Philosophical dictionary]. Ed. by M.M. Rozental' and P.F. Yudin. M., 1963. 544 s.
35. Hart H. L. A. *Ponyatie prava* [The Concept of law]. Ed. by E.V. Afonasin and S.V. Moiseev. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007. 302 p.
36. Engels F., Marx K. Manifesto of the Communist Party. *Sotsialisticheskaya Al'ternativa: sait* [Sociological alternative: website]. Available at: https://socialist.news/pic/truestory/marx-permanent-revolution/communist-manifesto.pdf (accessed March 4, 2021).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ALEKSEI A. KOSYKH – Associate Professor of the Department for State and Legal Disciplines of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3563-6848, e-mail: lexovip36@mail.ru

Received May 12, 2021

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-844-853
UDC 343.9

Serial Murders

YURII M. ANTONYAN
All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0030-3031, e-mail: antonyan@yandex.ru

Abstract
Introduction: the article is devoted to very dangerous crimes that can be both sexual and non-sexual in nature. It provides key characteristics of serial killers, especially sexual ones, and discloses their criminal behavior. Purpose: uncovering of internal causes of such offenses through criminals' motivation and external contributing factors. Consideration of motivation is reasonable, as motives contain motivating forces of behavior, its personal meaning, i.e. what these criminal actions are committed for, what is their subjective benefit for the individual. *Discussion:* rapes and murders committed with extreme cruelty, violence against children and causing them serious injuries, various kinds of sexual perversions have always caused natural disgust, and consequently, unwillingness to engage in direct study of the identity of offenders. The article is based on the study of personality and behavior carried out by the author himself. *Results* the author identifies main features defining the specifics of serial murders, such as frequency of committing crimes; cliched nature of criminal acts; crime commission in conditions of non-obviousness; manifestation of a special externally unmotivated cruelty. The researcher classifies causes of serial murders, such as need for revenge; a way of self-affirmation; concealing traces of other crimes; purging humanity of immoral personalities, dishonoring the human race; psychological dependence on criminals' own behavior; connection with some religious cults.

Keywords: murder, rape, serial sexual murders, personality and causes of serial sexual murders.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law.

For citation: Antonyan Yu.M. Serial murders. *Penitentiary Science,* 2021, vol. 15, no. 4 (56), pp. 844–853. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-844-853.

Introduction

There are 2 main types of multiple serial murders:

– committed for sexual reasons (serial sexual murders);

– serial murders, unrelated to sexual motives and often committed by necrophiles.

The second type of serial murders is less common than the first, and mainly determined by hatred of people and necrophilic motives. On the surface, such crimes seem unmotivated or hooligan, but in fact they are neither one nor the other. Their motives are hatred of people, and all of them are characterized by necrophilia, which should be understood as a desire for the dead, a desire to make the living dead and look into that mysterious thing called death. This was true for "Bitsevsky (after the name of the park in Moscow) maniac "Pichushkin", who also tried to prove that he was not a "pichuzhka", i.e. a small bird, he was teased so much in childhood. He killed indiscriminately - men, women, children, there were about seventy of them.

The serial killer Luk'yanchuk was also a necrophile, who was an extremely disturbing personality, quite reasonably believing that his drug addiction and alcoholism were caused precisely by the fact that he was constantly waiting for trouble, although he did not know where it would come from. Socially, he was an absolutely lumpenized alcoholic, thrown out of normal communication for a long time and forever. He lived with a cohabitant (also an alcoholic and, according to him, with a mental retardation) and her mother, a disabled person of group 2 due to a broken leg, who also abused alcoholic beverages. The latter's cohabitant, Kriulin, also lived with them; he was also an accessory to mur-

ders committed by Luk'yanchuk. Kriulin was an alcoholic, had been in prison twice and also had no permanent home. He lived by catching stray dogs and eating them (as after-bites), and selling the skins. It is not difficult to guess what he spent money for.

The first murder was committed together with Kriulin in 1994.

Each murder (and Luk'yanchuk's own explanations about it) will be considered separately.

1. On October 10, 1994, together with Kriulin, he killed an unknown man by strangling him with a rope, and Luk'yanchuk was the initiator of the murder, he also tightened the rope around the victim's neck. Kriulin helped him by holding the victim. The corpse was hidden together in a manhole, where it was discovered during the preliminary investigation.

Regarding this case, Luk'yanchuk said the following: "That day, at about 17 o'clock, I went to get vodka, and when I returned, my cohabitant Tanya told me that during my absence some guy had knocked on our window. We started drinking vodka with Kriulin and Tanya's mother. At this time, there was a knock on the door. Tanya looked through the peephole and said that the same guy who had knocked on the window came. I took a rope, Kriulin – a knife. They opened the door, Kriulin immediately hit him on the head with the handle of a knife, he did not even have time to say anything, and I still do not know what this man wanted. We took off his jacket and knocked him to the floor, I threw a rope around his neck, although the man asked him not to kill him. I suppressed him. Together with Kriulin, we threw the body into the manhole.

I had wanted to kill a man for a long time. I had not had a chance, and then he came himself (author's note: an unknown man he killed). I told Kriulin that he should be strangled, and Kriulin wanted to stab. He is an unknown person to me, he came to be killed, and he had to be killed. I wanted to sleep after it". He seemed to know that he had come for his death, that he had to be killed. In Luk'yanchuk's story, attention is drawn to the fact that he had wanted to kill a man for a long time, and he killed someone who had not done anything to him, Luk'yanchukdid not know him at all and saw him for the first time, but he had no doubt that he should be killed.

2. On December 7, 1994, Luk'yanchuk and Kriulin were drinking alcoholic beverages in the house of Luk'yanchuk's uncle, where their mutual acquaintance Losev was present. While drinking, Luk'yanchuk stabbed Losev several times in the neck, which caused him to die on the spot. Together with Kriulin, the corpse was thrown into the same sewer manhole as the body of an unknown man.

Luk'yanchuk told about this episode the following: "When they were drinking, Losev said that he was being tried. I thought he might stab me. So I grabbed a kitchen knife and stabbed Losev twice in the neck. I wanted to pierce his head, I did not seem to notice him. I was interested in his head, I did not like his head. I was angry. Then everything was unclear. I had nothing against Losev. Losev may have a kind heart, he is a good person".

3. At the end of December 1994, Luk'yanchuk, Kriulin and a brother of the murdered Losev, Anatolii Losev, were drinking again in the house of Luk'yanchuk's uncle. There was no quarrel between the drinking companions. Anatolii Losev, drunk, lay down on the sofa and fell asleep. Luk'yanchuk dragged him to the floor and killed him with 3 blows to the neck. Together with Kriulin, the corpse was dropped into the same manhole.

Luk'yanchuk gave the following explanations about this murder: "After the first murder, I carried a folding knife with me. I took him with me to defend myself from the friends of Losev, whom I killed. Anatolii did not suspect me of anything, although he talked about wanting to find his brother's killer. I do not remember well how I killed Tolik. I did not think why I was killing him. He himself is as quiet as a mouse. I do not know how to explain it".

4. On January 7, 1995, Luk'yanchuk, Kriulin and Potapov were again drinking in the house of Luk'yanchuk's uncle. Luk'yanchuk started a quarrel with Potapov and stabbed him several times in the neck. With the help of Kriulin and his uncle, he hid the corpse in the basement of the latter's house. About this crime, the killer said: "Lev (Potapov) was an uncle's neighbor, I saw a black-and-white TV-set at his house and wanted to steal it. But the TV-set broken".

In the same month, he tried to kill another drinking companion by stabbing him in the head, but he managed to escape.

First of all, Luk'yanchuk is a mentally ill person; a forensic psychiatric examination stated that he has schizophrenia. However, it is important to understand this personality and answer the question why he killed 4 people and endangered the life of the fifth person. Mental illness has definitely played a negative role here; however, not all mentally ill people commit a series of murders.

It is not difficult to notice that Luk'yanchuk has formed delusions of persecution, he is very afraid of everything, he does not know what exactly; therefore, his fear is global in nature and, in essence, it is a fear of death. This is a necrophilic, phobic, closed, maladapted personality, exceptionally close to death; he, like Kir'yanov, on the one hand, is afraid of it, and on the other hand, irresistibly strives for it. Luk'yanchuk said: "I helped death... I am scared without evil... I listened to its calls to kill". He felt like a servant of death. Moreover, in his sick imagination it took the image of a universal and all-consuming evil, but he did not consider this evil as negative; on the contrary, judging by his stories, it does not have sinister features, he feels good and peaceful with it. Evil is "always somewhere around", and he was under its protection. He was always drawn to death, so, according to him, he strangled drunks on the street, his roommate and her mother, but then he could still control himself and for this reason did not carry a knife with him.

Lukyanchuk's words related to the first murder are especially eloquent: "The man unknown to me came to be killed. I was so excited about it, so he came to be killed". It seems that Luk'yanchuk was fulfilling his well-defined duty, or something very important and long-planned. Therefore, he could not do otherwise. It looks like as if it was necessary for him, prescribed for him. And the unknown man remained unknown to the investigation and the court, as they buried him without finding any documents with him. After all, Luk'yanchuk believed, he had come to be killed, and documents were not needed for this. The killer did not ask himself an extra question about who he was; the main thing was "he had to be killed". The unfortunate man had no other reason to come, except to be killed.

What is evil in the understanding, or rather, in the presentiments, of Luk'yanchuk? He himself could not (or did not want to) give a definition. Apparently, this is some kind of psychologically helping force or, most likely, death itself. In any case, it is something that goes beyond his personality and at the same time is found within its framework. Luk'yanchuk himself takes a very similar position – he is both in this and that life. Life outside the womb, i.e. "ordinary" life, is death for him, and life itself can only be in the womb, i.e. before birth, the ideal place for him is only in the mother's womb. A prison cell, providing security and comfort, fulfills the functions of this womb. He feels true joy and elation when he learns about murders and other criminal facts, thus it can be assumed that it is the death of another (or others) that exhilarates him. This is a very significant circumstance, indicating that Luk'yanchuk is a necrophilic person living in his own special world between life and death.

Without knowing sexual assault perpetrator's psychology, it is impossible to understand why he did it. It leads to the presence of many criminological, forensic, expert, correctional and other problems and the almost complete absence of scientifically based proposals and recommendations for the prevention and detection of these crimes and the correction of perpetrators. There is another circumstance hindering deep research in sexual offenses: besides special knowledge and skills required for the study, such offenses themselves, due to their nature and the severity of the consequences, often repel researchers. Rapes and murders committed with extreme cruelty, violence against children and causing them serious injuries, various kinds of sexual perversions have always caused natural disgust, and consequently, unwillingness to engage in direct study of the identity of those responsible for such heinous atrocities.

It is appropriate to note that sexual behavior, albeit criminal, as well as sexual life of a person as a whole, are among the biggest and most mysterious secrets of nature, society and personality. Perhaps, it is this sphere of life, where natural and social forces are so complex and closely intertwined in a person. Sexual emotions, experiences and attitudes are purely intimate, secretive and deep, sometimes dramatic, have exceptional existential significance. They have a huge impact on person's fate, sometimes abruptly change it and affect life perception.

Sexual relations are invisibly intertwined with other relations and values, these relationships are often incomprehensible and even inexplicable to a stranger, their cognition is significantly hindered by millennial mistakes and misconceptions, fears and prejudices, biased and ambiguous assessments, superstitions and complex symbolism. Too often, intersex relationships and emotions have been considered as the source and essence of human depravity, and attitudes to them ranged from nudity and cynicism to puritanical modesty, silence and even complete denial. Nevertheless, sex and sexual relations in all their diversity always retain their powerful attractive force. As a study object, they have always attracted the attention of philosophers, psychologists, lawyers, and writers.

Sexual violence as a kind of sexual behavior, more precisely, as its unsocialized, vandalistic form, cannot be adequately disclosed only as a legal phenomenon outside the broad context of people's sexual life, various socio-psychological connections and mechanisms, the role of sexuality in their life.

The research is aimed at uncovering internal causes of these offenses through their motivation and external contributing factors. Consideration of motivation is reasonable, as motives contain motivating forces of behavior, its personal meaning, i.e. what these criminal actions are committed for, what is their subjective benefit for the individual. After all, for an outside observer the coming consequences in the form of criminal punishment immeasurably exceed all visible benefits from the offense committed, and therefore there may be no point in committing crimes. However, it only seems so, because the wildest, vile, even ridiculous actions always have their own internal logic, their own internal justification, their own psychological gain. But this can be understood only by taking into account the motives of behavior.

Multi-episode sexual murders pose an audacious challenge to civilization. The reason for society's sharp reaction to them is their greater frequency in recent years, their extremely dangerous consequences, a lot of victims, including children, the police's helplessness in some cases. It should be noted that similar phenomena are observed all over the world, and it can be argued that the problems arising in this regard are relevant for many countries.

Sexual murderers, like primitive hunters, usually hunt down the victim, suddenly attack it, bringing it into a state of shock, rape, inflict a lot of bodily injuries with exceptional frenzy, rip open the chest and abdomen, turn out the insides, commit sexual abuse, cut off individual pieces of the body, etc. These bloody atrocities amaze with their unusual, incredible cruelty, relentlessness and cynicism of murderers and the number of victims, among whom there are many children. It seems that previously unseen monsters, formidable servants of death, who are not aware of any social institutions and human feelings, have burst into the light. This impression is further strengthened when the facts of cannibalism and eating of individual body parts of victims are revealed.

Undoubtedly, it is arduous to prevent and investigate such crimes, as they are often committed by people who have never attracted attention of law enforcement agencies and do not stand out among others. It is often difficult to decide on the number of murderers. Sometimes these crimes are committed on the territory of different regions with little evidence and without eyewitnesses.

The study shows that the so-called multi-episode (serial) sexual murders include, in addition to actual murders by inflicting bodily injuries, such actions as rape, sodomy with violence, imission (penis insertion) and introduction of various objects into all natural orifices of the body (more often into the genitals), exposure of murdered victims, masturbation against the background of contemplation of corpses, coital and oral-anal actions with corpses, cutting off the genitals and (or) mammary glands, introduction of severed male genitals into natural orifices of the victim's body, extraction of internal organs using various piercing and cutting objects and (or) by gnawing or pulling out without the use of the above-mentioned means, dismemberment of corpses, defloration (deprivation of virginity), infliction of bodily injuries of varying severity in order to obtain sexual and other satisfaction, as well as some other similar actions.

Murders defined as serial sexual are characterized by two or more facts of deprivation of life in connection with sexual experiences of the offender. At the same time, it is not important, who became a victim and what time intervals are observed between individual criminal assaults, as well as whether they are committed by a sane or insane person.

Meanwhile, sexual murders are far from homogeneous. Most of these murders are sexually motivated. This is deprivation of life in order to obtain sexual satisfaction from the fact itself, or in connection with difficult experiences of their sexual problems, the need for revenge on women, offenders' assertion as males, etc. Another part of such murders is committed solely for the purpose of rape. In this case, criminals do not get any satisfaction from the murder itself; moreover, it is quite possible that the murder is not even part of their plans, and it is possible that they regret the death of their victims. This group, of course, includes murders for the purpose of copulation with a corpse: such acts constitute a special kind of bloody crimes. R. Kraft-Ebing, introducing a concept of necrophilia, attributed such crimes to it.

Another group of so-called serial sexual murders is committed in order to hide traces of rape or other sexual acts. It is this part of the crimes that is accompanied by attempts to bury and burn victims' corpses, as well as acts of dis-

memberment in order to conceal the previous crime. In such cases, criminals, like all those who commit serial murders for sexual motives and for the purpose of copulation with a corpse, have more or less pronounced features characteristic of necrophiles.

Attention is also drawn to those sexual murders that are committed in cases where the perpetrator regards certain words or actions of a woman as extremely humiliating for himself. This usually happens after sexual intercourse or immediately after it, while it is not necessary that this act was violent, or there was any insult. Such crimes take place only for sexual reasons, since the criminal painfully perceives victim's words precisely in relation to his sexual capabilities. He protects himself as a male.

This kind of protective murders may not be serial, but they still need to be classified as sexual.

A significant group of serial sexual murders are those that are allegedly committed to purify society from immoral personalities that disgrace mankind, dirty and unnecessary. Here the victims are prostitutes and those women who, in the killer's opinion, lead an immoral lifestyle. Such were, according to the ideas of the Irkutsk maniac Popkov, those women who drink alcoholic beverages. He killed 81 such women. The question arises whether such acts are sexual, because even the criminal himself defines his goal as society purification. Popkov also perceived this goal, that is why he claimed that he had no need to repent; in other words, he had done the right thing for society, especially since his actions had not been related to rape or sexual necrophilia, i.e. entering into an intimate relationship with a female corpse. Apparently, he convinced himself of such "noble thoughts".

First of all, the murderer's explanations cannot be trusted in any case, because a natural question immediately arises: why society gets rid of only bad women, and not men, among whom there are more than enough disgusting personalities. The versions of criminals themselves should not be trusted for the reason that they try to justify themselves in this way, including, possibly, in their own eyes. Meanwhile, the study of such sexual killers shows that they took revenge on women for their own sexual failures, for their inability to build relationships with them at the proper level. Gradually, a sexual loser develops a special psychological, partly unconscious attitude of a woman's guilt and, in this regard, self-justification, which he really needs.

It should be noted that not only sexual criminal acts can be serial. There is theft, embezzlement, fraud and other crimes. But we always pay particular attention to sexual ones, even if they are not murders, but only rapes. This happens primarily because a person's sexual life is a special, mysterious and exciting sphere of human existence. Very often, a serial criminal, the same pickpocket or fraudster, becomes psychologically dependent on his own behavior. But these non-sexual criminals are not called maniacs, only serial sexual ones are referred to such. This happens, in our opinion, precisely because of special importance of the sexual sphere in our lives. Here the biological factor is especially noticeable, it is also significant in sexual failures of men. Transferring one's guilt for sexual failures to a woman (women) is quite natural, since it allows a man to preserve his manhood, his honor as a male and thus ensure self-acceptance: after all, a person strives to accept himself only in a certain capacity. Failures here are especially painful for him.

Thus, it can be concluded that multi-episode sexual murders conditionally fall into five separate groups: 1) murders committed in order to obtain sexual satisfaction during its commission; 2) murders in order to suppress the victim's resistance before or during rape; 3) murders for the purpose of copulation with a corpse; 4) murders in order to conceal traces of the crime; 5) murders committed in response to actions regarded as humiliation; 6) revenge on a woman for murderer's own sexual failures.

Other typologies of serial sexual murders have also been proposed in science. So, G.B. Deryagin highlights the following:

1) murder as a consequence of overcoming victim's resistance during an attempted rape;

2) murder in order to deprive a victim of the opportunity to call for help;

3) murder in order to aggravate voluptuous, sexual experiences (voluptuous murder);

4) murder at the moment of uncontrolled orgasm experience (which must be distinguished from the one mentioned above);

5) murder of a victim (and witnesses) to conceal a sexual crime;

6) murder for other reasons, resembling sexual murder, but not being such [1].

It seems that this typology is not complete enough. In addition, it is not clear why murders that are not sexual in nature should be attributed to sexual murders for other motives.

Relying on literary sources, G.B. Deryagin notes that the number of murders with initially

sexual motivation around the world has been constantly increasing for the last three decades. At the same time, they are often characterized by their serial nature, i.e. the fact that the number of criminal episodes with the murder of people reaches two or more. Etymologically a series (from the Latin series "sequence") is understood as a sequence, a group of some events that are similar, have a common feature and one name. Thus, a series of murders should be distinguished from a double or mass murder, especially since the latter, as a rule, is characteristic of criminal handwriting of the killer. The age of sexual murderers tends to decrease, and sexual murders themselves tend to become more complicated. Thus, scientific literature describes a case of sexual murder committed by a 13-year-old boy who had a dysfunctional family and psychological and psychiatric problems. He committed a murder in the process of sexual violence, repeating episodes of the erotic film he had just watched.

Similar murders in similar situations have been noted by other authors. Cases of ritual sexual violence associated with some religious cults are described.

One of the starting positions of the research conducted by the author is the recognition that rape and sexual murder are varieties of sexual behavior, more precisely, its unsocialized and most dangerous forms. Such crimes cannot be explained only as legal phenomena, outside the broad context of a person's sexual life, various individual psychological and socio-psychological connections and mechanisms, sexual drives and needs. So, we considered achievements of various sciences and tried to penetrate into the unconscious sphere of the psyche. In general, this is a criminological, one might say, criminological-psychological-psychiatric study.

The degree of protection of people from a sexual assault is still completely insufficient. Meanwhile, any crime of such type is an attack on society and its morality, and therefore public opinion as a whole has an extremely negative attitude to such encroachments and always demands severe punishment of criminals. The facts of rape of children and adolescents of both sexes, rape of women accompanied by their murder or infliction of grievous bodily harm are especially intolerable, especially in cases where such acts are committed not once, but many times. Multi-episode serial murders and rapes always cause a wide resonance; however, numerous articles and even books have very few serious attempts to understand why it happened, what pushed this particular person to such a bloody atrocity.

All the studied sexual crimes were committed in different places, under different circumstances, had different numbers of victims and were carried out in different ways. However, it is possible to find some common features, particularly, almost all of them were committed in conditions of non-obviousness, almost all the murders were accompanied by apparently unmotivated cruelty and sometimes, though rarely, two or more people became victims of these murderers. Murders were committed both in cities and in rural areas.

As for cities, a considerable part of crimes was committed in premises (40.6% of the urban sexual murders). As a rule, such murders in the premises were preceded by a preliminary acquaintance of murderers and victims, followed by drinking alcoholic beverages together. Sometimes victims were brought to the criminal's apartment by force or under the influence of threats. In addition to the places of residence of criminals and victims, these bloody acts were also committed in city apartments belonging to their relatives or acquaintances. The rest of these crimes were committed in attics, basements, entrances of residential buildings and various institutions and enterprises, victims or criminals' places of work, hotels, and baths.

These murders were perpetrated not only in the above mentioned places. A considerable part of them (59.4%) occurred outside any premises. These include city streets, stadiums, parks, construction sites, territories of enterprises and institutions, urban forest belts and woodlands, wastelands, remote and deserted places, territories adjacent to city railway stations and bus stations.

It is relatively easier for the criminal to commit a crime due to the almost complete absence of possible witnesses and better possibilities to hide traces of the crime there. Sometimes the murderer does not even conceal the crime committed if his residence or work is not connected in any way with this place.

It should be noted that victims were not always completely unfamiliar women. They often became those with whom the criminal had met some time before. So, the serial killer Chikatilo (53 victims) made acquaintances at railway and bus stations, at markets, and then, under a plausible pretext, took him to a deserted place. He was a good psychologist and almost unmistakably guessed lonely women, short-sighted and simple-minded.

If we consider separately murders committed in the premises, then most of them were in the apartments of criminals (17.3%), in the apartments of victims (11.3%), as well as their relatives and acquaintances (3.8%). Obviously, it is worth mentioning that in these cases they were previously acquainted, and the perpetrator did not arouse special suspicion in the victim, or due to various circumstances, for example, young age, the victim was unable to correctly assess the danger threatening her. The proportion of other urban premises chosen as the place of commission of these crimes in comparison with the places of residence of criminals and victims is relatively small. As a rule, these were isolated cases, with the exception of attics, basements and entrances of residential buildings, here their number is slightly higher (3.0%).

As already noted, most urban serial sexual murders were carried out outside any premises (59.4%). The share of crimes perpetrated in woodlands and forest belts is the highest (13.5%). A few fewer of them was committed on the streets of cities (12%). Then there were wastelands and remote deserted places (10.5%) and urban parks (6.8%). Murders committed at stadiums (3.0%), construction sites (3.0%), territories of various enterprises and institutions (5.3%), near railway stations and bus stations (5.3%) were less widespread.

The rates of multi-episode sexual murders in rural areas (42.1% of the total number were committed there) are about the same as in urban conditions, but with some distinctive features. Due to rural infrastructure specifics, murders were committed in the following places: a victim's house (18.6%), a criminal's country house (1.0%), criminal's workplace (7.2%), a territory of agro-industrial complexes (1.0%), within the boundaries of settlements (8.3%), roads and adjacent territories (6.2%), open agricultural lands and spaces (15.5%), woodlands and forest belts (40.2%). Just like urban, rural murders can be conditionally divided into those committed indoors and outdoors with regard to the fact that in rural areas the place of residence and place of work often coincide.

The majority of sexual murders in rural areas were in woodlands and forest belts, followed by houses belonging to victims, open agricultural lands and spaces, places located within the boundaries of settlements, roads and adjacent territories.

If we take all serial sexual murders in urban and rural areas, then about 9% of them were committed by association.

Some serial sex killers prepare special rooms to commit crimes, although the first attacks were in other places.

Most serial sexual murders were characterized by the use of particularly painful methods of committing crimes, cold-blooded completion of criminal intentions, mockery of victims, cynical actions, and this especially distinguishes these offenses from other serious assaults on a person. Most often multiple stab and chopped injuries were inflicted, including with specially prepared and manufactured objects; in many cases there was amputation of genitals and other body parts, autopsy of the body, insertion of various objects into natural holes, dismemberment of corpses, and in some cases, their burning or attempts to burn. A considerable number of criminals inflicted numerous punches and kicks to victims with extreme cruelty.

There were also actions aimed at facilitating the implementation of criminal intentions and removing obstacles to causing special suffering to victims. The examples of these crimes, accompanied by extreme cruelty, include such acts as thermal influence on victims' bodies and infliction of very painful sensations with piercing objects without serious bodily assault. Such cruelty of murders was also manifested in such a purely specific act as the introduction of various objects into natural openings of the body, mainly into the vagina.

As for killing methods when committing multiple murders for sexual reasons, it is necessary to note the following. The vast majority of murders were carried out by inflicting grievous bodily harm to a victim. Then goes strangulation of victims with hands and with the help of various objects (cords, victims' clothing, bedding, etc.). A small number of murders was committed with firearms, usually hunting.

It is interesting to note that only about 25% of the criminals after the murder appropriated valuable, and sometimes not particularly valuable things of their victims. Sometimes things acted as a relic for the killer.

In this case, we observe fetishization of all criminal actions and stolen objects. Things are used as an incentive to fantasize or reminisce, which can be accompanied by masturbation and sexual satisfaction achievement.

If a criminal takes revenge on women for his suffering and humiliation or acts as a cleaner of humanity, his victims are depersonalized, they are imprinted in his psyche as one person. Therefore, he is not always able to identify the

victims later, and therefore the fetishization of stolen items becomes all the more relevant.

By the way, the idea of purging humanity is not rear. There are cases of murders of vagrants and beggars, drunken people. The most notable cleaner is Hitler, who not only destroyed the terminally ill and insane in Germany itself, but also sought to eliminate the entire peoples, such as Jews, Slavs, Gypsies and others, whom he considered harmful, dangerous and unnecessary. There have always been improvers of the human race, even in ancient times, and these are the most dangerous enemies of humanity.

It should also be noted that the criminal actions themselves are stereotyped, especially since they are serial. Stereotyping is manifested in the motives of behavior, methods of attack and actions preceding it, including in preparation for it. It is also reflected in choosing the time and place of the crime, specific sadistic actions, handling a corpse, for example, section of genitals, eating their parts, which psychologically means possessing a woman, hiding traces of his behavior, etc.

Fetishization, depersonalization and stereotyping indicate a decrease in the arbitrariness of sexual criminal behavior, which increases with disorders of mental activity. Behavior becomes addictive, a person becomes psychologically dependent on it. Attacking a woman, the killer proves himself the domination over her, although depersonalized, but it does not matter to him. The main thing is that he is her owner and can do anything with her, especially if she is dead. Therefore, domination acquires a super-value. The latter can be found in predilections for literary and film photography of aggressive sadistic and pornographic content, hobbies in anatomy, increased interest in the structure of the female body, especially female genitals.

The issue of “seasonality” is not particularly obvious for multi-episode sexual murders. Most of them were carried out in summer months, such as July and August, and their distribution over the rest of the year is more or less uniform partly due to their commitment in closed rooms.

Multi-episode nature is one of the characteristics of serial sexual murders i. Criminals committed these crimes with varying frequency, the limits of which ranged from a few minutes to several years, caused by a variety of factors. Conditionally classifying the murders by time indicators, we can single out the following groups.

1. A series of murders committed one after the other with a break of several minutes. As a rule, these crimes are committed in urban areas mainly against children and persons with whom the offender was previously familiar.

2. A series of murders committed at intervals of several days or months and lasting about a year.

3. A series of murders lasting for a number of years with time intervals between episodes from several days to several years.

The intervals between individual sexual murders were different for different subjects. However, there are 2 distinctive features. At first murders occurred relatively rarely, then at some point their frequency increased dramatically. Such a pattern as the increase in criminal activity of sexual aggressors over time speaks of the pathological development of personality with a growth in compulsivity, irresistibility of drives. Another feature indicates the criminal’s possibility to correct his pathological behavior in a certain situation. So, Chikatilo and Golovkin, knowing from the press and television about the search for a sexual killer in their area, stopped their criminal activity for a while.

So, we can identify key features that determine the specifics of serial sexual murders: there are at least 2 victims; the victims are teenagers and children of both sexes and adult women; most murders are committed with extreme cruelty; all murders are associated with sexual experiences of the perpetrator; in most cases, the victim is not specifically chosen, the person assaulted just happened to be in this place; murders are committed with different frequency, different methods and tools and it is rare when the perpetrator does not finish the crime due to circumstances beyond his control; sometimes sexual murders are accompanied by acts of cannibalism; all serial sexual murders are committed in conditions of non-obviousness.

Since the murders under consideration are a kind of sexual murders, it is necessary to give a general definition of the latter. Sexual murders are all cases of unlawful deprivation of life that are associated with sexual experiences, sexual drives or motives, even if there is a disorder of drives, and relations between the sexes in a broad sense.

Thus, sexual murders include those that may not be accompanied by actual sexual acts, for example, rape, but in their inner content and subjective meaning are connected precisely with the perpetrator’s sexual life, and even

more broadly with his relations with representatives of the other sex. Most often, the analyzed crimes are committed by sexual losers, including impotents, and they all blame women for this. Psychologically, women are depersonalized.

Among sexual murderers who commit particularly brutal crimes, it is possible to single out those whose criminal actions are characterized by the suddenness of a massive affective explosion. The victim is inflicted a lot of bodily injuries for a more or less long time. Extreme cruelty, first of all, is indicated by the nature of injuries, their multiplicity. Murder is not necessarily the goal, although this most often happens; sexual motivation grows on the basis of very dramatic feelings of sexual inferiority.

At the scene of accidents, it is often possible to find traces of hands and feet, transport, blood, semen, saliva (expectoration and other body products) on the method of murder and its tools. There may be traces of drinking alcoholic beverages, pieces (scraps) of clothing, shoes, torn buttons, cigarette butts, and hair. It is necessary to properly assess broken branches of shrubs and crumpled grass, if the incident took place outside a residential building, and furniture, if inside.

In rare cases, a criminal leaves inscriptions addressed to the police at the scene of the incident. This suggests that he enters into a game with them, like “Cossacks and robbers”, “Policemen and thieves”. Sometimes such inscriptions indicate that a criminal is tired of hiding and wants to be caught.

Some serial sexual murders are striking with their super-savage sadistic character.

Starting from the mid-1980s, corpses of boys aged 10-15 years with traces of brutal torture and wounds in the genital area were found in the forests near Moscow, some of these organs were cut off and the corpses were dismembered. As it was established a few years later, these exceptional acts of inhumanity had been committed by a certain Golovkin, with a higher veterinary education. He was 25 years old when he killed for the first time. He was called “Udav” (“boa”), and with the help of journalists, this nickname stuck to him.

In 1982, Golovkin first tried to kill a 14-15-year-old boy in the forest. He repeated such unsuccessful attempts twice in 1986: he cut the boy’s throat, committed sexual acts with him. He killed the second child by hanging him from a tree, cut off the penis with the scrotum, cut the chest to the pubis, then cut off the head, took it and the genitals with him. This sexual maniac and sadist inflicted 35 stab wounds on the other boy; he hang the other 10-year-old boy by the neck in his garage on a bracket, then took the corpse into the forest and dismembered it there, cutting off his arms, legs, and head. Later, especially for the murders, he dug a cellar in the garage, in which he completely concreted the floor, lined the walls with concrete slabs, drove a ladder into the ceiling, firmly reinforced rings, staples, and made lighting. Golovkin hanged one of his victims in the basement after committing acts of sodomy, then dismembered the body, drained the blood into the bath, amputated the penis with testicles, tried to eat meat cut off from the thigh. In approximately the same way, he committed a number of other murders of boys with dismemberment of bodies, cutting out entrails, skin removal, cutting off the genital organ, and tortured one unfortunate by hanging on a rack and scorching his face and pubis with a blowtorch. Once he killed two boys at once, and one in front of another, and then three at once – also in front of others: he tortured them, killed them for a long time and painfully, trying to prolong the suffering of the dying and those who looked at him, dismembering the dead. In all cases, Golovkin performed sexual manipulations and received sexual pleasure, although orgasm did not always occur.

There should be no doubt that this is a sexual serial killer.

Serial sexual murders are mainly committed because criminals are sexual losers, suffering severe defeats when dating women and during sexual intercourse. Such was Chikatilo, who killed 53 people, but did not rape any of them, because he was a passive homosexual and an impotent. In his motivations, revenge on women can be traced quite clearly, but also, like a real sadonecrophile, getting sexual satisfaction at the sight of the suffering and torment of the victim. Sexual losers are the most characteristic figure among serial sex killers. It is worth mentioning that none of them has ever visited doctors, as seeking assistance is a powerful blow to men’s self-esteem. It is known that a person can accept himself in a certain capacity.

It should be noted that serial sexual murders in our country are solved very (!) poorly. Hence, there are several dozen victims. So, it is necessary to start with emergency measures to search for missing women, and not to wait three days from the date of the statement of disappearance.

REFERENCES

1. Deryagin G.B, et al. *Kriminal'naya seksologiya* [Criminal sexology]. Moscow: YuNITI-DANA, 2011. 399 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

YURII M. ANTONYAN – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the RSFSR, Chief Researcher of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0030-3031, e-mail: antonyan@yandex.ru

Received September 6, 2021

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-854-859
UDC 343.8

Complex Correctional Institutions at the Present Stage of Reforming the Penal Enforcement System of the Russian Federation

VYACHESLAV E. YUZHANIN
Law Institute of the Ryazan State University named for S.A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3123-1293, e-mail: yuzhanin1950@mail.ru

DMITRII V. GORBAN'
Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9442-7712, e-mail: dimas8807@mail.ru

Abstract
Introduction: the article is devoted to the creation of correctional institutions of combined type with regard to the current penal enforcement legislation and the Concept for the development of the penal enforcement system of the Russian Federation up to 2030. The foundation of correctional institutions of this type corresponds to the modern penal enforcement policy of the Russian Federation, but requires scientific study. The relevance of the presented article is also determined by modern trends in penitentiary science and practice. *Purpose:* on the basis of generalization and analysis of official statistical data, theoretical and scientific sources, findings and approaches of scientists-penitentiaries, to comprehensively reveal the prospects for establishing institutions of combined type at the current stage of the RF penal enforcement system development. *Methods:* the dialectical method of scientific cognition was used when writing a scientific article. The following scientific methods of cognition were also applied: comparative law, induction, deduction, analysis, synthesis, and statistical. *Results:* in the course of the study and based on its results, the authors developed a theoretical model of a complex correctional institution (institution of combined type), which includes separate areas proposed and scientifically justified by the authors. Each area of the combined type institution selected by the authors is described separately and in detail. The theoretical model of a complex correctional institution (institution of combined type) corresponds to the provisions of the current legislation, as well as the prospects for its development up to 2030, and also widens and complements them. *Conclusions:* in order to capture correctional facilities of a combined type in the RF penal enforcement legislation, it is proposed to enshrine the theoretical model of a complex correctional institution proposed by the authors in the corresponding articles.

Keywords: correctional facility, multi-regime, reforming, concept, convict, complex institution, hybrid institution.

12.00.08 – Criminal law and criminology; panel enforcement law.

For citation: Yuzhanin V.E., Gorban' D.V. Complex correctional facilities at the present stage of reforming the penal enforcement system of the Russian Federation, *Penitentiary Science,* 2021, vol. 15, no. 4(56), pp. 854–859. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-854-859.

Introduction

Reforming the RF penal enforcement system at the present stage of its development involves a number of promising modernization areas, including betterment of the mechanism of serving a custodial sentence by creating complex correctional institutions (correctional institutions of combined type).

As of September 1, 2021, about 470 thousand people were held in institutions of the penal enforcement system, about 360 thousand people – in correctional facilities [5].

The Federal Penitentiary Service of Russia records a downward trend in the number of adult convicts kept in correctional facilities (CF) of the penitentiary system for the 1st half of 2021. The reduction in the number of persons sentenced to imprisonment also implies a decrease in the number of correctional institutions themselves [8].

In this regard, one basic correctional facility can combine several types of regimes, as well as in the future execute several types of criminal penalties (for example, imprisonment for a certain period and life imprisonment).

Results

The concept of multi-regime (hybridity) of correctional institutions is actively discussed in the scientific literature. Scientists consider the trend of enlargement of correctional institutions as "hybridity" and "multi-regime". R.Z. Useev mentions interspecific and intraspecific hybridity [10, p. 32].

A "hybrid" correctional institution is to combine various types of correctional facilities, and a "multi-regime" one – several different types of regimes for serving criminal sentences [15, p. 105].

V.A. Utkin in this context speaks of a certain "polarization" of correctional institutions. We share his position on the special role of strict regime colonies, on the basis of which it is planned to create combined type institutions [14, p. 101].

According to official statistics, as of January 1, 2021, the correctional system was represented by 816 institutions, particularly: 186 facilities were pre-trial detention centers; 75 – remand prisons; 8 – prisons; 528 correctional facilities (169 of general regime; 228 – strict regime; 37 – special regime, including for those sentenced to life imprisonment.

Thus, today strict regime correctional facilities comprise about 43 percent of the total number of all correctional colonies, and about 28 percent of the total number of correctional institutions. In our opinion, when creating institutions of combined type, it is necessary to use capacities of all correctional facilities of all types of regime available in the penal enforcement system of the Russian Federation.

Law enforcement practice tries to fully use capacities of such correctional facilities. So, the first correctional institution of combined type is supposed to be established on a pilot basis at the premises of the correctional institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Kaluga Oblast. It will include all types of regimes, production, a medical facility, a child care home, as well as a campus for employees [9].

We propose to call hybrid, multi-regime correctional institutions as complex [1, p. 39]. First, this term combines all kinds of multi-regime and hybridity, which are discussed in scientific literature. Second, it is more consistent with the position of the legislator and the law enforcement officer, according to which this type of institution is referred to as institutions of combined type.

According to the RF Government Decree of April 29, 2021 No. 1138-r "On approval of the Concept for development of the RF penal enforcement system for the period up to 2030", elaboration and implementation of the project to create an institution of combined type (sections 6 and 7) is one of the critical directions for enhancement and development of the penal enforcement system.

The key principle for creating institutions of combined type are:

– concentration of several correctional institutions and pre-trial detention centers in a single center;

– modernization and unification of existing technologies;

– focus on a client-centric approach, etc.

The development and realization of the project to set up a combined type facility is expected to be completed by 2024.

Our stance on the creation of complex institutions is supported by other penitentiary scientists.

So, I.N. Korobova and D.A. Seredokhin state that the transition to complex correctional institutions at the premises of correctional facilities is the most adequate, since it involves not a global restructuring of existing institutions, but only a rational use of territories and buildings of correctional facilities with small changes compared to their restructuring into prisons [3;4].

The trend for complexity of correctional institutions was laid down in the Penal Enforcement Code of the Russian Federation in 2001 [13, p. 105]. Since that moment, it has been amended, providing for the functioning of several types of isolated areas with different types of regime and different types of correctional institutions at the premises of one correctional facility. Nowadays, this trend is being implemented under the current the penal enforcement system of the Russian Federation.

It should be noted that the issue under study does not contradict international regulatory le-

gal documents. Thus, paragraph 93 of the 2015 Standard minimum rules for the treatment of prisoners states that work with different categories of prisoners should be carried out in different departments of the same prison institution.

Thus, as V.A. Utkin emphasizes, international acts fully admit and even assume the polystructure and associated multi-regime of penitentiary institutions [11, 12].

Positive experience of some foreign countries testifies to the application of the abovementioned norm of the international document and the creation of areas with different types of regimes and various types of correctional institutions at the premises of prisons.

This positive experience is widely used in Germany, Finland, Austria and other foreign countries [21].

Conclusions.

The author's theoretical model of a complex correctional institution (institution of combined type) is worked out on the basis of analyzed scientific literature, official statistics of the Federal Penitentiary Service of Russia, and trends in the modern penal enforcement policy and law enforcement practice.

The following areas are included in this model:

1) adaptation– for newly arrived convicts [6, p. 62];

2) intensive treatment – for convicts transferred from the adaptation area;

3) cell detention – for violators of the established order of serving a sentence, as well as realization of the convicts' right to safety in the cases provided for by law;

4) medical – for the provision of medical assistance to convicts and the realization of their respective rights in this direction;

5) remand prison – for detention of persons who have been assigned a preventive measure in the form of detention;

6) correctional center – for execution of criminal punishment in the form of forced labor;

7) social adaptation – for implementation of the relevant task of the penal enforcement legislation, as well as pre-release treatment of convicts.

We will consider the purpose of each area separately.

Adaptation area. It is intended to contain convicts who have arrived at a correctional institution, assist them to adapt to the conditions for serving their sentence. According to Article 79 of the Panel Enforcement Code of the Russian Federation, new arrivals are held in a quarantine department for up to 15 days, where are they under usual conditions of serving their sentence. In fact, this department may be called medical, not adaptation. There convicts undergo a full medical examination, visit orientation activities, conducted by representatives of all departments and services of the correctional facility. Then they are transferred to appropriate detachments, according to the decision of the correctional facility administration commission.

In practice, the personality of a convicted person is not studied by specialists, and he/she does not have time to adapt in such a short period (15 days). We believe a 1.5-3-month adaptation period (depending on the category of convicts) is required. The measures to include a convict into the life of the institution should be conducted by a psychologist, who eventually, having studied the personality of a convicted person, can draw up a program for his/her rehabilitation.

Russia has certain experience of adaptation detachments in the correctional facilities (in the Chelyabinsk, Omsk oblasts, the Republic of Mordovia, etc.) and it shows that after long-term adaptation convicts tend to violate the regime much less and take the path of correction faster. This conclusion is also confirmed in the dissertation research of E.E. Novikov [7, p. 20].

Currently, the problem of ensuring the rights of convicts and their personal safety becomes urgent. After studying the personality of an offender and determining a classification group according to the degree of danger, it is possible to send him for further serving of his sentence either to normal conditions, or strict conditions, or a cell detention area. He may be placed on the register for preventive purposes.

The idea of separate detention of persons seeking correction from convicts who are eager to harass other convicts, disobey the administration, and continue criminal activity can be implemented at an early stage, while they are in the adaptation area. All this should contribute to the creation of favorable conditions for the resocialization of most convicts in places of deprivation of liberty [18, p. 148].

Intensive treatment area. It is the key area in the correctional facility. It should contain convicts serving their sentences under normal or light conditions. The initial stage of serving the sentence is replaced by the main stage, when convicts are transferred from the adaptation area to that of intensive treatment. Most offenders are kept under normal conditions.

In correctional colonies, as of January 1, 2021, about 79% of convicts served their sentences under normal conditions, 12% – under light conditions, and 9% – under strict ones [5].

In our opinion, light conditions should prevail in the correctional facilities. The fact is that under normal conditions, up to 80% of convicts are characterized positively or neutrally. If they do not have penalties, then according to the current legislation they can be transferred to light conditions after serving the prescribed period.

Normal conditions should be perceived as part of the initial stage of serving a sentence, which has the main task of adapting convicts to the life in the correctional facility and testing them for subsequent behavior in the institution. According to the current legislation, in case of absence of penalties, they can be transferred to light conditions in colonies of general, strict and special regimes after 6, 9, and 12 months, respectively (Part 2 of Article 120, Part 2 of Article 122, Part 2 of Article 124 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation). But for some reason, the administration does not seek to transfer them to less-strict conditions. In addition, convicts are usually kept together in light and normal conditions. In fact, besides additional spending of money and an increased number of parcels and visits, they do not experience changes in the conditions of serving their sentence.

In modern conditions, the dominant idea is the idea of separate detention of persons seeking correction. 67% of the CF employees we surveyed supported this idea. We are referring to the category of persons who have achieved a high level of correction, but have not served the prescribed period for parole.

A separate section of individual cell detention of convicts with a high level of correction should be allocated in the intensive treatment area. This regime can be called preferential and those convicts can be transferred to it, who have proved their correction under light conditions and have concluded a kind of compromise agreement with the CF administration, providing for mutual rights and obligations [20, p. 10].

We believe that a regime of convicts' behavior self-regulation should be established on preferential terms, which excludes coercion as much as possible. The administration does not use a permissive-coercive method for regulating convicts' behavior, but provides them with assistance. Preferential treatment should stimulate the behavior of convicts who are in less-strict conditions [17, p. 142]. It fulfils the function of preparing convicts to conditional early release.

The *cell detention area* should have premises operating as prison (part 2 of Article 74 of the Panel Enforcement Code of the Russian Federation), as well as ward-type rooms and punishments cells. There is no need to create a separate section functioning as prison, since the conditions for convicts in them are almost similar to those in ward-type rooms. As a rule, malicious regime violators are held there. Single-space ward-type rooms are equivalent to prisons and ward-type rooms in terms of restrictive conditions (Article 118 of the Panel Enforcement Code of the Russian Federation). In addition, malicious regime violators may be assigned strict conditions for serving their sentences in separate locked rooms (paragraph 22 of the Internal regulations of the correctional institution). In general, it turns out that this category of persons can be kept, according to the institution head, in ward-type rooms, single-space ward-type rooms, prison, or strict conditions.

The Federal Law No. 569-FZ of December 27, 2018 defines the prison regime for terrorism-related crimes, crimes against statesmen, law enforcement officers, sabotage, as well as for other particularly serious crimes encroaching on state interests (part 2 and part 2-1 of Article 58 of the RF Criminal Code). In our opinion, this category of persons should be sent to separate independently functioning prisons. They should also contain persons committed a particularly serious crime with a sentence of more than 5 years and particularly dangerous recidivists.

We propose to abolish single-space ward-type rooms, as a disciplinary measure, replace them with prisons that can function in the correctional facility according to part 2 of Article 74 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation. These prisons should serve to a greater extent as a security measure: they are for persons having the highest criminal hierarchy status (Article 210-1 of the Criminal Code of the Russian Federation), persons who manifest extremist aspirations during their detention in the correctional facility, as well as persons recognized as malicious regime violators while serving their sentence in this CF if all corrective actions turn out to be unsuccessful, including after their stay in the punishment cell, ward-type room and strict conditions. Ward-type rooms, as a disciplinary measure, should keep convicts repeatedly violating the regime during and af-

ter their detention in strict conditions of serving their sentence. In general, for malicious regime violators the following chain of corrective actions should be formed within one institution: strict conditions – ward-type room – prison. Strict conditions are milder, inmates do not live in cells, but in locked rooms of the dormitories. When transferred to a ward-type room, they live in cells, but for up to 6 months. When they are subsequently transferred to prison, they are also kept in cells, but for longer periods – up to 3 years. With continuous illegal behavior, the conditions of disciplinary action are gradually tightened. Moreover, the penal enforcement legislation should grant to the CF head the right to transfer inmates to prison within the institution with the consent of the public monitoring commission without the court decision.

Thus, the cell detention area should serve as security and disciplinary measures.

As we have already noticed, the section of strict conditions of serving a sentence is intended for persons recognized as malicious regime violators (for example, parts 3 and 4 of Article 120 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation). Strict conditions should be the initial measure, according to which the conditions of serving a sentence are changed for the worse for malicious regime violators within the correctional facility. According to paragraph 22 of the Internal regulations of the correctional institution, they are kept in premises equipped in accordance with the norms of current legislation.

These locked premises should be located in separate isolated areas. The specifics in serving a sentence there is restrictive conditions associated with isolation of convicts in locked rooms. They are only allowed to leave these premises in the cases provided for by law. Therefore, this unit functions autonomously and should be isolated from others.

Medical area. It is provided for convicts held in a penal institution for their medical and sanitary-hygienic services (part 2 of Article 101 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation). Medical treatment and preventive care facilities may be set up as part of correctional institutions, and child care homes, maternity wards and dairy kitchens – as part of female colonies

The medical and sanitary part is located in a separate isolated area, walled off from another territory by a solid filling fence. The access of convicts to it is limited, special rules for visiting it by sick convicts are established.

Remand prison. It is intended for detention of persons who have been assigned a preventive measure in the form of detention.

Correctional center. It is intended for the execution of criminal punishment in the form of forced labor.

The *social adaptation area* is designed for convicts who are preparing for release after serving the full sentence. For them, this is the final stage of imprisonment.

There the CF administration should carry out a set of measures related to training for skills development necessary for employment and resettlement after release and promoting relationships of the convicted with their family and relatives, etc.

No doubt, to encourage full-fledged social adaptation of inmates, it is necessary to create conditions of semi-freedom for them. According to some studies, offenders experiencing similar conditions have a higher adaptation level [16, p. 163]. This is especially true for persons who have served long terms of imprisonment.

It is important for the convicts being released to focus on adaptation, for this they should be united in one group and isolated from other convicts in a separate section.

Part 3 of Article 121 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation provides for convicts held under light conditions in general regime colonies to live and work outside the CF under the control of the administration. It promotes offenders' successful socialization. But why is it appropriate only for convicts held under light conditions and only in general regime colonies? In this case, the legislator is guided not by the expediency, but by the idea that one can trust only those who have shown a desire for correction and who are sentenced for the first time. Why is it impossible to expand these semi-free conditions of serving a sentence for 6 months before release to all categories of convicts and all types of colony regimes, with the exception of those who, according to operational data, pose a danger to society? These conditions may be called open, as stipulated by the legislation of some foreign countries.

It is reasonable to ensure appropriate levels of control and supervision of convicts held before release in the social adaptation area in correctional facilities of each type of regime [2; 19].

REFERENCES

1. Gorban' D.V. "Complex" correctional institutions in the penitentiary system of Russia at the present stage of its reforming. *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami=Topical Issues of Combating Crimes,* 2015, no. 1, pp. 38–43. (In Russ.).
2. Gorban' D.V., Yuzhanin V.E. *Prozhivanie osuzhdennykh za predelami ispravitel'nykh uchrezhdenii kak element progressivnoi sistemy otbyvaniya lisheniya svobody: problemy teorii i praktiki: monografiya* [Living of convicts outside correctional institutions as an element of a progressive system of serving imprisonment: problems of theory and practice: monograph]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta, 2016. 191 p.
3. Korobova I.N. On the issue of creating integrated correctional institutions in the Russian Federation. *Vestnik Kuzbasskogo instituta=Bulletin of the Kuzbass Institute,* 2020, vol. 43, no. 2, pp. 58-63. (In Russ.).
4. Korobova I.N., Seredokhin D.A. Reforming correctional colonies as a basis for changing the correctional system. In: *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom etape i perspektivy ee razvitiya: Sbornik tezisov vystuplenii i dokladov uchastnikov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The penal enforcement system at the present stage and prospects for its development: collection of abstracts of speeches and reports of participants of the International research-to-practice conference]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2020. Pp. 105-111. (In Russ.).
5. Brief description of the penal enforcement system of the Russian Federation. *Federal'naya sluzhba ispolnenii nakazanii: ofitsial'nyi sait* [Federal Penitentiary Service of Russia: official website]. Available at: https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/ (accessed September 14, 2021).
6. Novikov E.E. Adaptation of convicts in quarantine in prison. *Vestnik Kuzbasskogo instituta=Bulletin of the Kuzbass Institute,* 2015, vol. 25, no. 4, pp. 62-66. (In Russ.).
7. Novikov E.E. *Pravovoe regulirovanie napravleniya osuzhdennykh v ispravitel'nye uchrezhdeniya, ikh priema i razmeshcheniya: avtoreferat na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Legal regulation of the transfer of convicts to correctional institutions, their reception and placement: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ryazan, 2011. 24 p.
8. Overview of information on the activities of the Federal Penitentiary Service of Russia for the 1st half of 2021. *Federal'naya sluzhba ispolnenii nakazanii: ofitsial'nyi sait* [Federal Penitentiary Service of Russia: official website]. Available at: https://fsin.gov.ru/statistics/obzor-informatsii-o-deyatelnosti-fsin-rossii-za-i-polugodie-2021-goda.php, svobodnyi. (accessed September 14, 2021).
9. The first multi-institution of the Federal Penitentiary Service may appear in the region closest to Moscow. *Rossiiskaya gazeta: ofitsial'nyi sait* [Russian newspaper: official website]. Available at: https://rg.ru/2021/03/12/reg-cfo/pervoe-multiuchrezhdenie-fsin-mozhet-poiavitsia-v-blizhajshem-k-moskve-regione.html (In Russ.). (Accessed September 28, 2021).
10. Useev R.Z. The hybridity of places of deprivation of liberty in the view of security of the criminal-executive system. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy=Vedomosti of the Penal Enforcement System,* 2017, vol. 179, no. 4, pp. 30–35. (In Russ.).
11. Utkin V.A. Hybrid correctional facilities and international standards. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo=Penal Law,* 2014, vol. 18, no. 2, pp. 7–11. (In Russ.).
12. Utkin V.A. Minimal'nye standartnye pravila organizatsii ob"edinennykh natsii i smena ugolovno-ispolnitel'nykh paradigm. *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi zhurnal=International Penitentiary Journal,* 2016, no. 1, pp. 67–70. (In Russ.).
13. Utkin V.A. Assignment of punishment and penal system. *Vestnik Kuzbasskogo instituta=Bulletin of the Kuzbass Institute,* 2016, vol. 29, no. 4, pp. 104–109. (In Russ.).
14. Utkin V.A. New concept of development of penal system: bases and principles *Vestnik Kuzbasskogo instituta=Bulletin of the Kuzbass Institute,* 2018, vol. 37, no. 4, pp. 99–103. (In Russ.).
15. Utkin V.A., Kiselev M.V., Savushkin S.M. "Hybrid" and "multi-regime" penitentiary institutions: advantages and risks. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo=Tomsk State University Journal of Law,* 2018, no. 29, p. 103–113. (In Russ.).
16. Tsibul'skii V.V. *Sotsial'no-pedagogicheskaya deyatel'nost' sotsial'nogo rabotnika s osuzhdennymi, pol'zuyushchimisya pravom peredvizheniya bez konvoya za predelami ispravitel'nykh uchrezhdenii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Social and pedagogical activity of a social worker with convicts using the right to travel without escort outside correctional institutions: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Moscow, 2003. 190 p.
17. Yuzhanin V.E. Characteristics of the main stage of punishment serving by convicts in correctional institutions. *Vestnik Kuzbasskogo instituta=Bulletin of the Kuzbass Institute,* 2020, vol. 42, no. 1, pp. 141–143. (In Russ.).
18. Yuzhanin V.E., Gorban' D.V. Initial and final stages of serving imprisonment: problems of conceptual definition. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment,* 2018, no. 2, pp. 148–150. (In Russ.).
19. Yuzhanin V.E., Gorban' D.V. Institution of preparing convicts for release in the progressive system of serving the sentence of imprisonment. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh=Psychopedagogy in Law Enforcement,* 2020, vol. 25, no. 3 (82), pp. 338–344. (In Russ.).
20. Yuzhanin V.E., Smirnov I.A. *Poetapnaya resotsializatsiya polozhitel'no kharakterizuyushchikhsya osuzhdennykh: prakticheskie rekomendatsii* [Step-by-step resocialization of positively characterized convicts: practical recommendations]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2020. 34 p.
21. Timofeeva E.A. Foreign prison experience resocialization of prisoners. *SHS Web of Conferences,* 2019, vol. 62, pp. 1–4. DOI: https://doi.org/10.1051/shsconf/20196212004.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

VYACHESLAV E. YUZHANIN – Doctor of Sciences (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ryazan State University named for S.A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, ORCID 0000 0003-3123-1293, e-mail: yuzhanin1950@mail.ru
DMITRII V. GORBAN' – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department for Punishment Execution Organization of the Faculty of Law of the Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID 0000-0002-9442-7712, e-mail: dimas8807@mail.ru

Received September 30, 2021

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-860-867
UDC 343.811

On Types of Correctional Institutions

SERGEI M. SAVUSHKIN
Tomsk Institute of Advanced Training of Employees of the Federal Penal Service of Russia, Tomsk, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5744-8178, e-mail: savusertom@rambler.ru

Abstract
Introduction. Due to the different density of population in the Russian Federation and the scale of its territory, correctional system facilities should represent a unified system, in which the institutions are interrelated and interchangeable. In the conditions of a large number of types and sub-types of correctional institutions, the possibility of interchangeability is weakened. Problems associated with the quality of ensuring the internal isolation of convicts have a significant impact on the level of crime and penitentiary security. Hence, the punishment execution practice should more flexibly use the norms on separation of convicts to achieve goals and objectives of the penal executive legislation. *Methods:* the research used a dialectical method for cognizing objective reality, a logical method, a modeling method, a formal legal method, a systemic method. *Results and discussion:* the constantly changing socio-criminological portrait of the offender and the level of crime force the legislator to revise criminal-legal and criminal-executive criteria for differentiating those sentenced to imprisonment. The mentioned reasons also affect group differentiation that occurs in the process of distributing convicts to dormitory accommodation (cells) within the correctional institution. The crime level in a separate RF subject and changes in the state criminal policy require the reassignment of correctional institutions as a whole. The system of correctional institutions should not overwhelmingly depend on the criminal-legal criteria of those sentenced to imprisonment and the changing criminal policy of the state, and at the same time, departmental regulation should not bolster the legislatively established system of correctional institutions. *Conclusions:* the legislator has established a wide range of types of correctional institutions for those sentenced to imprisonment. Remoteness of some of them from the place of residence of convicts, to a certain extent, has both positive and negative impact on their social ties, which ultimately affects the effectiveness of implementation of the panel enforcement legislation goals and objectives.

Keywords: panel enforcement legislation; types of correctional institutions; deprivation of liberty; subject of panel enforcement law; imperative legal regulation method; principle of differentiation and individualization of sentence enforcement; differentiation of those sentenced to imprisonment; separation of convicts; prison; panel settlement; correctional camp (colony).

12.00.08 – Criminal law and criminology; panel enforcement law.

For citation: Savushkin S.M. On types of correctional institutions. *Penitentiary Science,* 2021, vol. 15, no. 4(56), pp. 860–867. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-860-867.

Introduction

The constantly changing socio-criminological portrait of the offender and the level of crime are forcing the legislator to revise various criteria for classification of those sentenced to imprisonment in order to ensure the implementation of criminal and panel enforcement legislation goals. What is more, certain provisions of international acts on punishment execution are focused on classifying convicts in order to prevent malign influence of negatively characterized offenders, as well as facilitate their treatment with a view to their social rehabilitation (Rule 93 of the Nelson Mandela Rules).

So, international standards define the necessity to consider the level of danger of prisoners and, at the same time, authorize holding all categories in one correctional institution, provided that some of them are kept separately. Even the 1915 General Prison Instruction of Russia stipu-

lated that prisoners who had a bad influence on others were "placed mainly in solitary cells at night separation".

So, for example, unlike the PEC of the Russian Federation, the 1970 RSFSR Corrective Labor Code (as amended December 18, 1970) identified three types of correctional labor institutions: correctional labor colonies, prisons and educational labor colonies (Article 12). With regard to their sub-types, there were 12 institutions: 3 types of panel settlements (Article 18), educational labor colonies with a child care home (Article 18), colonies of general regime, intensive regime, strict regime, special regime (Article 61), educational labor colonies of general and reinforced regime (Article 74). This system also included detention centers (Article 16) in terms of keeping convicts for economic services.

Further this legislative gradation of institutions only expanded. The system of correctional institutions as amended by the RSFSR Corrective Labor Code as of May 25, 1989 was supplemented by a correctional labor colony designed for maintenance and treatment of the convicts having infectious disease. V.A. Fefelov notes that correctional labor legislation and directive acts provided for more than 50 varieties of institutions that perform deprivation of liberty [11, p. 8].

Nowadays, in accordance with Article 56 of the Criminal Code of the Russian Federation, deprivation of liberty means isolation of a convicted person from society by sending him/her to a panel settlement, a juvenile correctional facility, a medical correctional facility, a correctional camp of general, strict or special regime, or to prison.

A slightly different classification of correctional institution types is provided by Part 1 of Article 74 of the RF Panel Enforcement Code. It comprises correctional camps, juvenile correctional facilities, prisons, medical correctional facilities, as well as pre-trial detention centers in cases stipulated by law (Article 77 of the RF PEC). The panel enforcement classification provides for 4 types of correctional camps: a panel settlement, correctional colonies of general, strict and special regimes. As the analysis of the current legislation shows, each type has a corresponding sub-type (for example, a correctional colony for those sentenced to imprisonment for the first time, for those who have been previously sentenced to imprisonment, for former employees of courts and law enforcement agencies).

It should be noted that when determining these sub-types of correctional institutions, it is reasonable to consider not only the legislation itself, but also law enforcement acts, with the order of the Director of the Federal Penitentiary Service of Russia dated February 12, 2010 being one of them. It stipulates that, according to Article 80 of the RF Panel Enforcement Code, separation of certain categories of convicts should be strictly guided by the requirements of the said article, namely: the persons sentenced to imprisonment for the first time should be kept separately from the convicts who have previously served imprisonment, regardless of conviction expungement or cancellation of a criminal record. To date, if there is only one correctional camp in a RF subject (for example, a general regime colony for convicts serving their first sentences), a convicted person, regardless of the fact of serving a sentence earlier, can be held to serve his/her sentence in this institution, since Article 80 of the PEC of the Russian Federation is applied differently in many subjects. So, in practice, there is a wide range of correctional institution types, which should be discussed in more detail.

Methods

The dialectical method of objective reality cognition is used in the research. So, the analysis of correctional institutions is carried out in conjunction with other subjects of panel enforcement relations.

The content of the government institutions system in the previously existing legislation is studied with the help of the logical method. Specific ways of improving panel enforcement relations are determined on the basis of the modeling method. The formal legal method is used in the study of normative legal documents.

Results

Correctional camps

To date, correctional colonies are represented by an expanded system of institutions (684 facilities). They hold more than 93% of those sentenced to imprisonment (including those sentenced to life imprisonment). The legislation identifies several types of colonies, depending on the regime:

1. Correctional colonies of general regime. To date, 7 types of correctional colonies of general regime can be distinguished: for men convicted for the first time; for men who have previously served their sentences; for women convicted for the first time; for women who have previously served their sentences; for men from among former employees of courts

and law enforcement agencies; for women from among former employees of courts and law enforcement agencies; correctional colonies with a child care home.

Pregnant women, nursing mothers and women (including minors) with children are kept in correctional colonies with child care homes, together with female convicts from among former employees of courts and law enforcement agencies. Scientific works of foreign scientists note that correctional institutions for convicted women do not always take into account gender characteristics, their physiological needs, etc. [14].

It seems that in the light of expansion of the dispositive principles of panel enforcement regulation in the future, it is possible to discuss the necessity of creating correctional institutions with child care homes for men with children under the age of three who are the only parent (by analogy with convicted women).

Former employees of courts and law enforcement agencies who have previously served their sentences and those convicted for the first time are kept in the same correctional colonies, but separately from each other, like all other categories of convicts, provided for by law until 2010.

The Law of the Russian Federation No. 5473-1 "On institutions and bodies executing criminal punishment in the form of imprisonment", as of July 21, 1993 in Article 6, identifies correctional institutions with special conditions of economic activity, such as harvesting, processing of wood and other forest resources. We do not consider them to be an independent type or sub-type, since their differences actually consist only in production activities.

2. Correctional colonies of strict regime. Based on the analysis of the panel enforcement legislation, we can identify 3 sub-types: colonies for men convicted for the first time; for men who have previously served their sentences; for men from among former employees of courts and law enforcement agencies. As in general regime colonies, former employees of courts and law enforcement agencies, convicted for the first time and those who have already served a sentence of imprisonment, are kept in the same institution, but separately from each other, which indicates that the requirement of separate keeping of convicts without a special status is controversial.

3. Correctional colonies of special regime. There are the following institutions: for men convicted of especially dangerous recidivism; for men sentenced to life imprisonment, and persons for whom the death penalty has been replaced by imprisonment by pardon; for men from among former employees of courts and law enforcement agencies.

It is critical that former employees of courts and law enforcement agencies sentenced to life imprisonment are kept on general terms, but isolated from other convicts. There is also no special regime correctional colony for men sentenced to life imprisonment or for whom the death penalty has been replaced by imprisonment by pardon.

Panel settlements

Panel settlements have the following subtypes: for those who have committed a crime out of negligence, those who have not previously served their imprisonment and those convicted for the first time for committing intentional crimes of little or medium gravity; for those convicted of crimes committed out of negligence, and those who have previously served imprisonment and convicts, positively characterized, who have been transferred from general and strict regime colonies; for convicts from among the former employees of courts and law enforcement agencies, which keep all the categories of convicts listed above with a special status (therefore, in our opinion, we can say that this type of institution is an independent (third) type of a panel settlement.

According to V.D. Ivanov, since convicts kept in a panel settlement are not actually deprived of liberty, but are restricted in it, it is advisable to remove this type of institution from Articles 56, 58 of the RF Criminal Code and Article 74 of the RF Panel Enforcement Code, as it does not meet the requirements of isolation from society [2, p. 24]. This proposal is rather controversial, since there are currently no legally defined requirements to ensure isolation. In addition, it seems that the communication of convicts with the outside world is not considered as punishment, but enhances their social rehabilitation.

Domestic and foreign scientists note that the level of isolation of correctional institutions affects the degree of negative impact of penitentiary environment. The reduction in isolation restrictions contributes to the strengthening of socially useful ties of a convict. In our opinion, these facilities are a mandatory element of the panel institutions system, which include open, closed and prison-type institutions [10, p. 103].

Juvenile correctional facilities

The analysis in the criminal cycle branches allows us to conclude that the convicts who have

not reached the age of 18 (in exceptional cases – 19) are kept in juvenile correctional facilities. As of January 1, 2021, 949 convicts served their sentences in 18 juvenile correctional facilities (with a limit of 4,919 people), of which 68 were female. On average, 45 offenders account for one educational colony. Moreover, unlike correctional colonies, there is no large gradation of sub-types, since there are juvenile correctional facilities only for male and female convicts.

Earlier, Part 6 of Article 88 of the RF Criminal Code as of March 9, 2001 eliminated reinforced regime juvenile correctional facilities, in which juvenile criminals who had previously served their sentences were kept. A.N. Kimachev considers such abolition as hasty. The author proposes to keep dangerous criminals in such institutions [3, pp. 42-43]. The State, in turn, encourages more active educational work to achieve gradual decrease in the number of convicts. These changes are triggered by the need to reduce the impact of prison subculture on convicts' social rehabilitation. Many foreign experts emphasize that juvenile offenders should not be deprived of freedom [11, p. 111; 17, p. 215].

Prisons

As of February 1, 2021, 1,055 convicts and 193 convicts who were left to perform maintenance work served their sentences in 8 prisons.

A certain period of punishment is served in prisons, after which a convicted person is transferred to a correctional colony, the type of which is also determined by the court. The nature of temporary stay in prisons is determined by special (prison) conditions (regimes) in comparison with other colonies. The exception is strict conditions in special regime juvenile correctional facilities, which in fact have strict legal restrictions. In accordance with Part 1 of Article 77 of the PEC of the Russian Federation, in exceptional cases, convicted persons who have not previously served imprisonment, who are to serve their sentence in general regime juvenile correctional facilities, with their consent, may be left in prison to perform maintenance work.

Prison performs the tasks of cell isolation of the most dangerous convicts, as well as limiting the negative influence of regime violators, which is most consistent with the convict classification goals, set in the Nelson Mandela Rules.

Prisons keep persistent violators of the juvenile correctional colony regime from among men for serious and especially serious crimes for a period of more than five years, as well as for particularly dangerous recidivism of crimes, for which the court has imposed part of the punishment in prison. For convicts serving a certain part of the sentence in prison is an assessment of their social danger and is expressed in a criminal classification. For persistent regime violators, transfer to prison acts as a preventive measure of illegal behavior.

The importance of measures aimed at preventing convicts' illegal behavior is acknowledged in all world countries. So, in 2017, American congressmen submitted for consideration a bill, stipulating that a prison bureau is obliged to assess crime commitment risks and, based on the data obtained, differentiate the conditions of serving a sentence [15].

To date, this type of correctional institutions is maximally independent, having no subtypes; however, it is presented in the structure of other types of correctional institutions it terms of isolated sites functioning as prison at the correctional colony. It is important to note that the number of persons serving sentences in prisons and single cells is going down annually. In 2015, the number of people serving a criminal sentence in prison amounted to 1,528, and those in single cells – 2,000 people. As of January 1, 2021, there were 1,248 convicts in prisons, and 1,274 – in single cells.

Despite this dynamics, the potential of prison-type facilities in the system and structure of corrective institutions is significant both for functioning of the current corrective institutions system (isolation of persistent violators, when necessary) and elaboration of preventive initiatives.

Convicted former employees of courts and law enforcement agencies, despite the requirement of Part 3 of Article 80 of the Panel Enforcement Code of the Russian Federation, serve their sentences in prison on a general basis, but in isolation from other categories of convicts. It ensures their safety, but contradicts requirements of the law.

Medical correctional facilities

Medical correctional facilities represent a complex system consisting of their independent sub-types. Few employees of correctional institutions can identify distinctive characteristics of a special tuberculosis hospital, a medical preventive care facility and a medical correctional facility, in which patients with an open form of tuberculosis undergo outpatient treatment.

Subordinate regulatory legal acts define a rather complex system of such institutions, which contains nine sections and includes otolaryngological, ophthalmological, dental de-

partments of hospitals; psychiatric hospitals; tuberculosis hospitals, etc. [5].

In general information about institutions and the number of suspected offenders [6], classification of these institutions is more modest. It consists of tuberculosis treatment correctional institutions; medical correctional institutions for drug addicts; hospitals. The website of the Federal Penitentiary Service of Russia reveals the following facilities: tuberculosis treatment correctional institutions, hospitals, tuberculosis hospitals, and special psychiatric hospitals.

A.P. Skiba notes that most hospitals are not independent institutions and operate within correctional camps. In his opinion, interregional hospitals have an independent status [9, p. 35].

In our opinion, today it is possible to classify the institutions under consideration into five independent corrective institutions: medical correctional facilities for male convicts with tuberculosis; medical correctional facilities for female convicts with tuberculosis; medical correctional facilities for male drug addicts; medical correctional facilities for female drug addicts; medical treatment and prevention care facilities (hospitals).

Pre-trial detention centers

Pre-trial detention centers perform the functions of correctional institutions in relation to convicts left for economic maintenance. As of January 1, 2021, there were 5,790 such convicts.

Such convicts are held in the pre-trial detention facility based on the decision of the institution head. According to some scientists, such a procedure contradicts Part 4 of Article 58 of the Criminal Code of the Russian Federation, stipulating that it is the court that renders a decision to change the type of correctional institution [4, p. 182]. According to V.G. Churakov, to solve this problem, it is reasonable to elaborate a transitional stage aimed at complete elimination of the punishment execution mechanism in pre-trial detention facilities [13, p. 77-78].

In our opinion, it is not worth abandoning this practice. It promotes correctional rehabilitation of offenders. At the moment a pre-trial detention center actually acts as a distribution center for suspects. For a certain period, often a long one, they are monitored by the administration and subsequently, in case of meeting the legislative requirements and requirements of the administration, after their conviction they remain in this institution.

Considering the current system of corrective institutions, we should note that Federal Law No. 142-FZ as of July 6, 2007 amended Article 73 of the PEC of the Russian Federation, eliminating the need to transfer convicted foreign citizens and stateless persons to serve their sentences at the location of relevant correctional institutions. Today the specified category of convicts serves their sentences on general terms. The situation when foreign citizens served a sentence in a separate institution separately from Russian convicted citizens looked as strange, as if foreign citizens of different states were kept separately from each other, or Russian citizens of different nationalities were held separately from each other.

It is important to note that, despite the changes in the legislation in 2007, convicted foreign citizens from non-CIS countries continued to endure punishment in the correctional camp number 22 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Republic of Mordovia. Only in 2020 this colony was liquidated.

Prospects for correctional system development

The current system of correctional institutions is unreasonably numerous, which affects possibilities of their interchangeability. The system is constantly under the influence of the state criminal policy and the practice of departmental regulation of panel enforcement relations. The legislator is trying to optimize this system by reducing sub-types of institutions for minors, women, and foreigners, while the practice creates new sub-types for offenders for the first time sentenced to imprisonment and for those previously served a sentence of imprisonment.

Crime is changing, and researchers are proving new assumptions on creating additional types of correctional institutions with regard to a certain category of convicts or their separate keeping. Danger of convicts is mainly determined by the crime committed, and for this reason, the category of a committed crime is the basis for the proposed differentiation.

The current crime rate stresses the necessity to improve a preventive measures system in the current system of correctional institutions (with the creation of its new types being a possible option). The crime rate of convicts held in government institutions amounted to 2.63, per thousand people at the end of 2020, whereas in 2010 it was 1.34. There had been an almost twofold increase over the past ten years.

V.N. Chornyi, sharing V.I. Seliverstov's point of view, notes that it is advisable to change approaches to organizing the execution of pun-

ishment in the form of imprisonment in relation to those convicted of official and economic crimes. The authors believe that the mentioned categories of offenders should be kept in separate correctional institutions. This measure, in their opinion, will not contradict the general principles of deprivation of liberty established by law for all categories of convicts [8; 12, pp. 74-79].

At the same time, V.N. Chornyi provides interesting statistical data, according to which 12% of crimes are committed by persons serving a sentence or having an outstanding sentence to imprisonment. What is more, 85.7% of convicts have committed a crime while serving their sentence in correctional institutions, mostly these are acts stipulated by articles 175, 186, 187 of the Criminal Code of the Russian Federation. At the time of conviction, 716 perpetrators of crimes had unexpunged or unexpired convictions: 51 people for particularly serious crimes, 254 for serious crimes, 233 for medium-gravity crimes, and178 for little-gravity crimes. Of this group 244 people were recidivists, 47 – dangerous recidivists, 7 – especially dangerous recidivists [12, pp. 77-78]. Besides, there are situations when a person, being released after serving a sentence for murder, committed an economic crime.

Based on the data provided, the author actually proposes formation of 6 additional correctional institutions sub-types for the specified category of convicts to serve their imprisonment sentence: correctional colonies of general regime for first-time convicts and those who have previously served their sentences; correctional colonies of strict regime for first-time convicts and those who have previously served their sentences; correctional colonies of special regime for first-time convicts and those who have previously served their sentences.

In our opinion, no changes to the legislation are required. It seems possible, that in case of an economic crime committed for the first time to send a convict to separate correctional camps for former employees of courts and law enforcement agencies.

In the future, according to experts, the expansion of the correctional institution system is possible by establishing separate institutions for those convicted of terrorism and extremism-related crimes. In 2016, the Ministry of Internal Affairs of Russia advanced the initiative to set up such colonies. This possibility was discussed at various levels, including in the Security Council of the Russian Federation.

According to A.Ya. Grishko, growing terrorism and extremism-related crimes and possible negative impact of the offenders convicted of such crimes on other convicts necessitate the execution of punishment against this category of convicts in prison or correctional colony of special regime in cell conditions. This ensures complete isolation of extremists and terrorists from other convicts [1, p. 90].

V.I. Seliverstov notes that time dictates the need to take such measures. In his opinion, this category should serve their sentences not in separate colonies, but in prisons, in which cells are provided, which will allow more individualized accommodation of various categories of prisoners [7, p. 139]. To achieve this goal, it is necessary to revise the Criminal Code of the Russian Federation. The proposals should be aimed at changing sanctions for crimes of terrorist and extremist orientation; today panel enforcement relations in terms of differentiation of those sentenced to imprisonment depend on criminal legislation, despite the independent subject of legal regulation. But do we need these changes, if there are no problems with maintenance of this category of convicts today?

Experts note that the concentration of this category of convicts in one place, even in cell conditions, will worsen the possibilities of carrying out measures for operational work. In conditions when the one convicted of terrorism is in the dormitory of a correctional colony, it is easier to organize preventive measures.

As of January 1, 2021, 1,979 convicts served sentences in correctional institutions for terrorism-related crimes: 484 in correctional colonies of general regime, 1,002 – of strict regime, 72 – of special regime (47 of which were sentenced to life), 10 – in panel settlements. In correctional colonies, 305 convicts served sentences for crimes of extremist orientation, of which: 79 in colonies of general regime, 191 – of strict regime, 22 – of special regime (20 of which were sentenced to life), 13 – in panel settlements.

It should be noted that in case of such inmates' misbehavior in correctional institutions, under the current legislation they are transferred to prisons. It was noted above that the number of convicts held in prisons and cells is declining and the occupancy of these institutions is a far cry from the limit. Hence, it can be stated that there are no obstacles to crime prevention in relation to this category of convicts and there is no need to accommodate them in separate correctional institutions.

Conclusion

The RF Government Decree addresses some issues that are directly dependent on the correctional institution system functioning. The Federal target program "Development of the Panel Enforcement System (2017–2025)" notes that the current system of correctional institutions and their territorial location fail to implement the legislatively fixed principle of serving sentences in the territory of a RF subject, where convicts lived or were convicted.

This requirement does not really apply to the principles of panel enforcement legislation and any principles at all. Moreover, even scientists' assumptions seem to be quite controversial due to a sufficiently wide system of correctional institutions, which cannot be built in each subject because of small population of individual regions and unreasonably large government expenditure on constructing such facilities. The Tomsk Oblast territory, for instance, is approximately 20% larger than the territory of Great Britain, and the population of the region is 62 times smaller. There are more than twenty types of correctional institutions with their various sub-types provided by legislation and practice. It seems necessary to give more profound consideration to the issues of expanding the system of institutions and declaring the possibility of placing all types in one RF subject.

Discussion

Summing up, we can draw the following conclusions:

1. The current system of correctional institutions is significantly broader than the boundaries defined by criminal and panel enforcement legislation. The ambivalently interpreted provisions of Article 80 of the RF Panel Enforcement Code give the opportunity to expand the system of correctional institutions at the departmental level, thus reducing the possibility for a convicted person to serve his/her sentence in the region of residence, but, at the same time, promoting achievement of panel enforcement legislation goals.

2. According to our calculations, today the execution of a custodial sentence is organized with the help of 25 different institutions (including for those sentenced to life imprisonment): 7 types (sub-types) of correctional camps of general regime, 3 types (sub-types) of correctional colonies of strict regime, 3 types (sub-types) of correctional colonies of special regime, 3 types of panel settlements, 2 types of juvenile correctional facilities, 1 type of prison, 5 types (sub-types) of medical correctional facilities, 1 type of pre-trial detention center.

Departmental regulation should not expand the legislatively established system of correctional institutions. It seems reasonable to maintain 3 (instead of 7) correctional colonies of general regime: for convicted men, for convicted women, for convicted men from among former employees of courts and law enforcement agencies; 2 types (instead of 3) correctional colonies of strict regime: for convicted men; for convicted men from among former employees of courts and law enforcement agencies.

Constructing new colonies, which meet the requirements of separate accommodation of convicts, helps eliminate functioning of correctional colonies for women and minors.

3. The legislator makes efforts to reduce the number of types by eliminating certain types of correctional institutions for minors, women, and foreigners, while the practice creates new sub-types for first-time convicts sentenced to imprisonment and those who previously served a sentence of imprisonment. Due to this circumstance, Article 80 of the Panel Enforcement Code of the Russian Federation needs substantial revision to exclude opportunities for changing the number of types of correctional institutions not to contradict the law.

4. Nowadays, the state criminal policy, reflected in the legislation, practice of punishment execution in the form of imprisonment and scientists' stance differ in matters of the correctional institution system. Since the adoption of the panel enforcement legislation, there have been the following changes: juvenile correctional facilities of reinforced regime are liquidated; the possibility for convicted women to serve sentences in correctional colonies of strict, special regime and prisons is excluded; convicted foreign citizens are sentenced to imprisonment on general grounds. The possibility of creating isolated sites of certain institutions on the territory of other correctional institutions is enshrined in the law. At the same time, according to the order of the Director of the Federal Penitentiary Service of Russia, issued in 2010, sub-types of correctional colonies of general and strict regimes are created for those convicted for the first time to imprisonment and those who have previously served a sentence of imprisonment. Some representatives of the scientific community, in turn, express their views on the need to create additional sub-types of colonies.

5. The mechanism of performing the functions of correctional institutions in relation to

convicts held to perform maintenance work in pre-trial detention facilities and prisons seems to be more consistent with the penitentiary system mechanism in Western countries. Candidates for serving their sentence in detention centers are under close observation during the period when they are not convicted, which makes it possible to study these individuals in more detail. This mechanism is similar to the operation of distribution centers of some European penitentiary systems.

REFERENCES

1. Grishko A.Ya. Personal characteristics of convicts for terrorism and extremist activities: the feasibility of taking into account in the execution of sentences of imprisonment. *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika=Penal Law: Legal Theory and Law Enforcement Practices,* 2019, vol. 20, no. 2, pp.87–93. (In Russ.).
2. Ivanov V.D. Correctional centers or panel settlements? *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie=Criminal-Executory System: Law, Economy, Management,* 2005, no 1, p. 24. (In Russ.).
3. Kimachev A.N. On the issue of staying young offenders sentences to imprisonment in education colonies coming the age of majority. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie=Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction,* 2016, vol. 35, no. 3, pp. 42–43. (In Russ.).
4. Laverycheva S.A. Executing punishment in pre-trial detention facilities. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava=Matters of Russian and International Law,* 2018, vol. 8, no. 7A, p. 182. (In Russ.).
5. On the approval of the Lists of medical preventive care and medical correctional facilities of the penal system for the provision of medical care to convicts : Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation as of August 16, 2006 No. 2 63. *Byulleten' Minyusta Rossii=Bulletin of the Ministry of Justice of Russia,* 2006, no. 10. (In Russ.).
6. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy. Yan-var'–dekabr' 2017 g. : informatsionno-analiticheskii sbornik* [Key indicators of the activity of the penal enforcement system. January-December 2017 : information and analytical collection]. Tver', 2018.
7. Seliverstov V. I. On penal enforcement measures of responding to terrorism. In: Dolgova A.I. (Ed.). *Kriminal'nye realii, reagirovanie na nikh i zakon* [Criminal realities, response to them and law]. Moscow : Ros. kriminol. assots., 2018. P. 139. (In Russ.).
8. Seliverstov V.I. The serving imprisonment convicted of economic and official crimes with the use of their intellectual and creative potential: new research project. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo=Penal Law,* 2017, vol. 12, no. 1, p. 36. (In Russ.).
9. Skiba A.P. *Ispolnenie nakazaniya v lechebno-profilakticheskikh uchrezhdeniyakh : dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni. kandidata yuridicheskikh nauk* [Execution of punishment in medical preventive care facilities: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Rostov-on-Don, 2003. 35 p.
10. Utkin V.A., Kiselev M.V., Savushkin S.M. "Hybrid" and "multi-mode" penitentiary institutions: advantages and risks. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo=Tomsk State University Journal of Law,* 2018, no. 29, p. 103. (In Russ.).
11. Fefelov V.A. *Sotsial'no-pravovye osnovy ugolovno-ispolnitel'noi tsi-vilizatsii uchrezhdenii, ispolnyayushchikh ugolovnoe nakazanie v vide lisheniya svobody* [Socio-legal foundations of the penal enforcement civilization of institutions executing criminal punishment in the form of deprivation of liberty]. Ryazan', 1992. P. 53.
12. Chornyi V.N. Peculiarities of imprisonment execution in respect of persons who have committed crimes in economy. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta=Bulletin of Samara Law Institute,* 2018, no 4 (30), pp. 74–79. (In Russ.).
13. Churakov V.G. Some organizational and legal problems of serving sentences of certain categories of convicts. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii=Vestnik of Voronezh Institute of the Russian Federal Penitentiary Service,* 2015, no. 2, pp. 77–78. (In Russ.).
14. Bard E., Knight M., Plugge E. Perinatal health care services for imprisoned pregnant women and associated outcomes: a systematic review. *BMC Pregnancy Childbirth,* 2016, no. 1, vol. 16, p. 285.
15. Kirchner L. Should we rank prisoners by «risk score»? *Pacific Standard,* 2017. Available at: https://psmag.com/news/should-we-rank-prisoners-by-risk-score (accessed May 1, 2021).
16. Lasosik Z., Platek M., Rzeplinska I. *Abolitionism in History: on Another Way of Thinking.* Warsaw: Institute of Social Prevention and Resocialization, 1991. 200 p.
17. Pepinsky H., Quinney R. *Criminology as Peacemaking.* Bloomington: Indiana Univ. Press, 1991. 339 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

SERGEI M. SAVUSHKIN – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head for Academic and Scientific Work of the Tomsk Institute of Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-5744-8178, e-mail: savusertom@rambler.ru

Received July 15, 2021

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-868-877
UDC 343.13

Criminal Procedural Code of the Russian Federation: evaluation of effectiveness and measures for its improvement

BORIS YA. GAVRILOV
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2529-491X, e-mail: profgavrilov@yandex.ru

Abstract
Introduction: the article analyzes provisions of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation and its impact on the implementation of key legal institutions designed to ensure respect for the rights and legitimate interests of criminal proceedings participants by law enforcement and judicial authorities. *Purpose:* having studied effectiveness of the amendments made in the CPC and conducted statistical analysis of the results of criminal cases investigation, the author presents shortcomings in the legislation identified by the scientific community and law enforcement practice and proposes measures to improve both certain legal norms of the CPC RF and its procedural institutions in order to ensure constitutional provisions on the state protection of human and civil rights and freedoms. *Methods:* the researcher used historical, comparative legal and empirical methods for describing quality and legality issues in the investigation of criminal cases; theoretical methods of formal and dialectical logic. Private scientific and legal technical methods, as well as the method for interpreting specific legal norms were applied. *Results:* the analysis of development of Russian and foreign criminal procedural legislation and law enforcement practice objectively indicates that the absolute majority of the amendments made to the Code contributed to enhancing performance of pre-trial investigation or initial inquiry bodies in implementing the provisions of Article 6 of the CPC. It stipulates protection of the rights and lawful interests of the persons and organizations, who (which) have suffered from the crimes, as well as their protection from unlawful accusations and conviction, and other restrictions of their rights and freedoms. Betterment of the criminal procedural legislation is also aimed at overcoming formalization of its individual provisions and bureaucratization of actions of the inquirer, investigator, prosecutor's office and judicial community in the investigation and trial of criminal cases. *Conclusions:* to adapt the modern Russian criminal process to modern realities (new types of crimes and methods of their commission, increased requirements for ensuring legality in activities of pre-trial investigation bodies, their compliance with procedural deadlines in criminal cases and improving investigation quality) it is necessary to make changes in pre-trial proceedings, in particular, to reorganize procedural rules for commencement of criminal proceedings; bringing investigation terms into line with the provisions of Article 61 of the CPC on a reasonable period of criminal proceedings; differentiating investigation forms, etc. All this is focused on improving effectiveness of the fight against crime and its most dangerous types.

Keywords: pre-trial proceedings; criminal case; procedural deadlines; legality and quality of investigation; improvement of legislation.

12.00.09 – Criminal process.

For citation: Gavrilov B.Ya. Criminal Procedural Code of the Russian Federation: evaluation of effectiveness and measures for its improvement. Penitentiary Science, 2021, vol. 15, no. 4 (56), p. 868–877. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-868-877.

Introduction

The article presents the author's vision of progressive development of the Russian criminal procedure legislation with regard to the amendments made to the Criminal Procedural Code for 20 years of its operation by more than 280 federal laws to both individual procedural norms and entire institutions. They include pro-

cedural rules on the possibility of conducting more than 10 investigative and other procedural actions at the stage of verifying allegations, separation of investigative bodies from the prosecutor's office and formation of the Investigative Committee of the Russian Federation, differentiation of procedural powers between the prosecutor and the head of the investigative body, introduction of inquiry department and inquiry body heads, etc. into the number of participants in criminal proceedings for the prosecution, as well as analysis of the CPC effectiveness monitoring results and opinions of leading Russian processualists and practitioners (investigators and inquirers).

Discussion

The author considers the current state of the criminal procedural legislation by taking into account the effectiveness of implementing provisions of Article 6 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation on the purpose of criminal proceedings, designed to protect the rights and legitimate interests of both persons and organizations affected by crimes, and the individual from unlawful and unjustified accusations and convictions, as well as restrictions on his/her rights and freedoms.

The author pays special attention to disputability of the content of the CPC RF key provisions. At the same time, the introduction of such a significant number of amendments to the Code over 20 years indicates that the law has certain shortcomings, which, in turn, gives rise to numerous critical statements on the part of processualists and practicing lawyers.

So, Professor L.V. Golovko, describing the CPC RF adopted in 2001, notes that the Code "has not only stabilized the domestic criminal process of the post-Soviet model, but rather "blurred" and destabilized it. At the same time, attributing the "blurring effect" to a certain "dynamism" inherent in our time, in his opinion, is not reasonable, since it is far from the truth, just as claims for some special dynamism of our time" [13, p. 3–5].

However, we cannot agree with this statement, as he addressed legislation issues in the late 1980s, when it "took years" to prepare and adopt bills. We believe that such a great number of changes to the criminal procedure legislation is, on the one hand, due to significantly increased needs of law enforcement practice in terms of improving procedural rules of preliminary investigation and trial and, on the other hand, rapid development of legal relations in the field of criminal proceedings.

Adoption of the Federal Law No. 87-FZ of June 5, 2007 "On amendments to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation and the Federal Law on the Prosecutor's Office of the Russian Federation" is a classic example of amending the CPC RF to meet the needs of law enforcement. According to it, investigators of the prosecutor's office were divested from prosecutors' subordination, and in this regard, the procedural powers to direct the investigation were transferred from the prosecutor to the head of the investigative body, while retaining its supervisory function in full. The need for this has been repeatedly expressed by scientific community representatives, and on the eve of this reform the leadership of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation made a report to Russian President Vladimir Putin, where recognized the need to assign powers for procedural management of investigation and its supervision to two deputies Prosecutor Generals of the Russian Federation, which would require the implementation of this proposal at the district level. It resulted in the refusal to implement this already at the stage of preparation of the relevant order by the Prosecutor General's Office of Russia.

The same law excludes from the CPC the prosecutor's powers to coordinate the decision of an official of pre-trial investigation and initial inquiry bodies on initiation of a criminal case. Five-year enforcement of this provision had a negative impact on activities of the investigator and inquirer in terms of timely initiation of criminal proceedings and limited the ability to collect evidence in order to solve crimes in hot pursuit. The prosecutor was deprived of the right to initiate criminal proceedings, which, as law enforcement practice shows, he used in isolated cases.

The need to reform this part of pre-trial proceedings is justified by the following statistics on results of the investigation work to implement provisions of the Federal Law No. 87-FZ that indicate a higher level of procedural control, reflected in:

a) improved indicators of legality in pre-trial investigation body activities, the significant reduction in the number of persons acquitted by the court, including those in custody (Figure 1);

b) strengthening the prosecutor's function to monitor investigation quality, the increased number of criminal cases returned by the prosecutor to investigators of both internal affairs bodies and of the Investigative Committee of the Russian Federation (Figure 2);

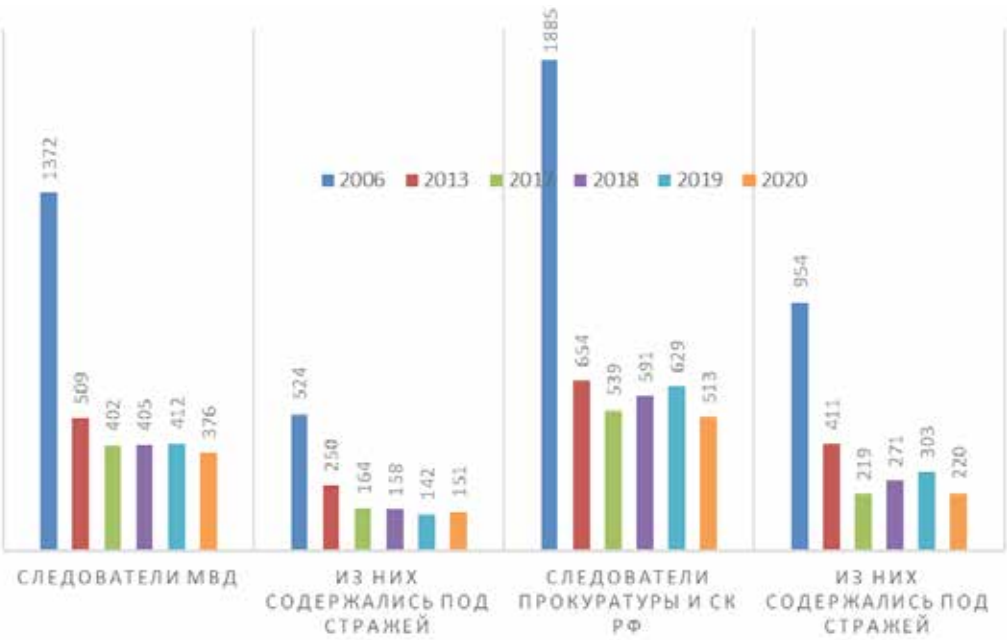

Figure 1. Data on the number of persons acquitted by the court and unlawfully detained (for 2006,2013, 2017–2020)

(Invest. of int. affairs bodies, Of them in custody, Invest. of the Prosec. and IC RF, Of them in custody)

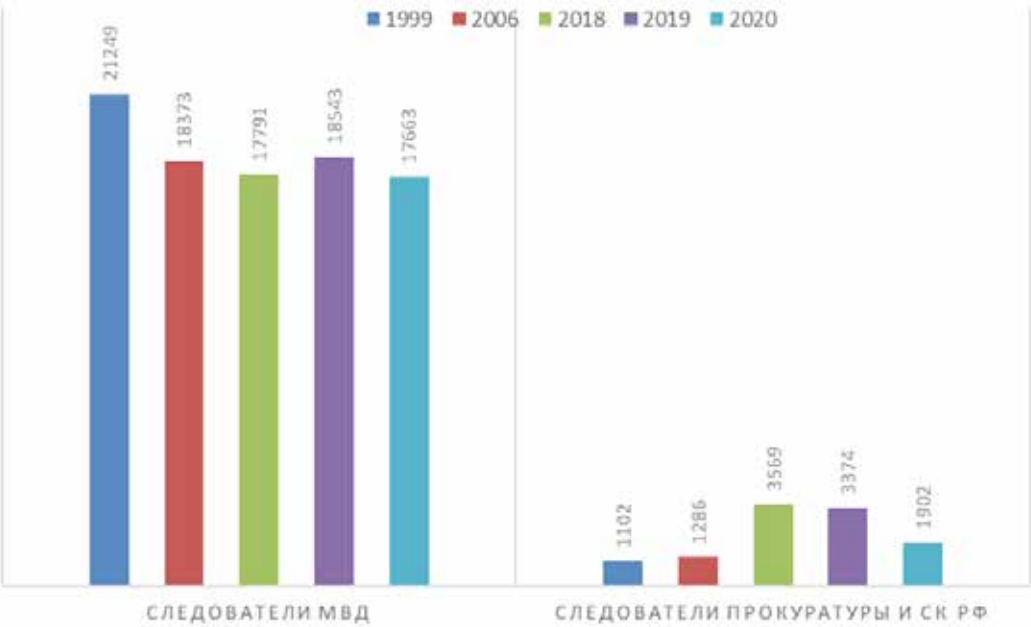

Figure 2. Number of criminal cases returned by the prosecutor for further investigation

(Invest. of int. affairs bodies, Invest. of the Prosec. and IC RF)

c) ensuring a reduction in the number of cases returned by the court to the prosecutor in accordance with Article 237 of the CPC RF (Figure 3) [8].

What is more, Professor L.V. Golovko, speaking about the quality of criminal procedural legislation, notes that any codification terminates the old legal order and generates a new one, which is associated with the quality of the criminal procedure codification itself, but the latter is extremely eclectic and unsuccessfully tries to copy Anglo-American approaches a priori incompatible with the Russian legal system, which seek to present the criminal process as a market "competition" between the state and its citizens [13].

The above hypothesis, supported by a number of Russian scientists, is not proved by any

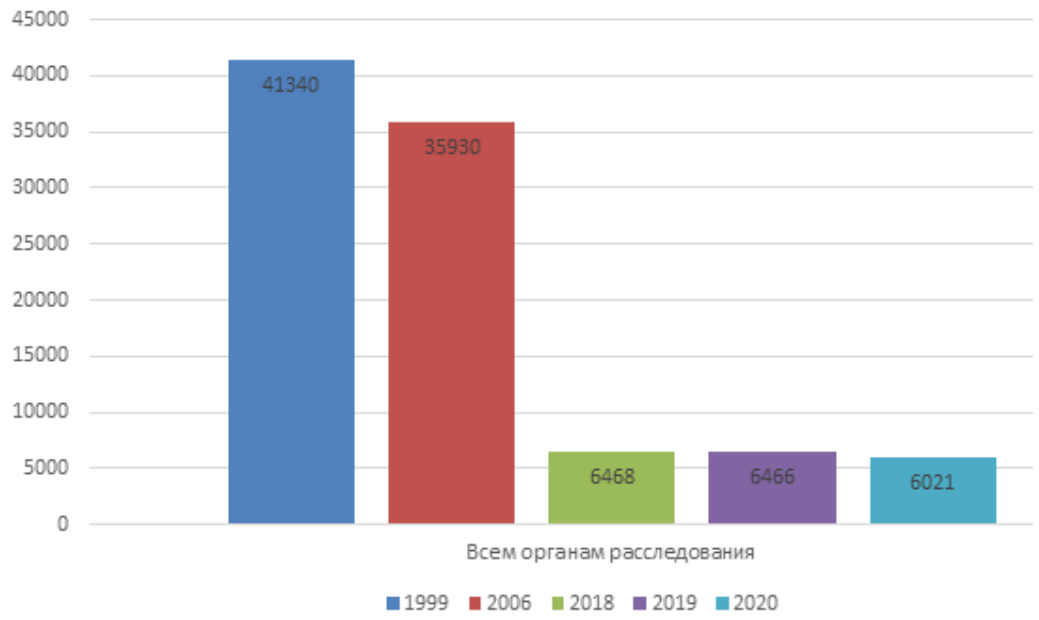

Figure 3. Number of cases returned by the court for further investigation (before July 1, 2002) and by the court to the prosecutor in accordance with Article 237 of the CPC RF to all investigation bodies

arguments. Although, indeed, at the suggestion of one of the members of the working group, the draft Code included a norm (Part 6 of Article 234 of the CPC RF as amended in 2001), borrowed from the procedural legislation of the United States, on the impossibility of satisfying a motion filed by the defense during the trial to summon an investigator to establish the defendant's alibi, if this motion was made at the preliminary investigation and was rejected. However, this norm was soon excluded from the CPC RF.

At the same time, the author shares the opinion of S.B. Rossinskii that legislative trends are often aimed at "hyperformalization of criminal procedure law, in an effort to "legitimize" (in a narrow sense) a wider range of rules of conduct applied during the preliminary investigation and trial than common sense requires, turning the CPC into a kind of administrative regulation" [19, p. 42].

At the same time, the analysis of the amendments made to the Code for over the 20 years of its operation suggests that they pursued the goal to comply with decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the European Court of Human Rights (hereinafter – the ECHR) and, as noted above, demand of law enforcement officers. At the same time, we cannot but agree that some amendments to the CPC RF were of a populist nature, proposed primarily by legislative authorities. Some of them, including those introduced by the highest judicial instance of the country, were counter-reforms due to their inconsistency with a number of fundamental provisions of the adopted CPC RF, for instance, on the procedure for presenting evidence in the indictment, actual expansion of the institution of returning a criminal case to the prosecutor [8]. In fact, Professor V.P. Bozh'ev expressed a similar opinion about the Constitutional Court of the Russian Federation [3].

We observe a great number of amendments to the CPC RF, as legislators had to make compromise decisions when preparing and adopting the Code, since at that time the proposals of members of the working group under the State Duma Committee on Legislation were not realized in terms of differentiation of procedural powers between the prosecutor and the head of the investigative body on changing procedural rules for the initiation of investigation, introducing the head of the inquiry department into pre-trial proceedings and a number of other changes that the legislator was forced to implement in the following years [10].

Among the factors that led to the introduction of such a significant number of changes to the CPC RF, we can single out an inconsistent position of the legislator, who retained the prosecutor the right to authorize investigative actions that restrict constitutional rights of citizens, including detention, up to January 1, 2004 by the Federal Law No. 177-FZ of December 18, 2001 "On the enactment of the Criminal Procedural

Code of the Russian Federation" and grant the Prosecutor General of the Russian Federation and his deputies the right to extend periods of custody by the Federal Law No. 183-FZ of December 29, 2001 "On amendments to Article 97 of the Criminal Procedual Code of the RSFSR". The Constitutional Court of the Russian Federation in its Resolution No. 6-P of March 14, 2002 "On the case of inspecting constitutionality of Articles 90, 96, 122 and 216 of the Criminal Procedural Code of the RSFSR in connection with complaints of citizens of S.S. Martynov and S.V. Pustovalov" recognized the above provisions as inconsistent with Articles 21, 22, 23, 25 of the Constitution of the Russian Federation, which required the legislator to make a whole block of relevant amendments to the CPC RF even before its entry into force (Federal Law No. 58-FZ of May 29, 2002 "On amendments and additions to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation").

The need for the Russian Federation to comply with a number of decisions of the European Court of Human Rights is also worth mentioning. Thus, the Federal Law No. 69-FZ of April 30, 2010 "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with the adoption of the Federal Law "On compensation for violation of the right to a reasonable period of legal proceedings or the right to execute a judicial act within a reasonable time" included the norm-principle – Article 6.1 of the CPC RF "A reasonable period of criminal proceedings", which implemented the decisions of the ECHR of January 15, 2009 in the case of "Burdov" and "Burdov vs. the Russian Federation (No. 2)" (complaint No. 33509/04). And only this one norm (Article 6.1 of the CPC RF) was subsequently amended by five federal laws in order to clarify the time of calculating reasonable deadlines, which generally indicates the real need for numerous changes to the Code.

As noted above, the absolute majority of amendments were due to the needs of law enforcement practice.

At the same time, the analysis of CPC RF application effectiveness in pre-trial proceedings indicates the need for further reforming: it primarily concerns the stage of initiation of a criminal case, the presence of which caused a twofold decrease in the number of criminal cases initiated in 2020 in relation to 2006. The number of procedural decisions of the investigator, inquirer, inquiry body on refusal to initiate criminal proceedings increased by 2.3 million cases over this period, while the number of reported crimes decreased slightly [4]. This procedural activity actually restricts the citizens' right to access to justice and compensation for the damage caused to them by the crime committed (Article 52 of the Constitution of the Russian Federation) (Figure 4).

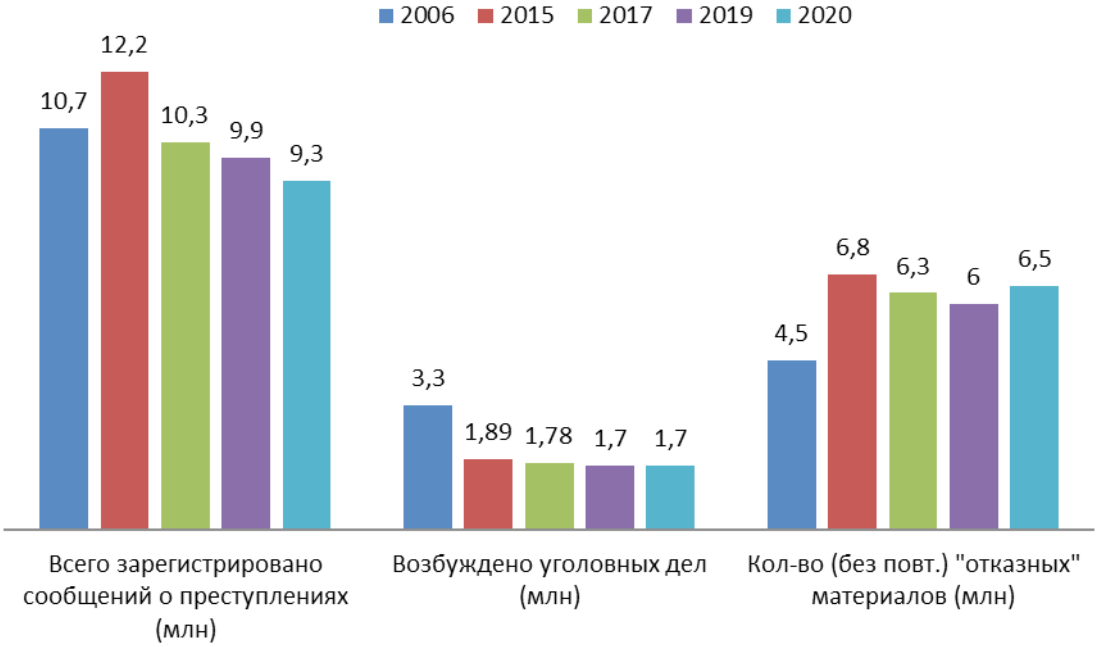

Figure 4. Data on the number of reported crimes and decisions taken on them (for 2006, 2015, 2017, 2019–2020)

(Total reports of crimes registered (million), Criminal cases initiated (million), Number of rejected cases (without repetitions) (million))

The author's proposals, supported by other scientists [12; 16], on the exclusion of Articles 146 and 148 of the CPC RF are made with regard to the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation (ruling No. 343 of July 18, 2006 "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Lazaryants Andrei Emmanuilovich on violation of his constitutional rights by Articles 241 and 242 of the Criminal Code of the Russian Federation, part one of Article 46, Articles 57, 80, part one of Article 108, Articles 171, 172 and 195 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation") and the position of the Supreme Courts of the Russian Federation, marked V.V. Kozhokar' [14]. According to it, when a new episode of criminal activity is detected in a criminal case under investigation or an accomplice is identified, the investigator must initiate a new criminal case, which is subsequently combined with the main criminal case, which contradicts the previously adopted decisions of these judicial authorities, as well as the long-term practice of investigation and the legal content of the norm on initiating a criminal case that has remained unchanged for 60 years.

At the same time, there are other points of view that support preservation of the stage of initiation of a criminal case [6; 21] or expressing a more neutral position [5; 17].

As noted above, in subsequent years to meet the demands of the law enforcement, the Federal Law No. 23-FZ of March 4, 2013 "On amendments to Articles 62 and 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation" significantly expanded the list of investigative and other proceedings that could be initiated during verification of allegations and due to reports of a crime, in particular: obtaining explanations and samples for comparative research, reclamation of objects and documents, assignment and conduct of forensic examination, etc. It empowered investigators, inquirers, and other officials of inquiry bodies to collect evidence at the stage of initiating a criminal case. This law also introduced a concise form of inquiry into pre-trial proceedings, which provides for the possibility of investigating in a shorter time and collecting evidence in the amount sufficient to carry out legal proceedings in a criminal case.

Provision of quality investigation in the form of an inquiry in a general manner and in a concise form is stipulated by the Federal Law No. 90-FZ of June 6, 2007 "On amendments to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation", which introduced a head of the inquiry department, and subsequently a head of the inquiry body as a criminal process participant, institute of pre-trial cooperation agreement and a number of other changes.

Along with pre-trial proceedings, judicial proceedings have also undergone significant changes. Thus, since January 1, 2013, the appellate procedure for reviewing sentences has been extended to federal courts, since June 1, 2018, jurisdiction of the jury court – to federal courts of district and city levels, and since October 31, 2019, five appeal and nine cassation courts of general jurisdiction have been included in the judicial system in order to increase the level of ensuring the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings.

At the same time, when building a model of the modern Criminal Procedural Code of the Russian Federation, representatives of the scientific community, law enforcement officers and legislators failed to overcome formalization and bureaucratization of the criminal procedural law that had already developed within the framework of the Criminal Procedural Code of the RSFSR, involving low efficiency of pre-trial proceedings. We have made this conclusion on the basis that the number of criminal cases sent to court by, for example, investigators of internal affairs bodies from among the number of initiated ones decreased by more than a third (from 36% in 1991 up to 22% in 2020) (for example, the Verdict of the Bogoroditskii District Court of the Tula Oblast No. 1-1/2016 1-124/2015 of January 18, 2016 in the case No. 1-1/2016) [9; 11].

Professor A.S. Aleksandrov [2] assesses this state of criminal proceedings as a fundamental defect of the domestic legal model and suggests abandoning pre-trial investigation with the transition to a "prosecutor's" inquiry. It would be possible to agree with this statement if the judicial system were ready for this. Moreover, such revolutionary transformations in Russian conditions can destroy the system of preliminary investigation, without which the judicial system will have nothing to do. For the same reason, the proposals on introducing a lawyer (parallel) investigation were not approved.

The need to improve the criminal procedure legislation is due, as noted above, to the fact that the overall effectiveness of criminal proceedings does not meet the requirements of today, requires a review of individual procedural institutions.

These changes should be directed to:

– bring the provisions of Article 162 of the CPC RF, which grants pre-trial investigation bodies the right to extend the period of preliminary investigation without its limitation, in accordance with the norm-principle (Article 6.1 of the CPC RF) on a reasonable length of criminal proceedings, which, based on the content of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 11-P dated March 29, 2016 shall not exceed four years in criminal cases. The provision of part one of Article 162 of the CPC RF on the two-month initial period of investigation, transferred from the CPC RSFSR adopted in 1922 also needs revision;

– increase the initial (two months) period for holding the accused in custody: according to the provisions of Part 1 and Part 1.1 of Article 221 of the CPC RF, it shall take the prosecutor 10–30 days to approve the indictment on the criminal case (instead of 5 days under the CPC RF as amended in 2001) and the court (judge) another 14 days to make a relevant decision in accordance with Part 1 of Article 227 of the CPC RF. This proposal also takes into account the experience of countries with an entrenched justice system, where the initial period of detention of a person is from 120 to 180 days, and according to the Criminal Procedural Code of Italy – 6 months with the possibility of its reduction by the court at the request of the prosecutor or the defense;

– revise procedural rules for preferment of charges, the norms of which for decades ensured the accused's right to defense by allowing a lawyer to participate in a criminal case from the moment of filing accusation. However, today, with the adoption of the above-mentioned Federal Law No. 23-FZ, the participation of a defender is provided already from the moment of verification of a crime report against a person, that is, even before the initiation of a criminal case. In the current CPC RF there are virtually no differences in the legal status of the suspected (Article 46) and the accused (Article 47) with the exception of the completion stage of a criminal case. We consider it an argument that more than 5 million criminal cases investigated in the form of an inquiry have been sent to court without a classic charge. At the same time, none of the convicts appealed either to the Constitutional Court of the Russian Federation or to the European Court of Human Rights with a complaint about the restriction of their constitutional right to protection from prosecution. It is also necessary to take into account the position of the ECHR in the Eckle case (Decision of August 15, 1982 in the "Eckle case against the Federal Republic of Germany" (Complaint No. 8130/78)) and a number of its other decisions that accusation is a reasonable suspicion that allows criminal prosecution on behalf of the state.

In turn, S.B. Rossinskii draws attention to the fact that in the pre-revolutionary legislation of Russia the accused was understood as a certain subject against whom a pre-trial investigation was carried out in order to establish their involvement in the crime. And their appearance in the criminal case was not predetermined by the initiation of a special investigative act. In other words, the position of the pre-revolutionary accused more closely resembled that of today's suspects [17; 18]. The institution of indictment appeared in the Criminal Procedural Code of the RSFSR in 1922, the second section of which contained a special chapter 9 "Indictment and inquiry" [15].

Reorganization of the indictment institution is directly related to the issue of the court's powers to change the charges, which for decades has served as the main means of eliminating errors and shortcomings of pre-trial investigation. Under the CPC RSFSR the court annually returned 45–56 thousand criminal cases to investigators and inquirers to conduct further investigation, which negatively affected the length of investigation and subsequent trial, increasing it from three to six months, and in individual criminal cases from 1.5 to 2 years. Besides, it was impossible to change charge for a more serious one in court.

When developing proposals to improve this institution, we proceed from the fact that direct correction of defects and inconsistencies with established facts in court is allowed by the legislation and judicial practice of England, Wales and Scotland and other states. For example, in Italy, during a judicial investigation, the prosecutor, while respecting the right of the accused to defense and other conditions, is entitled to change the original charge to a more serious one or significantly different from the original one by additional notification or a new statement of the act (Articles 517, 519 of the Italian Criminal Procedural Code). According to Article 732 of the Spanish Criminal Procedural Law, the prosecution may amend the conclusions in the writs of classification. It is an independent stage of the trial, in which, in order to strengthen the prosecution, it is provided for postponing the hearing of the case at the request of

the defense to prepare evidence to refute the amended charge. The possibility of changing the charges in the trial to a more serious one without returning the criminal case to the prosecutor is provided for in Article 301 of the CPC of the Republic of Belarus and Article 340–341 of the CPC of Kazakhstan.

We, as well as other scientists, believe that changing the charge in court to a more serious one should be initiated exclusively by the prosecution in compliance with provision of the accused's right to defend themselves against a new charge. The proposed procedures for the prosecutor to change the charge to a more serious one directly during the judicial proceedings with the right to present additional evidence to the court are as follows: the criminal case remains under the control of the court and its resolution by non-judicial authorities is excluded; the movement of the criminal case retains a progressive character and, as a result, the terms of the proceedings are significantly reduced; the right of participants in the criminal process to their access to justice is not limited; there is a procedural economy, since there is no need for additional procedural and investigative actions and a retrial of the case; the right of the public prosecutor to freedom of evidence evaluation is being implemented to a greater extent, the objectivity of his position in the case increases; the court is not involved in the exercise of the accusatory function, the principle of adversarial proceedings is not violated; the objectivity and impartiality of the court is ensured to a greater extent.

Among the problems of improving the CPC RF we should mention replacement of the inquiry in a shortened form, which, both in terms of the length of investigation and volume of evidence collected, does not differ in any way today from the inquiry in the general procedure and even surpasses it in the number of decisions taken by the inquirer. Instead, we propose a protocol form of pre-trial investigation, carried out within 48 hours against a specific person when he is detained red-handed and he/she recognizes the fact of committing a criminal act. This form of investigation, in our opinion, should not provide for a procedure for initiating a criminal case. It is also suggested to legislatively limit the list of mandatory investigative actions to the interrogation of a person suspected of committing a crime, as well as a victim or witness (in the absence of a victim) of the crime committed. The law should provide for the mandatory detention of such a person for up to 48 hours, during which the investigation must be completed. When a criminal case is brought to court, the period of detention is extended to 72 hours necessary for the trial. Such abridged rules of investigation are present in the norms of the Criminal Procedural Code of Germany, Italy and a number of other European states.

It is worth mentioning that to resolve the relevant problem of returning the power and authority to initiate a criminal case to the prosecutor, it is enough only to change the wording of paragraph 4 of part one of Article 140 of the CPC RF, establishing that "according to the prosecutor's decision to send materials to the investigative body to resolve the issue of criminal prosecution, the investigator, the inquirer immediately (within 24 hours) initiates a criminal case, except in cases that prevent the commencement of its proceedings". Such cases are provided for in part one of Article 24 (paragraphs 3, 5, 6) and part one of Article 27 of the CPC RF (paragraphs 3–6).

Some representatives of the scientific community [1] put forward a demand for the return the powers to coordinate investigators' appeals to the court about the detention of suspects, accused persons to the prosecutor, since the transfer of this function to the head of the investigative body allegedly led to an increase in violations of the rule of law. Weakness of such judgements is proved by the statistical data, showing a significant reduction in the number of citizens detained annually when these powers were transferred from the prosecutor to the head of the investigative body (Figure 5).

In addition, to prove the necessity of returning to the prosecutor the powers of procedural management of investigators (for objectivity, it should be pointed out that the Prosecutor General of the Russian Federation I.V. Krasnov stated that these rights were sufficient to ensure an adequate investigation supervision level), representatives of the scientific community often put forward the thesis that investigators of both internal affairs bodies and the Investigative Committee of the Russian Federation often ignore the prosecutors' requirements to eliminate violations of federal legislation committed during pre-trial investigation, stipulated by paragraph 3 of part two of Article 37 of the CPC RF.

However, according to the Prosecutor General's Office of Russia (Form 555 of reporting) in 2017–2020 prosecutors in accordance with paragraph 3 of part two of Article 37 of the CPC RF sent to investigators of the Investigative

Figure 5. Data on the number of suspects in custody, accused at the request of the investigator, inquirer (for 2005–2008, 2016–2020)

Committee of the Russian Federation 42 thousand–46 thousand claims, of which 97–98% were satisfied. Of the 105 thousand–125 thousand violations of federal legislation detected by prosecutors during the same period in criminal cases investigated by internal affairs investigators, 99% of the claims were satisfied. As for inquiry bodies in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia, more than 99% of such requirements have been met.

Taking into account the factors given in this article and other publications, the author's position [7] consists in a broad discussion in the scientific community and among law enforcement officers, followed by bringing to the legislator proposals providing for the introduction of the considered changes. The task is not to create a new criminal procedural code, but to develop a doctrine of pre-trial proceedings designed to reflect the changes that have taken place in the socio-political, economic and legal life of the Russian state, which today is largely hindered by the stereotype of inviolability of the above-mentioned criminal procedural institutions that do not allow ensuring the effectiveness of criminal proceedings.

REFERENCES

1. Aleksandrov A.I. *Vystuplenie na kruglom stole v Sovete Federatsii 19 noyabrya 2020 g. "Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya pravovogo polozheniya prokurora i advokata ugolovnom protsesse"* [Speech at the round table in the Federation Council on November 19, 2020 "Problems of legislative regulation of the legal status of the prosecutor and lawyer in criminal proceedings"]. Available at: http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/?date=19.11.2020 (accessed September 12, 2021).
2. Aleksandrov A.S. On the doctrinal model of criminal procedural evidentiary law of Russia. *Vestnik Nizhegorodskoi pravovoi akademii=Bulletin of the Nizhny Novgorod Law Academy,* 2015, no. 5 (5), pp. 7–10. (In Russ.).
3. Bozh'ev V.P. "Silent revolution" of the Constitutional Court in the Criminal Process of the Russian Federation. *Rossiiskaya yustitsiya=Russian Justice,* 2000, no. 10, pp. 9–11. (In Russ.).
4. Bozh'ev V.P., Gavrilov B.Ya. Does the refusal to initiate criminal proceedings correspond to the ideology of modern criminal law policy of Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii=Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,* 2018, no. 2 (78), pp. 74–78. (In Russ.).
5. Vasyukov V.F., Markovicheva E.V. *Problemnye voprosy vozbuzhdeniya ugolovnykh del na sovremennom etape: monografiya* [Problematic issues of initiation of criminal cases at the present stage: monograph]. Moscow, Prospekt. 2016. 80 p.
6. Volevodz A.G. Abolition of the stage of initiation of a criminal case: the price paid. *Ugolovnyi protsess=Criminal Proceedings,* 2014, no. 1, pp. 80–83. (In Russ.).
7. Voskobitova L.A. Criminal justice as a social technology. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo=Criminal Judicial Proceeding,* 2021, no. 2, pp. 6–17. (In Russ.).

8. Gavrilov B.Ya. Ideology of the formation of modern pre-trial proceedings. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii=Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,* 2018, no. 1, pp. 22–28. (In Russ.).
9. Gavrilov B.Ya. Does the modern pre-trial proceedings answer the realities of fighting crime? *Akademicheskaya mysl'=Academic Thought,* 2019, no. 3 (8), pp. 98–102. (In Russ.).
10. Gavrilov B.Ya. Twenty years of the Russian criminal procedure law: whether it complies with scientific views and requirements of the law enforcement officer. *Zakony Rossii. Opyt. Analiz. Praktika=Russian Laws: Experience, Analysis, Practice,* 2021, no. 6, pp. 4–14. (In Russ.).
11. Gavrilov B.Ya. Pre-trial proceedings efficiency. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo=Criminal Judicial Proceeding,* 2017, no. 2, pp. 19–26. (In Russ.).
12. Gir'ko S.I. O On certain controversial issues of procedural regulation of new prejudicial procedure. *Rossiiskii sledovatel'=Russian Investigator,* 2010, no. 15, pp. 14–16. (In Russ.).
13. Golovko L.V. The CPC of the Russian Federation as amended in 2001 as codification: "crystallization effect" or "blurring effect"? *Zakony Rossii. Opyt. Analiz. Praktika=Russian Laws: Experience, Analysis, Practice,* 2021, no. 6, pp. 3–5. (In Russ.).
14. Kozhokar' V.V. Initiation of legal proceedings: legal position of the Constitutional Court and Supreme Court of the Russian Federation. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii=Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,* 2015, no. 1, pp. 20–22. (In Russ.).
15. Nikulina T.G. History of the institution of attracting a person as an accused and modern development prospects. *Vestnik Udmurtskogo universiteta=Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law,* 2010, no. 4, pp. 115–117. (In Russ.).
16. Rossinskii S.B. Initiation of a criminal case as an autonomous stage Russian criminal procedure: pros and cons. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii=Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation,* 2021, no. 3, pp. 48–54. (In Russ.).
17. Rossinskii S.B. Discussion about the essence and legal nature of the suspect's detention continues. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava=Actual Problems of Russian Law,* 2018, no. 6 (91), pp. 134–145. (In Russ.).
18. Rossinskii S.B. Involvement as an accused is the result of the fullest possible investigation of the circumstances of the criminal case. *Pravda i zakon=Truth and Law,* 2021, no. 3, pp. 69–77. (In Russ.).
19. Rossinskii S.B. The CPC of the Russian Federation: revival of a "high" purpose of the criminal procedure form or "memo" for illiterate law enforcement officers. *Zakony Rossii. Opyt. Analiz. Praktika=Russian Laws: Experience, Analysis, Practice,* 2021, no. 6, p. 42. (In Russ.).
20. Fedorov A.V. Is there any need for case institution stage in drug-related crimes? *Narkokontrol'=Narkokontrol,* 2017, no. 1, pp. 3–17. (In Russ.).
21. Shadrin V.S. Fate of the criminal case initiation stage. *Zakonnost'=Legality,* 2015, no. 1, pp. 47–51. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

BORIS YA. GAVRILOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of the Department of Administration of Investigative Bodies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2529-491X, e-mail: profgavrilov@yandex.ru

Received October, 7 2021

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-878-885
UDC 343.83

Current State of the Personnel Management System of the Penal Enforcement System

DENIS A. BRYKOV
Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8526-5432, e-mail: tornaden@rambler.ru

Abstract
Introduction: the article analyzes a current state of the personnel management system in the penal enforcement system, which developed after the adoption of the Federal Law No. 197-FZ dated July 19, 2018 "On service in the penal enforcement system of the Russian Federation and on amendments to the law of the Russian Federation "On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of deprivation of liberty". *Purpose:* to analyze key elements of the system of organizing work with personnel in the penal enforcement system and propose measures to improve it. Methods: the comparative legal method and the theoretical method of formal and dialectical logic were used. The specific sociological method was also applied when collecting and analyzing information received from students taking Higher Academic Courses at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Results:* the personnel function is one of the most important elements of penal system performance. Activities of personnel units requires appropriate legal regulation not only in terms of work with personnel of the penal enforcement system, but also internal organizational activities of human resources departments themselves. The most attention is required in the areas, such as recruitment, professional training, service, organization of work with a talent pool, termination of service. *Conclusions:* it is difficult to determine a legal status of structural subdivisions of the personnel departments in territorial bodies of the penal enforcement system due to the problem of distributing functions among structural subdivisions and legal consolidation of the organization of systems and information flows, as well as regulation of certain types of personnel work. To solve this problem, it is advisable to improve regulations on structural subdivisions of personnel departments and programs for regular training of succession pool members, etc.

Keywords: personnel management of the penal enforcement system; talent pool; public service; personnel function; personnel movement; personnel units; recruitment.

12.00.11 – Judicial activities, prosecutor's activities, human rights and law enforcement activities.

For citation: Brykov D. A. Current state of the personnel management system of the penal enforcement system. *Penitentiary Science,* 2021, vol. 15, no. 4 (56), pp. 878–885. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-878-885.

Introduction

Human resources management of the penal enforcement system should be legally regulated. For this purpose, the Federal Penitentiary Service of Russia is developing a Concept for personnel policy of the penal enforcement system, which should contribute not only to disclosure of the legal nature of public service in the penal enforcement system, but also to linking it with psychological and pedagogical conditions of its implementation. This concept should be considered as a foundation of the unified system to enhance professional competence of penal enforcement employees and further expand measures for their social protection.

Certain work on systematization of regulations is carried out by the Personnel Department of the Federal Penitentiary Service of Russia. At the same time, it is reasonable to prepare a list of key orders, instructions and directions of the Federal Penitentiary Service of Russia for employees of personnel departments, which could

be included in the collection of regulations on the work with human resources.

Undoubtedly, systematization of regulations is a long and time-consuming process. To streamline the legal regulation of work with personnel, it is possible to prepare a codified act and a consolidated act combining substantive, administrative, procedural and organizational and technical norms. Elaboration of such acts, united by a common regulatory purpose, ensures creation of a coherent, stable and dynamic system of regulations as a necessary prerequisite for establishing law and order in personnel management.

Personnel function of the penal system

The personnel function, which is the most important supporting function of the activity of the penal enforcement system, should have a clear legal regulation. It is expressed in the form of purposeful organizational and legal activity. This requires an appropriate system of legal acts regulating this function and ensuring its implementation through the system of legal relations. Therefore, one of the main factors in improving the efficiency of personnel services of the penal enforcement system at various levels is a clear definition of their powers [1; 3; 5].

The study of relations between HR departments and employees of the law enforcement system reveals not only social awareness, but also effectiveness of managerial decisions. Feedback from a management subject helps determine optimal programs and make adjustments to those variants of regulatory decisions, the forecasted assessment of which turned out to be inaccurate or incorrect.

It is obvious that estimation of the effectiveness of legal norms in general and legal innovations in particular cannot be based solely on the public opinion of law enforcers. In this case, the respondents' position is more indicative of the estimation of the procedure to assess and further employ a candidate rather than of the perfection of the relevant norms.

The activities of personnel units require appropriate legal regulation in terms of work with personnel of the penal enforcement system and intra-organizational activities of personnel units.

The specifics of legal regulation of activities of personnel subdivisions of the Federal Penitentiary Service of Russia in RF subjects are insufficiently studied in special literature. This issue is relevant, as the penal enforcement system still operates based on outdated normative acts that regulated its activities prior to the adoption of the Federal Law No. 197-FZ of July 19, 2018 "On service in the penal enforcement system of the Russian Federation and on amendments to the law of the Russian Federation "On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of deprivation of liberty ". (hereinafter – Federal Law No. 197-FZ). In addition, the newly adopted normative acts do not completely resolve the accumulated problems, and therefore nowadays new normative acts are being worked out and existing ones are being improved.

In addition, the implementation of legal norms largely depends on the level of professional and legal culture of heads and employees of personnel services, since the nature of managerial decisions in working with personnel is influenced by their professional attitudes, motives and value orientations.

Recently, the Personnel Department of the Federal Penitentiary Service of Russia has been conducting sociological and socio-legal studies. Its results are taken into account when preparing regulatory documents on human resources operation.

It seems that the measures taken and planned to improve legal regulation of work with personnel in the penal enforcement system make it possible to more effectively implement the tasks the HR departments face, since they create the legal basis for their activities [11].

At the same time, many problems in determining the legal status of structural subdivisions of personnel units require their resolution. To begin with, these are the problems of distribution of functions between structural subdivisions, clarification of functional responsibilities of employees, legal consolidation of ways of transmitting information between subdivisions, development of standard techniques for performing certain types of personnel work.

Shortcomings of the personnel departments structure are a consequence of the improper distribution and grouping of functions among HR subdivisions and its individual employees. At the same time, properly developed provisions on structural subdivisions could play an important role in improving the structure. This would make it possible to achieve rational labor differentiation among department employees, eliminating duplication and overlapping of work directions.

We believe that the elaborated regulations on HR structural subdivisions will involve improvement of moral and material incentives and increase responsibility of department heads,

especially, of senior groups, who often differ little from ordinary performers.

In theoretical and practical terms, it is interesting to consider correlation of rights and duties of HR head as an organizer and coordinator of personnel work in a territorial body of the penal enforcement system, that is, the question of its legal status [13; 6].

According to departmental regulations, heads of a territorial body of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation are granted the right to determine duties of their deputies, delegate part of their powers to deputies, heads of structural subdivisions, as well as heads of bodies and organizations in accordance with the established procedure in order to pursue the interests of the service.

Meanwhile, the study of this issue indicates that it is insufficiently covered in the current regulations on HR departments of territorial bodies of the penal enforcement system. The relevant section of such provisions reflects mainly obligations and does not pay due attention to the issue of specific powers. The implementation of some functions assigned to these structures involves the use of various kinds of powers: implement measures of a preparatory nature; resolve problems; organize execution; and ensure enforcement.

For example, the function of monitoring work with personnel in institutions and bodies of the penal enforcement system presupposes, along with other activities, hearing reports from heads of services and subdivisions on work with personnel. The function of collecting, processing, accumulating, storing and analyzing personnel information involves granting the right to the head of the HR department to request relevant information from other bodies and departments (characteristics, reports, materials of inspections at the place of residence); the function of planning work with personnel includes not only preparation of plans, but also their official approval (to give mandatory legal force).

Heads of the HR department of a territorial body of the Federal Penitentiary Service of Russia, due to the specifics of the legal nature of functions assigned to them, should expand their activities in relation to heads and employees of all institutions and bodies of the penal system. Thus, certain powers are also necessary for the performance of functions, but in practice there are facts they are not endowed with the right to make decisions on recruitment of positions of a certain level. It seems that a clear delineation of powers and rights in this matter between heads and their deputy for human resources cannot contradict the principle of unity of command existing in the penal enforcement system, since the right to make a final decision and its legal formalization remains with the head of a territorial body of the Federal Penitentiary Service of Russia. By transferring any authority to a lower level, the head of the territorial authority reserves the right to control any issue. In this case decision-making will be facilitated, information will not become outdated, and interaction of personnel departments with other services will increase.

In our opinion, the critical measures to improve legal support of the activities of personnel units of territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia should be the following:

1. Organization of interaction of heads of penal institutions, personnel departments and bodies of the prosecutor's office, the court, and the public defender's office on the provision of legal assistance in obtaining special knowledge to deal with most typical problems arisen during service in the penal enforcement system.

2. Publication of a regulatory act establishing the procedure and standard of legal description of the position (passport of the position).

These measures will contribute, on the one hand, to a uniform understanding and realization of personnel policy, and, on the other, implementation of the personnel work of territorial bodies of the penal system.

Measures to improve elements of the personnel management system of the penal enforcement system

The modern personnel management system of the penal enforcement system is undergoing significant changes due to bringing departmental regulations into compliance with the Federal Law No. 197-FZ. Over the past three years, more than 15 regulatory legal acts have been adopted, specifying and clarifying provisions of this law. The analysis of the current situation helps identify a number of areas that have the greatest impact on improving performance of the personnel management system of the penal system and require further improvement:

1. Recruitment of employees.
2. Professional training.
3. Service.
4. Organization of work with a talent pool.
5. Termination of service.

We will consider these directions in more detail.

1. Recruitment of employees.

Organization of high-quality selection of candidates for training in educational organizations

of the Federal Penitentiary Service of Russia is one of the urgent problems, the penal enforcement system has to address [10]. The key factor is to increase the image and social attractiveness of the service in the penal system, which in turn will enhance its prestige and attract social attention, thus boosting financial, informational, human and material resources. In this direction, it seems appropriate to carry out the following measures: consistent and objective personnel policy at all levels, more effective work with mass media, more pronounced support from state authorities, including in terms of improving material and technical provision [4; 12].

Particular attention should be paid to the problem of completing medical and sanitary units of territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia. There is a whole complex of issues to be addressed: impossibility of employment in private and municipal healthcare institutions at one time, which affects the income level of a potential candidate for service; service specifics, such as work with convicts, remoteness of penal institution location, existence of a contract under which medical workers are required to work in healthcare institutions for a certain period of time. Targeted training in the field of medicine is needed in educational organizations. Medical students, signing a big contract, should get a guarantee of employment after graduation, as well as some social support (for example, by analogy with the state program “Zemskii doctor” (“Doctor working in rural areas”).

In addition to this, the following measures to improve the recruitment system should be carried out:

– elaborating and implementing methodological recommendations for the selection of candidates for service based on the best practices of territorial authorities;

– conducting lectures and practical classes dedicated to recruiting technologies at the courses of professional retraining and advanced training;

– providing employees with competitive monetary allowances in order to increase attractiveness of the service in the penal system;

– introducing recruitment technologies based on social networks, messengers and other information technologies into practical activities of personnel services.

2. Professional training.

Working out specialist training programs related to the scientifically justified definition of options for the planned development of personnel training processes for penal institutions and bodies is one of the tools to meet requirements of scientific management. Undoubtedly, performance of correctional facilities is also influenced by the fact that employees have insufficient theoretical and practical experience [18]. In most cases, this applies to junior officers. To solve the problem of providing them with high-quality training, it is proposed to carry out secondary vocational education programs in educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia. It will provide the penal enforcement system with highly qualified specialists with theoretical and practical experience.

In addition, scientifically justified courses (methodological recommendations) in various areas of official activity (regime and supervision, security, operational activities, educational work, etc.) will be helpful for young specialists, first accepted for service in the penal enforcement system or appointed to positions after graduation from state educational organizations [2; 9].

Building up the material base in the institutions of territorial bodies for professional and service training of employees (shooting galleries, gyms, educational equipment, visual aids, etc.), financed by the federal budget on a regular basis, will contribute to the quality of vocational training significantly.

3. Service.

The essence of personnel movement management consists in the formation of an integrated system of measures for its regulation in order to meet organization’s quantitative and qualitative needs in employees, stabilizing the workforce, and identifying reserves for the effective use of human resources. Hence, a balanced decision-making on the transfer of employees to other positions should involve comprehensive assessment of their competence that goes behind certification results [16; 17].

Enrollment of employees at the disposal of a penal institution is one of the forms of personnel movement [14]. Due to the fact that this process does not depend on an employee, but occurs for objective reasons due to organizational and staff changes, as well as due to the fact that, as a rule, an employee who is at disposal continues to perform duties for a previously filled position, it seems inappropriate to count the time an employee is at the disposal in the length of service in the penal enforcement system in calendar terms (Part 15 of Article 36 of the Federal

Law No. 197-FZ). Consequently, it is necessary to change the specified norm of the law.

The main qualitative characteristic of the staff is its educational level, i.e. a ratio of persons with higher and secondary professional education to the list number of employees [15]. The higher education, the better performance of employees. There is a sufficient network of state educational institutions of higher education in the penal enforcement system, but there is no system of secondary vocational education. In addition, forms of distance learning imply the provision of employees with vacations for passing intermediate certifications, preparing and defending final qualifying works, during which they are absent from service. Taking into account the lack of staff, the remaining employees' workload increases, it becomes problematic to comply with the vacation schedule. This is especially true for junior commanding staff of regime and supervision units and security personnel. In this regard, it is advisable to introduce vocational education methods that allow employees to continue their service into the practice.

Currently, retention of young employees (those under 30 years of age and up to 5 years of service experience) in the penal service is another important problem. The measures of material incentives enshrined in the order of the Federal Penitentiary Service of Russia No. 250 dated April 9, 2020 are insufficient. In this regard, it is necessary to establish additional incentive measures for personnel, such as an increase in the amount of the monthly allowance for special conditions of service, payment of a percentage allowance for years of service from one year of service, service-provided accommodation, vouchers to departmental sanatoriums.

Finally, it is worth paying attention to the rigid binding of the categories of junior inspectors to the position and their quantitative ratio of one to two. In the interests of the service, it would be more effective to introduce junior inspector positions and their categories by analogy with civil servants' positions, when the required number of basic positions (engineer, accountant, etc.) is introduced, and categories are assigned to employees depending on their qualifications, experience and work experience within the existing number of basic positions in the staffing table [19].

4. Organization of work with a talent pool.

Systematic work with a talent pool is one of the elements of the personnel policy. Based on the results of the survey of employees taking the Higher Academic Courses at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, a number of recommendations for effective use of the talent pool of penal institutions were developed, particularly:

1) development of official reports on the number of employees and movement of succession pool members that give the opportunity to trace movement dynamics, make forecasts and plans for its changes;

2) creation of an appropriate legislative framework (a local document fixing the possibility of filling a position only by an employee from the talent pool; a local document fixing the need to accept at least two succession pool members for a position), which will avoid problems associated with a grown turnover of the pool;

3) introduction of the method for expert evaluation of succession pool members, which will make the selection of applicants more objective and further select the most motivated, suitable employees, getting rid of the need to attract third-party specialists for replacement;

4) improving the programs for regular training of succession pool members in order to reduce formalism during their completion and raise the efficiency of their use, which will ensure high productivity of training even for those employees who serve in another division of the penal system in relation to the reserved position;

5) appointment of a head of the talent pool; this allows the authorities to monitor the talent pool performance without unnecessary time costs.

So, it will take time to realize the recommendations presented above. Nevertheless, their implementation will solve current problems of the talent tool and prevent emergence of new ones, thereby ensuring high efficiency of the use of the talent pool of senior personnel of the Federal Penitentiary Service of Russia.

We will analyze these recommendations in more detail. The first one was to create official reports on the talent pool size and movement of its members. This will allow the institution to monitor dynamics of the movement of succession pool members, forecast institution's requirements and satisfy them in a timely manner. Such constant monitoring reduces the likelihood of malfunctioning due to timely identification of problems that may appear.

The creation of an appropriate legislative framework, including a local act, according to which only a pool member can fill a reserved

position, contributes to solving the problem of protectionism, which has a demotivating effect. Employing a specialist from the outside leaves a pool member aside, hindering his/her career growth. As it was revealed, their average age is 31–40 years. Given the fact that the retirement age for employees is about 50 years, this recommendation will provide pool members with the opportunity to move up the career ladder faster, thereby increasing their level of motivation and interest in their own development.

This will eliminate unnecessary costs for training employees for the talent pool, since all of them will be able to apply their knowledge and competencies in practice by taking up a reserved position.

A local act stipulating that at least two succession pool members should account for certain positions, such as department heads and their deputies will improve this direction as well. This will reduce risks of long search and training of a new employee in the event of an unforeseen vacancy of a position that requires special competencies and skills. So, a crisis situation will be avoided.

The expert assessment of pool members also has its advantages in terms of social efficiency. Selection of applicants to the talent pool will be more objective and unbiased. Since outside employees may be invited to fill a reserved position due to the lack of pool members' competence, such an assessment during the selection of pool members will give the opportunity to select competent employees from internal human resources who will be able to replace a vacant reserved position. This will help motivate and retain talented and promising employees, as staff turnover may go up due to specialists' dissatisfaction with career growth in this institution.

Due to objective expert assessment, skilled employees who have greater possibilities to complete training programs will be accepted in the talent pool. Hence, the time and material costs of reserving a position in the center will be reduced.

As for enhancing programs for regular training of succession pool members, their introduction will drive the process of developing specialists' competencies. The programs need to be upgraded due to the fact that they do not provide for the possibility of training pool members from other units in relation to the reserved position.

By drawing up a program for regular training of pool members in such a way that everyone could receive full-fledged training, the institution will have the possibility to systematically replace necessary positions with qualified employees, who can quickly and independently solve the tasks assigned to them. Less time will be required to complete the work, which is especially important if the position is a key one and plays an important role in the structure of the entire institution. The possibility that a person will be unsuitable for the reserved position is reduced, as his/her training meets the requirements of the position.

Since there is a problem of formalism of a talent pool in the penal institutions, the control over implementation of the training program by the direct supervisor of a pool member will ensure fulfillment of the program tasks [8].

5. Termination of service.

Due to the fact that employees' dismissal in the first year of service may be associated with an unfavorable psychological climate in the team of the structural unit and insufficient individual educational work, it is necessary to survey employees and a head of this structural unit, including with the involvement of institution psychologists, about conditions of service, psychological climate, interaction and relationships of the dismissed employee with colleagues and authorities in the first year of service [7; 20]. In case of repeated dismissal of employees of the same structural unit in the first year of service, it is advisable to develop comprehensive plans to eliminate its causes on the basis of a detailed analysis.

In practice there may be such a situation: an employee has passed a medical examination, has been found unfit for service in the penal enforcement system or limitedly fit for service in the position being filled, while the vacations have been already used. To dismiss such an employee, it is required to perform a number of procedures (interview, preparation of necessary documents, etc.). At the same time, an employee cannot serve due to the unsatisfactory state of health; the conclusion of the medical commission may indicate that an employee must be released from the performance of official duties until the moment of dismissal. There is a legal conflict when there are no legal grounds to release an employee from the performance of official duties and at the same time an employee cannot be on duty or is not entitled to (serving with weapons, special equipment). Thus, it is important to regulate this situation at the legislative level.

Taking into account the possibility of carry-

ing out organizational and staff measures related to the reduction of positions, liquidation of institutions, and the impossibility to employ a graduate of a departmental educational organization who has not served a fixed term after graduation, it is advisable to supplement Part 6 of Article 87 of the Federal Law No. 197-FZ with the provision, such as position retrenchment in the penal enforcement system (paragraph 11 of Part 2 of Article 84), except in cases of employee's refusal from the positions offered to him/her.

Conclusion

The personnel policy of the Federal Penitentiary Service of Russia is aimed at:

1) working out strategy directions in the field of public service development with regard to trends and prospects for the development of the state and society;

2) providing civil service with skilled specialists who can perform their work efficiently, thereby boosting service prestige;

3) creating all necessary conditions for the implementation of employees' activities, as well as monitoring their performance.

An effectively functioning talent pool of penal institutions will make its structure more stable and manageable. Due to the reduced number of institutions and restrictive pandemic measures, it becomes even more important, since the existing problems may tend to grow. Besides, an effective talent pool of the institution as a whole increases the level of specialists' competence, since the recommended measures are focused on improving quality of conducted training.

The main component of internal staff movement is replacement of vacant positions in a short time; otherwise, the workload on other employees of the structural unit increases. While waiting for the decision, potential candidates' motivation to conscientiously perform duties for the position they are replacing decreases, which in general may adversely affect the functioning of the institution. Consequently, it is necessary to minimize administrative barriers to employee movement (coordination with higher bodies of the penal enforcement system, whose managers are not authorized in relation to the employee being transferred; exclusion of preparation of additional documentation, such as various certificates, reviews, characteristics not established by the current legislation), delegate within reasonable limits the rights to select and approve candidates to immediate supervisors at the place of service.

REFERENCES

1. Akchurin A.V., Maslennikov E.E. Review of measures to stimulate the work of penitentiary workers in Russia and foreign countries. In: *Organizatsionno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: teoreticheskie i prikladnye aspekty: materialy mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Organizational and legal regulation of the activities of the penal system: theoretical and applied aspects: materials of the interuniversity scientific and practice conference]. Ryazan, 2018. Pp. 20–24. (In Russ.).
2. Brykov D.A. Role of the head in the mechanism of maintaining discipline of employees of the penal system. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava=Matters of Russian and International Law,* 2018, vol. 8, no. 12A, pp. 178–183. (In Russ.).
3. Brykov D.A. *Organizatsiya raboty s kadrami ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Organization of work with the personnel of the penal system: Candidate of Sciences (Law) dissertation abstract]. Ryazan, 2004. 29 p.
4. Dolinin A.Yu. *Kadrovyi potentsial ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: otsenka i razvitie: monografiya* [Human resources potential of the penal system: assessment and development: monograph]. Moscow: Prospekt, 2017. 161 p.
5. Dolinin A.Yu., Brykov D.A Improving the system of personnel business evaluation of the penal system. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment,* 2015, no. 4, pp. 65–68. (In Russ.).
6. *Gosudarstvennaya sluzhba v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme: uchebnoe posobie* [Public service in the penal enforcement system: textbook]. Ed. by O.V. Derbina. Vologda: Vologodskii institut prava i ekonomiki Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii, 2018. 309 p.
7. Grishin D.A., Chudakova S.N. Organizational and administrative-legal problems of staff turnover (termination of service) in institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie=Man: Crime and Punishment,* 2014, no. 4, pp. 71–76. (In Russ.).
8. Zakharova S.N., Dolinin A.Yu. *Osnovy sluzhebnogo povedeniya sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy: prakticheskie rekomendatsii* [Fundamentals of official behavior of employees of the penal enforcement system: practical recommendations]. Ryazan: Akademiya FSIN Rossii, 2014. 48 p.
9. Kirillova T.V., Panarin D.A. Educational work with a variable composition of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia: current state, problems and prospects. In: Kirillova O.V., Kirillova T.V. (Eds.) *Preventivnaya i penitentsiarnaya pedagogika: istoricheskii analiz i sovremennye tekhnologii: kollektivnaya monografiya* [Preventive and penitentiary pedagogy: historical analysis and modern technologies: collective monograph]. Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi universitet im. I. N. Ul'yanova, 2015. 252 p. (In Russ.).
10. Kolodkin L.M., El'man T.V. Legal regulation of the formation of professional personnel of internal affairs bodies of the Russian Federation. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya=Bulletin of the Orel State University. Series: New Humanitarian Studies,* 2015, no. 1 (42), pp. 51–54. (In Russ.).

11. Korniichuk O.O., Ogorodnikov V.I. Analysis of the state of social support for the employees of the penitentiary system (according to the Department of the Federal Penitentiary Service for the City of Moscow). *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology,* 2015, no. 4, pp. 152–157. (In Russ.).
12. Kochkina O.V. Problems and methods of staffing in the penal system. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta=Bulletin of the Vladimir Law Institute,* 2015, no. 1, pp. 41–43. (In Russ.).
13. Letunov V.N., Ogorodnikov V.I. Personnel of the Russian penal system at the present stage. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo=Penal Enforcement Law,* 2015, no. 3, pp. 116–121. (In Russ.).
14. Malkova L.L. Labor adaptation of young employees of the penal system: an environmental approach. In: *Ugolovnoe nakazanie v Rossii i za rubezhom: problemy naznacheniya i ispolneniya: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal punishment in Russia and abroad: problems of appointment and execution: collection of materials of the international scientific and practice conference]. Vologda, 2016. Pp. 250–254. (In Russ.).
15. Nagornykh R.V. *Administrativno-pravovoe regulirovanie gosudar-stvennoi sluzhby Rossiiskoi Federatsii v pravookhranitel'noi sfere: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Administrative and legal regulation of the civil service of the Russian Federation in the law enforcement sphere: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2017. 22 p.
16. Ogorodnikov V.I., Dolinin A.Yu. Organization and specifics of the control of the performance of employees of the penal system. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology,* 2008, no. 4, pp. 129–132. (In Russ.).
17. Ogorodnikov V.I. Actual problems of staffing of the penal enforcement system. *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi zhurnal=International Penitentiary Journal,* 2016, no. 4, pp. 52–55. (In Russ.).
18. Panarin D.A. Problematic issues of assessing the quality of graduate training. In: *Aktual'nye voprosy podgotovki kadrov dlya uchre-zhdenii i organov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy obrazovatel'nymi organi-zatsiyami FSIN Rossii: organizatsionnye i pravovye usloviya: materialy VI mezhvuzovskikh uchebno-metodicheskikh sborov professorsko-prepodavatel'skogo i nachal'stvuyushchego sostava obrazovatel'nykh organizatsii FSIN Rossii (Pskov, 26–27 sentyabrya 2018 goda)* [Topical issues of personnel training for institutions and bodies of the penal enforcement system by educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia: organizational and legal conditions: materials of the 6th interuniversity educational and methodical collections of the faculty and the commanding staff of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia (Pskov, September 26-27, 2018)]. Pskov: Pskov. filial Akademii FSIN Rossii, 2018. Pp. 108–113. (In Russ.).
19. Rodionov A.V. Organization of considering for the influence of personal psychological states of personnel on labor performance and the safety of enterprise development. *Teoriya i praktika sovremennoi nauki=Theory and practice of modern science,* 2016, no. 4 (10). Available at: http://modernj.ru/domains_data/files/10/Rodionov.%20Osn%20razdel.pdf (accessed September 1, 2021). (In Russ.).
20. Chudakova S. N. Termination of public service in the penal system: basic concepts and essence. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta=Bulletin of the Vladimir Law Institute,* 2015, no. 1 (34), pp. 96–99. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

DENIS A. BRYKOV– Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department for Management and Organization of the Penal Enforcement System of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8526-5432, e-mail: tornaden@rambler.ru

Received October 28, 2021

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-886-895
UDC 343.8:343.98.06:343.988

Grounds for Criminalistic Classification of Crimes against Human Life and Health Committed by Convicts Serving Imprisonment Sentences in Places of Deprivation of Liberty

NIKOLAI G. SHURUKHNOV
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1132-760X, e-mail: matros49@mail.ru

OLEG M. DECHKIN
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4956-8655, e-mail: olegd4105@mail.ru

Abstract
Introduction: the article considers grounds for criminalistic classification of crimes causing intentional injuries committed by convicts serving sentences in places of deprivation of liberty. *Purpose:* based on the analysis and generalization of theoretical and practical materials, an attempt is made to formulate the most characteristic grounds for the criminalistic classification of the analyzed criminal acts and reveal their contents. *Methods:* the dialectical method of cognition, general scientific methods of analysis and generalization, empirical methods of description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic are used in the research. *Results:* the article reveals in detail the content of general (territory, situation, community of correctional institutions; prevalence of informal norms of behavior in places of deprivation of liberty, which most convicts adhere to) and private grounds (specifics of personality traits of a criminal, victim and witnesses; specifics of behavior before and after crime commission) for classification of crimes that make up the group for which the investigation method will be worked out. *Conclusions:* based on the available research, which highlights the universal basis – the criminal legal object, it is concluded that there are two groups of grounds (general and special) for classification of crimes causing intentional harm to life and health committed by convicts serving imprisonment sentences.

Keywords: places of deprivation of liberty; convicted persons; crimes; intentional injuries; classification; grounds; investigation; methodology.

12.00.12 – Criminalistics; forensic examination activities; law enforcement intelligence-gathering activities

For citation: Shurukhnov N.G., Dechkin O.M. Grounds for criminalistic classification of crimes against human life and health committed by convicts serving imprisonment sentences in places of deprivation of liberty. *Penitentiary Science*, 2021, vol. 15, no. 4 (56), pp. 886–895. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-886-895.

Introduction

In 2020, 1,181 crimes were committed by arrested and convicted persons in institutions of the penal enforcement system of the Russian Federation (hereinafter referred to as PES) [15]. Approximately 5% is crimes related to intentional injuries. These are 8 cases of murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation), 4 cases of attempted murder (Articles 30 and 105 of the CC RF), 24 cases of intentional infliction of a grave injury (Article 111 of the CC RF), and 24 cases of intentional infliction of injury of average gravity (Article 112 of the CC RF) [15].

Unfortunately, there are no statistics data provided by the Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia for crimes stipulated by Arti-

cle 115 of the Criminal Code of the Russian Federation. Though, in our opinion, they pose an increased public danger, since they encroach on fundamental human values – people's life and health. The criterion of intentional infliction of injury of light gravity in the official accounting is absent not only due to the appropriate management attitude, but also the lack of proper practice of countering this illegal activity. This negatively affects not only moral and psychological climate of inmates, but also contributes to commission of other more dangerous crimes. According to our estimates, about 7% of such crimes was committed in 2020. This means that in absolute terms their number was significantly greater than the number of the crimes provided for in Articles 105, 111, 112 of the CC RF combined.

Hence, we attribute crimes provided for in Article 115 of the CC RF to the subject of our study – a group of crimes causing intentional harm to life and health committed by convicts serving sentences in places of deprivation of liberty. Our goal is to establish grounds for developing a unified methodology for investigation of such crimes. This means identifying specific, informative grounds that have essential features inherent in each illegal act and determine the specifics of commission and investigation of crimes under consideration.

Research

Our research is aimed at identifying conditions of committing certain crimes against human life and health with regard to the specifics of personality traits of perpetrators and victims and their behavior during investigation of the crime committed by convicts serving sentences in penal institutions. It is this approach that makes it possible to develop a purposeful, practically significant investigation methodology that will differ from a similar one, designed for other conditions of illegal activity and a different category of subjects and victims.

For correct classification of such crimes, it is necessary to accurately determine the basis of their division, that is, the indicia (rather the totality) by which they are compared with each other. It is worth mentioning that sometimes, in order to develop an investigation methodology, an attempt is made to adjust crimes to a certain general pattern, without taking into account their uniqueness. Opponents, on the contrary, reject the very idea of finding a certain unity and similarity between a group of crimes, insisting on their individual specifics. As often happens in scientific research, the truth is somewhere in between. We believe that the most adequate approach to classification and, accordingly, types of crimes is the one that takes into account their general features in terms of the level of abstraction, the depth of the designation of illegal activity, their informativeness, accuracy of definitions, structure and qualification possibilities.

Once again, we point out that classification is always carried out on the basis of certain grounds that serve as one or another characteristic feature of the corresponding group of crimes. It is intended to be a starting point for development of various types of methods [18; 19; 24], ensuring their purposefulness and investigation effectiveness. Besides, classification is of some economic value, since it is possible to develop recommendations for a range of crimes. Classification helps accumulate necessary information, organize processes of cognition (study of practice), as well as widen knowledge about the crime committed and thereby determine the method that could optimize the upcoming investigation [16, p. 202].

For a long time, to determine a group of crimes, domestic criminologists relied on criminal legislation norms, where the object of criminal encroachment was of particular importance. The work of I.N. Yakimov "Criminalistics. The manual of criminal technique and tactics", published in 1925, singles out murder, theft, fraud, forgery (objects of crimes). When disclosing the content of the "methodology" (as Part 3 of the edition was called by I.N. Yakimov), other classification grounds were also used, in particular, a method of committing a crime (murder by strangulation [25, pp. 370–371], poisoning [25, pp. 371–374]), as well as direct connection of the subject and object (infanticide [25, pp. 375–376]).

It should be noted that the first Soviet textbooks on criminology presented investigation methods, describing an object of the crime, a method of its commission, concealment techniques, characteristics of the criminal's personality, his/her attitude to the direct subject of encroachment [12].

Without dwelling on evolution of the bases of criminalistic classification of crimes, as it is described in detail in the works of R.S. Belkin [4, pp. 193–201]; R.S. Belkin and A.I. Vinberg [3, pp. 65–69]; A.R. Belkin [2]; A.Y. 6]; V.A. Ob-

raztsov [14], we will touch only on those aspects that meet goals of the present research. The indicated trend, i.e. the use of criminal law provisions of the crime object as a classification basis to design the investigation method, is still relevant. There is no doubt about its validity, since its perfection proven by practice does not lend itself to criticism, since it allows solving the strategic task of criminology, including elaboration and systematization of private forensic methods of investigation of certain types of crimes. A.N. Kolesnichenko was among the first to point out its secondary role. However, at the same time, he spoke about their general meaning [11, p. 14]. Indeed, the criminal law classification cannot fully satisfy all needs of the forensic theory and investigative practice, in particular, we cannot limit ourselves only to those indicia and characteristics of crimes that the science of criminal law studies [5, p. 155; 16, p. 203]. In fact, it does not reveal crime investigation effectiveness, and is intended to focus on correct qualification of the illegal act [10]. Therefore, with regard to the realities of today's life, it is necessary to collect empirical data, analyze them thoroughly in order to identify patterns to be used for classifying, including in relation to the subject of our study.

The stated above is connected with the fact that modern human life, on a global scale, has undergone significant changes, including in correctional facilities. Nowadays the driving force is the new economic and legal order, the legal status of citizens, the systemically changed production and economic mechanism and organizational and managerial process, as well as scientific and technological progress and informatization of all spheres of life, without exception. All this is mirrored in activities of penitentiary institutions.

Speaking about some of the "locomotives" of modern life, we should emphasize that information technology has made changes in the ways of committing crimes. Some of them have become contactless, remote, with overcoming significant distances, covering significant areas. Cell phones have created prerequisites for convicts in correctional facilities to commit fraud, with the search for victims who are at a considerable distance from the place of imprisonment. Unmanned aerial vehicles make it possible to establish the presence and location of material assets and plantations of narcotic plants, deliver narcotic drugs and psychotropic substances to convicts. The COVID-19 coronavirus pandemic has affected the nature of criminal activity, giving rise to new types of crimes: forgery and illegal trafficking of vaccines, medicines, vaccination certificates, PCR tests. All of the above has affected the frequency of interpersonal conflicts of convicts, since the pandemic has strengthened the already strict regime of serving sentences.

It should be highlighted that changes in everyday life and criminal activity have resulted in correction in the use of means and methods of detecting crimes, the process of their investigation and establishment of certain circumstances of illegal activity. Consequently, there appears another direction of empirical data collection, their thorough analysis, identification of patterns to establish new (additional) grounds for criminalistic classification of crimes in order to develop recommendations for investigation.

The proposals formulated by R.S. Belkin played a significant role in the development of the theory of criminalistic classification of crimes. In his opinion, the corpus delicti should be widened and its content should be taken as the starting directions for studying the depth of disclosure of specific features and patterns of the studied phenomena. Crimes can be classified by:

– a subject of the crime (committed individually and by a group; for the first time and repeatedly; by persons who are in a special relationship with the direct object of the assault and are not in such a relationship; adults and minors; men and women);

– a object of the crime (by personality of a victim; nature of the direct subject matter of the encroachment; place of crime commission; by methods and means of protecting the subject matter of the encroachment);

– a objective side of the corpus delicti (according to the method of committing the crime; according to the method of concealing the crime, if it is not included as an integral part of the method of committing the crime);

– a subjective side of the crime (committed with premeditated intent and sudden intent)" [4, p. 198].

Ten years later V.A. Obraztsov pointed out some shortcomings in the above approach, in particular, unclear systematization of the grounds for criminalistic classification of crimes; lack of an exhaustive list of the grounds for classification and indicators of other crime-related systems [14, p. 15–16]. In his opinion, to

distinguish crimes, criminalists can also use the following grounds: a) content of the crime: indicia of a criminal, object, means of encroachment, process, results, motive and purpose of illegal activity; b) crime situation; c) activities to identify and solve crimes [14, pp. 80–127].

V.A. Obraztsov's proposals, in turn, were also criticized [7, p. 141; 8, p. 57; 13, pp. 72–73], in particular, in terms of attribution of features of crime detection and solution activities to the classification of crimes [2, p. 23; 7, p. 141]. However, attention should be paid to at least two circumstances: the classification is aimed at building a method for investigating an illegal act; V.A. Obraztsov, revealing shortcomings of Belkin's classification, indicates a lack of consideration of characteristics of other systems [14, p. 14–15], which include not only features of the process of detecting and solving crimes, but also causes and conditions that contributed to their commission, as well as correlations and determinants of criminal activity.

If we turn to the methodology, we can conclude that it explores scientific knowledge analysis methods, their structure, the place and role of different forms of cognition and methods of constructing various systems of scientific knowledg" [17, p. 5–6]. It seems that the process of investigation is important in terms of the subject of cognition, as V.A. Obraztsov claims. Analyzing the sources devoted to the issues of criminalistic classification, namely the works of R.S. Belkin, A.N. Vasil'ev, I.A. Vozgrin, V.K. Gavlo, Yu.P. Garmaev, A.Yu. Golovin, I.F. Gerasimov, V.A. Zhbankova, V. Zhelenskii, A.N. Kolesnichenko, V.E. Kornoukhov, V.P. Lavrov, A.F. Lubin, G.M. Meretukov, N.E. Meretskii, V.A. Obraztsov, A.A. Protasevich, V.G. Tanasevich, A.V. Shmonin, N.G. Shurukhnov, N.P. Yablokov, A.A. Eksarkhopulo, we come to conclusion that the data of other sciences, including criminal procedure, criminology, computer science, customs, psychology, as well as a set of various circumstances characterizing a crime, offender, and victims, can be considered as grounds for it.

I.F. Gerasimov considers methods of committing crimes, the degree of their concealment and deception, illegal experience of the subject, the place of crime commission as the basis of classification [5, p. 155]. So, the baseline in his classification is simultaneously components of the forensic characteristics. The task of a modern scientist who forms the methodology of investigation is to determine what is common to a certain group of crimes, manifests itself as a pattern revealed as a result of empirical research.

The great Russian criminologist R.S. Belkin formulated the baseline of the criminalistic classification of crimes more than 45 years ago. His detailed scheme is still relevant today and is taken as a basis by modern researchers. We also use it as a starting point in attempt to form a criminalistic basis for crime classification. On its basis targeted methodological recommendations for the investigation will be formed.

In our opinion, the grounds for criminalistic classification of crimes stipulated by Articles 105, 111, 112 and 115 of the Criminal Code of the Russian Federation committed by convicts in places of deprivation of liberty can be differentiated into two groups of interrelated and mutually conditioned factors that influence the process of their commission and investigation: general (common to all) and private (related to the part of crimes under consideration committed in correctional facilities).

General ones include: a) a territory, situation, CF environment; b) prevalence of informal norms of behavior in places of deprivation of liberty, which most convicts adhere to.

Private are: a) specifics of personality traits of the subject of the crime, witnesses; b) characteristics of personality traits of the victim, specifics of behavior before and after commission of the crime causing intentional harm to life and health.

Territory, situation, CF environment. It is the territory, where crimes are committed and subjects of the crime, witnesses and victims stay 24 hours a day (before and after crime commission). It is strictly limited, constantly guarded and controlled by technical means. The territory of a correctional colony, as a rule, includes two independent parts: residential and industrial (production). The residential area is divided into several local areas. They create various conditions for serving sentences within the same correctional colony: normal, light, strict. Convicts live in dormitories (with appropriate communal facilities). In front of them there is a fenced-off area intended for walks.

The residential area consists of a complex of buildings and structures designed to accommodate a food hall, bath and laundry complex, boiler room, medical unit, pharmacy (hospital in some correctional colonies), school, club with a

library, vocational college, and store. In the production area there are workshops, plots, workshops, warehouses and utility rooms, which differ in terms of production activity, manufactured products.

Engineering and technical means of protection and supervision are located in residential and industrial areas, along the territory, at checkpoints in accordance with the requirements of the Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 279 dated September 4, 2006 "On approval of the Instruction on the equipment of engineering and technical means of protection and supervision of objects of the penal enforcement system" (as amended June 17, 2013). They are designed to prevent and suppress commission of crimes and convicts' violations of the established detention regime, as well as obtain necessary information about their behavior. For these purposes, regime measures (inspections, searches) are implemented, audio-visual, electronic and other technical means of supervision and control are used (Articles 82, 83 of the CC RF).

According to the Law of the Russian Federation No. 5473-1 of July 21, 1993 (as amended May 26, 2021) "On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of deprivation of liberty" and the Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 178 of March 9, 2007 "On approval of the Regulations on regime requirements in the territory adjacent to the institution subordinate to the territorial body of the penal enforcement system", the territory of correctional facilities also includes adjacent areas where regime requirements are established. Within their limits, the institution administration can implement a set of regime measures provided for by laws and regulatory legal acts.

The specific situation of correctional colonies is caused by a high concentration of convicts on a limited territory. Any actions of convicts in such a community are under mutual supervision, as well as under visual or electronic and secret control carried out by the correctional facility administration.

The community is interconnected, mutually conditioned by the situation and present everywhere, creating various (including criminal) situations. Its breath is felt everywhere, it knows everything, controls everyone serving a sentence of imprisonment. It is an investigator, court, prosecutor, lever that enforces decisions made by leaders of the thieves' world. It is difficult to get away from it, it has sticky fingers and great opportunities. The community forms and implements unofficial norms of behavior (prison ideology) and monitors their strict implementation.

Behavior of convicts as representatives of the community surrounding conflict participants, both before crime commission and during investigation, is specific. If defined in one word, it is demonstration of complete indifference to the fate of the subject of the illegal act and the victim. It is demonstration of external behavior; the internal is individual and closed, individual experiences are not showed, the actual attitude to the incident is dissimulated. To a certain extent, this behavior is justified: on the one hand, convicts follow the requirements (particularly heightened in places of deprivation of liberty) of taboo on the invasion of privacy and, on the other, try not to score an own goal, as it might change the prevailing way of life, which is tolerable and common in specific conditions of the correctional facility.

Illegal acts in criminal justice institutions are committed most often in the presence of community representatives. It should be borne in mind that they monitor the situation and become interested in conflicts and illegal actions that disrupt their monotonous life. Knowing this, convicts do not cooperate with the subject of the investigation and refuse to testify. The motives for this approach are different: a) a lack of desire (fear) to violate the "ban established" by unofficial norms of behavior; b) solidarity, sincere sympathy for the subject of the crime, since the victim has been "asking for" it c) fear of deviating from the position taken by the criminal and thus doing harm to him; d) attitude not to interfere in other people's affairs directly or indirectly, etc.

Refusal to testify makes it possible to avoid a subsequent (possible) summons to court, otherwise it will create additional discomfort for the convicted person associated with moving to court in a special transport, staying in court surrounded by a convoy.

When investigating crimes committed by convicts serving sentences in penitentiary institutions, the community, by virtue of existing traditions, opposes this process actively or passively. Subjects of the investigation should not hope to receive testimony from eyewitness-

es in the situation where even several people observed it. It should not be surprising when, instead of a really truthful answer to the investigator's question about circumstances of intentional harm to life or health, a convicted eyewitness, staying in an extremely limited space (in the cell of the penal isolation unit) where the crime was committed and necessarily observing illegal actions, will give such answers: "I have not seen anything"; "I was reading a prayer at that time"; "I was busy with myself"; "I was in a state of personal reflection and did not pay attention to this fuss". We will not discuss the answers, we focused our attention on during the study, but emphasize that they are similar to those given by a person who assisted in the crime commission. It is found out that convicts can actively give incriminating testimony in cases when interests of the opposing informal groups of convicts (groups of negative orientation) collide.

Prevalence of unofficial norms of behavior, which the majority of convicts adhere to. The situation, where, figuratively speaking, every log of a wooden frame, every brick in the masonry of the building is impregnated with special norms of life, affects reconstruction of convicts' inner world to varying degrees. They become cautious, introverted, circumspect, uninitiative, and spiteful with elements of aggression. To a certain extent, this is characteristic of any community of people concentrated in specific conditions of a relatively closed nature. Each such community is formed, functions and is preserved as an independent under the influence of internal factors. One of them is traditions, and in relation to the community of convicts – unofficial norms of behavior, the observance of which is stricter, and the punishment for deviation from them is inevitable and cruel.

In conditions of places of deprivation of liberty, there are two groups of norms that define (regulate) convicts' behavior: 1) official, provided for by the penal enforcement legislation of the Russian Federation; 2) unofficial, provided for and cultivated by the thieves' ideology. Unofficial norms of behavior differ depending on the regime of correctional colonies. They may impose additional restrictions that apply to all categories (strata) of convicts, regardless of their unofficial status.

Convicts in the correctional facility face a dilemma, whether to follow informal or formal norms of behavior. In the first case they take risks of being punished for regime violation and in the second – their interpersonal relationships in the community are sharpen, thus leading to deterioration of their actual position in the community.

Unofficial norms of behavior prescribe convicts: a) to negatively relate to activities of the correctional facility administration; b) to behave cautiously and deliberately when forced to communicate with representatives of the institution's administration, in exceptional cases, try to gain confidence in order to improve their actual situation; c) not to write complaints, statements to higher judicial authorities with requests for resentence, they do not seek to be released on parole; d) to comply (strictly) with all the instructions of thieves' authorities (crime bosses); e) to be able to stand up for themselves and friends, even if it costs their lives; f) under no circumstances to give anyone any information about the community of convicts; g) to adhere to the following principle: in relationships with others to be careful, keep promises, stick to word, avoid close personal contact with the "hurt", not to delve into other people's conversations, and not to spread rumors; h) to support persons held in punishment cells and cell-type wards, meet them after the completion of disciplinary punishment; and) not to participate in crime investigation.

It should be said that the nature of the unofficial norms of behavior prescribed to a certain convict depends on that stratum [23], to which he belongs. The indicated dependence makes it possible to forecast motives, initiators, perpetrators, and behavior of specific persons during and after crime commission. The above, to a certain extent, will be characterized by the following brief plot. In the Correctional Facility No.14 of the Federal Penitentiary System of Russia in the Irkutsk Oblast, the convict R.I.V., who occupies an informal leading position among those serving imprisonment, had suspicions about the involvement of the convicts K.I.V. and V.A.S. in giving confessions in one of the criminal cases, which is a violation of unofficial norms of behavior. He informed K.I.I. and O.S.M. about his suspicions and gave the instruction to teach these persons a lesson. As a result, a group consisting of R.I.V., K.I.I. and O.S.M., by attacking and stabbing with various instruments of crime, killed K.I.V. and V.A.S. (Archive of the Irkutsk Regional Court of the Irkutsk

Oblast for 2016 Criminal case No. 2-31/2016 of August 1, 2016).

Specifics of personality traits of a subject of the crime and witnesses. The conditions of isolation from society consist in the forced placement of a person in a closed social environment, including a total two-way regulation of behavior (official and unofficial norms of behavior), limiting satisfaction of habitual needs. In case of prolonged stay in places of deprivation of liberty (according to official statistics, 148,000 convicts served sentences from 5 to 10 years) people acquire a set of specific habits. At the same time, existing and acquired personality traits intertwine into a kind of new unity. Then it plays the role of a kind of core, accumulating new personal properties, mainly directed to survive in special conditions and counteract the correctional facility administration, inquirer, and investigator [20, p. 103], improve experience and skills of illegal activity, while there are conditions and persons to adopt such experience (more than 228,000 people were sentenced to imprisonment for the second, third and more times) [15].

Persons held in places of deprivation of liberty transfer stress in the form of unfounded claims, discontent, anger caused by specific conditions of freedom restriction to persons with the same legal status or officials of the correctional facility. This contributes to emergence of a special psychological predisposition to violence among convicts. Sixty-eight percent of violent crimes in correctional facilities are committed with the help of various piercing and cutting objects.

Prevalence of violence in places of deprivation of liberty is caused by: a) deterioration of the socio-criminological characteristics of personality of the convicted (in 2020, 17,143 convicts were recognized as persistent violators of the established order of punishment); b) long term isolation (320,000 people serve imprisonment of more than 3 years, that is more than three fourth of the total number of prisoners serving sentences in correctional facilities); c) aggressive atmosphere of social isolation and stressful order and conditions of serving the sentence.

Suspects more often follow unofficial norms of behavior [1, 21, 22] and try to resolve conflicts without asking for assistance of the correctional facility administration. They take all possible measures to legendize their behavior, presenting it in the best light, explaining what happened by prison traditions and circumstances.

The subjects of the crimes under consideration, in most cases, are young people (18–29 years old), 67% of whom have secondary or incomplete secondary education. They are the most impulsive, aggressive, easily provoked. Getting into places of deprivation of liberty, in most cases they seek to assert their authority by force. Without thinking about consequences, they often solve their problems by inflicting bodily harm to their abuser, in 65% of cases – without preparation, with a sudden intention. 72% of them are regime violators. One fourth has been previously convicted of infliction of intentional harm to life and health, the vast majority have various mental abnormalities [9, pp. 88–90]

In some cases, psyche of convicts subjected to humiliation, bullying, physical influence from other persons serving imprisonment undergoes changes that generate anger, aggression as some mechanisms of self-defense against harassment, causing bodily harm. As a result, they become subjects of the analyzed crimes commission.

Features of the victim's personality traits, specifics of behavior before and after commission of the crime against human life and health. Victims are not eager to inform the administration about what has happened, they often do not ask for medical help (there were cases when this had led to tragic consequences). If they provide any information at first, it is not entirely objective. They often refuse to inform, try to "sort out" the offender themselves, succumb to the influence of the criminal's community and formulate statements that they are not only beneficial to the subject of the illegal act, but they can also testify to their own guilt. Sometimes they explain injuries with other facts that exclude human exposure. Changes in indications can also be as a result of receiving certain material benefits (food, clothing, money, cigarettes, tea, narcotic drugs), monetary compensation.

As the results of the practice study show, victims of the crimes under consideration can be divided into 3 main groups. The first one includes owners of negative behavior (42.3%). They spread negative information, humiliate, insult, cause physical suffering, and mock other convicts. It may provoke commission of the crime. So, in order to take revenge on the

convicted P.A.P., who had disseminated information discrediting honor and dignity of P.A.V., the latter, who was in the production unit No. 4 of the Center for labor adaptation of convicts of the Correctional Facility No.7 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Udmurt Republic, he struck the offender on the head with a sledgehammer (Archive of the Zavyalovsky District Court of the Udmurt Republic for 2015 Criminal case No. 1-170/2015 of August 25, 2015). The second group includes convicts who have proven themselves positively during the period of serving their sentence (35.4%). They defended themselves and others from offenders' unlawful actions by making demands to stop illegal actions, unlawful use of physical force. The convicts N.E.Yu. and Sh.A.V., after cleaning the territory, were returning to the dormitory of their squad in the Correctional Facility No. 17 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Murmansk Oblast, but along the way they met a convict I.A.M., whom they hardly knew, who insulted them without reason. N.E.Yu. asked him to apologize and talk to them in a polite manner, without insulting statements. However, I.A.M., out of hooligan motives, demonstrating his superiority in relation to N.E.Yu., took a nearby lying stick and struck him several blows on the head, causing serious harm to health (Archive of the Leninsky District Court of the city of Murmansk for 2016 Criminal case No. 1-181/2016 of July 25, 2016). The third group consists of convicts with neutral behavior (22.3%), that is, neither contributing to nor hindering criminal actions. Reasons for this behavior are very different, they are often associated with negative personality traits (cowardice, indecision, habit of pleasing a strong personality, being humiliated).

Thus, there is reason to believe that injured convicts, being in places of deprivation of liberty, are far from ideal in moral terms, as a rule, belong to an unstable community of persons most prone to destructive forms of behavior in the correctional facility, which significantly increases the level of their victimization. The indicated personal qualities also affect their behavior during crime investigation.

Conclusion

Having studied grounds of criminalistic classification of crimes developed by the predecessors, the authors, studying investigative practice, came to the following conclusion. With regard to crimes against human life and health committed by convicts serving sentences in places of deprivation of liberty, in addition to the universal basis (criminal law object), there are two additional groups – general and private. The general grounds include: 1) a territory, situation, CF community; 2) prevalence of informal norms of behavior in places of deprivation of liberty, which most convicts adhere to. This allows us to state that crimes in places of deprivation of liberty are committed within strictly limited areas, guarded 24 hours a day by individuals and technical means. The correctional facility administration uses audiovisual, electronic and other technical means of supervision and control to obtain information about convicts' behavior. Ideally, neither persons serving sentences can leave protected areas, nor outsiders can enter the territory. In other words, intentional harm to life and health can only be committed by people who are within the protected area. The search for both the criminal and the victim are carried out within the specified limits. At the same time, it is greatly simplified if we keep in mind the use of information technologies (stationary and portable video recorders) and electronic means of controlling the situation and convicts' behavior. As a rule, these crimes are committed among those serving a sentence of imprisonment in the presence of other convicts. In other words, illegal acts occur in the conditions of evidence, when the episode is observed by several people. However, despite the presence of eyewitnesses, suspects and victims, it is difficult to solve and investigate a crime due to prevailing unofficial norms of behavior in places of detention, which most convicts adhere to. They prohibit convicts to take part in the investigation.

The private grounds for classifying crimes against human life and health committed by convicts serving sentences in places of deprivation of liberty are the following: 1) specifics of personality traits of the subject of the crime and witnesses; 2) characteristics of personality traits of the victim, specifics of behavior before and after the commission of the crime causing intentional harm to life and health. Practice shows that investigation of the crimes committed by persons with criminal experience and skills to behave quirkily, deftly, and brazenly at the investigation, complicating activities of inquirers and investigators and thereby the process of cognition, requires the subject of the investigation to be mentally tense

and creative, use not only criminal procedural actions, but also tactical techniques, technical and informational means. Investigation is also complicated by the specifics of personal characteristics of victims, who often take contradictory positions and change testimony, up to self-incrimination.

Therefore, investigation of such crimes should be based on a complex of various means, not only those provided for by the current criminal procedure legislation of the Russian Federation. These include operational-search, regime and other forces, means and methods.

REFERENCES

1. Akchurin A.V. *Lichnost' penitentsiarnogo prestupnika: kriminalisticheskii aspekt: monografiya* [Personality of a penitentiary criminal: criminalistic aspect: monograph]. Moscow : Yurlitinform, 2019. 224 p.
2. Belkin A.R. *Kriminalisticheskie klassifikatsii* [Criminalistic classifications]. Moscow, 2000. 95 p.
3. Belkin R.S., Vinberg A.I. *Istoriya sovetskoi kriminalistiki: Formirovanie chastnykh kriminalisticheskikh teorii (1940-e–1950-e gg.): uchebnoe posobie* [History of Soviet criminology: formation of private forensic theories (1940th–1950th): textbook]. Moscow: Akademiya MVD SSSR, 1983. 78 p.
4. Belkin R.S. Soviet criminalistics course. In: *Kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendatsii: uchebnik* [Forensic tools, techniques and recommendations: textbook]. Moscow: Akademiya MVD SSSR, 1979. 407 p.
5. Gerasimov I.F. *Nekotorye problemy raskrytiya prestuplenii* [Some problems of crime detection]. Ed. by Drapkin L.Ya. Sverdlovsk: Srednee Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975. 183 p.
6. Golovin A.Yu. Basic criminalistic classifications of crimes. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki=News of the Tula State University. Economic and Legal Sciences,* 2013, no 2 (2), pp. 31–40. (In Russ.).
7. Golovin A.Yu. *Kriminalisticheskaya sistematika: monografiya* [Criminalistic systematics: monograph]. Ed. by Yablokov N.P. Moscow: LeksEst, 2002. 335 p.
8. Davydova N.N. *Kriminalisticheskie klassifikatsii prestuplenii i metodik ikh rassledovaniya: teoreticheskie problemy: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Criminalistic classifications of crimes and methods of their investigation: theoretical problems: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Saratov, 2009. 229 p.
9. Dechkin O.M. Data on the personality characteristics of convicts committed the grievous bodily injury in a correctional facility. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science,* 2020, vol. 14, no. 1, pp. 86–93. (In Russ.).
10. Kadnikov N.G. *Klassifikatsiya prestuplenii po ugolovnomu pravu: monografiya* [Classification of crimes in criminal law: monograph]. Moscow: Yuridicheskii institut MVD RF, 2000. 188 p.
11. Kolesnichenko A.N. *Nauchnye i pravovye osnovy rassledovaniya otdel'nykh vidov: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Scientific and legal bases of investigation of certain types: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Kharkov, 1967. 28 p.
12. *Kriminalistika: uchebnik dlya slushatelei pravovykh vuzov* [Criminalistics: textbook for law students]. Ed. by A.Ya. Vyshinskii. Moscow: Sovetskoe zakonodatel'stvo, 1936. 126 p.
13. Nikolaichenko V.V. *Penitentsiarnye i postpenitentsiarnye prestupleniya: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Penitentiary and post-penitentiary crimes: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Saratov, 2006. 453 p.
14. Obraztsov V.A. *Kriminalisticheskaya klassifikatsiya prestuplenii* [Criminalistic classification of crimes]. Krasnoyarsk: izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta, 1988. 176 p.
15. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii (yanvar'–dekabr' 2020 g.): informatsionno-analiticheskii sbornik* [Key performance indicators of the penal enforcement system of the Russian Federation (January–December, 2020): information and analytical collection]. Tver: NIIIT FSIN Rossii, 2021. 418 p.
16. Podol'nyi N.A. Criminalistic classification of crimes as a means of optimizing the investigation. *Biblioteka kriminalista=Criminologist's Library,* 2014, no. 2 (13), pp. 201–214. (In Russ.).
17. Ruzavin G.I. *Metodologiya nauchnogo poznaniya: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Methodology of scientific cognition: textbook for universities]. Moscow: YuNITI-DANA, 2012. 288 p.
18. Shurukhnov N.G., Meretskii N.E. Types of forensic techniques: their system, interrelation, role in scientific research and investigation of crimes. In: *Aktual'nye problemy organizatsii pravookhranitel'noi i pravozashchitnoi deyatel'nosti: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Tula, 25 yanvarya 2020 g.)* [Actual problems of the organization of law enforcement and human rights activities: materials of the All-Russian scientific and practice conference (Tula, January 25, 2020)]. Tula: Tul'skii institut (filial) VGUYu (RPA Minyusta Rossii), 2020. Pp. 205–219. (In Russ.).
19. Shurukhnov N.G. Classification of forensic techniques of crime investigation, its theoretical and practical value. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta=Tomsk State University Journal,* 2020, no. 450, pp. 252–256. (In Russ.).
20. Shurukhnov N.G., Akchurin A.V. Who is a penitentiary offender: a brief description of personality features, their sources, the role in the investigation. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya=Siberian Criminal Process and Criminalistic Readings,* 2021, no. 2 (32), pp. 100–110. (In Russ.).
21. Shurukhnov N.G. Penitentiary criminal personality. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies,* 1993, no. 8, pp. 74–83. (In Russ.).
22. Shurukhnov N.G., Knyaz'kov A.S., Akchurin A.V. The personality of a penitentiary criminal: the concept and criminalistic significance of its properties. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo=Tomsk State University Journal of Law,* 2021, no. 39, pp. 109–125. (In Russ.).
23. Shurukhnov N.G. Informal differentiation in correctional labor institutions. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies,* 1992, no. 7, pp. 73–83. (In Russ.).
24. Shurukhnov N.G., Pudovikov A.S., Meretskii N.E. Systematization of forensic techniques: their essence, content, interrelation, official role in scientific research and investigation of crimes. In: *Belgorodskie kriminalisticheskie chteniya:*

sbornik nauchnykh trudov [Belgorod forensic readings: collection of scientific papers]. Issue 6. Belgorod: Belgorodskii yuridicheskii institut MVD Rossii imeni I. D. Putilina, – 2020. Pp. 177–190. (In Russ.).
25. Yakimov I.N. *Kriminalistika. Rukovodstvo po ugolovnoi tekhnike i taktike* [Criminalistics. Manual of criminal technique and tactics]. Moscow: LeksEst, 2003. 496 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

NIKOLAI G. SHURUKHNOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Leading Researcher of the Group for Training of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel of the Office of the Academic Secretary of Post Graduate Military Course, Doctoral Studies at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1132-760X, e-mail: matros49@mail.ru
OLEG M. DECHKIN – Lecturer of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Investigation of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4956-8655, e-mail: olegd4105@mail.ru

Received October 12, 2021

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-896-903
UDC 342.95

Modernization Issues of Staffing the Penal Enforcement System in the Context of Formation of an Administrative Constitutionalism Doctrine in Modern Russia

ROMAN V. NAGORNYKH
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4765-8550, e-mail: nagornikh-vipe@mail.ru

YANA V. VASIL'EVA
North-Western Institute (branch) of the Moscow State Law Academy named after Kutafin O.E., Vologda, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9434-7563, e-mail: yana.vasileva@list.ru

NATALIYA A. MEL'NIKOVA
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3697-4769, e-mail: melnatale@mail.ru

Abstract
Introduction: today the state policy in the sphere of public service and PES staffing is focused on providing penitentiary institutions with competent and skilled specialists capable of performing state tasks in the field of execution of criminal penalties in difficult conditions. The processes of formation and development of the staffing system, meeting modern needs of the state and society development, are due to a variety of political, social, economic, legal and organizational factors that have both external and internal effects on its functioning. Neutralization of negative factors is possible only by increasing the efficiency of management activities in the PES as a whole and staffing in particular. The *purpose* of this article is to identify key directions for elaboration of administrative legislation in the field of public service and staffing the penal enforcement system in the framework of a new stage of constitutional transformations in modern Russia. The *methodological basis* of the work is formed by general scientific and private scientific (logical-legal, comparative-legal, descriptive, content analysis) methods of cognition of legal reality. *Conclusions:* the proposed directions for the formation of a theoretical doctrine of public service and PES staffing on the basis of integrative legal understanding of processes and phenomena of social development, improvement of administrative legislation on public service in the PES through its further constitutionalization, development of personnel policy through the adoption of the Concept for personnel policy in the penal enforcement system will lead to a systematic change in the mechanism of staffing the penal enforcement system, strengthening its resistance to countering threats of a criminal nature, and enhance performance of penitentiary institutions in general. The scientific and practical significance of the work consists in substantiating practical proposals for improving current administrative legislation in the field of public service and PES activities.

Keywords: public service, staffing, administrative and legal regulation, constitutional principles.

12.00.14. – Administrative law; administrative process.

For citation: Nagornykh R.V., Vasil'eva Y.V., Mel'nikova N.A. Modernization issues of staffing the penal enforcement system in the context of formation of an administrative constitutionalism doctrine in modern Russia. *Penitentiary Science,* 2021, vol. 15, no. 4(56), pp. 896–903. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-896-903.

State of the penal enforcement system staffing

Staffing the penal enforcement system of the Russian Federation (hereinafter referred to as PES) is designed to focused on providing penitentiary institutions with competent and skilled specialists capable of performing state tasks in the field of execution of criminal penalties in difficult conditions. The processes of formation and development of the personnel support system, adequate to modern needs of the state and society development, are due to a variety of political, social, economic, legal and organizational factors that have both external and internal effects on its functioning.

Staffing the penitentiary system in our country, despite a long period of attempts to bring it into a qualitatively new state, is still far from perfection and constitutional ideals of a legal democratic state.

According to the Portal of Legal Statistics, the persistent high crime rate in Russia [2] has an extremely negative impact on the state of crime within the penitentiary system itself, including among its employees. Currently, the involvement of PES employees in criminal relations remains quite high [4, p. 20]. In 2020, 99 criminal cases were initiated against 56 employees of the penal enforcement system, 170 employees were dismissed from the penal enforcement system for committing official misconduct [17].

Some crimes have an increased public response, which causes alarm in society, negatively affects authority of the penal enforcement system and prestige of public service [9, p. 346, 347; 6, p. 72]. Besides, an extremely low level of social protection of employees, especially junior officers and enlisted personnel causes a significant shortage of this category of employees. As of January 1, 2021, 10.6% of the positions remained vacant in the PES, while the shortage of junior officers and enlisted personnel amounted to 12.5% [5].

Staffing the penal system has been regularly negatively influenced by factors of inefficient public administration, poor management and voluntarism during the PES administrative reform in 2009-2011, absence of any serious scientifically based models for its modernization at the beginning of the reform, etc.

Nowadays there are still many problems in the field of public administration of the penal system. Despite the adoption of a number of important strategic documents in the sphere under consideration, such as the Federal target program concept “Development of the penal enforcement system (2017–2025)” and the Concept for the development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030, the staffing level and its state are still negatively affected by:

a lack of a modern scientifically based doctrine in this area, which leads to significant distortions in the development of legislation and practical personnel work in the penal enforcement system;

significant shortcomings in the legislation on public service in the penal enforcement system due to permanent borrowing of key provisions of the legislation on service in the internal affairs bodies;

absence of a single conceptual document (the Concept for personnel policy in the penal system) adopted at the level of the Federal Penitentiary Service of Russia and defining the main goals, objectives, principles and directions for improving staffing of the penitentiary system.

Doctrine of public service and staffing the penal enforcement system

Comprehensive modernization of the penal system, bringing it in line with the requirements of the updated Constitution of the Russian Federation (hereinafter – RF Constitution), fundamental international legal acts in the field of protection of human rights and freedoms, international standards of penitentiary activity is the most important state task and requires a deep revision of the current model of staffing penitentiary institutions, based on the elaboration of a new theoretical doctrine in this area.

Elaboration of scientific doctrine should be based on fundamental works of domestic and foreign scientists – representatives of various branches of scientific knowledge, taking into account their critical understanding and adaptation to Russian realities [16]. At the same time, it is necessary to take a very balanced attitude to the evaluation of results of previously obtained scientific research and forms and methods of personnel work in the law enforcement sphere developed on their basis, tested by long-term practice and generally proven themselves positively, which is especially relevant in modern conditions of the development of penitentiary science and practice.

Recently, opinions have been actively expressed regarding "expediency of rethinking previously obtained scientific results in the field of work with the PES personnel in connection with new economic, socio-political and legal (including international legal) realities" [1]. Such a statement of the issue certainly deserves attention, since new conditions for functioning of the penal enforcement system, the law enforcement system and the entire state objectively require new scientifically sound solutions in the field of staffing. However, reasonable questions arise: how outdated the previous scientific views and, accordingly, the practical forms and methods of working with law enforcement personnel in general and the PES in particular are, and what areas of scientific research in this regard should become a priority? It seems that the solution to the problems of improving staffing of the PES is of a multi-vector or multifunctional nature [19, p. 8] and should be accompanied by scientific research in many branches of scientific knowledge.

At the same time, negative phenomena in the PES practice require particular attention, first of all, of management sciences – the theory of public administration, administrative and penal enforcement law. These branches of scientific knowledge in relation to the study of the problems of organizational activity and legal regulation of the penal enforcement system are closely interrelated [10, p. 28; 20, p. 6-9]; they have many interdisciplinary connections, similar scientific tools and conceptual apparatus, a common subject of scientific analysis, which form managerial (organizational and legal) relations in the field of execution of criminal penalties. In this regard, staffing the penal enforcement as a supporting subsystem of penitentiary activities should be considered as a common subject of scientific analysis for managerial branches.

Elaboration of doctrinal provisions in the field of personnel management in the penal system should be considered as one of the most relevant areas of scientific support for penitentiary activities in the context of scientific analysis of other areas of law enforcement activities of the state as a whole. The paradigm of integrative understanding of law [8], as well as scientific ideas about boosting constitutional democracy and administrative constitutionalism in modern Russia should be a methodological basis for the new scientific doctrine of public administration in the field of staffing law and penal enforcement systems [18].

The essence of the integrative approach consists in rational unification of advanced ideas of natural law, legal positivism, historical-conservative understanding of law, psychological, sociological, as well as other non-classical types of it from the position of priority of social humanistic principles of legal regulation of public relations [12, p. 18].

In turn, the use of an integrative understanding of law when creating a new doctrine of public service in the penal system and its staffing should focus on achieving the goals of legal regulation and organization of practical activities from the standpoint of priority of social humanistic principles of penitentiary activity, high spiritual and moral foundations of service, patriotism and duty in the performance of official duties.

In general, integrative legal understanding of public service in the law enforcement sphere is based on the priority of fundamental rights, freedoms and interests of a person, not in an individual, but in a universal context, its security from threats of a criminal, natural and man-made nature. In this regard, the theoretical model of public service in the law enforcement sphere, based on integrative understanding of socio-legal processes and phenomena, assumes consideration of this type of public service as a professional activity focused on comprehensive protection of fundamental rights and freedoms of citizens, interests of society and the state from threats of a criminal, natural and man-made nature [13, p. 124]. Hence, public service in the PES should also be focused on protecting fundamental rights and freedoms of citizens, interests of society and the state from threats of a criminal nature through execution of criminal penalties and application of criminal law measures to persons who have violated the law.

Thus, the theoretical doctrine of public service and staffing penal institutions should be an integrative system of scientific principles, views and ideas about key phenomena and processes in the field of public-service relations in the penal system and their organizational and legal regulation, which is based on the highest legal values of humanistic attitude to a person, his rights and freedoms. At the same time, public service and staffing the penal enforcement system can be successfully carried out only on

the basis of development of spiritual and moral principles of the service, comprehensive observance of fundamental human and civil rights and freedoms, promotion of responsibility to society and the state, patriotism, duty and conscientious service to the fatherland among PES employees.

Constitutional reform and development of legislation on the service in the penal enforcement system

The tasks of improving legislation on PES activities have acquired particular relevance in the context of the constitutional reform carried out in our country, during which key vectors of further socialization of the state are identified, crucial strategic guidelines for modernization of the public administration system are outlined, prerequisites for further transformations in the field of democratization and humanization of public life are created. The RF Constitution necessitates further constitutionalization of existing branches of law, emergence of new human rights and freedoms and corresponding legal mechanisms for their implementation [7], which affects all spheres of public administration without exception, including the penitentiary system and its staffing.

Theoretical foundations of a modern concept of administrative constitutionalism [22, 25], which replaced the administrative state concept and became widespread in foreign legal systems [21, 24], reveal deep convergence (from the Latin convergo "bring together") of key constitutional provisions with the current legislation, particularly administrative legislation regulating relations in the field of public service and staffing law enforcement agencies.

Constitutionalization of administrative legislation is a process of establishing direct links between legislative acts in the field of public administration and constitutional values, such as equality, due process and the rule of law [23, pp. 515–516]. This process is characteristic of the vast majority of legal systems focused on strict observance of human rights and freedoms, and is a fundamental vector of constitutional development of our country for decades to come.

In this regard, deepening of constitutionalization of administrative legislation on public service in the law enforcement sphere will inevitably affect the subsystems of staffing law enforcement agencies, which will lead to a deeper penetration of constitutional ideas into departmental regulatory regulation of staffing. Unfortunately, the processes of constitutional expansion in these subsystems of administrative and legal regulation are currently virtually suspended, which objectively determines the need to change the political will and decisive actions on the part of the legislator. It is important to return to the idea of adopting a single law on law enforcement service (on a new constitutional basis), and as an intermediate step to enshrine basic constitutional principles, such as federalism (articles 4, 5, 15, 69, 71, 72, 73, 78 of the RF Constitution), legality (Article 15 of the RF Constitution), priority of human and civil rights and freedoms (Article 2 of the RF Constitution) in the laws on public service in individual law enforcement agencies.

Constitutionalization of administrative legislation on public service in the law enforcement sphere should imply harmonization of the entire array of regulatory legal acts on public service with the Constitution of the Russian Federation, including by consolidating current institutional principles of public service in the laws on its individual types, namely principles of unity of legal and organizational foundations of public service, openness of public service, stability of service, accessibility of information about service, interaction with public associations and citizens, security of employees.

Democratization of service in the penal enforcement system on the basis of the amended Constitution of the Russian Federation should also provide for introduction of the principles of public service known to domestic pre-revolutionary and modern foreign public law, such as publicity, priority of professionalism and personal service, prestige and special social status of employees, decent state monetary remuneration, correspondence of ranks and ranks of professional service of various types.

All these principles should be unconditionally reflected in the current Federal Law No. 197-FZ of July 19, 2018 "On service in the penal enforcement system of the Russian Federation and on amendments to the Law of the Russian Federation "On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of deprivation of liberty", and in the future in the law on the state law enforcement service.

Attention should also be paid to the fact that at present the laws on sectoral varieties of public service in the law enforcement sphere

contain only blank norms that service in these bodies is carried out in accordance with basic principles of the construction and functioning of the public service system of the Russian Federation, established by the Federal Law No. 58-FZ of May 27, 2003 "On the public service system of the Russian Federation". This law provides for a much broader list of principles of public service. Such a state of affairs should hardly be considered satisfactory, since the absence of the entire list of basic constitutional and institutional principles in the sectoral laws hinders creation of effective mechanisms for their implementation in organization of law enforcement services in individual departments. In some cases, constitutional principles generally acquire a peculiar interpretation, which significantly devalues their meaning and content. For instance, the constitutional principle of legality is not disclosed in sectoral laws on the service; it is reduced to implementation of certain provisions, namely, the employee's obligation to "be guided by the legislation of the Russian Federation" and prohibition of an unlimited circle of persons to "interfere in the legitimate activities of an employee, except for persons entitled to it under the federal law".

At the same time, the constitutional meaning of this principle is expressed primarily in "distribution and limitation of power by law in order to ensure rights and freedoms of citizens" [14, p. 11, 12] and protection of citizens from any forms of arbitrariness on the part of the authorities. In this regard, the content of the principle of legality in PES employees' activities should acquire a genuine constitutional meaning, presupposing that an employee is obliged not only to strictly comply with the law, but also demand its compliance from other persons. Moreover, there should be prohibition on the execution of heads' orders and directions that contradict the current Constitution of the Russian Federation and federal legislation.

Priority areas for further betterment of the legislation on service in the penal enforcement system, in addition to the introduction of a detailed system of principles, are the following:

elimination of contradictions in employees' rights;

more thorough regulatory development of administrative procedures related to selection of candidates, service and its termination, as well as appeal of actions and decisions that violate employees' rights;

establishment of guarantees for employees' social protection, etc. [11].

PES personnel policy concept

Every new political or economic task, every fundamental decision should provide for the implementation of appropriate measures in the field of personnel management. This applies to both short-term and long-term activities that require thorough training and advanced training of existing and new personnel [3, p. 82]. Domestic authors discuss a systemic impact that state authorities staffing on the performance of its main functions. For example, A.V. Obolonskii, consistently considering public administration through the influence of human potential on it, notes that the very logic of social development puts the human factor to the fore in the system of managerial relations. Realization of social reserves that lie in the human factor becomes one of the main conditions for accelerating social progress [15, p. 3]. We believe, such a position not only has maintained its relevance in the modern period of reforming public relations, but also is theoretically one of the most important premises in considering issues of improving public administration of the penal enforcement system, including public service in the PES and its staffing.

The fundamentals of state policy in the field of public service in the penal enforcement system and its staffing should be fixed in the relevant political and legal conceptual document – a PES personnel policy concept.

The PES personnel policy concept as a basic administrative and political document is a set of views on the goals, objectives, essence and system of public service and staffing of penitentiary bodies and institutions executing criminal penalties, should determine critical directions of personnel policy in the public administration of the penal enforcement system.

The PES personnel policy is the main means of improving performance and is implemented by forming civil service workforce that have necessary professional competencies, conducting training and education of the personnel in accordance with the goals and objectives of state law enforcement activities in the conditions of Russian society democratization.

The main goal of the PES personnel policy is to form and develop a highly professional, stable, versatile workforce to correspond to modern and forecasted socio-political, economic, criminogenic and other conditions.

Key tasks of the PES personnel policy are the following:

improving manageability of penitentiary bodies and institutions by enhancing scientific, analytical, logistical and information support of personnel manegement, introduction of advanced automated systems in the practice of human resource departments;

creation of an effective system of information exchange of personnel and educational departments with representatives of security services and other law enforcement agencies;

elaboration of the regulatory legal framework of personnel work in the penal enforcement system and its continuous improvement with regard to the changing situation;

creation of an effective mechanism for rotation, professional development, retraining and advanced training of the PES personnel;

promotion of employee's high psychological resistance to various stressful factors, strengthening of spiritual and moral foundations of the service.

Conclusions

The theoretical and methodological basis to modernize staffing the penal enforcement system should be formed by the corresponding theoretical doctrine of public service and staffing law enforcement in general and the PES in particular, based on the paradigm of integrative understanding of law and scientific ideas about development of constitutional democracy and administrative constitutionalism in modern Russia.

Modernization of administrative legislation on public service in penitentiary bodies and institutions should also be considered an important direction of improving performance of the law enforcement system. Legislative work in this area should involve implementation of basic constitutional principles of federalism, legality, priority of human rights and freedoms in penal enforcement legislation and practice. Among other institutional principles known to domestic and foreign public law in the field of unity of public service foundations there are the following: openness of public service, stability of service, accessibility of information about service, interaction with public associations and citizens, protection of employees, as well as organizational and legal principles of publicity, priority of professionalism and personal service, prestige and special social status of employees, decent state monetary remuneration, compliance of ranks and ranks of professional service activities of various types.

Staffing the penal enforcement system is the most important subsystem of public administration in the field of execution of criminal penalties. The authorities' activity in this area is conditioned by a variety of political, social, economic, legal and organizational factors that have a multidirectional impact on the state of the penitentiary system. In this regard, stabilization of the situation in the penitentiary system, identification of the most important strategic directions for improving its performance, on the one hand, and neutralization of negative factors affecting the penitentiary system, on the other, are possible only on the basis of a competent systematic personnel policy, implying the use of appropriate forms and methods of working with personnel, their training and upbringing, social protection. The most relevant areas of personnel policy in the PES should be fixed in the PES personnel policy concept for the period up to 2030, approved at the level of the Federal Penitentiary Service of Russia.

REFERENCES

1. In the format of a round table the Academy discussed prospects for improving work with personnel of the penal enforcement system. *Akademiya FSIN Rossii: sait* [Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia: website]. Available at: https://apu.fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=484858 (accessed October 25, 2021). (In Russ.).

2. *General'naya Prokuratura Rossiiskoi Federatsii. Portal pravovoi statistiki: ofitsial'nyi sait* [The Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Portal of legal statistics: official website]. Available at: http://crimestat.ru / (accessed October 25, 2021).

3. Gerber R., Young G. *Kadry v sisteme sotsialisticheskogo upravleniya* [Staffing in the socialist management system]. Edited by Senin M.V. Translated by Khorokhordin V.A. Moscow: Progress, 1970. 207 p.

4. Gir'ko S.I., Dolgopolov A.A. Penitentsiarnaya prestupnost': sovremennoe sostoyanie i tendentsii [Penitentiary crime: current state and trends]. *Nauchnyi portal MVD Rossii=Scientific Portal of the Russia Ministry of the Interior,* 2021, no. 1(53), pp. 18–24. (In Russ.).

5. Head of the FSIN complained about the lack of employees and high loads. *RIA Novosti: ofitsial'nyi sait* [RIA Novosti: official website]. Available at: https://turbo.ria.ru/20210312/fsin-1600960376.html (accessed November 4, 2021).
6. Zhitkov A.A. Development of criminal legislation in the field of anti-corruption. In: *Aktual'nye voprosy naznacheniya i ispolneniya ugolovnykh nakazanii: Sbornik nauchnykh trudov* [Topical issues of the appointment and execution of criminal penalties: collection of scientific papers]. Ed. by V.N. Nekrasov. Vologda: Vologodskii institut prava i ekonomiki Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii, 2017. Pp. 72–77. (In Russ.).
7. Zor'kin V.D. The Constitutional Court at the turn of the fourth decade. *Rossiiskaya gazeta=Russian Newspaper,* 2021, no. 247(8598), pp. 1–9. Available at: https://cdnimg.rg.ru/pril/fascicle/4/39/93/43993-1635363078.pdf (accessed October 29, 2021).
8. Klement'ev, A.A. On the category "non-law" in the paradigm of integrative law comprehension. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo=Bulletin of South Ural State University. Ser. Law,* 2019, vol. 19, no. 3, pp. 81–85. (In Russ.).
9. Mel'nikova N.A. Administrative and legal means of preventing and suppressing corruption in the penal system. In: *Aktual'nye problemy deyatel'nosti podrazdelenii UIS: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Voronezh, 26 maya 2016 goda* [Actual problems of the activities of the PES units: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference, Voronezh, May 26, 2016]. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr "Nauchnaya kniga", 2016. Pp. 346–349. (In Russ.).
10. Mel'nikova N.A. Ratio of the norms of administrative and penal enforcement law in the regulation of the activities of bodies and institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Rossiiskii sledovatel'=Russian Investigator,* 2007, no. 18, pp. 27–29. (In Russ.).
11. Moskalkova stated contradictions in the laws on the rights of police officers. *RIA Novosti: ofitsial'nyi sait [RIA Novosti: official website].* Available at: https://ria.ru/20190626/1555929023.html (accessed November 6, 2021).
12. Nagornykh R.V. *Administrativno-pravovoe regulirovanie gosudarstvennoi sluzhby Rossiiskoi Federatsii v pravookhranitel'noi sfere: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [Administrative and legal regulation of public service of the Russian Federation in the law enforcement sphere: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2017. 22 p.
13. Nagornykh R.V. *Gosudarstvennaya sluzhba Rossiiskoi Federatsii v pravookhranitel'noi sfere: problemy teorii i praktiki administrativno-pravovogo regulirovaniya: monografiya [*Public service of the Russian Federation in the law enforcement sphere: problems of theory and practice of administrative and legal regulation: monograph]. Moscow: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Nauchno-izdatel'skii tsentr INFRA-M", 2018. 190 p.
14. Nechipas Yu.V., Poberezhnaya I.A. Principle of constitutional legality and its implementation. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii=Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia'*, 2016, no. 3(39), pp. 9–12. (In Russ.).
15 15. Obolonskii A.V. *Chelovek i gosudarstvennoe upravlenie* [Man and public administration]. Ed. by Piskotin M.I. Moscow: Nauka, 1987. 254 p.
16. Oboturova N.S. The problem of human rights in the context of the ideas of humanism and transhumanism. *Penitentsiarnaya nauka=Penitentiary Science,* 2020, vol. 14, no. 2, pp. 155–161. (In Russ.).
17. Almost 100 criminal cases were initiated against FSIN employees in 2020. *RIA Novosti: ofitsial'nyi sait [RIA Novosti: official website].* Available at: https://ria.ru/20201128/fsin-1586762321.html (accessed October 21, 2021). (In Russ.).
18. Alebastrova I.A., et al. *Sovremennyi rossiiskii konstitutsionalizm: problemy stanovleniya i perspektivy razvitiya: monografiya* [Modern Russian constitutionalism: problems of formation and prospects of development: monograph]. Ed. by Komarova V.V., Sadovnikova G.D. Moscow: Norma : INFRA-M, 2018. 448 p. Available at: https://znanium.com/catalog/product/949363 (accessed 3, 2021).
19. Stepanenko Yu.V. Law enforcement: the evolution of theoretical views. *Aktual'nye problemy administrativnogo prava i protsessa=Actual problems of administrative law and process,* 2013, no. 1, p. 8. (In Russ.).
20. Vasil'eva Ya.V., Vedyashkin S.V., Kononov A.M., et al. *Sushchnost', formy i metody realizatsii ispolnitel'noi vlasti : uchebnoe posobie dlya magistratury po napravleniyu podgotovki "Yurist v sfere gosudarstvennogo upravleniya"* [Essence, forms and methods of implementing executive power: textbook for a master's degree in the field of training "Lawyer in the field of public administration"]. Vologda: Vologodskii institut prava i ekonomiki Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii, 2019. 163 p.
21. Klenk T., Reiter R. Post-new public management: reform ideas and their application in the field of social services. *International Review of Administrative Sciences,* 2019, vol. 85, no. 1, pp. 3–10. Available at: https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0020852318810883 (accessed November 8, 2021).
22. Lee S.Z., Our administered constitution: administrative constitutionalism from the founding to the present. *Faculty Scholarship at Penn Law,* 2019. Available at: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3086&context=faculty_scholarship (accessed November 3, 2021)
23. Lewans M. Administrative constitutionalism and the unity of public law. *Osgoode Hall Law Journal,* 2018, no. 55.2, pp. 515–556. Available at: https://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/cgi/viewcontent.cgi?article=3292&context=ohlj (accessed November 8, 2021)
24. Mazouz B., Rousseau A., Hudon P.A. Strategic management in public administrations: a results-based approach to strategic public management. *International Review of Administrative Sciences,* vol. 82, no. 4, pp. 621–832. Available at: https://www.cairn-int.info/journal-management-2020-2-page-42.htm (accessed November 8, 2021)
25. Metzger G.E., Administrative Constitutionalism. *Texas Law Review,* 2013, vol. 91, pp. 1897–1935. Available at: https://scholarship.law.columbia.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1744&context=faculty_scholarship (accessed November 3, 2021).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ROMAN V. NAGORNYKH – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Administrative Law of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4765-8550, e-mail: nagornikh-vipe@mail.ru
YANA V. VASIL'EVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the North-Western Institute (branch) of the Moscow State Law Academy named after Kutafin O.E., Vologda, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9434-7563, e-mail: yana.vasileva@list.ru
NATALIYA A. MEL'NIKOVA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law of Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3697-4769, e-mail: melnatale@mail.ru

Received November 10, 2021

PSYCHOLOGY

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-904-911
UDC 159.99:343.85

Experience in Developing and Testing a Model Program for Psychological and Educational Work with Persons Convicted of Terrorist and Extremist Crimes

SALIKH KH. SHAMSUNOV
Academy of the FAS of Russia, Ryazan, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1194-6905, e-mail: shamsunov46@mail.ru

PAVEL N. KAZBEROV
Russian State Social University, Moscow, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1194-6905, e-mail: shamsunov46@mail.ru

Abstract
Introduction: the steady increase in the number of the suspected, accused and convicted of terrorism and extremism, as well as cases of their participation in various emergencies, necessitates a personal, targeted approach to correctional psychological and educational work with them. The need for an individual approach, including in psychological and educational work with those convicted of terrorism and extremism, is also indicated by regulatory legal documents, in particular the Order of the Federal Penitentiary Service of Russia No. 1111 dated November 24, 2017 "On the organization of events on countering terrorism, extremist activity in penal enforcement institutions and bodies". *Study purpose:* determination of the effectiveness of the tested model program for psychological correction of personality of persons convicted of terrorism and extremism-related crimes. Research methods: psychodiagnostics *methods:* the Zimbardo Time Perspective Inventory (ZTPI) "Time perspective of convicts", multidimensional self-attitude research questionnaire, a psychodiagnostic method "Life-purpose orientations"; a method for testing the program developed; a method for identifying statistical differences – the Student's t-test; a method for comparative analysis of the psychodiagnostics results obtained following the testing results. *Results:* validation of the reliability of statistical differences with the help of the Student's t-test determined the absence of significant changes in the indicators of convicts in the control group. Meaningful changes were observed in the indicators of convicts of the experimental group with the help of the following methods: ZTPI "Time perspective of convicts", a multidimensional self-attitude research questionnaire and a psychodiagnostic method "Life-purpose orientations". A comparative analysis of the results of psychodiagnostics of convicts in the experimental group before and after testing of the basic program proved the reliability of statistical differences with the help of the Student's t-test determined the presence of positive personality changes in the behavioral, cognitive and affective spheres of the personality of convicts in the experimental group. *Conclusions:* assessment of the model program testing results revealed a sufficient degree of its effectiveness and the possibility of its implementation. The model program largely determined the content and structure of the section of the additional professional program – a professional development program for psychological service employees who accompany persons convicted of terrorist and extremist crimes.

Keywords: targeted approach, educational work, psychological work, model program, correctional work, convicts, extremism, terrorism, irrational attitudes.

19.00.06 – Legal psychology

For citation: Shamsunov S.Kh., Kazberov P.N. Experience in developing and testing a model program for psychological and educational work with persons convicted of terrorist and extremist crimes, *Penitentiary Science,* 2021, vol. 15, no. 4 (56), pp. 904–911. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-904-911.

Introduction

The need to counter terrorist and extremist ideology in society in general and in the penitentiary system in particular through the elaboration of methodological works dedicated to the correctional impact on persons serving sentences for terrorist and extremist crimes is beyond doubt [8, p. 3, 17, 20]. The normative legal acts regulating the content of psychological work with convicts of various categories determine the necessity to develop methodological materials that contribute to the implementation of effective psycho-correctional work with convicts sentenced for terrorist and extremist crimes. Such regulatory legal documents include the Comprehensive plan to counter terrorism ideology in the Russian Federation for 2019–2023 [5], the Concept for the development of the penal enforcement system of the Russian Federation up to 2020 [6], the Order of the Federal Penitentiary Service of Russia No. 1111 dated November 24, 2017 "On the organization of events on countering terrorism, extremist activity in penal enforcement institutions and bodies", and the Action plan to improve performance of psychological services of the penal enforcement system for the period of 2018–2020. The implementation of the model program in 2019 was provided for in paragraph 4.6. of the Action plan to improve performance of psychological services of the penal enforcement system for the period of 2018–2020.

The purpose of the research was to test a model program. To achieve the goal, the following tasks were solved: working out the specified model program on the basis of already elaborated psychological and pedagogical techniques and methods; testing of the model program in various territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia, selecting appropriate tools, interpreting and assessing the results obtained.

The hypothesis of the study was the assumption about the effectiveness of psychological and pedagogical techniques and methods contained in the model program, contributing to the correctional effect on convicts of the studied category.

Research methods

The research methods were the following: the Zimbardo Time Perspective Inventory (hereinafter – ZTPI) "Time perspective (TP) of convicts", a multidimensional self-attitude research questionnaire, a psychodiagnostic method "Life-purpose orientations"; a method for testing the program developed; a method for identifying statistical differences – the Student's t-test; a method for comparative analysis of the psychodiagnostics results obtained when testing.

The formation of the model program content was influenced by the provision of the Concept for the development of the penal enforcement system of the Russian Federation on the "necessity to provide targeted psychological assistance to all convicts in accordance with their general characteristics". We conducted work on determining general characteristics of those convicted of terrorist and extremist crimes, as well as most common (typical) socio-psychological characteristics among them in 2013–2018 within the framework of a number of research topics of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

The material on general characteristics of persons convicted of extremist and terrorist crimes, as well as on most common (typical) socio-psychological characteristics among them, is presented in a number of our publications [3,4] and in the analytical review with proposals "Theoretical and practical possibilities for developing a model program" (Our ref. 15-95516 of December 12, 2018), sent even before the model program development to the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia for practical use of psychologists of the penal enforcement system.

It should be noted that, as in case of standard programs implemented in 2012, the model program is defined as such, since its structure and content of many psychological measures represent the basis for psychological corrective work with convicts of the category under consideration.

Discussion

It should be noted that the 2012 standard programs could not sufficiently implement the

provision of the Concept for the development of the penal enforcement system of the Russian Federation up to 2020 on the "necessity to provide targeted psychological assistance to all convicts in accordance with their general characteristics". Each program is devoted to the norms of law (articles) of several chapters of the Criminal Code (hereinafter referred to as the RF CC), which means it was initially devoid of targeting [11, p. 201]. In particular, the 2012 standard program on the organization of individual educational, social and psychological work with those convicted of crimes against state power, military service, peace and security of mankind meant carrying out such work only with persons who committed crimes according to the norms specified in chapters 30–34 of the RF Criminal Code. These chapters include articles 285–361, a significant part of which is not devoted to extremism and terrorism-related crimes. Accordingly, most RF Criminal Code norms devoted to terrorist and extremist crimes, as well as work with convicted persons, are simply not considered in this program.

Unlike the standard program for psychological work with convicts, developed by the interregional psychological work department of territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Arkhangelsk Oblast and used by penitentiary psychologists since 2017, the model program does not oblige psychologists to develop grouping-based individual projects of working with convicts (hereinafter – IPW). A model program in such projects is understood as a set of measures organized and carried out by psychologists of institutions, designed on the basis of studying personal characteristics of convicts, nature of the crimes committed by them, used for corrective action on convicts and prevention of their commission of new crimes. In addition, psychologists have to determine "targets of influence" on a convict.

The content of the model program was so constructively perceived by the community of penitentiary psychologists-researchers that some of them began to use the text of the model program in their publications without references, posing as their own. It is now possible to get an idea of the content, structure (stages of work) and methodological aspects of the model program by studying the publication materials of such psychologists. In this situation, it seems even inconvenient for the model program developer to disclose various aspects of its content, for example, issues of irrational (destructive) cognitive attitudes, beliefs and value orientations of convicts.

We will give a brief description of the content and structure of the model program. In essence, it is a system of measures carried out by penitentiary psychologists, developed on the basis of an in-depth study of the personality of convicts of the categories under consideration, the nature of the crimes committed [10] and used to correct them and prevent new violations.

Structurally the basic program consists of blocks devoted to the psychological study of cognitive, affective and behavioral levels (spheres) of the personality of those convicted of extremism and terrorism-related crimes. Consideration of the specifics of general characteristics of such convicts proves the necessity to focus on mechanisms of the cognitive-behavioral approach when conducting psychological corrective work with them.

The model program outstands, as it is a ready-to-use methodological material for practical use, already tested in the framework of the Standard model of conducting a pilot on the organization of supervision in correctional facilities of the penal enforcement system in 2017–2018, as well as for practical use of the "Psychological correctional program of work with prisoners serving sentences for terrorist and extremist activities" in the territorial bodies since 2014.

The testing of the model program, conducted in February–June 2019, involved 690 convicts from 122 correctional facilities of 30 territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia from 5 federal districts of the Russian Federation. The convicts were divided into 2 groups: experimental (326 people), in which the model program was used, and control (364 people), in which the model program was not used.

Most significant positive results of the model program testing, in comparison with the indicators of the same period of the previous year, were recorded in the behavioral sphere of the personality of convicts. So, the results of the study of disciplinary practice indicators (Table 1) show that:

– the number of penalties imposed on convicts of the experimental group has significantly decreased: from 501 in 2018 to 395 in 2019 (by 21.2%);

– the number of penalties imposed on convicts of the control group increased from 539 in 2018 to 677 in 2019 (by 20.4%);

– the number of incentives increased slightly both among convicts of the experimental group from 22 in 2018 to 30 in 2019, and convicts of the control group from 22 in 2018 to 26 in 2019.

Table 1

Indicators of disciplinary practice of convicts who participated in the model program testing

IPWD (interregional psychological work departments of territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia)	penalties				incentives			
	experimental group		control group		experimental group		control group	
	2018	2019	2018	2019	2018	2019	2018	2019
IPWD of the Volga Federal District	347	210	372	494	9	10	9	14
IPWD MOPR of the Southern Federal District	11	16	23	24	2	2	0	0
IPWD of the Far Eastern Federal District	17	35	27	24	0	0	0	0
IPWD of the Siberian Federal District	65	56	63	69	7	10	8	3
Total for all IPWD	501	395	539	677	22	30	22	26

These are the results of disciplinary practice of the convicts during testing in comparison with the indicators of the same period of the previous year, when the model program was not tested.

A comparative analysis of the results of psychological diagnostics of convicts of experimental and control groups before and after the model program testing shows the following:

1. Validation of the reliability of statistical differences with the help of the Student's t-test determined the absence of significant changes in the indicators of convicts in the control group. Consequently, there were no meaningful personal changes in the convicts of this group.

2. Significant changes were observed in the indicators of convicts of the experimental group, according to the following methods: ZTPI "Time perspective of convicts", a multidimensional questionnaire for self-attitude study and a psychodiagnostic method "Life-purpose orientations".

2.1. The use of the Zimbardo time perspective inventory revealed the following (Table 2):

– the increase in the average indicator of a present hedonistic (PH) TP from 44.7 to 45.4 points testifies to convicts' increased orientation to the hedonistic present, that is, their life situation ceases to be so difficult to bear [22, 23], they begin to show interest in something new, try to avoid traumatic experiences and events, experience a surge of mental strength, energy, uplift, the feeling of a full life returns to them;

– the rise in the average indicator of a future (F) TP from 44.8 to 46.2 points is associated with convicts' intention to refuse momentary pleasures for the sake of greater remuneration in the future and their adherence to the principle of reality when planning their lives [1]. People tend to rethink their life styles and values, consider realities of life and take into account other people's interests and social norms of behavior;

– the decrease in the indicator of a positive past (PP) TP from 33 to 32.4 points in combination with the indicator of a future TP determines convicts' greater orientation to the present and future than to the past [2, p. 21]. They are already less "stuck" in the past; they expect something positive and good from life. The past as a repository of mistakes and traumatic memories is no longer so burdensome for them due to psychological working-through;

– the decrease in the indicator of a present fatalistic (PF) TP from 38.3 to 37.1 points determines weakening of convicts' fatal belief that everything is predetermined from above and a person himself/herself is not able to change anything. People begin to believe in their own strength, in the fact that it is they who determine their future to a large extent, and it is their actions that lay foundations for their future.

Table 2

Indicators of psychological diagnostics of convicts who participated in the model program testing according to the ZTPI

Characteristics of statistical analysis	Scales of the ZTPI							
	PH__ before	PH_ after	F_ before	F_ after	PP_ before	PP_ after	PF_ before	PF_ after
Average	44.71	45.44	44.78	46.17	33.01	32.40	38.25	37.05
Variance	47.34	54.91	37.30	40.69	24.60	32.24	42.57	54.51

Observations	326	326	326	326	326	326	326	326
Combined variance	51.02		39.1		28.1		48.53	
t-statistics	1.12		1.1		0.9		0.7	
P(T<=t) one-sided	0.12		0.2		0.3		0.2	
t critical one-sided	-0.49		1.71		1.72		1.7	
P(T<=t) two-sided	0.40		0.26		0.55		0.38	

2.2. The results of the psychodiagnostic method "Life-purpose orientations (hereinafter – LPO)" disclose the following (Table 3):

– the increase in the average indicator of "Life goals (G)" from 32.5 to 33.6 points characterizes intensified inner work of man on the formation of life attitudes for the future, which boost processes of meaning and time perspective formation. At the same time, a person tries not to live for today, or in the past [12, p. 56; 13, p. 33];

– the rise in the indicator of an "Life outcome (O)" from 25.4 to 25.9 reflects strengthening of the tendency to analyze a part of the life lived [7, p. 106]. An indicator below 25 points determines extreme dissatisfaction with the past;

– the increase in the indicator "Locus of control (LC-L)" from 26 to 27.4 points forms the conviction of convicts that they control their lives, make decisions and realize them [16; 19].

Table 3

Indicators of psychological diagnostics of convicts who participated in the model program testing according to the LPO method

Characteristics of statistical analysis	**Scales of the LPO method**					
	G_before	G_after	O_ before	O_ after	LC-L_ before	LC-L_ after
Average	32.5	33.6	25.4	25.9	26.0	27.4
Variance	53.12	32.90	28.60	26.10	35.18	26.17
Observations	326	326	326	326	326	326
Combined variance	42.87		27.15		38.97	
t-statistics	0.90		0.61		1.21	
P(T<=t) one-sided	0.31		0.33		0.22	
t critical one-sided	1.71		1.49		1.48	
P(T<=t) two-sided	0.16		0.41		0.27	

2.3. The results of the multidimensional self-attitude research questionnaire (hereinafter – MSAR) are reflected in (Table 4).

Table 4

Indicators of psychological diagnostics of convicts who participated in the model program testing according to the MSAR method

Characteristics of statistical analysis	**Scales of the MSAR method**			
	s_w before	s_w after	s_a before	s_a after
Average	9.51	9.79	6.54	7.83
Variance	326	326	326	326
Observations	7.68	7.22	5.89	4.11
Combined variance	7.12		3.9	
t-statistics	0.91		1.5	
P(T<=t) one-sided	0.20		0.09	
t critical one-sided	1.81		1.79	
P(T<=t) two-sided	1.20		0.16	

The rise in the indicator of "self-worth (S_w)" from 9.46 to 9.94 points indicates greater self-esteem and constructive self-perception of convicts. At the same time, there is a decrease in the degree of doubt about individual significance and the indifference to one's own self. People become more interested in their inner world.

The growth in the indicator of "self-acceptance (S_a)" from 6.82 to 7.51 points shows a decrease in the degree of intrapersonal conflict associated with self-assessment on the part of the surrounding social environment, determines manifestation of self-efficacy and faith in other people's acceptance.

3. Thus, the comparative analysis of the results of psychological diagnostics of convicts of the experimental group before and after the model program testing proved reliability of statistical differences with the help of the Student's t-test, determined presence of positive personality changes in behavioral, cognitive and affective spheres of the personality of convicts of the experimental group.

3.1. At the cognitive level (sphere) of personality: convicts begin to show interest in everything new (information, events, people); refusing momentary pleasures, they begin to plan their lives based on the principle of reality. There is a trend to rethink life, its values, based on the realities of life, take into account the interests of other people and social norms of behavior. The work on the meaning formation is triggered, and the passed period of life is also assessed.

3.2. At the affective level (sphere) of personality: convicts tend to avoid traumatic experiences and events, experience a surge of strength, energy, and spiritual strength; they are already less "stuck" in the past, expect something positive and good from life, the past as a repository of mistakes and traumatic memories is no longer so burdensome for them due to psychological working-through. The convicts' attitude that they are able to exercise control over their lives, make decisions and implement them in life is strengthened. Intrapersonal conflict is decreased.

3.3. At the behavioral level (sphere) of personality: there is a significant decrease in destructive acts. For example, the analysis of disciplinary practice showed a 21.2% decrease in penalties applied to convicts. Convicts begin to take into account other people's interests and social norms of behavior. Manifestation of intrapersonal conflict associated with the assessment of oneself on the part of the surrounding social environment is minimized.

The model program proved to be effective. Thus, it can be used in the framework of psychological work with convicts who are on the watch list as persons studying, promoting, or spreading extremist ideology in accordance with the Instructions for the prevention of offenses among persons held in penal institutions approved by the Order of the Ministry of Justice of Russia No. 72 of May 20, 2013. It should be noted that the realization of the model program makes it possible to ensure the implementation of provisions of the Concept for the development of the penal enforcement system of the Russian Federation ensuring targeted psychological assistance to all convicts in accordance with their general characteristics.

The model program largely determined the content and structure of the section of the additional professional program – the competence development program for "Employees of the penal enforcement system whose job responsibilities include prevention and combating terrorism and extremist activity in penal institutions, resocialization of persons convicted of terrorism and extremism-related crimes", developed for the purpose of methodological support of the process of professional development of penitentiary psychologists.

In 2019, twelve psychologists of the RF penal enforcement system participated in the specified training program at the Academy of the FAS of Russia. In 2020, forty more psychologists underwent advanced training in the video conferencing format.

Elaboration of methodological support for psychological work with those convicted of terrorism and extremism involved reporting on this direction of penitentiary psychologists' work.

So, in accordance with paragraph 1.4.2. of the Order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated November 24, 2017 No. 1111 "On the organization of events on countering terrorism, extremist activity in penal enforcement institutions and bodies", as well as paragraph 1.6 of the Protocol of the All-Russian meeting of the heads of psychological services, interregional psychological work departments of territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia, psychologists of the units for provision of psychological support to educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia worked out a reporting form of the psychological service of a territorial body of the FPS of Russia on the results of work with persons convicted of terrorism and extremism-related crimes (hereinafter – a reporting form).

When developing a reporting form, it was agreed that the procedure to provide reporting information should not be onerous for penitentiary psychologists and the reports should be as informative as possible to determine characteristics of convicts of the category under consideration. Also, the developed reporting form should easily integrate with the electronic reporting form "PS-1" in the automated system of a penitentiary psychologist, worked out by the interregional department of psychological work of the FPS of Russia in the Yaroslavl Oblast. In order to meet this requirement, the reporting

form was previously agreed with the specialists of this organization.

According to the reporting forms of territorial bodies of the FPS of Russia, since 2019, penitentiary psychologists have been applying the model program developed in accordance with paragraph 4.6. of the Action plan to improve performance of psychological services of the penal enforcement system for the period of 2018–2020. More than two thousand convicted of terrorism and extremism are engaged in this work annually.

Psychological portraits (characteristics) and recommendations and brief psychological references are prepared on the basis of results of this diagnostic work.

Among those convicted of terrorist and extremist crimes, there are people:

– with leadership qualities and a negative orientation;

– with signs of mental disorders;

– with increased aggressiveness and excitability.

Individual corrective and preventive measures, psychological consultations are conducted with those convicted of terrorist and extremist crimes.

Psychologists of the Federal Penitentiary Service of Russia together with the model program use an educational and methodological manual "Religions and extremism. Directions and methods of countering religious extremism in places of deprivation of liberty" (Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia) [9, p. 52; 14; 15], sent to territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia by the Department of Educational, Social and Psychological Activities of the Federal Penitentiary Service of Russia on June 27, 2019 (Our ref. 15-47420).

Conclusions

It is worth noting that development of the main methodological material regulating implementation of psychological work with those convicted of extremist and terrorist crimes was preceded by years long research work to identify general characteristics of such convicts, as well as to single out most common (typical) socio-psychological characteristics within a number of research topics.

Determination of the above characteristics contributed to the realization of the provision of the Concept for the development of the penal enforcement system of the Russian Federation up to 2020 to ensure targeted psychological assistance to convicts in accordance with their general characteristics within the framework of the model program – the main methodological document regulating the implementation of psychological work with convicts sentenced for terrorism and extremism-related crimes.

The model program materials largely determined the content and structure of the section of the additional professional training program for psychologists of the FPS of Russia for work with those convicted of terrorism and extremism.

Provision of methodological support for psychological work with those convicted of terrorism and extremism contributed to the elaboration and implementation of a reporting form in this area of work of psychologists of the Federal Penitentiary Service of Russia.

REFERENCES

1. Ermasov E.V. Psychological stress in isolation. *Razvitie lichnosti=Development of Personality,* 2009, no. 2, pp. 84–99. (In Russ.).

2. Zinchenko Yu.P., Surnov K.G., Tkhostov A.Sh. The motivation of a terrorist. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya=Moscow University Psychology Bulletin. Series 14. Psychology,* 2007, no. 2, pp. 20–34. (In Russ.).

3. Kazberov P.N., Bovin B.G. General characteristics of persons convicted of extremist and terrorist crimes. *Psikhologiya i pravo=Psychology and Law,* 2019, vol. 9, no. 1, pp. 36–53. DOI: 10.17759/psylaw.2019090103. (In Russ.).

4. Kazberov P.N., Bovin B.G., Fasolya A.A. Terrorist's psychological profile. *Psikhologiya i pravo=Psychology and Law,* 2019, vol. 9, no. 3, pp. 141–157. DOI: 10.17759/psylaw.2019090311. (In Russ.).

5. *Kompleksnyi plan protivodeistviya ideologii terrorizma v Rossiiskoi Federatsii na 2019–2023 gody* (utverzhden Prezidentom Rossiiskoi Federatsii 28.12.2018 № Pr-2665) [Comprehensive plan to counter terrorism ideology in the Russian Federation for 2019–2023 (approved by the President of the Russian Federation No. Pr-2665 of December 28, 2018]. Available at: https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2632 (accessed January 18, 2021).

6. *Kontseptsiya razvitiya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda, utverzhdena rasporyazheniem pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 14 oktyabrya 2010 goda № 1772-r* [Concept for the development of the Russian Federation penal enforcement system up to 2020, approved by the decree of the RF Government of the of the Russian Federation No. 1772-r of October 14, 2010]. Available at: https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2632 (accessed January 19, 2021).

7. Mel'nikova D.V., Debol'skii M.G. Concept for the development of the Russian Federation penal enforcement system up to 2020. *Psikhologiya i pravo=Psychology and Law,* 2015, vol. 5, no. 2, pp. 105–116. DOI: 10.17759/psylaw.2015100208. (In Russ.).

8. Novikova O.N. Foreign terrorist fighters: They are coming back. *Evropeiskaya bezopasnost': sobytiya, otsenki, prognozy=European Security: Events, Estimates, Forecasts,* 2018, no. 49, pp. 2–4. (In Russ.).
9. Oganesyan S.S., Bovin B.G., Kazberov P.N., et al. The issue of religious extremism spread in places of detention. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy=Sheets of the Penal Enforcement System,* 2019, no. 3, pp. 51–59. Available at: http://or.fsin.su/vedomosti/detail.php?ELEMENT_ID=462214 (accessed February 1, 2021). (In Russ.).
10. Sochivko O.I. Psychological support of persons convicted of extremism and terroristm-related crimes. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=Applied Legal Psychology,* 2019, vol. 48, no. 3, pp. 99–103. (In Russ.).
11. Sundiev I.Yu., Smirnov A.A., Kundetov A.I., et al. *Teoriya i praktika informatsionnogo protivodeistviya ekstremistskoi i terroristicheskoi deyatel'nosti* [Theory and practice of information counteraction to extremist and terrorist activities]. Vologda: Poligraf-kniga, 2014. 240 p.
12. Tikhonova A.D. Social media and youth: the risk of radicalization. *Psikhologiya i pravo=Psychology and Law,* 2018, vol. 8, no. 4, pp. 55–64. DOI: 10.17759/psylaw.2018080406. (In Russ.).
13. Tikhonova A.D., Dvoryanchikov N.V., Ernst-Vintila A. et al. Radicalisation of adolescents and youth: in search of explanations. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya=Cultural-Historical Psychology,* 2017, vol. 13, no. 3, pp. 32–40. DOI: 10.17759/chp.2017130305. (In Russ.).
14. Borum R. Radicalization into violent extremism: a review of definitions and applications of social science theories. *Journal of Strategic Security,* 2012, no. 4, pp. 7–36. DOI: http://dx.doi.org/10.5038/1944-0472.4.4.1.
15. Gelfand M.J., LaFree G., Fahey S., et al. Culture and extremism. *Journal of Social Issues,* 2013, vol. 69, no 3, pp. 495–517. DOI: https://doi.org/10.1111/josi.12026.
16. Haslam C., Jetten J., Cruwys T., et al. *The new psychology of health.* London: Routledge, 2018. 510 p. DOI: https://doi.org/10.4324/9781315648569.
17. Hogg M. A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. In: Hogg M.A., Blaylock D.L. (Eds.) *Extremism and psychology of uncertainty.* Oxford : Wiley-Blackwell, 2012. Pp. 19–35.
18. Hogg M. A. Social identity theory. In: Burke P. J. (Ed.) *Contemporary social psychological theories.* Palo-Alto : Stanford University Press, 2006. Pp. 111–136.
19. Hogg M. A. To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioural consequences of identity uncertainty. *Revista de Psicolog a Social,* 2015, vol. 30, pp. 586–613. DOI: 10.1080/02134748.2015.1065090.
20. Hogg M.A., Kruglanski A., Van den Bos K. Uncertainty and the roots of extremism. *Journal of Social Issues,* 2013, vol. 69, no. 3, pp. 407–418. DOI: https://doi.org/10.1111/josi.1202.
21. King M., Taylor D.M. The radicalization of homegrown jihadists: a review of theoretical models and social psychological evidence. *Terrorism and Political Violence,* 2011, no. 4, pp. 602–622. DOI: https://doi.org/ 10.1080/09546553.2011.587064.
22. Knudsen R.A. Measuring radicalisation: risk assessment conceptualisations and practice in England and Wales. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression,* 2020, vol. 12, pp. 37–54. DOI: 10.1080/19434472.2018.1509105.
23. Silke A., Veldhuis T. Countering violent extremism in prisons: a review of key recent research and critical research gaps. *Perspectives on Terrorism,* 2017, vol. 11, no. 5. Available at: http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/ article/view/640/html (accessed February 18, 2021).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

SALIKH KH. SHAMSUNOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Leading Researcher of the Scientific Center of the Academy of the FAS of Russia, Ryazan, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1194-6905, e-mail:shamsunov46@mail.ru
PAVEL N. KAZBEROV – Candidate of Sciences (Psychology), Senior Lecturer at the Psychology Department of the Russian State Social University, Moscow, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2233-0230, e-mail: opodnii@yandex.ru

Received April 10, 2021

PEDAGOGY

DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-912-920
UDC 376.58

Film Pedagogy to Encourage Reflection of Juvenile Offenders Serving their Sentence in Juvenile Correctional Facilities

OKSANA B. PANOVA
Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia (VIPE FSIN Russia), Vologda, Russian Federation
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6096-2581, e-mail: xenia-vipe@mail.ru

Abstract
Introduction. The article is aimed at characterizing reflection as a mechanism for social rehabilitation of juvenile offenders serving their sentence in correctional institutions; justifying the possibility of boosting this process by educational means; proving the expediency of using film pedagogy as a tool for the formation of self-reflection in juvenile convicts in correctional facilities. The purpose of this study is to identify the dynamics in the development of reflection of juvenile convicts under the influence of film pedagogy. *Methods:* theoretical analysis of the research problem, theoretical analysis of statistical data and normative documents, survey, experiment, methods of mathematical statistics, and an interpretative method. *Results:* after analyzing the statistical data reflecting trends in the penal enforcement policy in relation to juvenile convicts, the author forecasted the effectiveness of awareness-raising work stimulating the development of reflexivity in adolescents by means of film pedagogy. During theoretical description of a special film program, key ideas, pedagogical conditions and methodological solutions for its implementation were outlined; in further experimental study during the real pedagogical process, they were confirmed. The critical indicator of the proposed film program effectiveness was the level of reflexivity in juvenile convicts; positive dynamics in its development was determined with the help of the reflexivity diagnostic method developed by A.V. Karpov. The information obtained in the course of this study can serve as a basis for using the means of film pedagogy in solving a wide range of educational work with convicts in places of deprivation of liberty.

Keywords: juvenile correction facility, juvenile offender, personality, pedagogical process, educational work, educational event, film pedagogy, reflection, reflexivity, self-knowledge, self-esteem, self-determination.

13.00.01 – General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Panova O.B. Film pedagogy to encourage reflection of juvenile offenders serving their sentence in juvenile correctional facilities. *Penitentiary Science,* 2021, vol. 15, no. 4(56), pp. 912–920. DOI 10.46741/2686-9764-2021-15-4-912-920.

Introduction

Child crime remains an unresolved socially significant problem, despite a certain decrease in its indicators in recent years. In the statistical reports of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, it is noted that in 2020, juvenile delinquency amounted to 3.9%, that is, 11.5% lower compared to the previous year [15]. Official sources of the Federal Penitentiary Service of Russia record a significant reduction in the number of minors serving sentences in juvenile correction facilities (hereinafter re-

ferred to as JCF) for the past 10 years: at the end of 2020, 948 people were held in 18 juvenile correction facilities, i.e., 4.3 times less than in 2010, when there were 4,053 inmates in 62 institutions. The vast majority of juvenile convicts, 934 pupils (98%), serve their custodial for the first time [18].

The analysis of the information provided allows us to identify trends that are significant in terms of organizing a correctional process in juvenile correction facilities. First, the reduced number of such institutions and the decreased occupancy rate ensure full-fledged educational work with convicts, both in terms of material supply and sufficient meaningful support of pupils. Second, the JCF structure is dominated by persons without previous penitentiary experience. In our opinion, shared by a number of scientists, it is the basis for forecasting the possibility of social rehabilitation of adolescents, provided that high-quality, scientifically based educational work is ensured [1, pp. 27–29; 6, pp. 6–8; 4, p. 32]. The idea that each subsequent conviction significantly reduces the possibility of overcoming the personal deformation of a convict is confirmed in the studies of leading domestic criminologists. Analyzing the works of Yu.M. Antonyan, V.G. Bovina, V.P. Golubeva, A.F. Zelinsky, Yu.N. Kudryakov, V.E. Eminova, etc., E.A. Antonyan notes that persons serving multiple sentences in places of deprivation of liberty are characterized by "criminal self-determination – person's involvement in a criminal environment, which inclines him/her to criminal activity, actively prevents him/her from returning to an honest life" [1, p. 29]. The stated above substantiates the importance of increasing the JCF employees' responsibility for the results of educational work and providing them with necessary scientific and methodological assistance.

Successful educational work with convicts also depends on actualizing psychological mechanisms that involve transformation of pedagogical influence into positive personal qualities of the educated. Reflection is one of such mechanisms; it is the psychological process, presupposing that a person studies himself/herself by comparing his/her thoughts and actions with socio-normative requirements of society. Reflection is not only cognitive, but, first of all, emotional and evaluative activity that requires the subject to master certain skills of self-knowledge, self-esteem and self-criticism.

The works of many scientists, including A.V. Brushlinskii, F.E. Vasilyuk, E.N. Emelyanov, A.V. Karpov, G.P. Shchedrovitskii, etc., are devoted to the study of the phenomenon of reflection. The scientific foundations of A.V. Rossokhin are of particular relevance for our research. According to the researcher, reflection is "an active subjective process of generating meanings based on the unique ability of a person to realize the unconscious (reflection of the non-reflexive), that is internal work leading to qualitative changes in value-semantic formations, construction of new strategies and methods of internal dialogue, integration of personality into a new, more holistic state" [14, p. 24].

A.V. Karpov emphasizes that the content of reflection implies the need to consider its 3 key types, distinguished by the so-called "temporary" principle: situational (actual), retrospective and perspective reflection. Situational reflection provides direct self-control of a person's behavior in an actual situation; retrospective reflection manifests itself in the capability to assess events that have already happened; perspective reflection correlates with the function of looking into upcoming activities and behavior [7, pp. 45-57]. With this understanding, reflection helps a minor convict to consider negative consequences of the crime committed, determines the admission of guilt, actualizes remorse, and encourages him/her to leading life based on social norms.

Film pedagogy is one of the effective means of encouraging adolescents to reflect; it is a direction of art pedagogy devoted to the study of specifics of the educational impact of cinema and television on personal development of a person. The term "film pedagogy" is quite actively used in modern textbooks, scientific articles and the Internet. Laws, principles, forms and methods of human education through screen art is its subject. Summarizing conclusions of the scientists who have studied the influence of cinema on the formation of a child's personality (V.A.Razumnii, O.A. Baranov, I.S.Levshina, etc.), D.V. Bosov, Yu.N. Usov and others state that education with the help of cinema boosts the process of socialization. The communication method helps young people to acquire moral and civic experience through the world of social values, clarify their life positions and attitude to themselves and society [3, p. 3; 17, pp. 18–19].

We share the opinion of E.I. Zakharova and O.A.Karabanova, particularly: cinema has a metaphorical effect on viewers, as they feel comfortable to analyze and discuss the problem posed by the author. Whereas a "direct direc-

tive approach in education provokes defensive reactions of a person, it does not let him/her come to realize a problem situation and elaborate it thoroughly" [5, p. 59]. The relevance of this provision in relation to children with mental and other personal disabilities is confirmed in the scientific works of D.V. Bosov, R.Yu. Dolya. The scientists claim that with the help of cinema the educator can "localize the foci of problematic functioning of the psyche" and "remove the outburst of destructive emotions of minors" [2, p. 144].

In relation to juvenile convicts, cinema acts as a special tool for life understanding for a number of reasons, which include closeness and social limitations of the educational system adopted at the correctional institution, convicts' negative social experience, their lack of opportunity to test themselves in various social roles, lack of positive examples in the immediate environment, etc. By watching movies, inmates gain the opportunity to expand their knowledge of life, master the "science of survival", comprehend the requirements posed by JCF employees, experience a variety of emotional states, compare themselves with film characters and put themselves in their place, evaluate their capabilities in terms of modeling their own behavior in similar situations. All these resources promote reflexive activity of young people significantly. The significance to involve correctional institutions inmates into reflexive activity with the help of cinema actualizes the identification and justification of pedagogical means designed to ensure successful correction.

Methods

In order to achieve the stated goal, a number of methods are used in the course of the research. When studying the relevance of the use of cinema in the correction of juvenile convicts, the theoretical and empirical methods were used: the statistical data reflecting characteristics of JCF inmates were analyzed; the penal enforcement legislation was examined in the aspect of identifying and generalizing existing requirements for film screenings in juvenile correctional centers; scientific literature on the problems of film pedagogy and reflection was scrutinized; the survey focused on the study of organizing a correctional process with the help of cinema was conducted among educators of the juvenile correctional center; the theoretical description of a special program based on the ideas of film pedagogy was conducted; the pedagogical experiment, including ascertaining and forming stages, was implemented to evaluate this program effectiveness. The method of diagnosing the reflexivity development level, particularly the questionnaire, elaborated by A.V. Karpov, was used as a basic method to identify the direction of dynamics of the process under study at different stages of the pedagogical experiment. The significance of the data obtained was determined using mathematical statistics methods: the Wilcoxon signed-rank test was used to identify the direction and expression of changes before and after implementation of the special program. The application of the methods of generalization, comparison and interpretation was caused by the need to formulate general conclusions of the study.

Analysis and discussion of the results

The penal enforcement legislation regulating critical aspects of punishment execution defines the norms related to the use of cinema in educational work with juvenile convicts. The article of the RF Penal Enforcement Code (PEC) "Viewing movies and TV shows by persons sentenced to imprisonment, listening to radio broadcasts" sets the time for watching movies – at least once a week, TV shows – during off-duty hours, except for the time allotted by the daily routine for night rest. To meet the requirements of the Norms for creating a material and technical base for organizing educational work with convicts in correctional institutions, films are shown in a club or in a canteen club, accommodating all convicts in the juvenile correctional facility for them to watch the film simultaneously [10]. The article "Penalties applied to persons sentenced to imprisonment in juvenile correctional facilities" provides for deprivation of the right to watch movies for one month as a punishment (Article 136 of the RF PEC). Thus, the penal enforcement legislation, first of all, considers cinema as a means of implementing regime requirements.

The research in the practice of educational work with convicts in 14 juvenile correctional facilities, including the Bryansk JCF, Kolpino JCF, Arkhangelsk JCF, etc., allows us to describe the order in the organization of cinema screening. During the survey of 35 educators and social work specialists, it is revealed that the penalty in the form of deprivation of the right to watch movies for a month is rarely used in practice, as inmates, having right and the opportunity to watch movies on TV, do not consider it as punishment. Educational activities related to the use of cinema are more often referred to as

a mass form of educational work, called "cinema screening". Feature films, as a rule, are approved by the correctional institution administration; relevant information is placed on special stands; demonstration of films is carried out under control of the administration; demonstration of films promoting incitement to national and religious hatred, cult of violence or cruelty, as well as containing scenes of a pornographic nature, training of special units, mountain training and parkour, the device and manufacture of explosives and narcotic substances is prohibited. The existing procedure is fully consistent with the Instructions on the organization of educational work with convicts in juvenile correctional facilities of the Federal Penitentiary Service [11].

During the survey conducted among JCF employees it was found out that patriotic films predominated in the content structure of film screenings (more than 60%). Adventure and comedy films are the most popular among convicts; they make up about 15% of the structure of film screenings. As for plans of educational work with convicts, there is no trend that would indicate a systematic approach to the compilation of the film repertoire and the presence of a tradition of discussing the films viewed during specially organized educational events. There are exceptions that reflect the enthusiasm of individual educators, who discuss watched films with convicts. It can be stated that in most cases watching movies fulfils a spectacular and entertaining function associated with the need to organize leisure time for convicts.

Against the background of underestimating the role of cinema as an effective tool for positive personal reorientation of juvenile convicts, it should be particularly noted that the transformative educational potential of cinema art in the aspect of developing reflection in adolescents consists in the fact that during viewing and thinking about the film, they transfer what is happening on the screen to themselves, compare characters' behavior and the director' personal stance with their own ideas about life. In the situations where the storyline reflects circumstances similar to the conditions in which minors find themselves, the mechanism of dereflection works: a person acquires the ability to abstract him/herself when assessing what is happening. V. Frankl, often using this method in his practice, does this to encourage a person "to discover an adequate reason for himself/herself" [17, p. 18]. Revealing the essence of dereflection, V. Frankl explains that the object of evaluation for a person is a certain stranger who finds himself/herself in a similar situation with this person. In the circumstances when a person distances himself/herself from physical essence, the process of evaluating "not himself/herself", but "the other", does not harm his/her psyche. At the same time, the similarity of circumstances encourages the projection of value judgments already "towards him/herself". Thus, dereflection awakens reflection.

Successful implementation of tasks related to the motivation of young people to reflect by means of cinema is determined by a number of pedagogical conditions, the most significant among which are:

– composition of a film repertoire, including such films that orient the viewer to a life choice in critical circumstances;

– organization of discussion of key issues aimed at socio-normative choice;

– consideration of social and psychological characteristics of juvenile convicts that hinder their perception of socio-normative attitudes. Such features include loss of socially useful connections; inadequate perception of social reality; oppositional attitude to the norms established by state institutions; divergence of moral norms, views, values with generally accepted norms, etc.;

– reliance on the positive potential of age characteristics of minors, such as sensitivity in the perception of social norms; a desire to search for the meaning of life; need for social and personal self-determination; a tendency to consider facts and events mainly in terms of morality; orientation to group interactive communication with peers [8, pp. 45–47].

Summarizing the listed conditions, we note that their implementation can be provided within the framework of the film program – a special program, the content of which consists of film screenings with subsequent discussion. In the development of such film programs, a special role is assigned to the selection of films and the preparation of scenarios for educational activities. According to E. Marsick, it requires "fine-adjustment" of the pedagogical process and determination of its semantic boundaries" with regard to the specifics of an education object [19].

The effectiveness of the use of these pedagogical conditions is confirmed by results of the formative experiment (hereinafter referred to as the FE), in which 56 convicts serving sentences in the Bryansk JCF were involved. The participants were assigned to an experimen-

tal group (hereinafter referred to as EG) and a control group (hereinafter referred to as CG). In each group, consisting of 28 people, there was the same ratio of convicts, boys aged 15–17, belonging to certain levels of reflexivity, a quantitative characteristic demonstrating the intensity of the ability to reflect.

The core of the FE was a film program that met the requirements listed above and included films of diverse genres:

– biographical films telling about the fate of famous people who, having criminal experience in their youth, managed to make a choice in favor of a socially normative life and achieved great success: the film "The Republic of SHKID" about the formation of writers G. Belykh and L. Panteleev and their friends; "One Hundred and First Kilometer" and "Hello, Capital" about life of the film director Leonid Moryagin, etc.;

– detective stories: "Your Rights?", "Police Sergeant", "American History", etc., telling about young people who reflect whether "to lead criminal or law-abiding life?" in the circumstances where they have committed many illegal acts under the influence of adult offenders, etc.;

– war films: "It was the Intelligence", "Little Sergeant", "Ivan's Childhood", "Mishka Accepts Battle", "Swine", etc. about heroism of teenagers, including children with a criminal past, during the Great Patriotic War;

– documentaries: "About Life", based on fragments of some kind of "confession" of real criminals serving a sentence of life imprisonment; "Man" and "Awareness of Life: Who Am I?" – about a person's self-cognition; "Teremok" ("Little House") – about child drug addiction and finding ways out of the corresponding lifestyle;

– a comedy film: "Seven Nannies", the storyline of which illustrates absurdity of the illegal actions of a teenager committed against people who care about him.

The special film program had invariant and variable blocks. The film screening was attended by all inmates, and the discussion of films took place only in the EG during specially organized educational events dedicated to the exchange of views on key issues. In whatever form these events were held, priority attention in their preparation was given to preliminary formulation of the questions focused on determining the participants' semantic position, so the discussion was always of a substantive nature and encouraged pupils to make a conscious socio-normative choice.

Educational activities within the framework of the film program under consideration were carried out in various forms, including spectator conferences, thematic conversation, discussion, debate, free exchange of opinions, etc. The spectator conferences were aimed at expanding juvenile convicts' world view; inmates themselves prepared speeches on the stated topic. The participants' performances contained information that was related to the watched film, but went beyond it. For example, during the audience conference "Fate is fate, but the choice is yours", dedicated to the film "The Republic of SHKID", young people received additional information about how the destinies of movie characters developed in real life; what was fictional in the film and what was authentic; how the film characters acted in the circumstances of life choice that the teachers provided them, etc.

The conversation presupposed a question-and-answer method of involving inmates in the discussion and analysis of certain on-screen events and giving assessments. Much attention was paid to the ability of the educator to formulate questions in such a way that they "forced" the juvenile offenders to accept a point of view correlated with basic life values. The best mode of conducting a conversation was considered the one, in which the inmates also asked questions to the interlocutors (educators, invited guests, members of the public, each other), thereby inviting them to clearly and openly present their position.

The audience discussion included a group discussion of key problems of the film in order to actualize positive self-determination of adolescents. The discussion topic was announced in advance; the inmates received necessary information in the process of preparation. During the discussion, everyone had the opportunity to express their point of view, which developed the ability to reason, prove, formulate problems, etc. Compared to the conversation, the discussion was more time-consuming; it provided an opportunity for a broader consideration of problems. A special role in the discussion was assigned to the moderators. They, as a rule, acting as unbiased coordinators, nevertheless, sought to direct a talk in a rational direction. Moderators were clearly aware of what goals they pursued and what results they wanted to achieve. The audience discussion suggested a dispute; it helped mobilize reflexive activity of the inmates when solving problems related to self-determination and resist erroneous ideas and concepts, acquire the ability to conduct polemics, defend their views and convince other people of them.

In general, the educational activities under the described film program involved group discussion of the films for highlighting social norms declared in the film considered and forming the juvenile offenders' own attitude to them. Being an effective means of educational influence, such events contributed to the formation of moral value orientations of the participants, stimulated the development of awareness, generated the convicts' interest in various types of artistic and creative activity.

Any format of film discussion always presupposed "considering event-focused situations" [13, p.11]. This means that each discussed issue contains a situational dominant, which is "an actualized internal state of a person that determines what is significant in the content of the discussed event" [9]. During the discussion, the inmates are assisted in analyzing the event and determining what is primary and secondary. At the same time, it is very important to highlight that part of the event that provoke self-cognition among the offenders.

To illustrate one of the situational dominants recorded during the audience conferences, we can consider the inmates' need to be the same as all "normal" (non-convicted) people in the eyes of others, be able to resist criminal influence and start an "honest" life. So, when discussing the autobiographical film "One Hundred and First Kilometer" and its sequel "Hello, Capital", the inmates thought over a future life of the main character, who turned to crime because of romantic illusions. The offenders wanted the main character to "break" with criminal lifestyle and choose a socially approved path.

According to the film plot, a young man was going to participate in the robbery of a jewelry store. At the film end, he was standing at the train station waiting for the train, and the viewer did not know whether the young man would leave this city for Moscow forever to hide from the "crime boss" and start a new life, or he would stay and rob a store. During the discussion, the inmates were offered a task: "Imagine that a young man asks for your advice. What choice will you offer? What will he you do in Moscow, if he goes there? Will he have more opportunities for theft there? Should he continue the "craft of thieves", if he stays in his town?

After watching the film "Hello, Capital", a story about first significant professional achievements of the main character, broken with the "thieve environment", the audience was invited to discuss the questions: "What would you ask a famous film director Leonid Maryagin, a prototype of the film character?", "What traits of your character are similar to those of the main character?", "At what point in his life would you like to be in his place?", etc.

Most juvenile convicts would like the main character to leave for Moscow, continue his studies there, and lead an honest lifestyle. Arguing for such an opinion, the convicts voiced a kind of protest against cruel "laws" of criminal life, under which yesterday's "friends" of the "crime boss" according to the plot of the film were subject to cynical reprisals for the slightest manifestation of their independence. The situations reflecting a true picture of relationships characteristic of the criminal environment are presented in the film quite figuratively and naturally; it was this circumstance that played a role in awakening the minors' emotions. The offenders had the opportunity to imagine themselves in the place of someone who was severely punished for "defection" [12, pp. 338–339].

To determine the degree of influence of the described film program on the development of reflection in juvenile convicts, we used a reflexivity diagnostic method [7]. As A.V. Karpov, the author of this method, notes, it is based on a theoretical construct that concretizes general interpretation of reflexivity, as well as some other features of this property. Reflexivity as a mental property reflecting the ability and inclination to reflexive activity is presented in the method as one of the sides of the mental reality that correlates with reflection in general. The other two components of this reality are reflection as a process and reflecting as a special mental state. These three modes are closely interrelated and mutually determine each other, forming a qualitative certainty at the level of their synthesis, denoted by the concept of "reflection" [7]. Thus, reflexivity is always the result of reflection, the intensity of which is determined by the degree of expression of reflecting at a particular moment. The more active the motivation for reflexive activity on the part of educators, the higher the level of reflexivity of young people.

In work we used a SPSS computer program to identify statistically significant differences and an Excel program to calculate average values of reflexivity. The Wilcoxon signed-rank test was applied to compare the indicators measured under two different conditions for the same sample of subjects (EG and CG) in order to determine the direction and expression of changes before and after the FE. The Wilcoxon signed-rank test helped clarify, whether

the shift of indicators in the EG was more pronounced than in the CG.

The use of A.V. Karpov's reflexivity diagnostic method allowed to reveal the dynamics of reflexivity of pupils in the EG, mediated by their participation in the film program in a full-scale format. Figure 1 shows that after the FE the average value of reflection abilities expression in "raw scores" reached 117.1, which, according to the method, corresponded to an average level; in CG it was 109.9 and referred to a low level. In addition, it was found that the EG participants were more inclined to perspective reflection than to retrospective.

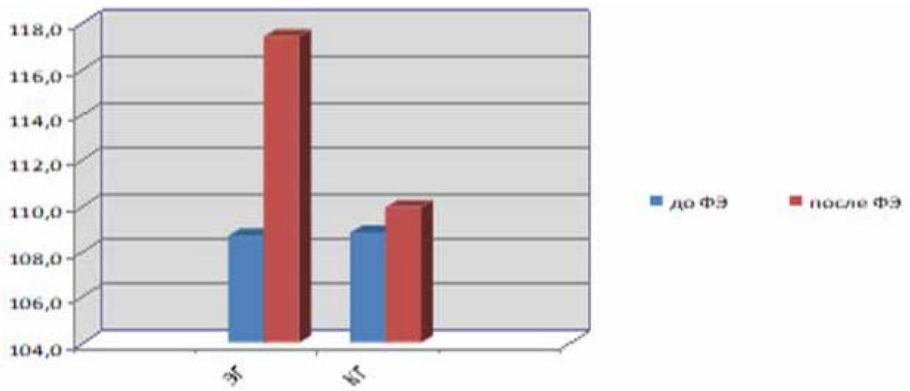

Figure 1. Average values of reflexivity of EG and CG participants before and after the FE

(beforethe FE, afterthe FE)

Using the Wilcoxon signed-rank test, it was found that there were significant shifts in reflexivity indicators: the values in the CG were significantly lower than in the EG with the probability of significant differences $p \leq 0.05$. Consequently, the effectiveness of the implemented film program in the context of reflexive ability development can be considered mathematically proven.

Before the experiment both groups predominated by inmates with a low level of reflexive ability development. In the EG the number of minors with an average reflexivity level amounted to 10 people (35.7%), with a low level – 18 people (64.3%). In the CG 9 people (32.1%) had an average reflexivity level and 19 (67.9%) – low. No offenders with a high reflexivity level were identified in any of the groups. There were no significant differences between the groups according to the studied indicator.

After the FE in the EG the share of participants characterized by an average reflexivity level increased significantly and reached 60.7% (17 people), with a corresponding reduction in persons with a low level (39.3% or 11 people). None of the convicts had a high level in the EG, as before the FE. There were no significant changes in the CG: the proportion of people with an average level was 11 people (39.2%), with a low level – 17 people (60.8%); there were no convicts with a high level (Table 1).

Table 1. Indicators of the reflexivity development dynamics in the EG and KG before and after the formative experiment

Diagnosis stages	**Experimental group (n=28 people)**			**Control group (n=28 people)**		
	High level	Average level	Low level	High level	Average level	Low level
before the FE	0	10 (35.7%)	18 (64.3%)	0	9 (32.1%)	19 (67.9%)
after the FE	0	17 (60.7%)	11 (39.3%)	0	11 (39.2%)	17 (60.8%)

The analysis of statistical material under the described method for the reflexivity diagnosis showed the upward trend in the development EG participants' reflexivity. This proves the correctness of chosen forms and methods of educational work and the film program effectiveness in positive reorientation of juvenile convicts on the basis of self-cognition, self-analysis, self-esteem and self-determination.

Conclusion

Stimulating reflection in juvenile convicts is an urgent task of the correctional process, since self-cognition plays an important role in positive reorientation of the individual. Film

pedagogy is considered to be an effective tool for boosting reflection. It is a promising direction that focuses on the maximum use of cinema capacities in educational work based on scientifically substantiated ideas. The pedagogical conditions for encouraging correctional institution inmates to reflect are the following: careful selection of films focused on the idea of human self-determination within the framework of the integral program; involvement of offenders in the discussion of key issues related to the design of their own socially approved life; consideration of objective circumstances that hinder the perception of social norms by convicts, and neutralization of their influence; correlation of forms and methods of pedagogical communication with the age characteristics of minors.

The reflective activity of convicts is intensified not so much during the actual film screenings, as during specially organized educational events dedicated to the discussion of films. The forms of such events include spectator conferences, conversation, discussion, debate, etc. The differences between these forms affect, first of all, organizational aspects. The unifying principle of all events is the requirement that the discussion of films should be focused on event-based situations that can actualize a vivid emotional response and promote participants' self-knowledge and awareness of their significance.

The research clearly differentiated concepts of "film screening" and "film pedagogy", highlighting the priority functions inherent in each of these phenomena. The main function of film screening is to occupy leisure time of pupils. The purpose of film pedagogy goes far beyond entertainment tasks; it consists in awakening the audience's need to understand themselves and realize their social mission in the past, present and future life.

The motivation of pupils to active reflection is provided by such opportunities of film pedagogy as expanding the worldview of young people, deepening their knowledge in the field of social norms of society, destroying negative stereotypes of behavior and myths of the criminal environment; expanding the range of acceptance by pupils of social norms and values that differ from the "thieves' common code of law", developing the ability to empathize other people.

The conducted research made it possible to identify the possibilities and problems of using cinema as an effective means of activating reflection in adolescents serving sentences in juvenile correctional facilities of the Federal Penitentiary Service of Russia. The provisions formulated in the article can become the subject of discussion in the professional community of JCF employees and act as a theoretical guideline for improving educational work with juvenile convicts in the direction of developing their qualities of subjective personality.

REFERENCES

1. Antonyan E.A. *Lichnost' retsidivista: kriminologicheskoe i ugolovno-ispolnitel'noe issledovanie: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora yuridicheskikh nauk* [The recidivist's personality: criminological and penal investigation: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2014. 41 p.
2. Bosov D.V., Dolya R.Yu. Analysis of approaches, theories and concepts of film therapy in working with children with mental disabilities. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta=Herald Maikop State Technological University,* 2019, vol. 43, no. 4, pp. 143–153. (In Russ.).
3. Bosov D.V. *Meinstrim-kinematograf kak faktor formirovaniya tsennostnykh orientatsii studencheskoi molodezhi: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata sotsiologicheskikh* [Mainstream cinema as a factor in the formation of value orientations of students: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Sankt-Petersburg, 2017. 196 p.
4. Bystrova T.V., Pozdnyakov V.M. On increasing of hardiness in convicted for long-term imprisonment. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya=The Applied Legal Psychology Scientific Journal,* 2017, no. 1, pp. 30–36. (In Russ.).
5. Zakharova E.I., Karabanova O.A. A modern view of how to apply film therapy. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal=National Psychological Journal,* 2018, vol. 30, no. 2, pp. 57–65. (In Russ.).
6. Isaeva S.N. *Sotsial'no-kul'turnye usloviya vospitaniya nravstvennykh kachestv vpervye osuzhdennykh v penitentsiarnykh uchrezhdeniyakh: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Socio-cultural conditions for the education of moral qualities of first-time convicts in penitentiary institutions: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Tambov, 2006. 22 p.
7. Karpov A.V. Reflexivity as a mental property and the method of its diagnosis. *Psikhologicheskii zhurnal=Psychological Journal,* 2003, vol. 24, no. 5, pp. 45–57. (In Russ.).
8. Kon I.S. *Sotsiologicheskaya psikhologiya* [Sociological psychology]. Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi universitet. Voronezh: MODEK, 1999. 560 p.
9. Masharova T.V. *Teoriya i praktika sotsial'nogo samoopredeleniya podrostka v uchebnoi deyatel'nosti: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Theory and practice of social self-determination of a teenager in educational activities: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Yaroslavl, 1999. 392 p.
10. *Normy sozdaniya material'no-tekhnicheskoi bazy dlya organizatsii vospitatel'noi raboty s osuzhdennymi v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh: Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 2 avgusta 1997 g. N 974* [Norms for the creation of a material and technical base for the organization of educational work with convicts in correctional institutions: RF Government Decree No. 974 of August 2, 1997]. Available at: https://base.garant.ru/1345278// (accessed September 14, 2021).

11. *Ob utverzhdenii Instruktsii ob organizatsii vospitatel'noi raboty s osuzhdennymi v vospitatel'nykh koloniyakh Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii: Prikaz Minyusta Rossii ot 21.06.2005 N 91 (red. ot 21.07.2016)* [On approval of the Instruction on the organization of educational work with convicts in juvenile correctional facilities of the Federal Penitentiary Service: Order of the RF Ministry of Justice Order No. 91 as of June 21, 2005 (amended July 21, 2016)]. Available at: https://sudact.ru/law/prikaz-miniusta-rossii-ot-21062005-n-91/instruktsiia-ob-organizatsii-vospitatelnoi-raboty/ (accessed September 14, 2021).
12. Panova O.B. *Pedagogicheskoe obespechenie pravovoi resotsializatsii nesovershennoletnikh osuzhdennykh v vospitatel'noi kolonii: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Pedagogical support of legal re-socialization of juvenile convicts in an educational colony: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Yaroslavl, 2013. 489 p.
13. Rozhkov M.I. The problem of the education purpose in modern pedagogics. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik=Yaroslavl Pedagogical Bulletin,* 2010, vol. 2, no. 4, pp. 7–11. (In Russ.).
14. Rossokhin A. V. *Refleksiya i vnutrennii dialog v izmenennykh sostoyaniyakh soznaniya: Intersoznanie v psikhoanalize* [Reflection and internal dialogue in altered states of consciousness: interconsciousness in psychoanalysis]. Moscow: Kogito-Tsentr, 2010. 304 p.
15. *Sostoyanie prestupnosti v Rossii. Za yanvar'-dekabr' 2020 goda* [State of crime in Russia. For January-December 2020]. Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, FKU "Glavnyi informatsionno-analiticheskii tsentr". Available at: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/ (accessed September 14, 2021).
16. Usov Yu. N. *Kinoobrazovanie kak sredstvo esteticheskogo vospitaniya i khudozhestvennogo razvitiya shkol'nikov: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora pedagogicheskikh nauk* [Film education as a means of aesthetic education and artistic development of schoolchildren: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Moscow, 1989. 32 p.
17. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla: sbornik* [Person in search of meaning: collection]. Moscow: Progress, 1990. 366 p.
18. Characteristics of persons held in juvenile correctional facilities. *FSIN Rossii* [Federal Penitentiary Service of Russia]. Available at: https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20v%20VK// (accessed September 14, 2021).
19. Marsick E. Film selection in a cinematherapy intervention with preadolescents experiencing parental divorce. *Journal of Creativity in Mental Health,* vol. 201, no. 5, pp. 374–388. Available at: https://www.researchgate.net/publication/233107694/ (accessed September 14, 2021).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

OKSANA B. PANOVA – Doctor of Sciences (Pedagogy), professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the "Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia", Vologda, Russian Federation, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6096-2581, e-mail: xenia-vipe@mail.ru

Received September 20, 2021